

Эрик Ингобор
ЭТЛАНДИЯ

ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ • ПУТЕШЕСТВИЯ •
ФАНТАСТИКА

Leo
2021

Эрик Ингобор

ЭТЛАНДИЯ

Фантастические
произведения

Этландия
роман

Читатели!
Я кладу каплю крови капитализма
под линзу мощного микроскопа.
Любуйтесь желтыми, черными
и коричневыми спирохетами...

Я — этландец.

На карте мира Этландия занимает слишком незначительное место для того, чтобы авторы учебников географии могли часто упоминать о ней.

Но то, что совершается в этой географической капле, схоже с судьбами огромных материков и солидных государств.

Часто в одной капле бывает больше смертоносных бактерий, чем в целой бочке воды.

Этландия маленькая, но чрезвычайно ядовитая страна.

Знаменитый Горэ в своих «Путешествиях» говорит так об этой стране:

«Почва и климат Этландии пометите чудодейственны. Любой одуванчик глупости, посаженный в этландскую землю, произрастает в баобаб идиотизма».

Ах, чудесный климат Этландии! Какая-нибудь дрянненькая, безопасная, как божья коровка, затея, чахнувшая в Англии или какой-нибудь Швейцарии, — попадая на почву моей родины, превращается в дракона.

Даже комплекции людей здесь какие-то, прости господи, переборщенные. В Этландии человек средней фигуры — редкость. Либо худые и длинные, как мачты высоковольтной передачи, либо толстые, как бочки из хорошего винного подвала.

Прав английский посланник в Этландии, который так выразился в своих мемуарах:

«...В Этландии народ и правители лишены чувств а меры»...

Скоро я смогу окинуть Этландию взглядом с птичьего полета, рассказать вам о диких приемах политики, о смехотворных идеях и нелепых затеях этландцев. В этой же книге разрешите мне заняться скромным повествованием о доме, в котором я жил в

этландском государстве, о моих соседях и их невеселой судьбе, которая может оказаться для вас поучительной и небезынтересной.

Бумага — это белая пустыня, на которой возникают миражи событий. То раскаленная добела страстями, то покрытая инеем мыслей, то поросшая полынью горьких строк. Прекрасная пустыня, в которой мы находим убежище в тяжелые дни. Сухая белая земля, над которой я тружусь в знойные дни. Сейчас ее прохладные, нетронутые поля развернулись передо мной. Я протягиваю вам руку, читатель, и прошу быть моим спутником. Мы отправляемся в Этландию!

Итак, мой друг советский читатель,— мы в пути... Что я могу еще вам оказать в преддверии своей родины?.. Начну с преданий...

Этландские саги утверждают, что моя нелепая родина обязана своим происхождением пьяной оплошности небесного кузнеца, бога огня Эта.

Летней ночью из черной бездны неба падают звезды... То сыплются искры в небесной кузне бога Эта. Из расплавленного солнца черпает он металл, кует звезды и золотые кастрюли богам.

Однажды бог богов — Фор заказал Эту срочно отлить кубок. Бог огня веселился накануне на пиру и пришел в кузню пьяный. Плюнул на свои руки, огромные, как облака, почесал грудь, заросшую волосами высотой с вековой лес, выругался и приготовился делать кубок.

Из тигля расплавленного солнца зачерпнул он ковшом металл, но по пьяному делу не донес его до формы, споткнулся и выплеснул. Полетел металл огненным комком вниз, в облака, упал, зашипев, в океан и стал Этландией.

Во всякой легенде или сказке есть атом правды. Если Этландия, вопреки сагам, и не произошла от пьяной неуклюжести

Небесного кузнеца, то весьма возможно метеорическое происхождение этой земли.

Вполне допустимо, что некогда исполинский метеор обрушился на нашу истерзанную планету...

Когда я пытаюсь найти корни ряда явлений в жизни моей родины, я их скорее и охотнее всего могу приписать необычности почвы этого обломка неизвестного, но, наверно, весьма занятного небесного тела.

Я часто брал в руки горсть этландской земли, нюхал ее, растирал, смотрел на нее во всякие прехитрые стекла... И каждый раз приходил к тому же выводу. Все дело в самой земле.

Не то она, подобно магниту, притягивает к себе всю нечисть, носящуюся в космосе, не то она избыточно плодородна. (Подобно «Земле Силевадийской» из сказаний средневекового этландского монаха Луки, о которой он говорит, что достаточно бросить в нее мышиный помет — и через сутки из земли вылезет чудовище.)

Что еще может показаться для вас интересным в этой стране?

Этландцы гордятся тем, что в их отечестве священный принцип частной собственности достиг наиболее пышного цвета. Вы увидите, как на этом острове капитализм разросся буйными тропическими джунглями.

О, горестный остров! Помойка мира. Все худшее, что рождается самыми злобными головами человечества, — находит в тебе свою отчизну.

Все зло, вся глупость мира, словно падая, оседая, стекают, как на дно, в твои города.

ГЛАВА,

в которой автор из всей Эландии отбирает только город Этборг, во всем Этборге обращает внимание исключительно на переулок Кеплера, и в этом переулке его занимает всего лишь один ветхий домишко.

К сожалению, мы не можем с Восточного вокзала отправиться на каком-нибудь «линкольне». Мы пойдем пешком (у меня нет ни одного фени). Пойдем в западные предместья Этборга, называемые в среде беднейшего населения «Брокпур».

Взгляните... Придавленные грязным небом, покосившись тот на левый, тот на правый бок, — медленно уходят в землю острокрышие дома с заткнутыми тряпьем окнами...

Тут нужен собачий нюх, иначе вы заблудитесь. Один из способов найти улицу, на которой я живу, — спросить, где находится Кефлер-рут... но это наивно, как пастушья песня.

Вы можете услышать лаконичный ответ: «Катись...»

Народ здесь угрюмый и злой.

Так что лучше идти, ориентируясь главным образом по запахам. Когда ваши брюки будут забрызганы грязью до колен и в нос вам ударит запах усопших кошек, вам следует остановиться. Это значит, что вы наверняка находитесь в начале Кефлер-рут, ибо на углу ее помещается единственное в городе заведение по утилизации дохлых кошек господина Бочекера.

Кефлер-рут — это «Кофейный переулок». Такое название дано ему то ли за то, что в прошлом столетии здесь была кофейная, то ли за цвет грязи, крыш и стен, напоминающий здесь цвет гуши кофе-суррогата.

В наши дни кто-то остроумно перекрестил его в «Кеплер-рут», в переулок Кеплера. Ибо на этих кофейных мансардах

ютятся умирающие, подобно Кеплеру, от обилия идей и недостатка пищи, ученые неудачники, спустившиеся на дно Брокпура. Эрудиты, подыхающие среди своих колб, гербариев, фолиантов и закапанных чернилами столов.

Мы будем звать эту невеселую улицу, задавленную оловянным небом, — улицей Кеплера... того Кеплера, о ком сказано:

„Ни один смертный не поднялся еще так высоко, как это сумел сделать Кеплер, и все же он умер в нищете. Он умел доставлять наслаждение только умам, и потому тело его оставили без хлеба”.

Найти дом, в котором я живу, гораздо легче... Для этого стоит зайти в первую попавшуюся лавчонку... ну, хотя бы в ту, с вывески которой смотрит двумя ягодами глаз облупившийся турок. По замыслу живописца он должен беззаботно курить кальян. И хотя мы видим страшные глаза и голову, обвитую змеями (так изобразил художник дым), — это не лавка, где продают на вес удавов и кобр.

Уважаемый г-н табачник! Нам не нужно благоухающих сигар по пять фени за десяток и трубочных табаков. Мы нуждаемся в вашем совете: где найти скромную комнату с мебелью для молодого человека неопределенных занятий?

Табачник, закрыв ящик с сигарами, ответит вам:

— Вы можете снять комнату в доме напротив, у господина Шек, советника в отставке. Для вас, пожалуй, больше подойдет мансарда в угловом доме у госпожи Фишпе. Но ни в коем случае не снимайте комнаты в «Ноевом Ковчеге» у госпожи Шлюк... В этом доме живут сумасшедшие...

Дорогой читатель! У вас — мой адрес. Я живу именно у г-жи Шлюк.

Ветхий дом, с подслеповатой мансардой и слегка покосившимся коньком крыши, с парадной дверью, над которой висит потемневшая вывеска:

„НОЕВ КОВЧЕГ”
Меблированные комнаты
ГОСПОЖИ ШЛЮК

Что хотела сказать этим миру г-жа Шлюк, — остается в тайне. Уже двадцать лет эта проржавевшая вывеска рождает всякие догадки, издевки, недоумения... Одни в ней видят формулу строгого разграничения жильцов в доме Шлюк:

Так, в первом этаже живут «чистые пары» (мясники, прачки, счетоводы); на верхнем этаже, мансарде и чердаке ютятся явно «нечистые пары», всякий ученый сброд... потомки Кеплера.

Или, может быть, г-жа Шлюк хотела бросить вызов потогу уличной грязи, по которой плывет, слегка накренясь, ее ковчег? Или в хищной, высохшей голове г-жи Шлюк некогда рождались более возвышенные и символические мысли? — Возможно, среди потопа житейских неудач этот домишко стал ее спасительным ковчегом, дав спокойную жизнь и неплохой доход? Находятся мистические проходимцы, которые в ржавом куске вывески раскрывают еще более зловещие смыслы. Мой дорогой читатель! Изложение всех сплетен, гипотез, слухов и прогнозов о «Ноевом Ковчеге» завело бы нас слишком далеко... Вы окаменели?

Вы и не заметили, как улица погрузилась в молочный туман... Бегите от потопа сырости и тьмы в душные кубрики ковчеха. Нагните голову! Осторожно, тут не хватает двух ступенек!

Держитесь ближе к стене. Перил нет. Берегитесь!! там торчит кусок железа... Зажгите спичку.

Мы у старта! Отсюда начнется наше плавание на «Ноевом Ковчеге»!

„НОЕВ КОВЧЕГ

Меблированные комнаты

Г-жи ШЛЮК

Проживают:

Г-н Путек — мясник с бойни «Вуквер и К⁰».

Г-жа Эззи Путек, его супруга.

Г-н Бунк — сторож общественной уборной на площади Победы.

Г-жа Корбак Анна — прачка, вдова.

Г-н Люне с женой — счетовод фирмы «Ортиг и Сыновья».

Д-р медицины Пикерик.

Г-н Бигон — безработный.

М-ль Элли Намель — лентотипистка.

Доктор философии Эпигуль.

Инженер Куарт суженой.

Г-н Гемс — химик.

Г-н Маупе — биолог

и

Эрик Ингобор — человек без определенных занятий.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЭНРИК-9

или

*ПОВЕСТЬ О СТРАДАНИЯХ
ИНЖЕНЕРА КУАРТА*

ГЛАВА I,

в которой занятия инженера Куарта рождают подозрения.

Щедрая природа снабдила г-жу Шлюк всем необходимым инвентарем для трудного ремесла квартирохозяйки.

Для зловещего стука в двери квартирантов она дала г-же Шлюк две костлявые руки.

Для подслушивания у дверей, заглядывания в щели и чужие кастрюли — она снабдила ее длинной морщинистой шеей и острым носом. Природа не забыла также пробуравить маленькие пронизывающие глаза, от которых не могли укрыться ни припрятанные продукты (свидетельствовавшие о полученных жильцами деньгах), ни малейший огонек лжи в глазах квартиранта (когда он клялся, что у него денег нет, но что они обязательно будут завтра). Глаза г-жи Шлюк, как рентген, просвечивали до костей.

Снабженная такими орудиями, г-жа Шлюк в своем доме сумела подняться почти до божественного всезнания, вездесущести и всемогущества. И когда острый палец ее устремлялся в кучу неубранного мусора, а глаза вонзались в вашу фигуру, вы испытывали леденящий страх. Ваши ноги начинали дрожать, и вы прятали глаза, как собака, слопавшая запретный кусок мяса.

Если чем-то похожим на любовь у г-жи Шлюк пользовался ее жилец Путек, ибо он иногда приносил ей кишки, требуху и косточки с бойни (и тогда лицо госпожи Шлюк покрывалось сеткой благородных морщин), то химически чистую ненависть она питала к самому молодому из своих жильцов — инженеру Куарту, снимавшему с женой мансарду и чердак.

Г-жа Шлюк знала все, что делалось в ее меблированных комнатах. Она знала, с кем изменяет Путек своей толстой дуре, где и как заработала Элли две недели тому назад пятнадцать стейеров. Она знала точно, что сегодня скажет своей жене, вернувшись с работы, счетовод Люне, что принесет на ужин старик Бунк, какие пациенты будут в четверг у доктора Пикерика и какого цвета кальсоны у г-на Бигопа...

Об инженере Куарте она ничего не знала. Тут перед ее всезнанием стояла стена. Она повергала г-жу Шлюк в бешенство. Понимаете? Ничего! И не только потому, что белобрысый, подслеповатый молокосос со своей бесстыжей женой (вечно подмазаны губы) жил на отлёте, в мансарде. Нет. Сколько раз г-жа Шлюк поднималась, тихо ступая по старой лестнице, подслушивала часами... ничего! Слово там живут мертвецы. Ни поцелуя, ни ссоры, ни крика!

Первые два месяца г-жа Шлюк пыталась проникнуть в мансарду, но молодой негодяй в очках не пускал ее дальше дверей. И она ничего не успела подметить, кроме пары старых ботинок, стоявших у двери.

И только на-днях (совершенно неожиданно), случайно (с ужасом!) г-жа Шлюк почувствовала, что приподняла завесу какой-то тайны или преступления. Позавчера она поднялась, чтобы напомнить: «Завтра срок квартирной платы». Постучалась в дверь Куартов. Ей никто не ответил. Она тронула ручку. Дверь открылась. В комнате никого не было. Стояла неубранная кровать. На столе валялись остатки бедного завтрака и немытая посуда. В комнате было слишком пусто, чтобы так усиленно охранять в нее доступ. Разочарованная г-жа Шлюк уже хотела вышмыгнуть, как вдруг наверху, над потолком, она услышала странный шум. (Да! Ведь он снимает еще чердак!) На чердаке, куда вела узенькая лестница... слышался звон... затем стук, похожий на далекий

шум колес: та-та-та... Старой опытной кошкой Шлюк бросилась по лестнице и приложила ухо к люку. Теперь она ясно услышала: там работает какая-то машина!.. Она открыла дверцу. У самого люка стоял инженер. Увидев хозяйку, он растерялся. (О! Видели бы вы его глаза! Это были глаза убийцы, пойманного на месте преступления.) «Вам что угодно, госпожа Шлюк?» — «Я хотела бы получить деньги за квартиру», — сказала Шлюк и сделала попытку войти на чердак. Инженер загородил дорогу: «Деньги будут завтра». И захлопнул люк!

Так и не удалось ей узнать, что делалось на чердаке. Однако г-жа Шлюк теперь знала по крайней мере хоть что-то. Она знала — тайна на чердаке.

Вечером г-жа Шлюк зашла к своему знакомому, полицейскому сержанту Цопу. Г-н Цоп только что вернулся с дежурства. Сидел в расстегнутом кителе, пил кофе, гладил кошку и слушал патефон, игравший во дворе. Г-жа Шлюк под села к Цопу. Поправила свою старомодную шляпу с черным острым пером, бросила на стол ветхий ридикюль и, размахивая руками, долго рассказывала сержанту о жильце.

— ... Господин Цоп... там на чердаке у него машина...

— Угу... — (Г-н Цоп потянул кофе, пожевал.) — прячется? Угу... — (Цоп намазал вареньем пирожок и запил кофе.) — Выдает себя за инженера... а сообщницу за жену? Угу... Машина? А окажите, госпожа Шлюк, она не так стучит?

Цоп стал выстукивать кулаком по столу.

— Да! Да, именно так, господин Цоп!

— Он печатает прокламации или фальшивые деньги, — сказал Цоп и хлюпая допил кофе.

— Что вы говорите?! Скажите, кто же он? Большевик или фальшивомонетчик?

— Госпожа Шлюк, это полицейский секрет. — (Цоя закрыл форточку.) — Я вам советую ночью следить за ним... Не ходит ли кто к нему?.. Завтра вечером зайдите ко мне...

ГЛАВА II,

в которой вы получите множество небесполезных сведений о государстве и общественных уборных и о месте боен в государственной системе.

Человеческая дружба! Это лицемерное, сделанное из картона, мишуры и сусального золота чувство не производилось и не потреблялось в меблированных комнатах «Ноев Ковчег». Жильцы ненавидели госпожу Шлюк. Г-жа Шлюк ненавидела своих жильцов. И, наконец, жильцы ненавидели друг друга. Эта всеобщность чувства, как крепкая клепка, держала борты «Ноева Ковчега». И если бы случилось в этом доме, подобно креветке, точащей корабельные борты, завестись презренному чувству дружбы, — «Ноев Ковчег» превратился бы в труху и пошел на дно.

Г-н Путек терпеть не мог своего соседа, г-на Бунка, ибо старик занимал пост сторожа общественной уборной на площади Победы и от него всегда несло аммиаком.

Г-н Бунк в свою очередь не выносил г-на Путека, ибо г-н Путек служил на бойне, а сторож был вегетарианец.

Г-н Бунк, несмотря на всю скромность его профессии, был гордый и воинственный старичок. Он с достоинством носил на своем щуплом стариковском теле вылинявшую от сырости уборной зеленую куртку с медными галунами.

Сторож имел старомодную военную выправку и лихо, по-стариковски, закручивал седенькие усы, которые у него были какого-то прелого оттенка. Когда кривоногий Бунк шагал,

казалось, что он отрывает прилипающие к половицам короткие сапожки.

Бедный старик действительно был настолько пропитан запахом своего учреждения, что когда вы подходили к нему, вам всегда казалось, будто вы входите в уборную.

Тем не менее каждый раз в канун воскресного дня, когда жена г-на Путека уходила в церковь, мясник стучался в дверь своего соседа... и неизменно говорил:

— Господин Бунк... не откажите распить кружку пива... За кружкой пива они предавались спору, который шестой год не мог разрешиться. Сущность этого спора заключалась в том, что господин Путек пять лет утверждал, что его профессия и дело воен являются самыми важными в государстве. А старик Бунк возмущенно доказывал, что его профессия и уборные важнее воен. Такие взаимоисключающие точки зрения приводили диспут к конфликту, к оскорблению особы г-на Бунка. и словом и действием. Шестой год спор неизменно кончался тем, что г-н Путек, исчерпав все разнообразие оскорбительных выражений этландского языка, хватал кружку, выплескивал остатки пива в лицо г-ну Бунку и, выбрасывая последнего за шиворот из своей комнаты (неизменно стучая на ходу кружкой по его лысому черепу), тяжело соня, задыхаясь, так хлопал дверью, что просыпались жильцы двух соседних домов и даже трехэтажного дома, стоявшего напротив «Ноева Ковчега».

Г-н Бунк голосом полным скорби скликал соседей, отбирал свидетелей, одевался в свою вылинявшую зеленую форму с галунами, чтобы идти за полицейским, даже спускался на четыре ступеньки вниз... потом неизменно возвращался в свою конуру. Тихо и горестно плакал. Вытирал залитое пивом лицо и пиджак, ложился; постовав, засыпал. И время буднично текло до

следующей субботы... в которую он услышит стук и вежливое приглашение распить кружечку пива.

к

Вот и сегодня г-н Путек, как-то приятно подмигивая, разливал пиво.

Спор начинался всегда издалека, и после первой кружки небеса их дружбы еще были безоблачны. Старые друзья рассуждали о необидных и разнообразных мелочах. Вроде того, что есть народы на земле, которые пьют соленую воду с луком вместо чая... Но после второй кружки г-н Бунк всегда вступал на скользкую тропинку. Вот и сегодня, стерши пену с седеньких усов, он стал вздыхать.

— Ох-хо-хо, господин Путек... Народ пошел третьеразрядный... Разве такой народ ходил к нам раньше? Где те упитанные, положительные люди, с такой солидностью спускавшиеся по ступеням? Они брали платный номер и не спеша, с чувствам большого уважения к себе и к своему здоровью сидели по полчаса, а иногда и по часу. У меня, господин Путек, были свои старые завсегдатаи. Для одних я держал специальные книжки, которые они изволили читать, для других — особые сорта мыла, индивидуальные полотенца... Да, время было! Ящички. У одного — пудра, у другого — гребенка... Всегда — «на кофе». А теперь все, словно одержимые, — бегут, прыгают через пять ступенек, спешат. Должно быть, от голода. Ничего не едят, нечего и задерживаться...

Г-н Путек допил кружку и почувствовал, что настала пора и ему поговорить.

— Да, гм... год тяжелый. И скота меньше. И скот худой. Противно и резать... Раньше, возьмёшь за шею, чувствуешь, как под пальцами жирок гуляет. А теперь кость...

Г-н Путек не спеша (наблюдая, как ерзает на стуле старик Бунк, горящий желанием прервать его) расписывал породы быков, сорта мяса и технику убоя.

После третьей кружки старик Бунк размякал и предавался философским размышлениям:

— Конечно, вы считаете мое ремесло позорным. Вообще при слове «уборная» — все зажимают нос... Что тут позорного?.. Господин Путек, что может быть позорного в том, что человек освобождает свой желудок? Когда паровоз выбрасывает шлак или выпускает лишний пар, вы же не говорите своей жене: «Отвернись, какой-то хулиган паровоз безобразничает прямо на дороге...» Конечно, по-вашему, паровоз лучше человека. Ну, а для меня человек лучше паровоза! Понятно?! И лучше ваших быков!

Г-н Путек в таких случаях начинал тяжело дышать.

— Господин Бунк, я прошу моих быков не трогать. Говорите, что вам угодно, но быков я не позволю трогать!

Тут г-н Путек довольно сильно стукнул кулаком по столу и налил по четвертой кружке. Воинственность старика-писсуарщика возросла.

— Вы, господин мясник, даже в церковь ходите раз в месяц, а в уборную три или пять раз в день. Она нужнее вам, чем церковь... Потрудитесь уважать мой труд! — пискнул захмелевший диспутант. — Она нужнее, чем парламент!

Толстое лицо г-на Путека стало бледным.

— Знаете что... господин Бунк... говорите о таких вещах тише...

— Я не боюсь... Я об этом могу кричать хоть с площади Победы! Пусть созывают всенародное голосование! Я не побоюсь выйти перед народом и, став под конной статуей короля Энрика, сказать: «Этландцы! Уборная или парламент?» — и вы увидите: все будут голосовать за уборную... А хотите вызвать бунт? —

запретите этландцам пользоваться уборными. Уборная примиряет всех. Здесь плечо к плечу стоят богачи и бедняки, монархисты и социалисты, верующие и безбожники. Уверяю вас, господин Путек, — могут рухнуть парламенты и церкви, дворцы и биржи, но общественные уборные переживут все правительства и династии! Будь я министром, я бы поступал не так, как муниципалитет, который сокращает каждый год жалованье сторожам уборных... Я бы выстроил громадное здание, как собор, с золоченой надписью: «Дворец Гигиены и Естественных Отправлений». Стены были бы выложены мрамором. Голубые с золотом изразцы... Стояли бы вешалки... «Первый класс» имел бы бархатные купе... Клиенты могли бы получать чистое белье, если им потребуется. В зале играл бы оркестр. Марши или вальсы, по вкусу клиентов...

И словно слушая музыку, старик Бунк умолкал... Г-ном Путеком овладевала мрачная зависть; он не умел так говорить, как этот вонючий старик, и он начинал сопеть и пыжиться.

— Да... вы думаете, что скот резать — это пустяки!.. Тут тоже может быть всякая музыка. Ремесло убоя — древнее и почетное ремесло. Солдаты, полиция, политики — у нас учатся. Мясо, оно...

— Мясо! Мясо! Мясо едят не все. У одних нет денег, другие — вегетарианцы... Мое ремесло более важное в государстве!

Это был самый веский довод, которым старик приводил резника всегда в состояние злобной беспомощности. Услышав его, Путек даже тихо взвыл от злобы. Вскочил, навис грозной бычьей тушей над хилым старичком и, тяжело сопя ему в лицо, прохрипел:

— Не буду резать скот — не будут ходить в уборную! Не будут! Все зависит от меня!

Старик Бунк с визгом доказывал, что потому и покупают мясо, чтобы было зачем спускаться в комфортабельную уборную на площади Победы...

***

Г-жа Шлюк вошла в комнату, когда Путек и Бунк, подобно пегухам, уже прыгали друг перед другом, ища момента, чтобы сладостно вцепиться в гребень...

Г-жа Шлюк с трудом удержала г-на Путека:

— Пойдите!.. Бросьте кружку... Тише!.. Господин Путек... В нашем доме... живут преступники... Будьте свидетелями и понятыми... Закройте дверь и посмотрите, не подслушивает ли кто-нибудь...

Бунк на носках прошел к дверям, высунул полосу:

— Никого нет... Что случилось, госпожа Шлюк?

Хозяйка «Ноева Ковчега» страшным свистящим топотом рассказала о том, что жилец, именующий себя инженером, и его жена — несомненно преступники... Полицейский сержант Цоп уверен, что они печатают фальшивые деньги или что-нибудь еще более ужасное... Необходимо как можно скорее — не дыша, не стуча, не скрипя — подняться «а соседний чердак.

На чердак поднимались долго и мучительно. Лестница была старая и под тяжелой стопой мясника трещала на весь дом... Бунк и г-жа Шлюк злобно шипели, требуя тишины, тайны и конспирации.

К чердаку, занимаемому инженерам, примыкал чердак, отведенный для сушки белья. Среди мокрых панталон и полотенец, с фонарем в руке, пробиралась г-жа Шлюк со своими жильцами. Фонарь освещал снизу их лица, рождая атмосферу тайны... Наконец они добрались до стены и приложили уши... Вначале долго и однообразно раздавался металлический шум. Бунк и Путек топотом спорили о том, на что похож шум.

— Такой звук, как будто он опустил воду и дёргает за ручку.

— Ручку! Ручку!.. С таким звуком точат нож... Вот слушайте: шмсс... шмсс... шмсс... шмсс...

— Тише... Бросьте ругаться... — зашипела г-жа Шлюк. — Разве вы не слышите, что это звон... чеканка монеты?..

— Тише. Слушайте!..

За стеной звон стали сопровождать восклицания инженера: «Плохо... плохо...»

— Видите: «плохо». Не выходят монеты... — шепнула Шлюк.

Звон прекратился, и голос еле слышно произнес: «Не то... попробую так...»

— Не выходит... Хочет попробовать по-другому.

Наступила долгая тишина... И вдруг трое подслушивающих даже подпрыгнули... За стеной кто-то произнес: «Здравствуйте, инженер Куарт».

— Тсс! Сообщник пришел!

Молчание. Звон... опять: «Здравствуйте, инженер Куарт!»

После этого голоса пришедших перестали быть слышными. Очевидно, поздоровавшись, они проходили в дальний угол чердака. Опять: «Здравствуйте, инженер...»

Г-жа Шлюк мигом сбегала вниз и так же быстро вернулась, вся бледная и от этого еще более страшная... Она приблизилась к подслушивающим и прохрипела:

— Никто не подымался к инженеру... ни один человек... Все жильцы клянутся...

— Госпожа Шлюк, их двадцать человек, двадцать человек с ним поздоровалось. Откуда они?

— Через слуховое окно! Да... да. А этот шум — ногами по крыше... Порядочные люди не станут лазить по крышам.

Старик Бунк согласился.

— Мазурики. Я Их знаю, у них не только нет двух фени, чтобы заплатить за уборную, они еще норовят украсть щетку или полотенце. Двадцать мазуриков. Это заговор...

Нащупывая ногой ступеньки, ускользящие от света дрожащего фонаря, г-жа Шлюк бормотала:

— Убийцы... Фальшивомонетчики... Двадцать человек... Господин Путек и господин Бунк, идемте сейчас же к полицейскому сержанту Цоп.

***

Полицейский сержант Цоп записал показания владелицы «Ноева Ковчега» и двух свидетелей о том, что в эту ночь жильца, именуемого «инженер Энрик Куарт», посетили с неизвестной целью двадцать человек, пробиравшихся к нему по крыше и проникавших на чердак через слуховое окно...

ГЛАВА III, *в которой приходит ночью «он».*

Инженер Энрик Куарт хотел подняться на чердак, когда в комнату вошла его жена Мария. Она сделала несколько шагов и бессильно остановилась, прислонив голову к стене.

Большие серые глаза Марии были затоплены слезами, и рот стал совсем детским, подергивающимся и беспомощным.

— Почему я должна переносить столько оскорблений?! Она выгнала меня вон из лавки. И кричала — на всю улицу: «Ваш муж негодяй! Если он не заплатит мне долга... я вас обоих засажу в тюрьму...» Там собралась целая толпа. И все смотрели на меня... Ну, скажи, за что эта грязь?

— Мария!

— Я ведь молчу, когда я голодна... Но когда меня каждый день оскорбляют... Почему меня? Ведь я не виновата, что у тебя нет денег. Я ведь не виновата? Я хочу жить, я хочу есть, улыбаться... Нет, нет. Я больше не буду плакать. Это мешает тебе...

И от слез делается старым лицо... Я и так уж... Я не хочу становиться старухой, я не хочу ходить в лохмотьях!

Куарт сбежал с лестницы, молча поднял Марию на руки, сел, долго безмолвно успокаивал ее, прижимая ее голову к себе, целуя мокрые щеки, чувствуя, как у самого тоже заволакивает глаза...

— Родная! Закрой уши и глаза на три дня... Только три дня,— и муки кончатся. Я достану денег. Три дня еще.

— У меня нет сил.

— Я скажу тебе два слова — и слезы высохнут... Я нашел то, что искал. Я заканчиваю. Сегодня в три часа ночи он придет сюда...

— Придет?

— Придет. Ложись, спи. Я разбужу тебя. Ты голодна. Спи, так легче... Я пойду работать.

Он вытер слезы с ее больших, слипшихся стрелами ресниц, уложил ее в кресло, укутал, погасил свет и тихо взобрался по лестнице вверх.

***

Ночь близилась к трем часам. В кресле спала Мария. Куарт тихо шагал по комнате. Часто останавливался, присушивался и смотрел на часы...

Без пятнадцати...

Куарт вытащил браунинг. Смотрел на него, слушал ход часов.

Перевел гашетку на «огонь» и спрятал браунинг в карман.

Без десяти...

Тишина. Спят дома. Города. Мир спит. 27 ноября... 27 ноября... может войти, как дата переворота. Может войти, как дата в журнале морга. Выстрелы не разбудят . мира. Дома будут храпеть. Улицы —мокнуть ночным потом.

— Энрик! Ты что?

Проснулась в кресле Мария.

— Жду.

— Сколько времени?

— Без пяти три...

— Значит, сейчас придет?

— Или мы уйдем...

— Куда?

— Далеко... Ты ничего не слышишь?

— Вода в трубах.

— Четыре минуты... Я не мог ошибиться, Мария! Милая, дай руки. Обними вот так мою голову. Пойми только: девять неудач... девять крушений... Три минуты... Но ведь часы могли отстать! Значит, уже три часа... и тихо... тихо.. Слушай, не дыши...

Несколько минут в комнате, где замерли двое, царит пустая тишина. Где-то далеко в квартире застуженным звоном бьют часы. Три часа ночи. Энрик Куарт вскакивает, делает шаг к лестнице. Наверху, на чердаке раздается шум. Шум длится мгновение и обрывается. Энрик бросается к лестнице, виснет на перилах... Достает браунинг, прячет за борт пиджака, идет к поникшей в кресле Марии. Он уже подошел к креслу. В этот миг наверху раздаются тяжелые шаги. Оба вскакивают. Шаги приближаются. И Куарт шепчет:

— Идет...

Оба впиваются глазами в люк, ведущий на чердак. Шаги гремят, откликаются эхом в комнате. Открывается люк, и медленно, тяжело по лестнице спускается огромная металлическая фигура. Она ступает по лестнице, идет вниз, лязгая железом. На середину комнаты выходит механический человек.

Останавливается и хриплым криком произносит:

— Здравствуйте, инженер Куарт!

И Куарт, в слезах, кричит на всю затхлую мансарду, на весь прогнивший дом на «Кеплер-руте»:

— Здравствуй, Энрик-9! Ты принес мне жизнь!

В эту минуту в дверь мансарды Куарта кто-то ожесточенно заколотил кулаком. И голос грубый и спокойный произнес:

— Откройте дверь. Полиция!

ГЛАВА IV,

*в которой мы знакомимся с ревностным блюстителем порядка
Цопом.*

Куарт открыл дверь. В комнату вошло довольно большое стадо людей. Тут были сержант Цоп, двое полицейских, г-жа Шлюк и постоянные «понятые» всех водевилей с участием полиции в «Ноевом Ковчеге» — Бунк и Путек.

Куарта обыскали. Полицейские переворачивали чердак. В комнате молчали, и было слышно, как вхолостую работал мотор внутри автомата. Полицейский сержант Цоп сел составлять протокол. Сухой озлобленный скелет г-жи Шлюк сурово торчал у дверей между телохранителями — грузным Путеком и кривоногим стариком Бунком.

— Кто лазит к вам по ночам в окно на чердаке?

— Кошки...

— Господин Куарт, я попрошу не шутить с представителем власти!

— Уверяю вас, в окно на чердаке изредка лазит кошка... Люди, которые ко мне ходят, предпочитают, как это ни странно, дверь.

— Кто ходит к вам?

— Один безработный слесарь...

— Ага! Безработный? Так.

— Он делает по моему заказу части для автомата.

— Части? Неплохо выдуманно! Кто еще к вам ходит?

— Иногда мой товарищ по институту.

— Тоже безработный?

— Тоже.

— Ага! Значит, у вас бывают безработные... У меня есть свидетельские показания, что к вам на чердак по ночам приходят и громко с вами здороваются неизвестные люди...

Мария, не удержавшись, захохотала. Куарт, улыбаясь, сказал:

— Да, да, этот голос принадлежит моему автомату, Энрику-9.

Куарт включил автомат, и тот громко и резко прокричал: «Здравствуйте, инженер Куарт!» Пришедшие испуганно попятились. Один из полицейских мрачно и уверенно произнес:

— Там внутри кто-то спрятан.

Другой бросился к автомату. Куарт загородил ему дорогу.

— Господин полицейский! Одну минуту... У вас есть дети и теплая пухленькая жена. Не подходите близко к стальному чучелу. У него скверный нрав. Нечаянно нажмете рычаг... и завтра появятся новые сироты и вдова. Пустите, я сам все покажу.

Куарту пришлось снять все цилиндры, показать весь механизм, раз двадцать включать вал фонографа, пока Цоп не успокоился и не скомандовал отбой. Но г-жа Шлюк не была побеждена. Она остановила сержанта:

— Господин Цоп, я в вашем присутствии требую, чтобы жилец увез немедленно адскую машину из моего дома! Она может испортить мне дом и мебель. У меня семейные жилыцы. Это чудовище перепугает их до-смерти. Где это видано... держать машины в квартире! Может, инженеру завтра вздумается построить здесь паровоз... У меня меблированные комнаты, а не фабрика...

***

Итак, Энрик-9 был рожден. Вместо метрической выписи его рождение было засвидетельствовано двумя полицейскими

документами: протоколом обыска и рапортам по начальству ревностного полицейского сержанта Цопа:

«Рапорт начальнику полиции г. Сакель!

Владелицей дома №11 по Кефлер-рут г-жой Шлюк было сообщено в ближайший полицейский пост, что у проживающего в ее доме жильца г. Куарта Энрика по ночам слышится шум и голоса незнакомых людей, которые неизвестно каким образом проникают к нему на чердак. После чего всю ночь совместно работают на какой-то машине. Мною, полицейским сержантом Цоп, при участии полицейских № 19863 и № 44347 произведен в ночь на 27 ноября 1931 года обыск в квартире означенного г. Куарта.

На чердаке обнаружены различные слесарные инструменты, чертежи, металлические обрезки. В комнате, занимаемой г. Куартом и его женой, обнаружена железная статуя, которая, по заявлению г. Куарта, является его изобретением. Для чего предназначена означенная статуя, г. Куарт дает путанные показания. Статуя может двигаться, обладает необычайной силой и даже издает звуки, похожие на человеческий голос. Означенный Куарт также показал, что у него часто бывают безработные. Цели их посещений он прикрывает всякими нелепыми причинами. Настоящее сообщаю на предмет усмотрения в этом злоумышленных целей. Таковая статуя может быть использована Куартом и для преступных целей, а также для внесения паники среди населения, а способность этой статуи издавать речи бывающие у него на собраниях безработные могут использовать для антигосударственной агитации. Поскольку случай во вверенном мне участке необычный и подозрительный, доношу для вашего рассмотрения и дальнейших распоряжений.

Сержант Цоп».

ГЛАВА V,

в которой автор хвастается, затем кается в своей беспомощности и, наконец, излагает дальнейшие события с Энриком-9.

Изящная литература Этландии создала армии человеческих типов, много прекрасных страниц было посвящено также душевным драмам животных (как, например, трогательный патриотический роман лейтенанта пехоты Эраста Курвы); сколько томов in folio воспевают философские размышления макак и гамадрилов, любовные интриги мулов и козлов! — но лестный жребий представить читателю в роли героя машину в двенадцать лошадиных сил выпал только на долю автора этих строк.

Да, читатель, впервые страницы романа посвящены истории возвышения и гибели, трагическим злоключениям и даже любовным переживаниям шестицилиндровой машины. Вы можете лишить автора права попасть в «Пантеон великих мужей Этландии», куда попала г-жа Ландрин за свой волнующий роман на шестидесяти печатных листах — «Жизнь и страдания моей сучки «Бизи», — но отнять у него пальму первенства в создании «машинной мелодрамы» вам не удастся!

Работая над романом, я украдкой читал главы об Энрике-9 ворчливым дизелям, солидным динамо и веселым автоматам. Я слышал их дружеский, одобрительный гул, а какой-то расчувствовавшийся пылесос даже похлопал автора по плечу... О, до меня над ними только издевались, им отводили место «грохочущего фона».

Автор не скрывает — он влюблен в хитроумных соратников человека, лукаво поблескивающих высококачественной сталью. Многолетние наблюдения над жизнью и бытом Механизмов дали

мне возможность обнаружить у них сотни прекрасных качеств, которыми не обладают их создатели.

Я часто вижу, как гениальные машины везут болтающих идиотов и тупиц. Сколько героических судеб Механизмов могло послужить темой для поэм! Но мы завидуем, мы замалчиваем от зависти блеск ума автоматов.

Здесь будет сказано о судьбе, жизни и страданиях Энрика-9.

Пройдитесь среди ларьков букинистов в Этборге, и вы найдете десяток массивных пособий, сотни поваренных книг, посвященных вопросу о том, «как описывать внешний облик героя в романах». В одних руководствах говорится, что лучше всего начинать с обуви и медленно подниматься выше, в других рекомендуется начинать с прически и не опускаться ниже пояса. Но что делать автору, когда у его героя нет ни обуви, ни глаз!.. Вы поймете, как трудно описать моего железного героя!

Энрик-9 не был пародией на человека, вроде тех «людей из искусственной протоплазмы», на изобретении которых зарабатывают мистически настроенные писаки.

Энрик-9 был машиной. Круглый стальной барабан его торса покоился на двух трубах ног, оканчивавшихся тяжелыми, как у водолазов, подошвами. На сложный механизм рычагов и шарикоподшипников рук были надеты стальные цилиндры рукавов, заканчивавшиеся гибкой перчаткой суставов-крючков. Над торсом покоилась безглазая голова с небольшим рупором вместо рта.

Машина, одетая в стальной скафандр, отдаленно напоминала своими контурами истукана, вырубленного из ствола дерева каким-нибудь первобытным дикарем. Энрик-9 своим обликом не рождал улыбки. Он был страшен и суров. На его металлической груди стояла белая надпись: «Энрик-9».

***

Явление миру Энрика-9 должно было начаться с доклада инженера Куарта и демонстрации способностей автомата в «Клубе изобретателей». У Куарта не было денег, чтобы нанять грузовую машину и перевезти свое детище в лекционный зал. Инженер хотел пустить автомат пешком, но подумал, что это соберет такую толпу, что едва ли доберешься на лекцию... Вернее всего попадешь в участок.

После долгих упрашиваний Марии владелица бакалейной лавки смиростивилась и дала на вечер свою ручную тележку.

Уложив в разобранном виде Энрика-9, Куарт взялся за ручку тележки и, тяжело упираясь ногами, зашатал по мостовой. Мария шла рядом по тротуару. Куарт топотом просил ее делать вид, что они незнакомы, чтобы ей не было так стыдно.

— Иди вперед... а то подумают, что у тебя роман с тачечником...

***

В зале была горсточка людей. Хмурый старик, пронесший графин с водой на эстраду, шепнул сочувственно Куарту:

— Люди теперь слабо стали интересоваться наукой, господин лектор... Их интересуют больше кассы пособий...

Нужно было начинать. Сердце Куарта забилося. Ему стало стыдно за свои дрожащие руки.

Энрик-9 был непоколебимо спокоен. Конструктору хотелось стать таким же холодным, как его автомат, но это не удавалось.

Прошел распорядитель клуба, зло пробурчав что-то насчет убытков — «свет и сторожа дороже стоят», — и что нелепо было затевать эту лекцию, и что пора в клубе открыть сеансы тонфильма.

***

На эстраде стоял автомат Энрик-9. Стальные цилиндры его рук и ног сияли под огнями рампы. Бледный, щуплый, с детски-застенчивыми глазами, инженер стоял рядом со своим неуклюжим угрюмым детищем, волновался, часто снимал очки, ерошил волосы и путано заканчивал объяснения конструкции автомата:

— ... силой, приводящей в движение автомат, является электрическая энергия. В отличие от анероидов и автоматов семнадцатого, восемнадцатого и девятнадцатого веков, приводившихся в движение пружинами часовых механизмов, являвшихся «механическими людьми», Энрика-9 можно назвать «электрическим человеком»... При работе автомата в шахтах, у конвейеров питание электрической энергией производится через проводку, изолированный шланг. На горных разработках, в полях и в ряде случаев, когда трудна проводка, автомат работает на аккумуляторах, расположенных в его спине. Электромотор мощностью в двенадцать лошадиных сил, приводящий в движение автомат, находится в барабане его груди... В ряде производственных процессов нужна большая устойчивость автомата. Мне пришлось много поработать в поисках формы жироскопа-стабилизатора, благодаря которому автомат быстро обретает потерянное равновесие. Его трудно опрокинуть,

Кuart с силой толкнул несколько раз Энрика-9, тот отклонившись, медленно возвращался в свое положение.

— Сердцем, мозгом электрического человека» является ряд реле, состоящих из обтекаемых током катушек, втягиваемых сердечников и контактов, работающих по принципу последовательного включения. Чтобы было яснее... Весь процесс,— допустим, загрузки углем печей,— разложен на ряд движений. Каждое реле, сработав, замкнув цепь движения, включает автоматически следующее. Реле воспроизводит рабочий процесс без участия в нем человека... Мускулы человека для ряда

производств становятся слишком грубым и неточным инструментом. Мысли, чувства, бродящие в работающем человеке, рожают случайности, ошибки. Мешают непрерывной четкости и гибкости производственного процесса. Нужен приход холодного, выверенного до мельчайших колебаний автомата. И не только это. Энрик-9 пришел, чтобы освободить усталого, измученного человека... Создавая его, я почему-то часто видел перед собой древнюю Элладу. Я видел лазурь неба и торсы Праксителя... Я знал, в античности человек был счастлив. В древней Греции существовали рабы. На них была взвалена работа, тягучий труд... Аристотель определил два вида орудий производства: «organa apsycha» — неодушевленные орудия и «organa empsycha» — одушевленные Орудия, рабы. Человек владевший «одушевленными орудиями», был свободен от изнурения. Я создал раба современности. Он железный. Его мускулы, кости¹ родились на кальке чертежного стола. Я создал железного раба, «одушевленное орудие». Я верю, что эпоха эксплуатации человека человеком умирает. Да здравствует эксплуатация железных рабов!..

Дальше Куарт, волнуясь, долго путался, терялся среди терминов и законов механики движения автомата. Публика зевала. Двое поднялись и ушли. Он посмотрел на Марию, сидевшую во втором ряду. Ее глаза были полны сострадания и жалости: ей было стыдно за него, за то, что приходится что-то доказывать жалкой горсточке людей, по одному покидающих зал; было смешно, когда Куарт почти театрально кричал перед тупыми, сонными лицами бакалейщиков, комиссионеров и лавочников: «Долой эксплуатацию человека человеком!» Еще смешнее были слова об Элладе, Аристотеле, «organa empsycha» — перед людьми, которые сидели и думали: какой чёрт затянул их на лекцию вместо пивной или кино!..

Голос Куарта упал.

— Может, это неясно... Представьте себе... Мир. Мир наполнен железными рабочими. Они заполняют пашни, заводы, шахты. Каждый купит себе железного раба, и он будет за него работать. Вот такого раба. Но это — в будущем. Сейчас он еще неуклюж, но уже кое-что умеет делать... Он может быть шахтером...

Куарт включил Энрика-9, и тот, шагая, нагибаясь, стал производить движения забойщика с киркой. На ходу Куарт переключил автомат, меняя характер его движений.

— ...молотобойцем... кочегаром... Надо спустить его в штреки, отравленные газами. Пора вытащить живых людей на воздух. Пусть под землей останутся только стальные автоматы. Мы можем поставить его у конвейера, пресса, топки. Я видел конвейеры Форда, — там живого человека превращают в бездушный автомат. Это ужас! Это позор! Позор для всего человечества! Надо автомат превращать в рабочего. А рабочего — в человека. Я даю вам оружие... В Энрика-9 я вложил несколько лет напряженнейшей работы, все свои средства и надежды... Не задумываясь, я вложил всего себя... Ибо передо мной была большая цель — раскрепостить человека от непосильного труда. Освободить его мысль. И вырвавшаяся мысль затопит мир своей мощью и переделает его. Не пугайтесь, я не фантаст: конечно, освобождение придет не сразу. Сейчас около автоматов в топках пароходов, у доменных печей будет еще долго стоять и живой человек. Да. Он будет регулировать: «Бросай ниже», «Чуть выше», «Вверх». У живых людей будет одна профессия — управляющих автоматами. Автоматы типа Энрика-9 будут иметь различные профессии. «Автомат-кочегар» — типовые движения такие-то. «Автомат-шахтер»... Потом создадим универсальный тип... Огромные, кипящие работой цеха, в которых нет ни одного живого

человека! Одни потомки Энрика-9. Вот они стоят темными тенями у станков, резко выбрасывают руки-рычаги, хватая части, железные балки, передавая их друг другу. Полное безмолвие царит в цеху... Несется экспресс. Ведет поезд машинист из стали...

Из публики инженер Куарт получил три записки:

«Милый, не волнуйся так. Публика начинает смеяться над тобой...»

Это писала Мария. Куарт стал багровым от стыда.

«Господин изобретатель! Может ли автомат резать, взвешивать и отпускать колбасные изделия? И трудно ли придать ему более приятную для покупателей внешность?»

— Торговать колбасой мой автомат, к сожалению, не может.

«Почему бы вам не выступить в мюзик-холле? Это имело бы успех».

Куарт побледнел. И не ответил на третью записку.

***

После доклада к эстраде прошел «оппонент из публики». Плотный сумрачный господин.

Он говорил медленно и тихо. Куарт чувствовал, как с каждым словом этого приземистого человека в зал вползала темнота, окружала инженера и сдавливала его горло своими вязкими руками.

— Господин изобретатель, вам уже мало создавать искусственные солнца, моря и механических лошадей. Вы хотите быть богом и создавать людей. Вы полны гордыни, господин

изобретатель. Вы видите в этом стальном чудовище черты спасителя рода человеческого... железного мессии. Такой мессия быстро заржавеет. «Электрический Христос»... Богу вы стремитесь придать черты стального истукана. Вы еще молоды, господин изобретатель. Не шутите такими вещами... Гибнут в воздухе, пожираемые огнем, гигантские дирижабли, падают, превращаясь в смесь крови и алюминия, десяти моторные аэропланы, взрываются со своими ракетопланами злосчастные конструкторы. Природа — темная, непостижимая, как бездна, природа — мстит. Она не позволяет проникнуть в тайное тайных. Оглянитесь на путь изобретателей. Там много поучительного, предостерегающего. Они плохо кончают, эти люди, возомнившие себя всемогущими богами. Они очень плохо кончают!.. Не предавайтесь сатанизму машины. Держите ваше чудовище на цепи в своей мастерской и не спускайте в мир, или горе вам!.. Машины скоро станут проклятием людей. А люди, как природа, мстят молча, грозно! Поглощая все и все сметаая. Господин изобретатель! Сто двадцать лет тому назад люди, мрачные и озлобленные, как грозные тучи, шли разрушать машину Аркрайта, мюль-машину и ткацкий станок. Знаете, что они пели?

Эти машины, несущие горе,
Мы осудили на смерть.
Да, на смерть!
Осудили все мы...
И Лудд, разруша преграды,
Будет великим их палачом.

ГЛАВА VI,

в которой мы узнаем о судьбе самого скромного жильца «Ноева Ковчега» — г-на Люне.

Над городом солнце. Его расплавленные лучи падают потоком на асфальт, крыши и улицы. Один из лучей ударяется в большое окно конторы, пронзает его и вливается в желтую полированную конторку. Он прижигает ее. От вида желтой сжигаемой конторки в бухгалтерии становится душно. В открытые окна струится запах асфальта и пыльной зелени...

За, конторкой, склонив лысый череп в бездну цифр, выгнув привычно спину, завивает узоры балансов счетовод Люне. Когда он откидывается, чтобы отщелкать на счетах,— прорвавшийся из-за стенки конторки луч освещает самую верхушку его лысой «головой. Макушка начинает сверкать, точно снеговая вершина ранним утром, когда склоны еще спят в тени.

Г-н Люне чувствует, как луч, греющий верхушку его черепа, разливают по жилам теплоту. Подслеповатыми глазами г-н Люне щурится из-под очков на солнце. Улыбается мелкими морщинками. Разгибает усталую от долгих годов балансов и сальдо горбатенькую спину. Жует губы, обводит скошенным взглядом спины сослуживцев и нежно смотрит на свою конторку...

Он чувствует, как дорога, близка ему эта старая желтая конторка со своими чернильными пятнами и ящичками. И счетоводу Люне хочется шепнуть конторке, что его дом — не там где-то на конце города, в «Ноевом Ковчеге» госпожи Шлюк, пахнущем кошками, в комнате со скрипучей женой и кроватью, — а здесь, среди двух, создающих уют, стенок, в тишине ящичков и перегородок. Вот где его родной дом.

Нежность, заволакивающая глаза слезой, просыпается в этот час в счетоводе, и он, пугливо оглянувшись (не увидел бы кто), тихо гладит конторку и всматривается в ее черты.

Этот знакомый уют бесчисленных ящичков с таинственной темнотой далеких углов! Каждое пятно на этой старой конторке воскрешает в памяти дни радости и огорчения...

Вот уголок для завтраков. Сколько здесь лежало прекрасных тартинок, бутербродов и пирожков! Сколько воспоминаний, сколько запахов накопилось за двадцать лет!

Да, он помнит как сейчас... Здесь лежали два пирожка. Два горячих пирожка, которые она положила ему в то пальто, которое сейчас в ломбарде. Они еще дымились. Глаза конторщиков провожали каждый кусочек пирожка в рот.

Интересно было видеть, — уже полуоткрыв рот, уже вдыхая запах, — зеленые глаза зависти, слюну на чужих губах.

Он помнит, в ту минуту подошел сам бухгалтер и опросил, не получен ли еще счет № 131247. Он опрашивал о счете, а глаза его крались ко второму пирожку.

Он выжидающе постоял, подчеркнуто переводя свои глаза с лица подчиненного на пирожок, словно говоря? «Смотрите, я интересуюсь вашим пирожком. Счетовод» догадайтесь угостить начальство».

Люне двумя палицами паял пирожок. Запах его масла крутил голову. Люне всунул пирожок в рот, зажмурил глаза и проглотил кусок, кусок золотистого теплого блаженства. Закрыв глаза, Люне ощущал его ласковое шествие. Потом нехотя раскрыл глаза.

Желтое злое лицо бухгалтера с ненавистью смотрело ему в рот, на его жирные губы. Начальство скрипуче, с выдохом злобы крикнуло:

— Вы оглохли?! Я вас спрашиваю — счет № 131247!

Люне ошеломлен таким обидным окриком. Но рот густо смазан жиром и расплывается в мягкую улыбку.

— Господин бухгалтер, вот счет.

Он берет двумя пальцами счет и передает... Ему кажется, что бухгалтера сейчас хватит удар. Лицо у того делается пепельным, трясущимися руками он протягивает счет, указывая прыгающим пальцем на... два жирных отиска пальцев.

Что было после! Крик, шум. Первый раз в жизни,— и последний — Люне получил выговор. Он извинялся, конторщики над ним смеялись...

Этот эпизод увековечен в фолиантах фирмы «Ортиг и Сыновья».

Он хочет посмотреть, еще раз отдаться сладостной и горестной волне воспоминания.

Где он, этот отиск?

Вот счета торгового отдела за тот год... Вот. Вот он! Два пятна сохранились. Он нюхает, и — чудо!., еще не выдохся запах! Чудный пирожок, твои следы пахнут!

Таким мечтам предавался старый счетовод Люне. Со Стороны на него пристально глядел бухгалтер Мок и видел, как счетовод то закатывал глаза, то что-то бормотал, то что-то нюхал,— и бухгалтер подумал:

«Стар стал. Из ума выживает. Что ж, выживешь! Двадцать лет на книге счетов. Умрет, пожалуй, скоро... Кремацию, наверно, по бедности выберет. Любительский духовой кружок есть. Думаю, недорого обойдется...»

И бухгалтер от скуки набросал на бумаге смету смерти счетовода Люне. Получалось недорого. Господин Мок зевнул; и улыбнулся, довольный собой. Он всегда считал себя блестящим составителем смет.

Счетовод Люне был влюблен в этот утренний час. Летом в десять часов каждый день на его конторку падает луч и просвечивает чернильницу с синими чернилами. Она зацветает и кажется ему глубинами моря... Какое наслаждение писать этой лазурью на белых полях громадной книги!

Счетовод вообще-то не любил солнца (солнце — это утомительный воскресный день и размякший от пота крахмальный воротник), но в десять часов утра он снисходительно улыбался лучам... и, вздохнув, погружался в веющие прохладой большие гладкие листы книги счетов.

«Книга счетов»? Нет, это была его жизнь.

Молодым клерком был брошен господин Люне в бушующий, как океан, мир. И тогда он вцепился в плот белой «книги счетов». Большой мир-, где шумят биржи, парады, где бороздят пыльную степь дороги, — был не по силам г-ну Люне. Двадцать лет он отгораживался от этого мира плотинкой своей конторки.

Двадцать долгих лет сжимал он мир до более выносимых масштабов. И вот теперь мир сузился для него до книги счетов.

Одержимые страстью уходили иногда в белые кельи монастыря, иногда в белые просторы Клондайка. Книга счетов была для г-на Люне и монастырем и Клондайком. Тяжелые конторские книги, испещренные цифрами, заменили ему всю ту вселенную, которая шумно и бесцельно текла за пределами конторки. Для простого, неискушенного глаза пыльные огромные книги с чернильными пятнами на переплетах — были мертвы. На страницах недвижно лежали горы цифр, наименований товаров, имен покупателей и контрагентов. Для Люне это был живой, дышащий мир. Все страсти, все чувства Люне находили удовлетворение в мире лицевых счетов, балансов и сальдо.

Разве мог в том большом и пыльном мире господин счетовод позволить себе путешествие в далекие страны? Жена умерла бы от

хохота, если бы услышала, что эта сутулая кляча мечтает о путешествии в Аргентину. А здесь, за стенами конторы, в дни, когда сердцем овладевала тоска по далеким морям, по неведомым портам и странам, счетовод пускался в сладостные путешествия. Надписи страниц книги счетов переносили его в Голландию: «Отправлено франко Роттердам...»

И уже плыл в волнах Северного моря, с грузом поташа, господин Люне.

Путешествия были самые разнообразные. То он вывозил перец из Сингапура, прощался с Индией и исчезал в черных штормах океана. То вез лен и пеньку из холодной России... И, склонив лысую голову к странице, окунувшись в ароматы пряных названий Рио-де-Жанейро, Маниллы, Сан-Франциско, Александрии, в запахи корицы и бананов, Люне вдыхал бризы атоллов, где покачиваются над изумрудными водами короны пальм, бродил с караванами в далеких пустынях Геджаса... или задумчиво стоял на борту парохода, идущего северными водами в Архангельск...

Если там, в мире — он был совершенно одинок, то здесь, в грудах книг дебиторов и кредиторов, у него были тысячи старых знакомых. Из года в год разнося цифры по лицевым счетам, он стал видеть живыми всех покупателей фирмы. Так, «Армстронг Питт и К°» в Сан-Франциско был сносным стариком, румяным, хотя и с седой головой. Раскрывая утром книгу, Люне никогда не позволял себе механически вписать товар и сумму; беззвучно шевеля губами, он вел долгие разговоры со своими старыми знакомыми.

— Итак, старый друг Армстронг Питт, в прошлый раз вы получили от нас сто сорок семь тонн асбеста? Он вам понравился. Я отфрахтовал вам еще двести пятьдесят... Как живут ваши сыновья? Я вас понимаю. Молодежь теперь испорчена. Знаю, у вас они повесы. Транжируют деньги. А вы со своим добрым сердцем

балуете их. Вот в прошлый раз просрочили платеж... Господин Армстронг Питт! Понимаю: большие расходы... Женился ли ваш сын? Какая погода в Фриско?

Сколько их было у него, этих старых друзей, разбросанных по всему миру! Многие умолкали и не требовали больше ни поташу, ни меди в листах... Может, умирали, разорялись... Зато как приятно было через несколько лег получить весточку от пропавшего друга! В такие дни г-н Люне приходил в приятнейшее расположение духа и даже позволял себе, возвращаясь домой, что-то тихо мурлыкать. Открыв дверь комнаты, он, радостно потирая руки, сообщал жене:

— Знаешь, этот лихой Ромец из Рио-де-Жанейро опять продал нам партию...

На что жена с сухим раздражением говорила:

— Какой Ромец? Какая партия?

Ах, разве она когда-нибудь в силах была его понять!..

Но один из друзей, разбросанных в страницах контокоррента и в далеких морях, пользовался особой симпатией счетовода. Это был немец из Капштадта. У него был ровный, немного туповатый характер. Он неизменно требовал каждый год одно и то же количество каната... Это даже вошло в привычку. И если очередной счет запаздывал, Люне испытывал какое-то ощущение неудобства: как будто он забыл дома галоши или носовой платок... Чувствовал, что чего-то не хватает. Когда же счет попадал на его конторку,— Люне снова обретал спокойствие и, радостно улыбаясь, вносил: «Кредит Адольф Есслер Капштадт 1 500 ярдов каната».

За двадцать лет он изучил их характеры, лица, повадки и слабости,— не видя их ни разу в жизни. Только однажды он испытал тяжелое разочарование. Из Бреста, от фирмы «Солидарность», приехал Франсуа Эжен.

Люне всегда считал его почтенным отцом семейства. Часто доверял ему свои горестные тайны супружества... И вдруг к его конторке — для сведения счетов подошел какой-то наглый мальчишка, прыщавый и с усиками! Отрекомендовался: «Я — Франсуа Эжен, покажите мой лицевой счет».

***

О, не только сладости путешествия и теплоту дружбы умел извлекать из запыленных книг счетов господин Люне! Закорючки бездушных цифр, холодная вязь шаблонных записей: «перечислено», «списано», «приобретено», «взыскано» — открывали перед ним катаклизмы банкротств, крахов, тщету всех наших успехов, славы и стяжании. Иногда с сухих листов светил мрачный огонь трагедии... Нарастающие суммы закупок вдруг обрывались. Начинили пестреть судебные издержки, опротестованные векселя. Где-то далеко шли суды, описывались имущества, хлопали залпы, текла кровь.

Счетовод мог чувствовать себя архитектором, созидавая стройные формы годового баланса. Он мог превращаться в детектива, — бросаясь в погоню за исчезнувшей крошечной суммой, которая не дает возможности свести баланс...

Он мог быть и полководцем — когда в декабрьские ночи двигал миллионы цифр дебета в атаку на сонмища кредита... Тогда им овладевали страсти Аустерлица и Иены. Размахивая пером, роняя капли кровавых чернил, он вгрызался в стройные колонны цифр. И звуки костяшек на счетах гремели разрывами картечи.

Он находил в цифрах музыку... Для него всегда цифра 9 звучала низко, как контрабас. 10 — это литавры, с ударами меди. Семь, один — это ведь скрипки. Восемь — скорее виолончель. А пять — гобой. Звуки чисел составляли аккорды, которые могло улавливать только его ухо.

2450 — это мощное, широкое шествие звуков. Это патетическая соната.

127 — звучит лирически. Оно похоже на сентиментальный романс. А 111 — на детскую колыбельную песенку. 97 285—звучат как грозный аккорд. Такие столбцы цифр, как лежащий перед ним счет:

12121

333 —

101 —

11 023 — это ведь легкая наивная пастушья песенка. Когда счетовод Люне вписывал такие столбцы, ему всегда чудились звуки пастушьих рожков, какие-то березки, зеленая трава под солнцем...

Часто, разнося страницу, он слушал необыкновенные симфонии. Сначала, как вступление, возникали редкие цифры 14—50, 2—60... Они звучат пиано, это увертюра. Затем широкое движение мелодии. Голос цифр крепнет, проносится 41 235, и дальше нули разносятся эхом...

Симфония нарастает, теперь в нее врываются только редкие звуки фанфар: 7... 87...

И вдруг набегают ураган тяжелых звучных гроз: 9875... 498... 100... 486... — то звучит медь.

И когда в годовом балансе цифры-мелодии, цифры-мотивы, созданные длинными днями года, соединялись вдруг в единое целое, в одну непрерывную ленту звуков и образов, — тогда для счетовода Люне раскрывалась сложная симфония, понять которую, ощутить всю сладость пере-хода с 800 на 21, всю тайну звуков — мог только он, с его душой, с его слухом и глазами, научившимися за двадцать лет великой тайне раскрытия смысла цифр и итогов.

Тут, в фантастических столкновениях цифр, в калейдоскопе их смен была для Люне подлинная, волнующая жизнь.

И сердце его, засушенное годами нищеты, дрязг, сердце, забитое насмешками, это сердце могли трогать и даже потрясать цифры, которые с почти религиозным трепетом выводила его рука.

***

Ночью, лежа в кровати, счетовод Люне слушал, как — с каким-то свистом — дышала его жена. Потом она повернулась на другой бок и глубокомысленно сказала:

— Маргарин подорожал...

Люне молчал. Во дворе люди, грузившие мусорные ящики, сонно переругивались между собой. Вновь заскрипела кровать и зазвенели старые пружины. И опять этот противный голос проворчал:

— Скоро получишь жалованье...

Счетовод притворился спящим. И, делая последнюю попытку завязать разговор, жена уже тихо, засыпая, произнесла:

— Белье надо отдать в стирку...

За стеной, как всегда, полчаска кашлял сосед, затем воцарилась тишина...

Утром случилось необыкновенное. Сняв пальто и поста-, вив зонтик, счетовод уже направился в дверь бухгалтерии, когда его остановил главный бухгалтер:

— Господин Люне, вас просил зайти к себе директор.

Счетовод замигал глазами, на его лысой голове выступил пот. Он не знал, что и сказать главному бухгалтеру. Первый раз за двадцать лет его зовут «туда». На второй этаж, где за приемной, покрытой толстыми коврами,— дверь... А за нею он, человек, перед которым трепещут же четыре этажа конторы.

— Как вы сказали, господин Норих? Я... Вы не ошиблись?

— Господин Люне, хозяин хочет с вами лично переговорить.

Тон начальника был мягкий, почти что ласковый. Глядя в его спину, Люне помялся на лестнице. Затем почему-то пошел к вешалке, машинально взял зонтик и одну галошу... Сделал шаг. Посмотрел на галошу. Вернул ее саркастическому швейцару. Попытался поправить галстук. Как-то боком стал подниматься по ступеням. Оступился, чуть не упал, услышав за спиной, как прыснул от хохота швейцар... Платок, где платок?.. Лоб был мокрый... И сердце... как тяжело подыматься...

Наверху счетовода Люне вдруг осенила мысль. И его желтое лицо покрылось морщинами растерянной улыбки.

— Боже мой, ну конечно... О н решил дать небольшую прибавку... Тем более, что сегодня окончился месяц... Может быть, переведет... Нет! Нет, я не могу. Я привык к своим книгам...

Стоя на мягком ковре у двери, господин Люне вытирал мокрый лоб и ждал.

***

Через полчаса в зал бухгалтерии открылась дверь. То, что появилось на пороге, не было г-ном Люне, это была его пепельная тень... Нижняя губа обвисла и глаза, широко открытые, смотрели не мигая в одну точку, куда-то вниз. Тень медленно направилась к желтой конторке. Руки обвисли, плечи стали еще уже...

Доплетаясь до конторки, счетовод вцепился в нее рукой, словно боясь упасть. И лицо из пепельного стало зеленым. Он тяжело дышал беззубым ртом, затем, как умирающий, устало обвел большими глазами своих сослуживцев. Тихо, не то соседу бухгалтеру, не то старой конторке сказал:

— Меня уволили... Хозяин решил меня заменить счетной машиной... Машиной, такой... которая...

Значит, кончилось все. Не будет больше конторки. Его конторки... Книг... Линейки? А как же он... Все это умирает для него... Машиной... Какой?!

И словно представив себе на секунду, что на его стуле сидит какая-то нелепая машина... берет своими рычагами его ручку, его завтрак... и как неуклюже скребет она пером... — словно в этом видении было что-то невыносимо утомительное, счетовод Люне страшно оскалил беззубый рот, залился громким, на всю контору, хохотом.

У кого-то рухнули на пол счеты.

Между стенками -конторки качалось покрытое сотней морщин хохочущее лицо счетовода...

Г-н Люне сошел с ума, и через час за ним приехала черная карета.

ГЛАВА VII,

в которой железный рабочий встречается с рабочими из плоти и крови.

В сборочном цехе автомобильного завода концерна «Бординг и К°» в девять часов утра произошло нечто необычное. Вошел мастер, постоял минуту, рассматривая какую-то записку, и крикнул:

— Остановить конвейер!

Затем прошелся мимо цепи обернувшихся в недоумении рабочих, посмотрел на Лаера и сказал ему:

— Вы. Оставьте работу.

— Расчет?

— Может, и расчет.

— За что?.. Господин Брун, я стараюсь...

— Все зависит от того, как будет работать ставший на твое место.

— Господин мастер, я удвою выработку, я согласен на меньшее жалованье!

— Помолчи.

В цех вошли инженер Куарт, Энрик-9, Мария и счетчик-калькулятор с зеленым козырьком на лбу. Мастер подошел к калькулятору.

— Сколько Лаер собирает в минуту?

— В среднем — шесть штук.

— Господин Куарт, вот место автомата. Средняя выработка — шесть в минуту. Устанавливайте.

Рабочие хмуро глядели, как поднимался к конвейеру Энрик-9. Мария незаметно погладила руку Куарта и шепнула:

— Энрик, ты не волнуйся, милый...

Куарт возился с автоматом. Энрик-9 стоял у конвейера, возвышаясь на голову над рабочими. Он терпеливо ожидал включения тока, пока прилаживали его крючки.

Рабочий Мин обошел автомат, посмотрел на цилиндры его ног, сплюнул и зло сказал:

— Рационализация... Чучело за всех будет работать или только за Лаера?

— За Лаера.

Куарт повернул голову к Мину.

— Вы сосед автомата?

— Я.

— Покажите вашу операцию.

— Ну, ну — сосед, чёрт его возьми...

Лаер тихо бормотал мастеру:

— Может, другая работа найдется. Господин Брун, я согласен на любое жалованье.

— Не ной... Еще ничего неизвестно. Может, автомат хуже тебя будет работать.

Бледный Куарт засучивал рукава:

— Счетчик, сюда с секундомером. Готово, можно пускать.

Мастер гаркнул:

— К конвейеру!.. Не отставайте от автомата.

Мария нежно шепнула Куарту:

— Ты совсем бледный. Не волнуйся. Все будет хорошо. Я здесь...

— Подержи пиджак. Пойду регулировать.

Мин пробурчал:

— Сожрала машина Лаера!

— Пускайте!

— Включить. Начали!

Счетчик сухим голосом покаркивал:

— Четыре в минуту...

Рабочий Лаер впился глазами в стальную спину автомата. Губы Лаера дрожали. Каждое движение Энрика-9 решало судьбу рабочего.

— Четыре в минуту.

Мин подбодряюще крикнул!

— Видишь, Лаер, чучело слабей тебя!

— Помолчите.

— Пять.

— Нагоняет.

— Четыре... три... три...

— Что такое? — Куарт заметался у автомата.

— Заело... стал.

— Стоп! Остановить конвейер. Господин инженер, ну как?

— Остановился. Одну минуту...

Мин обрадовался.

— Заело. Не годится ваша штука, инженер. Не дрейфь, Лаер!
Остальные рабочие тоже повеселели:

— Тут человек еле управляется, а они стального олуха ставят?!

— Это вам не пирожки выбрасывать в автоматических ресторанах.

— Лаер! Становись!

— Господин мастер, я могу стать на свое место?

— Обожди... Господин Куарт, задерживаем, работу. Будете продолжать?

— Да. Пускайте конвейер.

— Еще? Довольно, по-моему,— заворчал Мин. — Не сможет он работать.

Опять побежал конвейер.

— Четыре. Четыре. Шесть!

— Догнал.

— Догнал.

— Восемь... Восемь...

— Восемь?

— Восемь и я могу, господин мастер.

— Десять. Десять. Раз вхолостую.

— Раз вхолостую. Быстрее, конвейер.

— Сволочь оловянная, вгонит в пот...

— Двенадцать... Двенадцать...

— Господин мастер, вы бы сняли с работы холостого, у меня семья...

— Плохо ваше дело, Лаер.

— Четырнадцать. Два вхолостую.

— Нельзя ли полегче?

— Мы не машины!

— Чёрт! Угонишься за ней!

— Не смажете работать вместе с ней, можете уходить. Она заменит вас.

— Шестнадцать. Двадцать... Шесть вхолостую.

— Быстрее передавайте части!

— Я не могу.

— К чёрту!

— Остановить конвейер!

Рабочие, усталые и злые, смотрели на К/арта и автомат. Инженер опустил рукава и сказал мастеру:

— Можно со временем довести до одного в секунду, то-есть в десять раз увеличить производство.

Мария помогла Энрику надеть пиджак.

— Видишь, милый, все хорошо... Я молилась, и вышло все хорошо... Какие ужасные глаза у этого рабочего!

— Господин Бординг идет! Счетчик, дайте сводку опыта.

К группе медленно подошел грузный господин Бординг.

— Ну... как?

Мастер засуетился:

— Очень хорошо. Тридцать операций в минуту.

— Тридцать? Так. Инженер Куарт, все очень хорошо... Что это за женщина?

— Познакомьтесь: моя жена.

— Жена? Замечательно... Пройдем в кабинет.

— Энрик, я пойду домой. У вас начнутся деловые разговоры.

— Жаль, мадам Куарт... Рад вас видеть у себя...

— Я скоро вернусь, Мария. Иди, милая.

— Смета при вас? Пройдемте в контору.

— Господин Бординг... я согласен на половинное жалование,
— застонал Лаер.

***

По кабинету грузно расхаживал Бординг. Он был красный, громадный и грубый. Толстыми губами жевал папиросу и молча ходил.

Куарт сидел и терпеливо ждал. Наконец Бординг промычал:

— Тридцать? Замечательно... Но вот смета... Четыре тысячи стейеров — один автоматический рабочий. Чепуха. Ужас. Ерунда. Я целый вечер терпеливо слушал вздор вашего доклада... и дал вам даже попробовать автомат. Кушайте цукаты, молодой человек, не стесняйтесь, курите сигару... Что мне тридцать вместо шести? У меня никто не покупает и шести. Вы ничего не понимаете. Вы предлагаете заменить моих рабочих вашей игрушкой. Очень красивое зрелище для молодых истеричных дам... Кстати, ваша жена очень интересная женщина... Кушайте цукаты, молодой человек, не стесняйтесь, курите сигару... Но это же чепуха! Вы не понимаете самого главного: мне невыгодно. Мне руки живых людей стоят дешевле рук вашей игрушки. Дешевле. Коммерчески невыгодно. Теперь вы поняли? Нет? У вас очень плохая голова... Ваша гениальная техника поселится у меня на заводах. О, это будет замечательно! Мы сделаем завод, в котором будет только один живой «угнетенный рабочий». Ваши автоматы «освободят моих рабочих». Это ужасно хорошо! Можно даже кричать «ура!» А вы подумали, что они сделают со мной — эти «освобожденные безработные»? Они перегрызут мне горло. Не вам, понимаете, а мне! Молодой человек, мы несемся к катастрофе. Ваши изобретения делают труд человека ненужным. Ваши «электрические люди» будут делать в десять, в шестьдесят раз больше... Но покупателей станет еще меньше... А безработных будет тридцать миллионов. Мы идем к краху!.. Нет, довольно! Мы посадим вашу технику на цепь! Довольно инженеров! Поменьше таких игрушечных дел мастеров, как вы!.. Кушайте цукаты, молодой человек, не стесняйтесь, курите сигару, я их не курю, у

меня астма... Ваши занятные стальные игрушки обращаются против меня... Мне неприятно, понимаете, неприятно смотреть на рычаги вашего автомата. Я чувствую, что они меня удавят в петле краха!.. Вы знаете, молодой человек, какая смешная штука случилась с моим старым другом «Бергус и К°»? Ему вскружили голову такие молодчики, как вы. Правда, не автоматами, а другими игрушками. Он свой завод превратил в Машинный рай... А вчера он застрелился. Понимаете? Так вот. К виску... Он обанкротился. Я еще хочу жить. Уберите вашу гильотину. Вас, изобретателей, нужно нажать в желтый дом, — это единственный способ нам остаться в живых... Хотел бы я увидеть, что поднялось бы у меня на заводах, если бы на них вместо рабочих стали разгуливать ваши «Энрики». Звериный вой: «Машина-людоедка нас сожрала!» Мне очень вас, молодой человек, жаль. Кушайте цукаты и не волнуйтесь. Ваши бедные родители истратили зря деньги на обучение своего сына. Это ужасно... Но инженеры не нужны! Придумайте себе другую профессию и послушайте меня, человека, умудренного опытом и не лишенного дара некоторого предвидения, — я вам открою истину, жестокую, но истину: голод и нищета, которые, как проказа, изуродовали нашу страну я от которых гибнете и вы, — родила обезумевшая техника, ваш кумир. Когда свалитесь на панель — предъявляйте ей иск.

Он еще раз брезгливо перелистал короткими пальцами чертежи и вернул их Куарту.

— Все это очень хорошо, но у вас нет нюха. Вы не принюхались к рынку, садясь за чертежи.

Куарт, долго молчавший, истерически выкрикнул:

— Я работал для человечества, а не для вашего рынка, господин Бординг!

— Ах! Ах! Что это за фирма «Человечество»? Что это — концерн или бакалейная лавочка? У нее есть в банке текущий

счет?.. Вы круглый дурак! Попробуйте устроиться куда-нибудь чертежником и повесьте все это в уборную. Впрочем, ваши чертежи и там не пригодятся. Они жесткие. Понимаете? Жесткие!.. Кушайте цукаты, молодой человек, не стесняйтесь, курите сигару и не обижайтесь на резкость человека, который опытнее вас... У вас очень интересная жена. Это очень странно, что у вас интересная жена. Я мог бы ее... устроить в контору. Пришлите. Я устрою. Нехорошо красивой женщине голодать, пока ее муж занимается чепухой... Я со временем помогу и вам. Ну, будете хотя бы чертежником. Ну, или еще что-нибудь... Кушайте цукаты, молодой человек, не стесняйтесь, курите сигару. Впрочем, не курите,— у меня астма.

ГЛАВА VIII, *в которой появляется современный Лудд.*

Когда наступает ночь и затихают крики больных, топот надзирателей, — из форточек, подобно жирным паукам, вылезают вентиляторы... У них толстое брюшко мотора и черные кресты лап. Они выползают из всех палат в пустынный коридор больницы и медленно, переваливаясь с лапы на лапу, идут к комнате г-на Люне...

Старый счетовод фирмы «Ортиг и Сыновья» приобрел странную привычку со всего разбега таранить лысым черепом стены комнаты, поэтому она почти доверху обита коричневыми тюфяками. Иногда счетовод Люне сдирает больничное белье со своего белого и худого тела. Ложится на пол посередине комнаты и, озирая взбухшие тюфяки стен, считает себя серебряной ложкой, покоящейся в обитой атласом теплой и тесной шкатулке. Худенькой ложкой, которую он подарил своей жене в день серебряной свадьбы.

Ночью, когда при свете слишком экономной лампочки припухшие стены кажутся багровыми, на них собираются черные вентиляторы со всей больницы. Они проползают в щели под дверью, в замочную скважину, вначале, как клопы, хмуро сидят на стенах... но потом... А-а-а! Они опять жужжат! Их моторы зло гудят. Люне обливается лотом от страха и начинает стонать. А-а-а! Услышав его стон, пауки-вентиляторы срываются со стен, кружатся, пролетают так низко, что почти задевают острый череп. Люне вскакивает на кровать и, прыгая, отгоняет их, как шмелей.

Ночью к Люне приходят различные машины. Пневматические буравы дробят череп. Тяжелые катки давят его костлявое тело.

Потом счетовод мчится на бесконечном конвейере. По обе стороны его стоят стальные автоматы, подобные Энрику-9, которого он видел у соседа в меблированных комнатах «Ноев Ковчег». Эти стальные люди ловко стаскивают Люне с конвейера. Один отвинчивает ему ухо, другой вырывает ступни. Безногий счетовод лежит на спине... Покачивается лента конвейера. Мелькают занесенные над ним руки автоматов. Огни ламп. Прожужжал, как муха, вспорхнувший вентилятор. Вдруг какой-то автомат грубо стянул тело с конвейера на стол. Через секунду Люне почувствовал, как в его внутренностях жадно и быстро закопошились холодные стальные пальцы. Они нащупали печень. Вырвали ее. Затем он опять был брошен на конвейер.

Надвигалась грозная машина. Люне уже лежал под ней. Бурав, вращаясь, опускался к его черепу. Счетовод орал, бился, защищал свою голову...

Он лежал на полу около кровати и извивался в судорогах. На нем сидели двое санитаров и старались удержать его руки и ноги.

***

Вскоре г-н Люне был переведен из буйного отделения в тихое. К нему вернулись воспоминание о прошлой жизни, ровной, как черта итога. Он больше не долбил черепом стен казенной больницы и только еле слышно бормотал цифры.

Когда на утреннем обходе розовый врач открывал дверь палаты и весело спрашивал его:

— Ну! Господин Люне! Как мы себя чувствуем в это прекрасное утро? —

счетовод всегда отвечал:

— 2485!... 2485!..

Это означало: «Лучше... лучше...»

Если санитарка, недовольная тем, что Люне не доел обеда, ворчала:

— Нельзя так, господин математик. Кашку надо съедать до конца!..—

счетовод устало говорил:

— 137... 1080... 56... 56...

Санитарка уже понимала, что это значит: «Оставьте меня в покое с вашей кашей».

Иногда он еще воображал себя машиной. Начиная пыхтеть, топать ногами, и его руки двигались словно рычаги.

В саду этого дома, переполненного страстями, величием и стенаниями, во время прогулки «тихого отделения» счетовод обрел первого в жизни друга. Это была застарелая дева Ангелина Коц.

Четырнадцать лет она просидела у мультипла центральной телефонной станции Этборга.

Пять тысяч дней она своим каркающим голосом повторяла: «8-37-54? Готово!» «2-12-65? Занято. Занято!!»

За какую-то небольшую провинность этот хриплый и костлявый придаток старой роговой трубки выгнали из сумрачного зала проводов и воплей цифр.

Она пыталась устроиться на работу переписчицей, но держалась на новом месте не дольше пробной недели. Стоило в конторе раздаться звонку, как м-ль Коц делалась невменяемой. Вскикивала, опрокидывая чернильницу, хватала ручки и карандаши, втыкала их в стены, крича:

— 4-95-11? Готово!!!

Стоило под окном проехать звенящему велосипеду, м-ль Ангелина пугала всю контору воплем:

— Занято! Занято! 7-35-22?... Занято!!!

Тут, на аллеях, усталых влажными желтыми листьями, началась их дружба, более возвышенная, чем любовь.

Несчастная телефонистка нашла в лице старого счетовода близкого и понятного человека.

Они вместе вдыхали аромат величин и наслаждались разговором.

Если бы вы знали, какими прекрасными мыслями и чувствами был наполнен такой диалог!

— 21235?... 1117... 1117... 8935664... 499... 2! 102!..

— 12... 50004?... 31... 31.31... 799? 9?... 1245... 448...

***

Однажды вечером больной № 1475 сбежал из сумасшедшего дома.

До глубокой ночи он просидел в мусорном! ящике соседнего двора, боясь погони. Затем стал пробираться в центр города. Ему понравилась широкая, залитая асфальтом площадь, и он назвал ее «площадь Сальдо»... Длинный и ровный переулок он переименовал в Контокоррентный проспект. На площади Баланса он остановился у здания, занимаемого фирмой «Ортиг и

Сыновья». Вошел в парадное. Швейцара не было. Направо, в торговом отделе, уборщица ставила стулья и корзины для бумаги на столы и двое полотеров готовили воск.

Вот налево дверь в бухгалтерию! В зал, где двадцать лет жила его душа!

Он проскользнул в полутемную бухгалтерию. Свет из вестибюля сквозь матовое стекло двери тускло освещал зал.

Люне застыл, тело его вытянулось, а череп стал похож на острие копья.

На том месте, где издавна стояла его родная конторка... не было конторки! Там не было ни конторок его соседей, ни даже роскошного стола главного бухгалтера.

Вместо них стояли черные лоснящиеся табуляторы. Машины, напоминающие толстую голову на худеньких ножках. Стояли хмурые перфораторы, похожие на швейные машины.

Люне подошел и с ненавистью осмотрел чудовища, поглотившие его и его старых соседей.

— Где ваши книги?!

Книг не было. Лежали груды белых карточек, покрытых дырами, словно изъеденных червями.

Люне остервенело ударил ногой машину. Она загудела. Задвигались какие-то рычаги. Костлявая тень счетовода отшатнулась: ударом ноги он включил машину. Ее клешни ворочали карточки, ощупывали их и разбрасывали по ящикам. Люне, дрожа от злобы, подполз к табулятору, который осторожно прощупывал своими стержнями картон, и проскрежетал ему:

— Слушай, ты... холодная железная гадина! Ты хочешь меня истребить? Меня — Люне? Меня — человека?! Тупое ничтожество! Как ты смеешь думать, что ты лучше меня? Создать балансы 28. 742. 563 и 39. 001. 258... Это только повернуть ручку?.. Ха-ха-ха!.. Нет, мельчайшие цифры,

создающие их, проходят через меня. Они тонут в моих чувствах. Каждая цифра .наполнена моим разумом. Она принадлежит мне, как ребенок, рожденный матерью, принадлежит матери! Я вынашиваю ее в извилинах своего мозга. Я согреваю ее своей душой. И тогда цифры обретают качества людей. Они доказывают. Они радуют. Они уничтожают. Перед ними преклоняются. Ты думаешь, миллион — это шесть нолей и одна единица? Нет. Это симфония. Разве ты можешь рожать симфонии? Ты — червяк, прогрызающий бумагу. Я раздавлю тебя, гусеница!..

***

Сторож фирмы «Ортиг и Сыновья» показал на допросе: «...Когда я услышал в зале бухгалтерии, прилегающем к кассе, шум, я вошел и увидел в полутьме, что неизвестный человек пытается что-то взломать. Я окликнул его. Он продолжал с яростью (тут уж я рассмотрел) ломать машину... Я бросился на него, желая удержать. Он с силой ударил меня каким-то железным предметом, я упал, а он бросился к другим машинам, пытаясь их уничтожить. Лежа на полу, я еще раз его окликнул и после этого дал выстрел...»

ГЛАВА IX,

в которой машина Энрик-9 очень хотела бы обладать речью.

Шли дни, у Куарта от голода немели ноги. Голодал даже Энрик-9. Не было денег на зарядку аккумуляторов. Дни уходили в бесполезной беготне. Все грубо отмахивались от предложения «модернизировать промышленность силами автоматов системы Энрик-9».

После целого дня, проведенного в подъездах, приемных, конторах заводов, где, сжав кулаки, закусив губы, Куарт боролся

со своим телом, падающим от истощения, с ногами, подгибающимися и отказывающимися служить, к вечеру нужно было плестись на далекую окраину. Там, на «Кеплер-рут», укутанная пальто и одеялом, лежала Мария. Очень плохо, когда — в минуту такой звериной борьбы за право жить — у мужчины, бредущего в сумерки по переулкам, текут слезы.

Куарт шел, думая о Марии, о ее глазах, беспомощных, слабо улыбающихся, когда она встречает его,— и от этих далеких глаз, от мысли о голодной женщине, в полутьме каморки терпеливо дожидаящейся его,— губы Куарта дрожали, и он не мог удержать слез.

Никогда эти мрачные переулки не были озарены таким фейерверком огней и звезд, как в те минуты, когда сквозь пелену слез вечерние фонари расцветали миллионами игл. Потоками падали огненные синие и красные звезды. Бежали лучистые круги и ореолы, и вся улица утопала в сверкании алмазов.

***

В грязное окно комнаты Куартов скупно глядел пасмурный день. Ветхие крыши соседних домов спали, погруженные в слизь. Комната была пуста. Ее тишину стерег стоявший в углу Энрик-9. Голова автомата была опущена, руки неуклюже расставлены, как у чучела медведя, украшающего провинциальную гостиницу.

Безработный автомат, подобно безработным людям, влачил тяжесть пустых дней. Слушал уныло бегущие по водосточным трубам ручьи, тоскливо скрипящую лестницу в доме, чью-то глухую перебранку под полом, в тысячный раз смотрел на холодное и серое, как сталь его цилиндров, небо за окном и погружался в санное оцепенение. В сырости комнаты ржавели мускулы, оседали рычаги...

Сквозь дрему Энрик-9 мог увидеть, как открылась дверь и вошла Мария. Стряхнула капли дождя с пальто. Постояла, о чем-

то думая. Потом, комкая, поспешно из углов комнаты стащила в чемодан свое белье и платье. Закрыла его. Села к столу и долго, шепча что-то, писала на клочке бумаги...

«Ты должен понять...» Он давно понял... О чем тогда писать? Только не думать о том, как одиноко будет ему... Тогда она ничего не сделает. Останется и будет реветь... Она ему будет помогать. Его опытам... Как бывшему мужу. Мужу? Муж — это сила, мощная рука, спора, на которой лежит слабая рука женщины. Бординг прав. Ее уход может убить его, может не убить. Оставшись здесь, она убьет себя наверняка. Молодость. Жизнь. Она не может...

«...Опять голод, нищета. Смерть, купленная на кусочек никеля, брошенный в газовый автомат. Ночи открытия формул... Может, это удел великого. Твой. Но я не великая, я обыкновенная маленькая женщина. И я просто хочу жить. Жить! Все окружающее нас с тобой зовет умереть. Последним остатком сил я хочу вырваться. Я ухожу. Тебе будет легче. Не будешь больше мучиться мыслями обо мне. Прощай, Энрик...»

Оглядев в последний раз комнату, Мария подошла к автомату. Стала между его расставленными ручищами, улыбнулась и обняла, его.

— Прощай, Энрик-9... Ты — грозное божество, в жертву тебе хотел принести меня твой конструктор... Но ты славный, ты совсем не похож на идола. Прощай... У!.. У тебя крепкие мускулы! Очень крепкие. Как у господина Бординга. Чувствуя их, делаешься спокойной. Ты мог бы крепко меня обнять. Мужественно защищать, сражаться за то, чтобы я была счастлива. Ты ведь сильный!.. Нет, хотя у тебя доспехи, но ты не рыцарь. Ты можешь только собирать автомобильные шасси. Больше не увидимся? Береги Энрика...

Мария повернулась, хотела двинуться к чемодану... и тело ее упало в лед страха... Она почувствовала, что автомат схватил ее сзади и не пускает.

— А-а! Пусти...

Она резко повернулась к нему — и начала истерически хохотать.

— Боже, как я испугалась... Какая ерунда!

Освободив платье от крюка, за который оно зацепилось,

Мария взглянула на Энрика-9, и только теперь по-настоящему ее пронзил, острый, как нож, ужас. Казалось, что наклоненная вперед, с разверстыми руками, фигура автомата готовится к прыжку... Мария отшатнулась. Дрожащими руками схватила чемодан и, пятясь, выскользнула в дверь. Изо всей силы быстро захлопнула ее.

***

Вечером вернулся Энрик. Вяло сбросил шляпу. Посмотрел на занавеску кровати. Тихо подошел, отдернул ее.

Марии еще нет... Что такое? Неделю он не может работать. Хорошо, что Мария устроилась в контору. Не будет голодать. Плохо только, что он не видит ее совсем. Ей дали хорошее жалованье. Он не будет брать у нее ни гроша. Пусть питается хорошо. Она у него бледная. И слабая... Любимая... Потом она совсем раздета.

Гадко одно — она работает у него. «Повесьте ваши чертежи в уборную». Гад! Торгаш!..

Стараясь успокоиться, сосредоточиться только на работе, он развернул кальку, подошел к автомату.

Снимая цилиндры, он вздрогнул: у автомата был такой вид, будто он хотел что-то сказать. Куарт начал обмер частей механизма, на полях чертежей он делал отметки.

— Мы еще будем бороться, Энрик! Мы опрокинем торгашей! Проверим расчет грузоподъемности... Тебя надо сделать недорогим. Тогда посмотрим...

Подошел к столу, стал вычислять — и нашел записку Марии.

ГЛАВА X,

в которой мы попадаем во Дворец Духа, где нас окружают демоны, феи, призраки и спириты.

«Г-н Куарт! Зная ваше бедственное положение, я хочу предложить вам скромный заработок. Завтра в 5 ч. дня доставьте автомат по адресу Хаверова улица, 17, кв. 3. Спросить магистра антропософии Эраста Мальгора».

Это неожиданное письмо помогло инженеру обрести небольшой кредит в Брокпуре. Ему зарядили аккумуляторы Энрика-9, и владелица бакалейной лавки одолжила свою тележку.

В назначенное время у дверей квартиры магистра Мальгора стояли автомат и его конструктор. На звонок выглянула благообразная старушечка, испуганно осмотрела стальной силуэт Энрика-9. Охай и вздыхая о том, что, он поцарапает паркет, пропустила пришедших в коридор.

Через минуту вышел и сам магистр антропософии. Он оказался массивным мужчиной, с румяным лицом и большой черной бородой. Тут же в коридоре он попросил Куарта продемонстрировать способности автомата.

Старушка, глядя на взмахи стальных лап Энрика-9, в страхе причитала, а магистр, невидимому, остался доволен и внушающей страх внешностью автомата и разнообразием его человекоподобных движений. Он пригласил инженера в свой кабинет. Старушка испуганно заперлась в своей каморке, и оттуда слышались молитвы и вздохи.

— Господин инженер... Мое предложение скромно: я хочу взять напрокат вашего андроида для моего сегодняшнего доклада: «Машина и человек». Я согласен оплатить стоимость проката и ваш труд на вечере в качестве монтера-демонстратора. Вы можете назвать сумму.

Настроение Куарта упало. Как ему не везет! Он шел, надеясь на длительную работу... Он не знает цен проката андроидов.

— Я могу предложить вам... пятьдесят стейеров.

Впрочем, если бы он предложил и десять стейеров, инженер тоже согласился бы, ибо завтра нужно платить за тележку и зарядной станции.

— Доклад мой назначен во Дворце Духа. Вот вам адрес и записка к смотрителю Зала Рефератов. Доставляйте автомат. Установите на эстраде, приготовьте все, что вам нужно. Мы начнем в семь часов вечера.

***

Если возможно хорал превратить в бледно-серый камень, то Дворец Духа был окаменевшим хоралом. На тихой улице, на которой арками сплетались густые деревья, острыми уступами этажей, как звуки мистического песнопения, вздымались тающие очертания Дворца Духа. Торжественный марш высоко поднимающихся ступеней постепенно отрывал вас от презренного уюта улицы, на которой стояли особняки коммерции советников. Вы медленно приближались к суровой, нависающей над вами стрельчатой аркой,— колоннаде входа.

Под звуки каменного хорала по широким ступеням этой лестницы поднялся стальной автомат... Вестибюль был узкой башней, купол которой терялся в недостижимой высоте. Оттуда падал свет. Над самым входом на мраморе была высечена надпись: «Оставь за порогом все, что сковывает твой дух. Открой свое сердце и входи...»

Куарт установил на возвышении в Зале Рефератов Энрика-9, закрыл его брезентом. Окружающая обстановка давила своей помпезностью. У Куарта все время было такое ощущение, будто он притащил свою машину на амвон кафедрального собора. А сам он казался себе соборным служкой, готовящим облачения для мессы. Притом в блестящем Зале Рефератов его зашарпанный костюм вопиял о нищете... До начала оставалось больше часа. Куарт пошел побродить. В колоссальных коридорах, как в притворе собора, молчаливо, придавленные высотой и тишиной, мелкими шажками семенили люди, расходились, исчезали в дверях...

Толпа становилась все гуще — она рассекалась по многочисленным нишам и залам. Инженер Куарт пустился в странствования по закоулкам Дворца.

За резной дверью, украшенной какими-то символами и письменами, исчезла одна почтенная дама в трауре и оставила дверь полуоткрытой. Инженер заглянул в щель. Внутри зал был обтянут черным сукном. Мебель, потолок и костюмы сидевших в креслах — все было черное. Лица заседавших казались масками. На кафедре желтая маска проповедника. Это лицо покойника, утонувшего в бархате траурного помоста. Проповедник почти беззвучно двигает сухими губами. Слушающие замерли в каталепсии. Тихо, подошел служитель и попросил разрешения у Куарта закрыть дверь.

— Что там происходит?

Служитель почтительно прошептал:

— Религиозное собрание почитателей культа мертвых.

Инженер с отвращением отошел от входа, ему показалось, что оттуда тянет трупным запахом.

***

Над аркой другого зала висела готическая надпись. Не успел Куарт прочесть надпись, как его услужливо попросил войти в зал толстенький человечек с седыми усами. Зал был в полумраке. Сверху, освещая середину зала, падал луч: В креслах сидело человек двадцать. Это были почтенные мужи с низко стриженными седыми волосами и с хорошими животами, украшенными жилетками и цепочками; какие-то перезрелые женщины в широких старомодных и безвкусных платьях. Одна из них вскочила, сделала два шага своими толстыми, скошенными вовнутрь, ногами и стала кликушески выкрикивать:

— Дева... Дева идет по лугу... На ней голубые одежды... Дева гладит телят... небо падает... падает... и одуванчики кружатся, как крылья мельницы. Из облака глаз... Глаз! Страшный, большой... Он косится на меня... А! А!..

Дама грохнулась на пол так, что задребезжали стекла. Куарт с удивлением заметил, что никто даже не обратил внимания на крушение дамы. Медленно и привычно подошел к поверженному телу дамы тот самый маленький человечек с седыми усами и стал поднимать ее. Над толстыми оголившимися ногами дамы свисали полуаршинные кружева панталон...

Вдруг вскочил солидный старичок. Вскочил, и зазвенели брелочки на его цепочке. Он закричал:

— Мчатся кони, кони... Падают кони... Встают кони... Несутся кони...

— Идут «они»,— подсказал Куарт.

— Нет, не идут, а стоят кони,— уверенно сказал старичок.

— Они еще могут лежать... И после этого вы можете падать,— съязвил Куарт.

Но старичок не упал. Он сел. Приоткрыл один глаз, скосившись на инженера. Закрыв снова и стал что-то бормотать.

Потом наступила очередь высокой старой девы с широкими канавами морщин у рта.

Она стояла на месте и раскачивалась:

— В белом костюме... озаренный светом небес... подходит муж... кладет руку мне на грудь... и что-то шепчет...

— Мадемуазель, вы видите эротический сон, проснитесь. Это просто мужчина в кальсонах, — перебил ее Куарт и пошел к двери.

Ясновидящие оглянулись, зашипели вслед уходящему.

Инженер явственно услышал:

— Нахал!

— Хулиган!

Дверь зала ясновидящих злобно закрылась.

***

В коридоре к нему подлетел гибкий, как прут, незнакомец с черными закрученными усами. И роковым голосом зашептал:

— Вы можете стать братом ордена «Воинов Аверига Восьмого». Последняя вакансия. Последний день приема. Завтра уже будет поздно. Возьмите проспект... Прочтите. Меня вы найдете в этом коридоре. Меня зовут «Воин Иезекия», — и, сверкнув лоснящимися усами, побежал догонять еще одного счастливца, которому выпало счастье занять последнее вакантное место.

Куарт подошел к окну с цветными стеклами и заглянул от скуки в проспект. На самом верху — троекратное напоминание: «Тайна». Потом шел отрывок стихов из этландской саги об Авериге Храбрейшем:

...И пять тысяч воинов полегли,
Полегли навсегда костями
В болотах под стенами Ковурга.
Но когда ночью Ковург Проклятый

Сбросил в ров тело Аверига Храбревшего,
Болото заколебалось, из него, как один,
Поднялись пять тысяч воинов—
Покрытые тиной, звеня кольчугами,
Сквозь туман пришли в замок Ковурга.
Пришли и задавили своими костями,
Своими костями Ковурга Проклятого...
И каждые сто лет из болота,
Из болота под стенами замка Ковурга,
Поднимаются пять тысяч воинов Аверига
И сквозь туман проходят по мосту в замок...

Дальше сообщалось, что в ордене пять тысяч братьев. Они не знают друг друга в лицо. Они проходят в повязках на лице и серых плащах («Плащ по цене 25 стейеров покупайте только у наших агентов»).

«Цель ордена — встать на защиту лучших мужей Этландии», «Как воинам Аверига — приходить и мстить».

«Вступительный взнос 20 стейеров — платить только нашим агентам. С орденскими полномочиями».

Куарт нашел гибкого усатого «Воина Иезекию», вернул ему проспект и сказал:

— Вы можете задавить меня пятью тысячами костей — и не выдавите у меня ни одного стейера: у меня их просто нет. Притом мне не нравится сага об Авериге Храбрейшем...

***

Любопытство толкнуло Куарта еще в одни двери: высокие двери, за которыми слышался невнятный гам. Он вошел в голубой зал. Здесь было царство Козерогов, Весов, Дев и планет. Какой-то бледный человек бросился на него, вцепился костлявыми пальцами ему в грудь и крикнул:

— Год, месяц, день рождения?

Куарт испуганно повиновался:

— Тысяча девятьсот шестой, двенадцатое ноября.

Человек исчез. «Очевидно, сюда могут входить люди определенных возрастов», — подумал инженер.

Люди кучами окружали составителей гороскопов. Всюду слышались возгласы:

— ...Астральные силы заинтересованы судьбой вашего судебного дела. Радуйтесь. Да. Они заинтересованы...

Низкий голос бубнил:

— Вы родились в созвездии Стрельца, следовательно при стоянии над вами звезды...

— ...Мадам, обратите внимание на мой чертеж. Эти линии перекрещиваются... Но где?

Зал был похож на толкучку, где по дешевке сбывали подержанные звезды, где назойливо навязывали покупателю Сатурн, Близнецов, Весы... Юркие астрологические личности взирались на стулья, выкрикивали, размахивая книжками: «Последние новинки», «Звезды и супружеская жизнь», «Древняя наука астрологии и как использовать ее в наши дни», «Астролопомен», «Научная астрология», «Влияние времени года на зародыш человека в отношении его будущих душевных задатков. Исследование Петера Радоли».

Торговец зеленым, вытирая пот с носа, требовал от остробородого астролога точно указать ему плохие дни года, в которые не стоит покупать овощей.

Молодая девушка, бледнея и кусая губы, ждала ответа от плешивого кудесника, морщившего лоб и рывшегося в толстом фолианте. Она сообщила время рождения своего жениха. Она хочет знать, да (пусть это ужасно!), знать — какие беды в гороскопе ее Смайля. Может, не стоит я выходить за него замуж...

Престарелые интеллигентные дамы шёпотом просили найти созвездие последнего императора Этландии Гуго XI, чтобы знать, когда взойдет опять «солнце Этландии»...

Планеты тяжелым потоком, крутясь воронками, падали с голубых сводов зала. Вертелись одни и те же слова:

— Бойтесь дней, когда над городам Близнецы...

— Эфемериды... Эфемериды...

— Не шутите с астральными силами.

— Эфемериды... Эфемериды...

Куарт бежал, а за ним с глазами навывкате гнался беззубый астролог.

— Нет, вы заплатите мне... я уже успел составить гороскоп. Тысяча девятьсот шестой год. Двенадцатого ноября. Молодой человек...

Куарт бросился в толпу и еле спасся от астролога, вбежав в какой-то зал на втором этаже. Тут еще заседание не началось. Публика только собиралась. Куарт сел в углу, надеясь передохнуть, но к нему приблизилась злобещего вида женщина. Инженер мог поспорить с кем угодно, что в ее роду было никак не меньше шести ведьм из Брокена.

— Милостивый государь, вы член клуба?

Куарт боялся попасть в лапы астролога, поэтому он важно ответил:

— Да, я член клуба.

— Сколько у вас было общений?

О! Эта ведьма прилипчива! Куарт непринужденно бросил ей:

— Тридцать шесть.

Лицо ведьмы резко изменил почтительный трепет. С дрожью в голосе она прошептала:

— Тридцать шесть?

«Кажется, я хватил через край. О каких она «общениях» говорит?»

Ведьма бросилась в круг собирающихся членов клуба и восторженно указала на инженера.

В клубе пронесся шелест:

— Тридцать шесть... тридцать шесть общений!

Куарт становился центром внимания. Незнакомые люди почтительно кланялись ему... Группа старух остановилась в двух шагах от него, рассматривала его и покачивала головами... Ведьма подлетела, лебезя:

— Милостивый государь! Вы, конечно, не откажетесь от почетной обязанности члена клуба рассказать нам на сегодняшнем вечере об одном из ваших общений. Ах! У вас их так много! Я вам завидую, у меня только десять...

Куарт решил выворачиваться:

— Я подумаю... может быть...

Ведьма бросилась в толпу, и там запрыгали возгласы:

— Это будет самый интересный случай! Тридцать шесть!

Раздался удар колокола. Ведьма поднялась на трибуну и, по-мужски откашлявшись, объявила:

— Милостивые государи и милостивые государыни! Сегодняшний вечер нашего клуба посвящен воспоминаниям госпожи Олизы Глабен о ее общениях с призраками...

«Э! Вот о каких общениях шла речь!»

Ведьма устремила глаза, почти нежные, на Куарта.

— Сверх программы, возможно, состоится интереснейшее выступление члена клуба, имевшего... тридцать шесть общений!

На трибуну поднялась полная дама с маленьким носом и почти детскими губами. Она раскрыла ридикюль, вытащила платочек и начала свои воспоминания:

— Это было, если не ошибаюсь, в тысяча девятьсот тринадцатом году. Это было мое второе общение с призраком. По силе испытанного страха я не могу его сравнить ни с одним... Покойный муж мой служил тогда еще кассиром на Северо-восточной дороге. Он часто уезжал на несколько дней на линию выплачивать жалование служащим далеких станций. Он покидал меня часто...

Дама закусила губу. Томно вздохнула. Очевидно, вспомнив что-то сладостное.

— Я была одна дома... Уже сняла платье и комбинацию... хотела задуть свечу, как вдруг...

При слове «вдруг» члены клуба уже стали тяжело дышать...

— ...Как вдруг...

У одной девушки побледнело лицо, и рука, державшая сумочку, стала дрожать...

— ... В мою спальню входит совершенно голый... скелет. Да. Не совсем голый... У него был на черепе котелок... Входит скелет в котелке. Я от страха выронила свечу... В комнате стало совсем темно. Я лежу еле живая и слышу, как его рука шарит по полу, ищет уроненную мною свечу... О, это был нестерпимо-ужасный звук: костлявая рука шарит по полу...

Глаза у членов клуба были на лбу, а дыхание походило на шум локомотива.

Дама делает мучительную паузу... Вытирает лоб платочком...

— И вдруг!!

Сумочка у девушки падает, и она, закрыв глаза, откидывается в кресле...

— ...скелет зажигает спичкой свечку, держит ее мгновение в руках, глядя на меня, и отвратительно улыбается беззубыми челюстями. Затем ставит свечу на ночной столик... О! Он был в

трех шагах от меня! Снимает котелок и садится... Садится ко мне на кровать...

В это время открывается дверь клуба, и в щель просовывается узкое лицо «астролога». Заметив Куарта, он кричит:

— А! Вы здесь? Вы от меня прячетесь! Нет, вы заплатите мне! Вот вам сочетания звезд... Я сделал чертеж, я затратил много труда, я должен получить деньги!

В клубе поднимается скандал. Куарт, воспользовавшись паникой, успевает улизнуть.

***

Дворец Духа был организован по принципу универмага. Отряхнув на пороге прах мирской суеты, вы могли для вашего духа найти все, что вам угодно. Вы увлекаетесь феями и друидами? Пожалуйста сюда... Здесь лысый человек в пенсне, сдвинутом на кончик носа, докажет вам за пятьдесят фени существование эльфов и фей:

— Я наблюдал эльфов сам в тысяча девятьсот тридцать первом году около озера Уберго. Эльфы порхали в солнечном свете, не подозревая о моем присутствии. Ростом эльфы от восьми до двенадцати дюймов. По виду напоминают маленьких, удивительно красивых, людей, но тела их отливают металлическим блеском, славно они сделаны из потемневшего золота или старой бронзы. Эльфы резвились, летали, занимались своими делами, доставляя мне огромную пищу для наблюдений. Там же около озера Уберго мне удалось путем длительных и сложных приемов сосредоточения и нирванизации увидеть и бога эльфов. Он был гигантского роста — футов шестидесяти в высоту, в одежде, сверкавшей, как радуга. Он молчаливо сидел в облаках, наблюдая мирную жизнь своего, народа. Похожий на человека по внешнему виду, он был полон царственного величия, задумчивости и скрытой динамической силы...

После доклада к профессору подходили угреватые конторщики, прачки и колбасники, вносили деньги и записывались на трехмесячные курсы «эльфовидения». Указывая различные упражнения, профессор гарантировал им счастливый день, когда они увидят неземные племена.

— Вы считаете это детскими сказками? Пожалуйста в учебное помещение... И вы сами услышите истину от учеников!

На полу вычерчен белый круг. По этому кругу гуськом на четвереньках ползают толстозадые отцы семейств и пышнобедрые матери. В зале тишина. Слышится только шарканье ладоней и подошв по полу, и мистически качаются зады... Бег учащается... Тогда один падает, ползет в центр круга и, лежа на спине, что-то бормочет. Все встанут и покрывают его плащами.

Из-под плащей раздается голос лежащего:

— Я вижу... вижу маленьких прекрасных человечков... Они порхают... улыбаются мне... Вытирают с «моего лба пот. Шепчут что-то в ухо... Щекочут... Ах! Щекочут...

Вам некогда? Вы деловой человек? Вам нужна скорая духовная помощь? Пройдите в это помещение. Осторожно, здесь темно. Тут за два стейера с такой же легкостью и быстротой, как вы вызываете монтера для починки телефона, вам вызовут духов любых великих мужей для личной консультации по всем вопросам жизни. Начиная от проблем религиозных: «Что лучше — христианство или магометанство?» и кончая такими утилитарными вопросами, как: «Что лучше готовить на ужин — язык под соусом или биточки с луком?» Вы можете беседовать о биточках даже с самим Юлием Цезарем.

— Если вы не приобретете моего гороскопа... вы погибнете, ибо не узнаете опасных дней и смертельных для вас звезд,— шептал зловонным ртом астролог на ухо Куарту и цепко держал его острыми пальцами.

Слева вниз, в темноту, крутилась винтовая лестница. Куарт схватил астролога за тонкую шею... Ощутил его острый кадык и — сбросил в винт лестницы. Тело астролога завертелось, как мясо, втягиваемое в мясорубку...

Куарт бросился в темный зал. Сердце вот-вот расколется. Темнота. Скрип. Это скрипит бешено вращающийся круглый стол... Он вертится, как костлявый астролог, падающий в темноту лестницы. Над вертящимся столом перекошенные от страха, освещенные снизу, маски спиритов. Луч высвечивает где-то в темноте сверху лицо спиритической кликуши. Она выкрикивает:

— Цепь... Руки на стол... Вращайте... Вращайте, заклинаю вас, стол! Цепь!

Со свистом, мельканием огней вертятся стол и маски.

Из свистопляски несутся голоса:

— Цепь!

— Держитесь!

— У меня голова... кружится...

— Быстрее! Быстрее!

— Что вы чувствуете?

— Боль в желудке.

— А еще? А еще?

— Немного страшно...

— Ага! Значит, дух здесь.

— «Он» здесь!

— Где?

— «Он» здесь! Я чувствую тебя, великий дух! «Он» здесь. Он все-ля-ет-ся в меня. Ах!

Инженер Куарт выскочил обратно. У него разламывалась голова от какофонии выкриков кликуш, юродивых, прорицателей. Он с трудом добрал до Зала Рефератов. Там был яркий свет. Зал

был полон, и на эстраду уже поднимался магистр антропософии Эраст Мальгор.

ГЛАВА XI,

в которой во Дворце Духа появляются дикари с дубинами.

Магистр Мальгор ложноклассическим жестом простер руку в сторону стального Энрика-9 и начал так свой доклад:

— Вот вершина машинной техники: Номо mechanicus. Мыслящий автомат. Первая машина заменила мускулы человека, последняя — заменила своим электрическим мозгом его мышление. Ее способности безграничны. Она может стать хозяином конвейера, станков, тонок, шахт, кузниц... Взгляните на всемогущество этого Номо mechanicus'a!

При воцарившейся тишине Куарт включал самые разнообразные цепи реле. И Энрик-9 показал все, на что был способен. Зал затих.

Магистр сделал паузу. Трагическим взором еще раз окинул стальные члены автомата.

— Сто лет тому назад человек радовался рождению машины. Он, как отец, ждал счастья, благополучия, утешения на старости лет от сына. Но он обманулся. Человек верил, что с приходом в его жизнь машины земля делается раем. Столетия — свидетели того, что жизнь превращается в ад. Машина пришла, чтобы помочь человеку. Она сделала больше — она его заменила, покорила, прижала своей железной ступней, она им повелевает. Она убивает его... Природа живет медлительным, величественным ритмом. Машины — искусственным, не свойственным живому организму, повышенным темпом и усложненным ритмом. Человек, создав машину, разгоняя, ускоряя ее бег до невозможных пределов, — сам захвачен безумным бегом ее приводных ремней. Он как бы

попал в ремни трансмиссии машины или упал сраженным на мчащийся конвейер. Человек, захваченный сатанизмом машины, выпал из медленного ритма органической природы, в котором он жил тысячелетия. И тут — начало его гибели. Вспомните залитые солнцем площади древних Афин или средневековую Фламандию, тепло ее очагов, тепло людских сердец. Счастливые горницы, в которых, свет очага освещал лица, лоснящиеся от баранины и выпитого густого старого вина. Вспомните ушедшие дни, когда человек никуда не спешил! Он жил медленно, величественно, смакуя каждую каплю бытия. Он жил спокойно, как живут широколистые рощи, как текут большие реки. И дряблое, истерическое, вечно, дрожащее в безумной спешке человечество сегодня... Люди вместо двухсот лет жизни, что у древних было рядовым явлением, — живут в наши дни в среднем сорок лет. Они быстро изнашиваются. Склероз стал насморком эпохи. Неврастения — достоянием всех. Процент сумасшедших возрастает в такой прогрессии, что через пятьдесят лет каждый третий человек будет умалишенным. Машины становятся проклятием людей! Технический прогресс обращается против человека! — кричат люди индустрии и экономики. Машина, изобретения, рационализация выбрасывают за борт человека. Что будут делать эти скопища обездоленного народа? Машина, точно бешеная, выбрасывает океаны товаров, далеко превышающие нужды. Кто их покупает? Дизеля? Энрики-9? Электромоторы? Разве не машины плодят эти толпы, которые «готовы бросить мир в кровавый хаос мятежа, революций? Нам — пока не поздно — надо крикнуть железным чудовищам: стой! Мир задыхается от излишков инженеров. Надо запретить всякую эксплуатацию изобретений... Мы заставим изобретателей замолчать! Мы их посадим в сумасшедший дом!.. Наше общество, в котором Мой доклад является первым,— будет бороться за возврат к рунному

труду. За замену машинной энергии человеческой силой. Чем больше работ будет переведено на ручной труд, тем меньше будет безработицы. Тем больше будет покупателей. Все чаще и чаще мы слышим крик, страдальческий крик, идущий из глубин народа: «Остановите машину! Она не испытывает голода, у нее нет голодной семьи, мы же погибаем от безработицы». Наше общество должно спасти этландский народ...

Он говорил еще долго. Под конец в зале раздался озлобленный вой единомышленников:

- Долой машины! Бейте расплодившихся гадов!
- Назад к природе!
- Смерть технике!

Куарт, бледный, сверкающей очками, бросился к краю эстрады:

— Вы... Вы — дикари, потрясающие над моей головой дубинами!.. Ага... вы вызвали из недр земли, из недр мозга такие силы, с которыми уже не в силах справиться? Духи, вызванные вами, уже не слушаются вас, они развиваются, растут и идут против вас, их родивших! Вы трепещете, господа заклинатели духов!.. Я инженер, Homo technicus, изобретатель... Сейчас вы смотрите на меня с ненавистью — завтра бросите меня в костер! Я не боюсь ваших дубин, ваших мохнатых рук, каннибалы! Я сам, подобно вашему «магистру машиноедства» могу крикнуть: «Машины механизировать жизнь! Уничтожают личность, делают человека номером, обезличивают его, уничтожают, превращают в придаток машины!» Вы безграмотные дикари! Это не доводы против машин. Очевидно, правы те, кто говорит, что дело не в машинах, а в их применении. Другая система, другое использование техники — и человек станет не рабом машины, а ее повелителем! «Долой технику!» В этом крике — вопль умирающего. Но вы не думайте, что если пускают пулю в лоб

досточтимые владельцы прогоревших концернов, то уже наступает конец света и пора уничтожать все! Нет, это значит, что подлинная жизнь только еще начинается. Кроме вас, господа дикари, есть миллионы ваших жертв. Они зароят ваши смердящие останки и, взяв в свои руки технику, созданную лучшими умами человечества, превратят ее из орудия смерти, из орудия угнетения — в орудие, которым сделают человечество счастливым и спасут его от склероза капитализма... Вы — мертвецы! Вы — призраки, размахивающие дубиной на кладбище капиталистического мира!..

Инженер Куарт был избит и выкинут с автоматом из Дворца Духа.

ГЛАВА XII,

в которой Куарт спускается на одну ступень.

Жизнь, эта лукавая шлюха, в которую мы все влюблены и которая нас водит за нос и обманывает на каждом шагу, эта прекрасная и зловещая баба бросила инженера Куарта в подвал парового отопления дома № 47 по Фридрих-проспекту. Она знала, что и в угольной духоте котельной инженер будет цепляться за ее ускользающий подол, желать ее и клясться в любви.

Ночью в топке полыхал огонь, его лучи резали двигающиеся рычаги Энрика-9, загорались на стальной броне. Автомат с однообразным стуком пружинил цилиндры, поворачивался на осях и бросал в прожорливую глотку печи уголь. Вы не узнали бы Куарта. Он был ободран, измазан сажей. От инженера остались только очки. Они поблескивали красными огнями. Куарт переставил регуляторы автомата. Потом сел на кучу угля, тупо смотрел в огонь.

В котельную заглянул человек.

— Добрый вечер, Франк! Что — сегодня можно? Это я, Мин... Да это не Франк... А где кочегар?

Куарт обернулся.

— Я кочегар.

— А Франк? — пришедший посмотрел на автомат. —
Понятно. Франка съела машина. Жалко. Семья большая у него.

— Семья? Я не знал...

— Вы-то при чем? Машина хозяйская... Здорово сделана. Даже страшно. Такие железные парни быстро нас уничтожат. Как здорово работает! И не устает. И жрать не нужно. Ловко придумал хозяин... Кончились мои ночевки: я тут ночевал, на бульварах стало холодно. Франк тайком от управляющего... позволял: за котлами. Пойду проведаю Франка. Прощайте!

Куарт схватил его за руку:

— Ночуйте, как прежде. Что вы! Я сам бездомный... Разве я выгоню вас? Очень рад буду. Одному тяжело.

Мин посмотрел теплыми от огня глазами на инженера.

— Ну, спасибо. Я бы не просил. Холода ударили.

— Вы рабочий?

— Безработный.

— Я рад, что так случилось. Мне о многом надо с вами поговорить... Да ведь я работал не для хозяев, а для рабочих. Вы меня поймете... Как вас зовут?

— Иоганн Мин. А вас?

— Энрик... Мин, вы, наверно, есть хотите?.. Глупый вопрос! Давайте ужинать... Давайте, как вы сказали, «пожирать Франка»...

Он протянул Мину судки, а сам побежал отрегулировать автомат, который начал царапать лопатой голый пол.

Мин молча жадно ел. Потом подошел к автомату. Развел руками.

— Не пойму... Хозяин дома совсем из ума выжил. Франк получал шестьдесят стейеров в месяц. Выгнал семейного

человека, поставил машину. Сколько она стоит, даже невозможно представить, и еще механик около нее! Ничего не пойму!

— Машина — моя. Хозяин и управляющий ничего не знают о ней.

— Ваша?

— Я инженер...

— Производите испытание? И первый опыт — умрет с голоду Франк с семьей или не умрет? Могу сказать без опытов. Умрет, потому что работы нет и не будет.

Мин вдруг пристально взгляделся в инженера.

— Пойдите, да вы тот самый инженер, что делал опыт на заводе Бординга?!

— Да... Я там пробовал автомат.

— Лаера хотела ваша машина выжить... Сорвалась рационализация? Плохо дело, господин инженер. — до кочегарки докатились... Значит, не машина, а вы выжили Франка... Инженер? Теперь и это бывает. Нет ни инженеров, ни рабочих. Теперь у нас новая широкая профессия — безработные. Да, инженер мог сделать. Рабочий одинокий с рабочим семейным так не поступил бы... Ну, вы, положим, не знали, что у него детидохнут с голоду.

— Я завтра же откажусь.

— Вы прямо ребенок! Вы думаете, хозяин пойдет просить Франка вернуться? Он только скажет два слова в бюро найма — и здесь около кочегарки будут душить друг друга сотни безработных кочегаров... Спасибо за ужин... С вашего разрешения, господин инженер, я завалюсь спать.

Он, спотыкаясь о куски антрацита, побрел в глубь кочегарки. Куарт подошел к нему.

— Выходит, что я враг рабочего. А и думал, что я его друг. Мин! Я ничего не понимаю. Моя жизнь, мои долгие годы работы — в этой стали автомата. Я поставил свою жизнь на карту. Я

бросился в работу. Освободить рабочего, освободить человека, задыхающегося под непосильным ярмом труда! Раскрепостить его мысль... И вот машина создана. Я гибну. Я обречен на голодную смерть. Я схожу с ума от отчаяния. Я совершенно одинок. Я враг хозяина и рабочего. Они оба ненавидят мой автомат. Неужели я создал Энрика-9 только для того, чтобы он проломил мне череп?

Мин встал с досок.

— Поймите, сейчас рабочий не может не быть врагом рационализации. Она его приговаривает к голодной смерти. Рабочий — друг и ваш и вашего стального парня. И единственный.

Черной от угольной пыли рукой Куарт устало снял очки. Он опустил голову. Черная рука с очками, в стеклах которых переливались огни топки, повисла плетью.

Мин положил свою руку на спину Куарта, словно успокаивая ребенка.

— Господин инженер! Одни очки вы сняли. Снимите и другие... розовые. Для вашего автомата нужно... сейчас только в Советском союзе ваша машина найдет спрос.

***

Ночью Куарт дежурил у Энрика-9. Мысли возвращались к одному и тому же: Мин прав, единственный выход — ехать на Восток, в СССР... Это легко сказать! Где взять денег? Упаковка, отправка автомата, билет. Да и кто знает, ждут ли там инженеров, как манны небесной...

Из темноты от дверей котельной кралась тень. Она вдруг набросилась сзади на инженера, повалила его на пол. Минуту длилась молчаливая ожесточенная борьба. Куарт с трудом сбросил навалившегося человека — и в ужасе отпрянул к стене. Лохматый великан схватил из кучи угля лопату и медленно приближался к нему.

— Так это ты, гадина?! За полцены устроился?.. С машиной... А я на улицу, как собака... Убью! Вор! Все равно не жить...

Он занес лопату над головой. Куарт бросился к другой стене. Между ними стоял Энрик-9.

— А твою машину в куски!. В кашу! Попробуй без нее поработать В этом аду!

Он ринулся на автомат. Куарт повис на руке Франка. Боролся за лопату, за автомат... Проснулся Мин, подбежал.

— Франк! Брось... Не смей! Франк!

— Перебью вас всех! Живыми не выйдете!

С грохотом опрокинулся автомат. Печь гасла. В кочегарке стало совсем темно. Было слышно только тяжелое дыхание борющихся людей и хруст угля под ногами.

— Отдай лопату... Сумасшедший!.. Он не виноват... Франк!

— А, тебя тоже купили!..

Над ними раздался чей-то резкий голос:

— Почему в котельной темно? Почему погашена топка? Кочегар! Заснул? Кочегар!!

Куарт поднялся.

— Сейчас зажгу свет...

Зажег. Из последних сил поднял с Мином автомат. На пороге стоял управляющий. Злое лицо в котелке.

— До сих пор не разведена топка?! Вы с ума сошли! Хотите заморозить трубы? Что это за люди тут?

— Она горела... Сейчас зашурую...

Куарт привел в движение автомат. Энрик-9 начал быстро загружать топку углем. Печь разгоралась.

Управляющий вытаращил свои воловьи глаза на автомат и даже поперхнулся.

— Что... Что еще такое? Я вас спрашиваю... Что это за издевательство? Почему вы не работаете?

— За меня работает машина.

— Я плачу жалованье кочегару Энрику Куарту. Так пусть он и работает! А это чучело выбросить немедленно из котельной. Оно может испортить мне отопление.

Куарт бессильно махнул рукой.

— Мне все равно. Могу работать и я.

Остановил автомат, взял лопату. При первом же броске у Куарта слетели очки. Он беспомощно шарил руками по полу.

Управляющий завыл:

— В чем дело? Вы долго будете дурака валять?!

Франк злорадно прохрипел:

У господина кочегара слетело пенсне.

Куарт не мог найти очки. Взялся за лопату. Плохо видя, беспомощно бросал уголь. Уголь летел мимо топки.

— Франк! Возьмите лопату у этого идиота! Он не умеет работать. Убирайтесь со своим чучелом и очками... Франк! Гоните их вон!

Ушел, шлепнув тяжелой дверью. Мин положил руку на плечо Куарта:

— Идем, инженер...

ГЛАВА XIII,

в которой Куарт жалеет, что его единственный спутник лишен дара речи.

Когда инженер Энрик Куарт лишился последнего крова — в кочегарке парового отопления, — Энрик-9 тяжелым ярмом повис на его шее. Инженер был человек, он мог ночевать в комнате с выбитыми стеклами; Энрик-9 был тонкий механизм, ему была вредна сырость мансарды. Хмурый автомат ржавел, то одно, то другое реле все чаще отказывались работать. Он останавливался.

Энрик-9 медленно умирал. Стояли морозы, но Куарт отдал ему свое пальто, старую шляпу и шарф. Он кутал автомат в пальто, стружки, бумагу, — это не помогало. Тогда Куарт привел закутанного в пальто громадного спутника в слесарную мастерскую. Раздел Энрика-9 и предложил купить на лом.

— Сталь?

— Высококачественная.

— Не подойдет. Жесть, медь, тогда бы другое дело.

— Скажите, нельзя ли у вас оставить мой автомат на неделю?

— У меня тесно. Нет места.

***

Инженер, подняв воротник пиджака, надвинув шляпу, сидел на ступенях, спускающихся к воде. Рядом с ним, укутанный в старое пальто, скрючился автомат. Его туловище наклонилось вперед, как у большой куклы. Сквозь дыру пальто просвечивала сталь. Инженер смотрел в бегущие воды реки.

— Ты не знаешь, что же произошло... А?

Энрик-9 смотрел на гранит ступеней. Ветер вздувал одну полу пальто, отчего автомат казался живым, задумавшимся собеседником.

— Мы в чем-то ошиблись с тобой. Мы хотели спасти человечество. Но никто не спасет нас от голодной смерти на этих ступенях... Плохо, что около тебя нельзя согреться. Я не предусмотрел, что в черные дни безработицы люди будут ночевать со своими «рабами» в холоде... Печи какие-нибудь аккумуляторные мог придумать... Мы не ели с тобой трое суток. Мы... К счастью, только я. Ты — мой раб, но ты совершеннее меня: у тебя нет желудка. Я возьму у тебя пальто, я околечел. Ржавей, рассыпайся... Мы с тобой рано родились. Век автоматов еще впереди. Люди — они близоруки. Мы подохнем, а через сто лет нам поставят памятник, вашим именем будут называть чахлые

скверы и пыльные улицы. Оки будут думать, что наши сгнившие кости придут от этого в восторг... Почему при жизни мы умираем с голоду, а те, кто замучил нас голодной смертью, вздыхают о нас, ставят никому не нужные памятники. Лучше бы при жизни поставили большой кусок хлеба с надписью: «Инженеру Куарту — благодарное человечество»... Неужели Бординги правы? Неужели лучшие умы мира были круглыми идиотами и завели человечество в тупик машинизма? Тогда всем нужно покончить с собой, ибо страшно идти дальше, но еще страшнее вернуться в тьму, в звериную ночь каменного века...

Куарт долго большими глазами смотрел на автомат.

— Знаешь... Мария меня бросила... Каждый вечер, когда я возвращался домой, сердце начинало биться. Скорее домой! Неслись улицы. Скорее домой! Может, все это только кажется. Может, она тоже не в силах жить без меня. Я приду — и она дома... Но таких сказок не бывает. Ее не было. Каждую ночь прислушивался, не слышно ли шагов на лестнице... к шагам на улице... Вот идет она. Откроет дверь. И все окажется шуткой... Но время идет, ночи проходят, путаются мысли от ожидания... Дом стал невыносим: секунда в нем — а то большое ожидание, что же случится?.. Тебя съест ржавчина, Энрих-9. Я не пойду в тот дом. Там я опять буду ждать ее... Да! Ведь ты был в тот день дома. Она уходила при тебе. Ты видел ее лицо в ту минуту. Радостное оно было или, может, она плакала?.. Как бы я хотел, чтобы у тебя были мозг, глаза, язык, сердце! Почему я не решал тебя дальше!.. Почему не сделать тебя совершеннее человека? Ты не слышал, она ничего не говорила? Я хочу слышать еще раз ее голос, ее слова... Что она говорила?.. Она... меня... любит? — Куарт тормозил автомат. — Она любит меня?

Автомат отрицательно покачал своей безглазой головой.

— Послушай, мой единственный друг! Когда Мария ушла... я однажды нашел ее чулок. Я держал чулок. Не знал, что с ним делать. И вдруг в первый раз я осознал, что те прекрасные ноги целует большегубый багровый Бординг. И она, наверно, так же по-детски хитро и нежно улыбается ему, как улыбалась мне, и вытягивает носок, любуясь своей ногой... Я не мог больше быть дома. Сходил с ума... Поздним вечером я бежал по улицам. Замерзал, бродил всю ночь... Но там, на площадях была еще более ужасная пытка. Светящиеся трубки, световые газеты, рекламы, зеленые, желтые плакаты — все вопили и преследовали меня: «Концерт Бординг. Новая модель «Мария»... Как горит у меня лоб!..

Куарт приложил голову к холодной стали автомата.

— Знать бы тебе, что такое одиночество!

***

Не было денег на покупку электрического корма для аккумуляторов автомата. Он стал мертвецом. Его тяжелое тело надо возить на тележке.

Тяжесть... От голода совсем нет сил толкать тачку. Но возвращаться в опустевшую комнату тоже невозможно. Куарт поскользнулся. Упал на колено. И уже не мог подняться. Коленка промокла. Обволакивала сонливость, хотелось опуститься на мокрую мостовую и ни о чем не думать... Вот валяется упавшая с головы шляпа. Рука словно чужая. Она не слушается. Дотянись и подними Из грязи шляпу... не подчиняется...

.....

Должно быть, прошло много времени, уже стало совсем темно.

Ветер ударяется в броню Энрика-9, пробегает в его цилиндрах. При сильных порывах ветра кажется, будто автомат

что-то шепчет или насвистывает. Тогда делается неприятно. Все время прислушиваешься... к его шёпоту. В издерганных голодом мозгах начинает рождаться всякая чушь, кажется вдруг, что Энрик-9 медленно поворачивает свою безглазую голову... Вот он неуклюже поднялся на тачке, слез с нее, тяжело став в воду. Покачиваясь, подходит.

Ночь. Небо режут далекие огни реклам на той стороне реки. Шумят авто. Гирляндами повисли огни над мостом. Где-то воеет джаз, голос взбирается все выше, и» звук несется в вечернее небо. Стальной колосс в темноте грязного переулка медленно поднимает своими бронированными лапами тело инженера. Автомат держит на руках своего конструктора. Смотрит в его белое исхудавшее лицо, на его, как у спящего ребенка, полуоткрытый рот, на две беспомощно свесившиеся руки. Его создатель жалок.

Может, в эту секунду даже железное сердце автомата сжалось. Энрик-9 хочет сказать своему конструктору замечательные вещи, но его фонограф беден, и он только хрипло произносит:

— Здравствуйте, инженер Куарт!

Энрик-9 заносит инженера высоко над огнями, мигающими с того берега реки, и опускает на тачку. И везет ее, грузно шлепая цилиндрами ног... Везет тело инженера, распростершееся, с лицом, устремленным ввысь, с жалкой прядью, свалившейся на лоб. Почти торжественно везет в тьму переулка. Из далекого окна над грязью переулка плачет саксофон.

Слезятся газовые фонари...

И тьма окутала стальную тень Энрика-9.

ГЛАВА XIV,
в которой будет сказано о развлечениях этландцев.

На одной из площадей Луна-парка одиноко торчал высокий столб силомера, украшенный на вершине пучком национальных флажков. Тумба, по которой бьют молотом, была сделана в виде смешной толстомордой головы с маленьким носом и зажмуренными глазами. Лицо выражало боль от удара по черепу.

У силомера, сняв пиджаки, побагровев от натуги, пыхтят два пьяненьких господина. Их лица похожи на тумбу, которую они по очереди бьют молотами:

— Эскар! Скажи: «Мой друг Фрип, ты сильнее меня!»

— Нет, я сильнее... Ух!

— Эскар, скажи, что я сильнее... Ух!

— Дорогой Фрип, я всегда был сильнее тебя... Ух!

Они начали с ненавистью посматривать друг на друга.

Жадно опрокидывают стаканы вина. Покачиваясь, задыхаясь, опять хватаются за молоты. Их просьбы звучат уже, как требование. Еще минута — и они, наверное, начнут лупить друг друга молотами по лысым черепам...

Пестро одетая дама, хозяйка силомера, уже волнуется, глядя на помутневшие глаза друзей, и умоляет:

— Господа... Господа... соревнуйтесь корректно... Осторожней... Вы убьете меня! У вас вырывается молот! Ах!

— Нет, я сильнее!.. Собака!

***

В толпе зевак на ящик взбирается оборванный человек в очках. Словно заправский зазывала из дешевого «шапито» или средневековый «шарлатан», он вычурно размахивает руками и шляпой.

Он улыбается, громко кричит, но глаза его полны боли.

— Почтеннейшие господа и дамы! Все сюда! Невиданное зрелище! Жуткое явление! Монстр! Чудо двадцатого века. Железный человек, именуемый «Энриком-9»! За десять фени вы можете увидеть невиданное... Энрик, покажись почтеннейшей публике!

Инженер Куарт начинает водить автомат по кругу. Какая-то дама взвизгивает.

— Не пугайтесь, он на Цепи и безопасен, как кошка на ленте.

Толпа всегда любознательна:

— Гы-гы-гы!.. Скажите, а он может любить?

— Нет, только работать... Он любого молотобойца заткнет за пояс. Вот, взгляните.

Куарт подводит Энрика-9 к силомеру. Закрепляет в руках автомата молот. Удар. Кольцо силомера взлетает до поблекших флажков.

Эскар мычит:

— Феноменальная сила.

— Ах, какой он страшный!

— Не хотите ли вы его объятий?—сладострастно острит Фрип, наклоняясь к девушке в сиреновом платье.

Глаза Куарта на минуту зажглись.

— Вы взгляните, какой бы это был кочегар...

Толпа не любит лекций — она в Луна-парке.

— Скучно.

— Ерунда!

— Что-нибудь повеселее!

— Плачу стейер — пусть станет на четвереньки.

— Почему он не танцует?

— Эй, ты, фокусник-покусник, заставь свое чучело танцевать! Румбу... — заказывает господин в рубашке с красными полосками.

Куарт смотрит на оловянные пуговицы глаз господина.

— Танцевать? Хорошо. Я завтра научу его танцевать... румбу, как вы изволили сказать. Пока за пятьдесят фени вы можете ударить его ногой в зад. Прошу, уважаемый господин, только не очень сильно, ибо зад у него железный...

Господин, похожий на борова, пыхтя бьет по задку Энрика-9.

Толпа любит шутки.

— Гы-гы-гы!

Господину с оловянными глазами это понравилось.

— Можно мне еще раз... за ту же цену?

Инженер, зачем вы бледнеете и истерически кричите в Луна-парке?..

— Энрик-9 может любого из вас заменить в работе! Он может всех выгнать с насиженных мест!..

Инженер хочет крикнуть толпе: «Вон! Стадо!!» Но вовремя спохватывается. Кривляется и уже чужим голосом добавляет:

— ... но он, этот стальной дядя, не властолюбив... Видите, он забавляет вас, он валяет дурака. Не бойтесь, это только чучело... железное чучело на цепи. Почтеннейшая публика! Сегодня за несколько фени, брошенных в шляпу этого стального идиота, вы можете потешаться. Спешите, только сегодня. Я не ручаюсь, что завтра он сможет вас рассмешить... Вы, господин, хотите, чтобы он потряс задом?.. Энрик-9! Публика просит потрясти задом.

Куарт включает мотор, и корпус автомата с гудением сотрясается.

— Толпа любит смешные телодвижения.

— Гы-гы-гы!

Девушка высовывает голову из толпы и писклявым голосом спрашивает:

— А воздушный поцелуй он не может сделать?.. Вот так рукой...

Куарт, закрыв от усталости глаза, отвечает ей:

— Ни поцелуев, ни детей он не делает, ибо он не он, а оно...

— Оно?! Хи-хи...

— Не откажите опустить, сколько можете, в его шляпу...

Разумнейшая из машин, протянув рычагом руки шляпу, идет по кругу. Круг быстро пустеет. Несколько человек бросают монеты и, зевая, уходят. Остается только одна пышно одетая пара. К ним подходят Куарт и автомат с протянутой шляпой.

Господин Бординг опускает бумажку в шляпу. И говорит Куарту:

— Вы подаете надежды. Вы на верном пути. Не стыдитесь никакого труда. Рокфеллер начинал с чистильщика сапог. Не правда ли, Мария?

Мария огромными глазами ужаса смотрит на ободранного человека в очках, своего бывшего мужа. Она его даже не видит. Она глядит только на впалую щеку, обросшую щетиной. Ее глаза застилают слезы... Марию поспешно уводит Бординг.

Долго стоял Куарт. Ему казалось, что остановились время, мозг, что но жилам уже не бежит кровь. Что од утонул в пустоте.

Чей-то голос около него произнес:

— Забирайте ваш аттракцион. Скоро запрут ворота.

ГЛАВА XV,

в которой мир покрывается расселинами.

Ночуя как-то в канаве, Куарт снял очки. Утром нашел их под собой раздавленными. Стекла держались в оправе, но покрылись лучами трещин. Купить очки — девять стейеров. Их не было. Инженер обрел новое зрение.

Все люди, которых он теперь встречал, были сломаны. Дома покрылись щелями. Буквы вывесок сдвинулись. Весь мир

предстал покрытым расселинами, готовым рухнуть. Небо похоже было на разбитую голубую тарелку. Деревья парков еле держались, словно наспех склеенные синтетиконом. Мчавшиеся по асфальту машины на лету распадались и рассыпались. Трубы заводов, разрубленные на куски, чудом висели последнее мгновение в воздухе.

От созерцания этого растреснутого мира овладевал ужас перед грохотом, с которым все окружающее с минуты на минуту должно было обрушиться...

Эта навязчивая мысль к вечеру сдавливала мозг. Тогда инженер закрывал уши, бежал по улицам и слышал, как сзади раскалываются и рушатся дома. И камни свистят над головой. Вот покатился вниз университет. Кренится... нависает десятиэтажный дом на углу... и вдруг, соскользнув с карнизов, гремя водосточными трубами, летят на Куарта стены...

***

Волосы Куарта стали пепельными от грязи, глаза ввалились, лицо за год избороздили морщины. Запавшими, мутными от голода глазами смотрел он на город сквозь разбитые очки... Как ему не везет! За какое ремесло он ни берется, — все рушится. Словно в его руках динамит.

Всегда начиналось прекрасно. Он встретил около рынка своего товарища по институту, инженера Хольгера. После серии радостных воплей: «Куарт!» — «Хольгер?» — «Ты?!» — «Я!» — после сострадательного взгляда Хольгера на измазанный и разорванный пиджак Куарта последовал путанный рассказ изобретателя о мытарствах, которые он претерпел со своим автоматом. Хольгер нежно заправил ему торчавшую грязную рубашу, погладил его по спине и сказал:

— Куарт, нас окружали ослы. Наше «прекрасное школьное детство» — десяток лет, вычеркнутых из жизни. Я насиловал свой

мозг высшей математикой, у меня трещал череп от клубков дифференциальных исчислений — и все для того, чтобы сегодня я мог сложить в уме двадцать четыре стейера пятьдесят фени и двенадцать стейеров семьдесят пять фени. Я совершенствовал свои руки, как фанатик пианист, я добивался, чтобы они умели вычерчивать паутинные линии чертежей машины, — а руки мне нужны только для того, чтобы проворно убрать тарелки, смахнуть салфеткой крошки, сделать бесшумную посадку серебряного подноса с блюдами. Я, как одержимый, вгрызался во все мыслимые и немыслимые законы механики, — а мне нужен был только один закон механики: закон равновесия при беге с подносом в руках. Я завалил, как чердак хламом, свою голову расчетами сопротивления, законами аэродинамики, коррозией металлов, таблицами... Я насиловал свою память, чтобы она запомнила тысячи формул, — а она нужна мне только для того, чтобы запоминать, какое сегодня меню, какой марки вино и сколько устриц сожрал мой клиент... Ночами я кусал пальцы, мучаясь, ища, конструируя новые машины, — а мне нужно знать, как сконструировать ужин для господина Партечка, когда он приходит со шлюхой из мюзик-холла, и как — совершенно по-другому — построить механизм смены блюд, если он приволок свою жену... Когда в одном из триместров, отвечая профессору, я спутал сопротивление медных труб и железных, он не поставил мне зачета. Это же была чепуха! Но когда две недели тому назад я спутал и принес этландский бифштекс человеку, заказавшему бифштекс англез, метрдотель предупредил меня, что я могу искать другую работу... Я растерял свою память, знания. Я потерял даже имя. Вместо всего этого на моей пруде от восьми вечера до пяти утра висит никелированный номер. Я — «№ 38 — Бар Одеон»... Энри! Я завидую своему сослуживцу: он был доцентом по кафедре литературы. Ему хорошо дают «на кофе» наиболее просвещенные

посетители. Он, сукин сын, подавая каждое блюдо, приправляет его цитатой из «Пира» Платона, из писем Эпикура, стишком Катулла или Вергилия. И все метко! В стиле блюда! Понимаешь, что обидно? Он зашибает деньги тем хламом, которым набивали его голову в университете. Д я не могу. Нечем! Не скажу же я: «Вы едите, мадам, как экскаватор», или: «Шницель обработан на лучшем фрезерном станке кухни нашего бара». За такую остроту меня уволят. Да... Так ты думал, что я счастливый инженер?.. Мой приличный вид обманчив. Я никакого отношения не имею к механизмам. Я их забыл. Я не помню, как называется то приспособление, при помощи которого вот этот прыщавый шофер поднимает колеса. Лебедка?

— Хольгер, стыдно: домкрат!

— Домкрат?.. Я работаю кельнером в ночном баре «Одеон». Заходи... Мне пора.

***

Хольгер рассказал чудеса об автомате своего школьного товарища, сумел растрогать жирное сердце своего начальника, вскружил метрдотелю голову перспективами оригинальной рекламы бара. Устроил Энрика-9 механическим швейцаром в «Одеоне» и даже сумел вырвать для Куарта аванс на переделку фонографа.

Стальной череп Энрика-9 был вскрыт. Из него была выброшена хриплая мешанина приветствия конструктору и вместо нее вставлен новый вал фонографа.

Когда вечером стеклянные трубки вывески наливались кровавым свечением «Бар Одеон», когда внутри начинали выть саксофоны, — у подъезда стальная громадина вежливо открывала дверь бара и из своей механической пасти громко приветствовала вас:

— Добрый вечер!.. Пейте коньяк Савери! Лучшие устрицы только у нас! Бар Одеон... Бар Одеон!..

Несколько дней все шло прекрасно. «Железный швейцар» собирал у подъезда бара толпу зевак. О нем даже писали в газете. В заметке также были указаны меню бара «Одеон» и премьер джаза. И репортер получил право неделю бесплатно ужинать в баре. Куарт стал думать, что вскоре он сможет снять угол и продолжать свои опыты. Управление автоматом на расстоянии, по радио...

Но в один из вечеров, когда пошел дождь, покрывая лаком асфальт, машины и плащи людей, — Энрик-9 взбесился.

Вместо того чтобы равномерно открывать дверь, он разбивал входящим головы, вопя:

— Добрый вечер!.. — трах по голове. — Добрый вечер!..

Он прищемлял пальцы, руки, ноги, крича:

— Пейте коньяк Савери!

Он обрывал перепуганным женщинам хвосты платьев, хрипя:

— Лучшие устрицы только у нас!

Он поверг всех в ужас своим механическим исступлением, грохая все быстрее дверью. Летели выбитые стекла.

— Бар Одеон! Бар Одеон! — гремел он.

Он осатанело тормозил дверь, не давая никому ни войти, ни выйти. В окнах мелькали лица перепуганных официантов... Куарт отлучился на полчаса, понадеявшись на выверенную точность железного швейцара. Вернувшись, он застал толпу, протоколы, истерические вопли намазанных женщин, потрясавших ключьями, вырванными из длиннохвостых платьев. Он увидел кровь, бежавшую из разбитого носа какого-то толстяка... Группа белых официантов, возглавляемая озверелым метрдотелем, повалила автомат на тротуар, в бегущие потоки воды.

Опрокинутый на землю Энрик-9 продолжал неистово двигать рычагами своих рук и безостановочно орал в небо, рушившееся дождем:

— Добрый вечер! Пейте коньяк Савери! Добрый вечер, пейте коньяк Савери!..

Куарт умолял каких-то прохожих помочь втащить автомат в ворота. Злые лица исчезали за потоками воды.

Инженер лепетал:

— Его заливает вода... Поймите! Он заржавеет... Помогите, будьте добры... Помогите!..

Стадил с себя пиджак, кутал автомат. Тот грозно выбрасывал свои рычаги. Срывал пиджак. Холодная вода обливала тело Куарта. Скользя ногами, падая в лужи, он тянул за ноги автомат. Автомат орал:

— Добрый вечер! Пейте коньяк Савери!

Можно было сойти с ума от этой не умолкающей болтовни:

— Добрый вечер! Добрый вечер!.. Савери... Савери... устрицы... устрицы...

Куарт ногой ударил по рупору автомата. Смял его подошвой. На секунду автомат умолк. А потом зло, как помешанный попугай, быстро затараторил:

— Бар Одеон, бар Одеон, бар Одеон...

Дождь стеною воды обрушился на улицу.

ГЛАВА XVI,

в которой высокоодаренный стальной человек Энрик-9 находит наконец свое подлинное место в этландском государстве.

— Здравствуйте, господин инженер! Вы еще живы? А в меблированных комнатах ходит слух, что вы вскоре погибли, как

только съехали от нас, — окликнул Куарта сторож общественной уборной на площади Победы.

— К сожалению, я еще жив, дорогой старик...

Обрадованный встречей старичок Бунк счел долгом похвастаться своим производством. Он горделиво показывал:

— Видите, какая у меня чистота. Идите сюда. Посмотрите, какой блеск! Э!.. Что? Где вы увидите такие игрушки? А медные ручки, а цепочки — горят, точно золото! А вот... вот...

Он суетился, показывая, какие у него чистые полотенца и щеточки всех калибров.

Куарт грустно улыбнулся:

— Я вам завидую. Вы счастливы. Вы занимаетесь делом, которое любите. Я этого лишен.

Бунк поднял кривой палец.

— Полезным делом... Идите, запирайтесь в платный кабинет. Как бывшему соседу — бесплатно... А как ваша стальная статуя? Кому продали?

— Никому. Она приносит мне неудачи. Я таскаюсь с ней, издохну, и она придавит меня. Стальное ярмо на моей шее...

— Никому. Хм... Хм... А можно ведь... Да, да... Так вот... Попробуйте поставить ее здесь. Пару стейеров в день может собрать... А если она еще сможет вежливо произносить: «Уважайте свое здоровье. Возьмите платный номер. Не забудьте спустить воду и помыть руки после уборной!» — ваша статуя может иметь успех у посетителей. До трех стейеров в день. Подумайте, господин инженер... Не брезгуйте. Гордость в голоде — вещь никчемная...

***

«Я даю вам оружие... в Энрика-9 я вложил несколько лет напряженнейшей работы, все свои средства и надежды...

Не задумываясь, я вложил всего себя... Ибо передо мной была большая цель — раскрепостить человека от непосильного труда...

Освободить его мысли. И вырвавшаяся мысль затопит мир своей мощью и переделает его.

Огромные, кипящие работой цеха, в которых нет ни одного живого человека! Одни потомки Энрика-9. Вот они стоят темными тенями у станков, резко выбрасывают руки-рычаги, хватая части, железные балки, передавая друг другу. Полное безмолвие царит в цеху...

Несется экспресс. Ведет поезд машинист из стали...»

***

Вместо темных бездн и штолен, поблескивающих антрацитом, Энрик-9 спустился под землю площади Победы. Посетители любовались его внушительной фигурой. Хохотали, слушая его металлический голос. Всегда опускали в копилку один-два фени. Энрик-9 покрылся ржавчиной и от рассвета до позднего вечера, как попугай, твердил:

— Уважайте свое здоровье! Возьмите платный номер! Не забудьте спустить воду и помыть руки после уборной!

— ...не забудьте спустить воду!..

Инженер Куарт метался в жару и бредил:

— Тьма... под площадью Победы сырость... Для этого производства лужен автомат из нержавеющей стали... Энрик, ты покрылся коростой ржавчины. Ты словно проклят... Ты — стальной груз, висящий на мне. Я выношу тебе смертный приговор. Уничтожу! И я свободен... По дорогам, городам. Вырваться из столицы. Уйти в батраки. Пусть в бродяги, в нищие... Кто сказал, что моя гениальная машина выставлена на посмешище в уборной? Нет!.. Нет!.. Он пришел и спустился в шахты... Он стоит у конвейера. Вот видите, на сборке...

«Не забудьте спустить воду... Возьмите платный номер!..»

— ... Он работает у топок, на пашнях, в карьерах... Он пришел вас освободить!

«Не забудьте помыть руки после уборной!»

— ...Он пришел вас... освободить...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

„ ОПУС и К°”

или

ПОВЕСТЬ О ЗЕМНЫХ РАСЧЕТАХ

ГЛАВА I, *в которой г-жа Шлюк превращается в Шейлока.*

По дошедшим до вас из тумана веков неоспоримым сведениям ковчег Ноя не был комфортабелен от палубы до трюма и от кормы до носа. На нем была и роскошная кают-компания, которую занимал отважный Ной со своей семьей, были и светлые трюмы для пахнувших молочной испариной коров, были, наверно, и темные и скользкие отсеки, в которых Ной поместил змей, удавов, жаб и аллигаторов. На «Ноевом Ковчеге» г-жи Шлюк помещение по рангу аллигаторов и пресмыкающихся занимал инженер Куарт. Оно находилось на самом верху меблированных комнат (но ведь г-н Куарт искал самый тихий угол). Несколько стекол из окон, выходивших во двор, были выбиты и заткнуты лохмотьями (но ведь цена была значительно дешевле, чем, например, за комнату г-на Буйка). Зимой щели в стене промерзали лучами инея (но ведь г-н Куарт был молод, и ему не следовало баловать свое тело теплом).

Г-жа Шлюк не могла поймать своего бледного квартиранта уже месяц. Он обладал совершенно дьявольской способностью приходить и исчезать незамеченным. Он был неуловим. Вот почему сегодня г-жа Шлюк кралась по коридору, как тигр по джунглям. Она уже подходит к дверям. Она вытягивает свою длинную шею. Она прислушивается. Она резко распахивает двери. Она врывается в комнату Куарта. И, заметив торчащие на кровати худые ноги инженера, злорадно взвизгивает:

— Ага!.. Вы дома? Очень хорошо, господин Куарт! Вы дома. Вы отдыхаете. Это может себе позволить человек, заработавший деньги. Следовательно, вы получили деньги...

Не притворяйтесь спящим, я слышу ваше, довольно неприятное, дыхание... Вы повесили какую-то занавеску над

кроватью. Ах! Вы так любите уют! Но прежде вы вставили бы себе окна, а потом должны были спросить квартирохозяйку, угодно ли ей, чтобы господин Куарт превращал ее собственную меблированную комнату в театр. Правда, она неплохо укрывает вас от кредиторов, но все же я требую ее снять. Немедленно! Итак, вы хотите знать, сколько с вас следует? За комнату за три месяца семьдесят пять стейеров, за разбитую лампочку — восемьдесят пять фени, за электричество — двенадцать стейеров (у вас свет горит круглые сутки!), за поломанный стул (помните, тот, венский...) — пятнадцать стейеров. Итого — сто четыре стейера восемьдесят пять фени. Сто стейеров вы можете одним банкнотом, это я вам разрешаю. Вы считаете деньги? Я попрошу вас не молчать. Не притворяйтесь спящим, меня не проведете, я ведь не сапожник Мюль или госпожа Шиф из угольной лавки. Им достаточно увидеть пустую комнату... У меня седые волосы, господин Куарт, я, простите за откровенность (тут г-жа Шлюк прибавила десять лет для остротки квартиранта), я уже тридцать лет сдаю меблированные комнаты и имею дело с негодьями, которые живут и не платят. Вы можете гордиться и похихикивать там за занавеской: вы оказались негодяем из негодяев. За тридцать лет еще никто меня так не околпачивал. Но сегодня ваш последний день. Сегодня полиция вышвырнет вас на мостовую! Да, да, вам удалось провести старуху Шлюк... «Молодой инженер с женой ищет комнату в тихой семье для научной! работы». Да, вы меня водили за нос по всем правилам науки! (Молчание квартиранта приводит г-жу Шлюк в бешенство, и она вдруг орет:) Деньги! Сию же минуту деньги! Фрип!

Мгновенно появляется долговязый парень, ее сын.

— Фрип! Спрячь на всякий случай чемодан этого проходимца. Он пуст, но за него могут дать хоть двенадцать стейеров.

И нарочито громко г-жа Шлюк швыряет на пол чемодан жилья.

— Ну, теперь вы заговорите?!

Но жилец молчит, он не считает даже нужным встать или показаться из-за занавески. Г-жа Шлюк вдруг обращает внимание на стул, стоящий у двери, театрально заламывает руки и кричит:

— Боже мой! Что я вижу!.. Соседи! Люди! Госпожа Путек! Все сюда!..

По коридору, как в казарме на сигнал тревоги, дисциплинированно бегут жильцы и толпятся в дверях комнаты. Г-жа Шлюк похожа на актрису ложноклассического театра. Она, как расиновская Федра, бросает трагические взмахи костлявых рук:

— Взгляните!.. Он изрезал мой стул... Видите!..

Мясник Путек внимательно исследует спинку стула и мрачно выносит приговор:

— Перочинным ножом.

Г-жа Шлюк, как подстреленная героиня американского фильма, вскидывает руки:

— Ножом! Ножом! Он громит мою квартиру. Стул — ножом. Мой любимый стул! На нем сидел еще покойник Ганк.

Долговязый Фрип скорбно произносит:

— Да, на нем сидел мой папа.

— Стойте... соседи, не уходите!.. Здесь была картина «Коронование императора». Господин Путек, ведь правда, она была здесь?

Г-н Путек солидно заявляет:

— Да, здесь была картина «Коронование императора».

Г-жа Шлюк неистовствует:

— Караул! Он продал ее. Арестуйте его сейчас же! Зовите полицию! Он украл и продал, а сам прячется за занавеской. Фрип! Закрой дверь, он может прошмыгнуть, как в прошлый месяц...

Г-н Путек поправляет подтяжки на своей тучной фигуре и тоном опытного охотника подает совет:

— Госпожа Шлюк, раз он удирает... по-моему, связать до, прихода полиции.

Г-жа Шлюк командует:

— Заходите со всех углов... Он может выпрыгнуть в окно. Ах, осторожнее, он способен на все!

Жильцы «Ноева Ковчега» осторожной облавой грозно сдвигаются к кровати...

Г-н Путек, глянув за занавеску, констатирует:

— Притаился... Здесь!

— Хватайте.

— Не уйдешь, птенчик!..

— Заходите с той стороны!

— Потрудитесь встать...

— Ол!..

За занавеской вдруг воцаряется тишина... Потом оттуда выходит бледный г-н Путек и произносит:

— Мертв...

— Как .мертв?.. Ой! Я умираю, сердце, задыхаюсь, воды!..

Мясник Путек командует в коридор:

— Воды! Госпожа Шлюк опять требует денег с квартиранта...

Г-жа Шлюк распахивает занавеску:

— Как мертв? Это что еще он выдумал?!

Поперек кровати лежит спокойный и бледный инженер Энрик Куарт. Г-жа Шлюк не унимается и грубо дергает лежащего:

— Бросьте притворяться! Меня не проведете. Я тридцать лет сдаю меблированные комнаты. Вставайте сию же минуту!.. Мертв! Ха! Он издевается над нами... Он был бы холодный. Мы его приведем в чувство! Фрип! Дай ему хорошую затрещину... Так, посильней! Ничего. Ему надоест это. Я ему покажу изображать мертвецов!.. Какой негодяй: он молчит, но стоит нам уйти за дверь, как его и след простынет...

Г-н Путек пробирается среди жильцов и засучивает рукава. Похоже на то, что он хочет дать затрещину трупу.

— Разрешите, я его потрясу...

Но тело инженера Куарта валится из рук мясника.

И сторож Бунк заявляет:

— Ну, если господин Путек не привел в чувство, значит мертв.

Мясник поправляет рукава.

— Госпожа Шлюк, мы поймали труп... Ваш жилец покончил свою жизнь актом самоубийства. Вот записка.

Путек читает записку, читает так, делая такие ударения и так коверкая слова, что становится непонятным, почему мертвец не поднимется и не завопит.

«Меньше всего в моей смерти ищите мелодраму. Окружающее настолько омерзительно, что я с радостью уйду. Я с наслаждением умираю, засыпаю, как человек, прошедший бессонную ночь. Я просто хочу спать. Доброй ночи!»

Г-жа Шлюк вырывает записку.

— Что? Как так «покончить с собой»? Ему «хочется спать»? А сто четыре стейера? Сто четыре стейера и восемьдесят пять фени? Как так умереть, не заплатив долга за квартиру и электричество?.. Нет, это вам не пройдет, господин Куарт! Фрип! Тащи эту падаль.

Г-н Путек багровеет, начинает тяжело дышать и загоразживает ей дорогу.

— Госпожа Шлюк! Это безнравственно! Куда вы тащите труп?

— Как куда?! Он еще теплый... Наверху у нас живет сумасшедший доктор Пикерик. Он оживит его. Он откачает его... Фрип, тащи! Боже, боже, что делается! Три месяца не платить за комнату, за электричество одно двенадцать стейеров, за поломанный стул пятнадцать стейеров — и нате: «он покончил самоубийством». Фрип! Длинноногая дубина, чего ты стоишь? Тащи его за ноги к доктору Пикерику...

ГЛАВА II,

в которой Куарту грозит превращение в Агасфера.

Когда г-жа Шлюк с сыном втащила, как мешок, за ноги труп Куарта в полутемную комнату, доктор Пикерик рассматривал на свет лампочки пробирку, наполненную чем-то желтым, и бормотал: «Так-так-так... угу... угу... интересно!»

— Добрый вечер, доктор Пикерик, — сказала сквозь одышку г-жа Шлюк.

— Добрые сумерки, госпожа хозяйка. Что вы притащили? — спросил доктор, не отрываясь от созерцания пробирки.

— Труп.

Доктор Пикерик сунул пробирку в карман.

— Так-так-так... угу... угу... интересно! Замечательная интуиция. Мне именно сейчас нужен труп. Цена?

— Сто четыре стейера и восемьдесят пять фени.

— Вы с ума сошли! Сторожа моргов мне притаскивают за десять стейеров роскошные трупы.

Какие сторожа трупов? — скрипнула Шлюк.

Доктор Пиперин ткнул несколько раз труп ногой.

— Ведь это — хлам. Понимаете, хлам! На резку идет.

— Я его и не продаю. С ума сошли — резать! Мне нужно его оживить... Он только что отравился.

— Так бы и говорили. Что же вы таскаете его по полу?

— Не в катафалке же вам привозить?

— Очень хорошо сказано... Так-так-так... угу... угу... угу...

Интересно! Оживить? Пятьдесят стейеров!

— Тридцать два — и ни одного больше.

— Тащите обратно.

— Сорок. Сжальтесь, доктор!

— Сорок пять, и то по знакомству.

Г-жа Шлюк прикинула на счетах мозга: 45 и 104 — 149 стейеров.

— Ну, ладно. Я из него их вытрясу... Понимаете, задолжал сто четыре стейера и восемьдесят пять фени. И покончил с собой! Оживляйте, откачивайте, давайте противоядие, — он может протухнуть, и тогда пропали всё мои деньги.

— Госпожа Шлюк, вы уходите. Не мешайте...

***

На лестнице жильцы столпились у дверей Пикерика и подслушивали:

— Булькает.

— Кровь выпускает.

— Он ее мыть будет. Грязная, отравленная она...

— Тише, тише... что-то напевает...

Доктор Пикерик возился с трупом и весело напевал:

Я ехал с красоткой,
С красоткой своей,
Я ехал на лодке,
На лодке моей.

- Я бы умерла от страха, а он поет!
Г-н Путек тоном знатока вставил и свое словечко:
— Я вот мясник. Я его понимаю. Я всегда на бойне пою.
— Ах, господин Путек, вы же Зигфрид.
— А вы — Кримгильда. Хо-хо-хо!
— Как вам не стыдно! Там покойник, а вы хохочаете...

***

Инженер Куарт был бледен, как мертвец, но он был уже жив, сидел на стуле и со свистом тяжело дышал. Доктор Пикерик замер, вцепившись в его пульс... Куарт вяло и скорбно наконец произнес:

- Зачем вы это сделали?
— Так-так-так... угу... угу... угу... занятно! Очень слабый пульс.

- Кто дал вам право возвращать мертвецов?
Доктор Пикерик, не отрывая взгляда от часов, ответил;
— Мой пустой желудок. Притом, вы отравились в минуту отчаяния.

Инженер с омерзением передернулся и вырвал руку.

— «Минута отчаяния» — какая затрепанная пошлость! Ничего подобного. Я лег в смерть, как ложатся в кровать после бессонной ночи.

Куарт с отчаянием оглядел комнату, мгновенно схватил ланцет со стола и хотел с силой ударить им себя в горло, — Пикерик повис на его руке.

— Оставьте! Оставьте ланцет! Маниак! Я вам не дам покончить с собой в моей комнате... Госпожа Шлюк!

Квартирохозяйка ворвалась, как северный ветер. Доктор швырнул ланцет на стол:

— Госпожа Шлюк, ваш жилец, не успев ожить, уже опять покушался на самоубийство.

— Что?! Я вам покажу самоубийство! Нет, это вам не пройдет, господин Куарт! Вы сначала заплатите сто сорок девять стейеров и восемьдесят пять фени, а потом можете делать с собой, что хотите!

— У меня нет денег, — слабо произнес инженер.

— Я вас заставлю их найти, чтобы уплатить мне долг. Фрип! Долговязая хмурая тень уже торчала в дверях.

— Фрип! Не спускай с него глаз, вырывай из рук ножи, флаконы, веревки. Старо! Теперь не те времена. Как так умереть, не заплатив за квартиру!

Куарт судорожно втянул широко открытым ртом воздух и прошептал:

— И вам не стыдно, доктор, оживить меня для того, чтобы я опять слышал голос госпожи Шлюк?

— Милый мой, я на вас заработал сорок пять стейеров. Жизнь стоит дороже.

— У меня нет цели, для того чтобы жить...

— У вас будет цель!

— Какая?

— Вы должны жить, чтобы заплатить сто сорок девять стейеров и восемьдесят пять фени госпоже Шлюк.

***

Фрип вел по лестнице еле шагающего Куарта, который как-то по-детски лепетал:

— Оставьте меня в покое. Я спать хочу... Оставьте меня...

Сверху, точно с небес, громыал грозный голос квартирохозяйки:

— Фрип! Не слушай этого преступника. Stereги! Я тебя собственными руками удушу, если он покончит с собой.

Доктор Пикерик пересчитал деньги.

— Так-так-так... угу... угу... угу... прекрасно! Госпожа Шлюк! Останьтесь на одну минуту. Совет... бесплатно. Ваш жилец — не жилец на этом свете. Он помешан на самоубийстве. Есть такой доктор... Нафанаил... консультант самоубийц...

— Он, наверно, обучает этих негодяев накладывать на себя руки?

— Ничего подобного. Он отучает их от этих занятий. Да, да. Эм... эм... В наши дни это замечательный профилактик... Как бы вам объяснить?... Ну, простите за сравнение, эм... эм... есть консультация для беременных женщин, а у него — для людей, беременных идеей самоубийства. Доктор Нафанаил делает им, так сказать, аборт... Да, да... очень хорошее сравнение. Вашему жильцу надо сделать аборт. Доктор Нафанаил приглашает всех желающих умереть — обратиться к нему, прежде чем они решатся на «последний шаг отчаяния». Он удерживает «усталых» от самоубийства. Одним дает советы, как преодолеть свое «горе», других лечит не то гипнозом, не то очень теплыми разговорами. Его можно найти на улице святого Якова. Его замечательное предприятие называется «Консультация для уставших от жизни, доктора Нафанаила».

— Дайте адрес. Я сейчас же веду этого прохвоста... Полное разорение! Три месяца за квартиру, сорок пять за воскрешение из мертвых, и еще какие-то консультации. Я его куплю в рабство! Я из него выжму все расходы и убытки...

***

Это случилось 30 апреля... То было число сбора квартирной платы. Воскресный день стал сумасшедшим днем. Г-жа Шлюк за два часа успела совсем высохнуть и стала похожа на мечущийся по лестницам и коридорам скелет. Ее маленькие острые глаза вылезли из орбит.

Г-жа Шлюк грозно забарабанила в дверь, где жил химик Гемс, который тоже не заплатил за истекший месяц.

Из своей квартиры высунулся мясник:

— Госпожа Шлюк, он только что ушел...

— Боже мой! И вы его выпустили... Теперь он не явится три дня.

— Госпожа Шлюк, я опытный жилец... Как только поднялись крики и началась возня с этим «самоубийцей», этот вонючий химик... Между прочим: я попросил бы выселять его из коридора, где живут порядочные люди. Из его комнаты воняет газами и чёрт его знает чем!.. Да. Так он — за шляпу и к лестнице... Но меня не так легко обмануть. Почему я должен платить, когда все ваши остальные квартиранты — жулики?.. Я решил: ты не уйдешь! Я ему: «Куда? А деньги госпоже Шлюк?»

— Да, где деньги?

— Здесь. Он вам в конверте их просил передать.

— Ах... господин Гемс — хороший жилец. Он беден, но честен. Просто, он спешил по своим химическим делам... Очень хороший жилец. Спокойный. Я даже сегодня ему перетащу старое трюмо... Тут, в конверте, денег нет. Какая-то бумага... Наверно — чек. Ох, сердце! Прочтите... я потеряла очки...

Г-н Путек прочел следующее:

«Г-жа Шлюк! Прошу извинить за беспокойство и убыток, причиненный моим самоубийством. Что поделаешь — кризис, безработица.

Гемс».

Когда Путек кончил последнюю строку, г-жа Шлюк лежала поперек коридора. Путек, перепрыгнув через нее, побежал за доктором Пикериком.

Доктор хотел уже спускаться вниз, но услышал, что это излишне... Дом потрясал неистовый крик г-жи Шлюк:

— Фрип! Фрип!!

Доктор Пикерик, очень взволнованный, дрожащими руками надел очки, подошел вплотную к мяснику, посмотрел на его бычью шею и сказал:

— Услышав о самоубийстве Куарта, этот химик... тоже убежал?

— Травиться, или вешаться, или зарезаться бритвой,— - промычал Путек.

— Так-так-так... угу... угу... угу... интересно!

Доктор снял очки и, как диагноз, отчеканил:

— Передайте квартирохозяйке, что это опасное явление. Массовый психоз... очень заразителен. Эм... эм... пусть прекратит немедленно не только крик, но даже разговоры о смерти. Ибо во всех этажах начнутся самоубийства... Слышите? Ни звука. Иначе... иначе полдома перевешается и перетравится. Стойте!.. Господин Путек, не уходите. Почему она кричит?! Может, она нашла его повесившимся в парадном? Не уходите. Заберите от меня подальше ланцет... да не то: нож, белый... и ту склянку заберите к себе на квартиру... Я пойду немного пройтись. Ничего, ничего, я без шляпы... Возьмите и эти баночки тоже... Эм... эм... заставьте ее замолчать... Эм... эм...

***

В комнате Куарта разъяренная Шлюк била своего сына Фрипа.

— Где? Где?! Где он?!

Фрип выл:

— Он... он... А-а... Не бей... Он... в окно!

Шлюк дубасила сына по голове.

— Когда?! Когда?!

— А! А! Сейчас... Ой! Сию минуту! Удрал...

Шлюк бросилась к открытому окну, высунулась на улицу и, заметив удиравшего инженера, завопила на весь «Ноев Ковчег»:

— Он! Бежит по улице! Все сюда! Караул! Держите его! Путек, Буше, Фрип... все!! В погоню... Скорей, изверги! Он может броситься под трамвай... Повернул направо, в переулок... Все за ним! Караул!

Перепуганные насмерть жильцы под предводительством г-жи Шлюк бросились по лестнице вниз и исчезли на улице, оглашая ее криками.

В доме остался один мясник Путек. Он уныло бродил, нагруженный банками и ланцетами доктора Пикерика, не зная, куда их девать. Зашел в комнату Куарта. Избегая глядеть на кровать, словно там еще лежал мертвец, он подошел к окну. Тупо глядел на банки с ядами. Ему стало тяжело дышать. Медленно взял в руку большой ланцет. Глаза мясника вылезли на лоб. Рука с ланцетом прыгала, и он ясно почувствовал, как этот маленький белый ланцет тянет его красную громадную руку и приказывает ей ударить по горлу! Тогда Путек завыл от смертельного страха, как, бык на убойном дворе, — выбросил все банки и ланцеты в окно и, пошатываясь, выбежал из комнаты самоубийцы.

ГЛАВА III,

в которой наш герой собирается совершить полет в ничто.

Однажды инженер Куарт очутился летней ночью под черными сводами моста св. Якова.

Вокруг моста, переброшенного через мутную реку, застыла тишина. На берегах спали предместья. Луна сыпала серебро на черное стекло реки. Изредка наверху трусливой дробью простучат подошвы запоздалого прохожего.

Куарт откинул голову на холодную гранитную стену. Смотрел в нависшие высокие своды моста, слушал, как вверху тоскливо сочится вода.

Затем встал и медленно направился к лестнице, ведущей на мост. В полутьме столкнулся с тремя оборванцами.

Первый из них подозрительно взглянул на Куарта и грубо его окликнул:

— Эй, голубок! Место под этим мостом абонировано нами. Выкидывайся немедленно!

— Я ухожу. Надеюсь, верх моста вами не абонирован?

— Вам, очевидно, нужны только перила моста. Они свободны.

Второй оборванец тихо сказал удалявшемуся Куарту:

— Только будьте добры, бросайтесь в воду с этого моста. Не стесняйтесь. Мы не будем мешать... Счастливого прыжка!

Куарт, криво усмехнувшись, так же тихо ответил ему:

— Я думаю, что с этого, ибо лень и нет сил идти до следующего.

Он сделал несколько шагов к лестнице, но его ноги подкосились, и он зашатался. Самый высокий из трех оборванцев пробасил:

— Самоубийца валится с ног. Альберт! Надо его подкормить, а то у него не хватит сил взлезть на перила.

Маленький полный человек протянул Куарту какую-то снедь и очень вежливо предложил:

— Не стесняйтесь. Нате, кушайте. Это не жалость. Мы заинтересованы... то есть, простите... Мне приятно оказать вам помощь... чтобы у вас хватило сил покончить с собой.

Куарт машинально стал жевать.

Высокий развалился на берегу и принялся поучать инженера:

— Когда взойдете на мост, не сразу бросайтесь. Осмотритесь, нет ли кого. Затем... на той стороне есть выбоина на колонне; поставьте ногу, рукой за решётку и... смело вниз! Здесь очень хорошее место. Лучшее в городе.

Куарт улыбнулся.

— Вы очень милый циник. Просьба не спасать. Большое спасибо за ужин, хотя он был излишен... Вы заражены дешевой филантропией. Прощайте!

Он пошел к лестнице, но в это время первый оборванец снова взгляделся в него, схватил его за руку, повернул лицом к луне и радостно завопил:

— Чёрт! Куарт? Энрик, ты?!

— Вы немного похожи на моего школьного товарища, инженера Ольца...

— Немножко. Да, это я и есть... Энрик, собака родная!..

— Так это ты, филин?

— Коллеги! Знакомьтесь: мой школьный товарищ, инженер Энрик Куарт.

Маленький толстяк растерянно отрекомендовался:

— Доктор медицины Альберт Бэг... Бэг...

Высокий, третий оборванец, мрачный обладатель баса и большой бороды, протянул руку:

— Психолог Шюсс.

Олец, глядя на Куарта, печально покачивал головой.

— Энрик, бедняга! Я вижу отчаянные дела, — ты хотел взять ванну в этой мутной купальне? Любовь? Безработица? Голод?

— Скука... Послушай, Олец, что вы тут ночью делаете? А?.. Живете, наверно?

Олец немного смутился.

— Нет, хуже.

— Неужели... грабите?

— Если бы... Хуже...

— Убиваете? — прошептал с тихим ужасом Куарт.

Ему ответил мрачный бас психолога:

— Значительно хуже.

— Что же еще?

Ольц окинул вопросительным взглядом своих спутников:

— Коллеги! Это свой парень. Он не болтлив... Можно?

Шюсс махнул рукой:

— Валяй!

— Энрик, трое людей, которых ты здесь видишь, составляют «Артель Моста Самоубийц».

— Я ничего не понимаю... Инженер, доктор, психолог...
Какая артель моста?

Ольц усадил Куарта и протянул ему флакон.

— Хлебни... трезвая голова не поймет.

И, усевшись на куче песка, стал рассказывать:

— История нашей артели проста. В прошлом году я тоже полез на мост, мечтая проститься с этим миром. Я уже готов был броситься в воду, но меня заинтересовали странная конструкция моста, расчет ферм и настила. Ты знаешь, я ведь по профессии инженер, строитель мостов, но, когда я кончил институт и приготовился строить невиданные мосты, мне сказали, что все мосты в мире построены и нужды в инженерах нет. Тогда, проголодав год, продавая крестьянам собачий кал для удобрения,— я плюнул на кал и на мир и, вместо того, чтобы строить мосты, залез на парапеты построенного моста... И вдруг проклятый мост, последний мост в моей жизни — заинтересовал меня! В продавце навоза зашевелился инженер. Рассматривая конструкцию моста, я, помню, забрался сюда, где мы сейчас сидим. И тут, на этом самом месте, в час не состоявшегося моего самоубийства меня осенила гениальная мысль. Я учился строить

мосты? Следовательно, мосты, чёрт бы их взял, должны меня кормить! И в частности — тот мост, с которого я хотел броситься в воду. Надо тебе сказать, что мост этот зовется в городе «Мостом самоубийц». Сейчас — в эпоху кризиса и безработицы — средняя производительность его в ночь — двадцать-тридцать самоубийств.

При этих словах Ольца где-то поблизости с шумным всплеском обрушилось в воду тело.

— Альберт, быстро! — крикнул Олец.

Бэг бросился за выступ быка. Послышался плеск, затем возглас: «Готово!» — и опять плеск и какое-то мычание. Олец переключался с Бэгом:

— Веди в «Общество»! Кто?

— Учительница!..

Олец махнул рукой и продолжал рассказывать:

— Я не буду распространяться о том, как изменилась моя выдумка, как я нашел коллег по заработку. В общем, как это ни мрачно... мы кормимся самоубийцами. Наша фирма называется «Артель Моста Самоубийц». Подготовку заработка часто начинает психолог Шюсс. Шюсс, доскажи, я хочу пить.

Шюсс вынул изо рта кусок своей бороды, зевнул.

— Заметив слоняющуюся по мосту или в окрестностях подходящую тень, я надвигаю таинственно шляпу, подхожу и начинаю навевать мрачные мысли — для более утонченных натур использую философов на букву «Ш»: Шопенгауэра, Штирнера, Шпенглера, Шлима... и торгую мелочами: «последней рюмкой» для поднятия решимости самоубийцы, бумагой, конвертами для предсмертных записок и так далее. Когда уже готовый к смерти клиент, написав записку, вздохнув на луну, начинает карабкаться на парашют...

— Появляюсь я — Олец — и выпрашиваю какую-нибудь вещь — шляпу, пиджак, говоря — (тут Олец стал слезливо подвывать): — «Вам все равно не нужно! А я голодаю!...»

И благословляю самоубийцу. Он бросается...

Баг стоял совершенно голый. Вытираясь полотенцем и разогревая себя гимнастикой, он докладывал:

— Ну, а мои функции вы видели. Мое производство — под мостом... Услышав падение тела, я, как вы видели, бросаюсь в воду и спасаю. Большинство настолько счастливо бывает увидеть свет, поглядев на хвост смерти, что не отказывается чем-нибудь поблагодарить... Это из тех, кто «на романической почве». У кого же ничего нет, тех я отвожу в «Общество спасания на водах» — и за спасение утопающего получаю небольшую премию.

— Таким образом, — закончил Олец, — за ночь под мостом скопляются шляпы, пиджаки, премии. Мы их продаем и деньги распределяем поровну между собой!

Опять тяжело шлепнулось чье-то тело в воду... Бух!

— Видишь, спокойное дело! Машина сама работает, — сказал Олец.

Шюсс крикнул вслед убежавшему Бэгу:

— Доктор! Если на почве любви, — меньше чем за пять стейеров не вытаскивай! Пусть идет на дно. Надоели.

***

Была поздняя ночь. Луна освещала вершину моста. Она это делала, следуя лучшим традициям душещипательных романов. Шюсс, нахлобучив зловеще шляпу, подошел к опершейся на перила тени. Психолог мрачно поднял взгляд на луну. Подумал: «Ну, этот и без философии пойдет на дно». Затем начал с весьма тенденциозного вступления:

— В сущности, наша жизнь — только мираж. Меня всегда привлекает луна. На ней царит мертвый сверкающий покой. И там

нет измен... и очередей у бесплатных столовых. Как сказал покончивший с собой русский поэт:

«В этой жизни умирать не ново, но и жить, конечно, не новей...» Вам бумага, конверт, марки не нужны?

Тень встрепелась:

— Дайте.

Шюсс отошел, чтобы не мешать.

— Кончили? Могу взять небольшое поручение — опустить письмо в ящик.

Самоубийца нервно пожал руку психолога.

— Очень прошу вас. У вас доброе сердце. Прощайте!

Шюсс как-то вскользь бросил:

— Может, у вас найдется один стейер на... почтовые расходы?

Самоубийца порылся в карманах.

— Возьмите два.

Шюсс галантно приподнял шляпу:

— Благодарю! Ну, я... не буду мешать.

Он отошел, но увидев, что самоубийца колеблется, вновь подполз.

— Могу предложить рюмочку для храбрости. Коньяк — один стейер. Водка — пятьдесят фени.

— Водки!

— В расчете... У вас еще что-то звенит. Вы меня простите за цинизм, но едва ли «там» оно вам пригодится...

— Да, да... Вы правы... Вот!

Он высыпал в руку Шюсса горсть мелочи и отдал даже ключи и какой-то обломанный гребешок.

— Мелочь я возьму с благодарностью, а ключ и гребешок мне не нужны.

— И мне тоже, — горестно сказал самоубийца.

— Тогда подарим их... русалкам, — и Шюсс швырнул их в воду.

Шюсс исчез. Самоубийца вскарабкался на парапет и, глядя на луну, простонал:

— Прощай, Грета! Я тебя все-таки люблю...

Ольц еле успел удержать его за шиворот.

— О-одну минуту! Ни шляпа, ни пиджак вам не нужны. Я раздет. Подарите. Я буду за вас молиться.

У самоубийцы стучали зубы. Тяжело дыша, дрожащими руками он снял пиджак и шляпу.

— Возьмите... Молитесь и за Грету тоже...

— За Грету?.. Еще ботинки.

— Ботинки? Ботинки мне уже не нужны... Тащите, пожалуйста... тащите.

— Приятной смерти!

— Ах, Грета! — крикнул самоубийца и бросился с моста.

Ольц перегнулся через перила.

— Медик! Живо! Около левого быка клиент идет под воду!

***

Поздней ночью друзья сидели под мостом, курили. Речь держал психолог Шюсс:

— Веселое ремесло, которым мы занимаемся, под невеселой вывеской «Артель Моста Самоубийц», приносит неприятные неожиданности. Так иногда мои «подталкивающие» беседы с клиентом оказывают нежелательное для доходов артели действие. Клиент начинает хохотать, жмет мне руку и вопит: «Вы меня спасли! Спасли доказательством от противного. Пусть старуха смерть сама меня задушит, но я не брошусь в ее объятия первый!» И уходит, сволочь... А вашему другу Ольцу приходится часто иметь дело с совсем мрачными клиентами. На милое предложение инженера: «подать пиджак» в виде милостыни «раздетому» — они

часто дают по морде и ругаются. Однажды какой-то озлобленный самоубийца выбил инженеру два зуба.. Чёрт бы их взял! Три дня в артели шла дискуссия, за чей счет Ольцу вставлять зубы — за свой или артельный. Под конец списали два штифтовых зуба в убытки артели... Бывали и более мягкие самоубийцы. Они с трагическим стоном: «О, мародеры!» — уходили искать смерти под колесами или под деревьями, спасаясь от наших назойливых услуг. То были лирики! Одинокие натуры! Мизантропы!

— Эй, коллеги, гляньте, что это там покачивается на воде?

Все поднялись и стали всматриваться в воду.

Доктор Бэг констатировал:

— Женщина.

— Клиентка не наша.

Она беременна дюжиной самоубийц.

— Очень хороший поплавок. На животе фонарь можно укрепить.

— Я бы рекламный транспарант поставил: «Бросайтесь только с моста святого Якова!» — чтобы избежать таких антиэстетических форм навигации.

— Блондинка.

— Откуда ты это вывел?

— Блондинки всегда так разбухают.

***

У этих мутных вод члены артели стали убеждаться, что психология, медицина и строительство мостов были только досадными заблуждениями в их жизни. И что подлинное их призвание — выпрашивать пиджаки, откачивать утопленников. Они часто недоумевали, как им не пришло это в голову года два тому назад.

Правда, обнаружили неожиданные опасности ремесла. Наднях вся артель чуть не погибла при исполнении служебных обязанностей. Фильм неприятностей завертелся в таком порядке:

Бэг бросился за пошедшим ко дну самоубийцей. По всем правилам спасания утопающих, попытался элегантно буксировать его к берегу, но... самоубийца вдруг вырвался... как кит, выбросил из горла фонтан воды, пробулькал какое-то остервенелое ругательство, его глаза зажглись ненавистью, он схватил Бэга за горло и потащил за собой на дно.

На помощь бросился, не успев скинуть свой костюм и разжать руку с чужим пиджаку, Ольц. На секунду перед ним появились две головы тонущих в борьбе людей, он уже успел подплыть к ним, и вдруг... словно обрушившиеся своды моста, сверху грохнулось им на головы что-то огромное, и все трое пошли под воду. Обрушившийся мост оказался неизвестным самоубийцей.

В воде переплелись клубки рук и ног. На спасение погибающих, как длиннолапая собака, хлопая по воде, задыхаясь, плыл не умеющий плавать психолог Шюсс. Воды реки вспенились от этого кавардака тонущих. Над водой показывались то десять рук, то восемь ног, то две головы... Психология первого самоубийцы от удара упавшего сверху тела резко изменилась. Одно дело, когда вы хотите утонуть, а вас спасают. Но когда вас насильно топят?

Он вдруг завопил:

— Помогите! Тону!

— Шюсс! Ап... ап... я захлеб... хлеб... бываюсь...

— Где Ольц? Ольц... Ап...

— Хлюп...

— Буль... хлюп...

Первый самоубийца визжал, как девчонка:

— Помогите, меня топят!

Второй самоубийца, бросившийся с моста в поисках уединенной тихой смерти, попал в водоворот кругов, брызг, воплей, бульканья. Вертясь в воронке среди захлебывающихся людей, он не выдержал и, схватив за шею Ольца, завыл:

— Спасите!..

Олец ударил его по голове мокрым пиджаком и захрипел:

— Помогите! Он тянет меня на дно!!

Когда через полчаса подъехала полицейская лодка со спасательными кругами, она увидела дикую сцену. Перепутанные клубком бледные люди выбрасывали из носа и рта потоки воды, вцеплялись друг другу в волосы и, как буйно помешанные певчие, хором выли: «Спа-си-те!»

***

В августовскую ночь неутомимый член «Артели Моста Самоубийц» доктор медицины Бэг дежурил под мостом.

В ожидании падения с небес черных комков самоубийц он предавался трем философским занятиям: ковырял в носу, глядел на реку и размышлял о жизни.

Жизнь подобна реке. То она бурно несет свои воды — и тогда в лучших газетах печатаются объявления о докторе Бэге, шуршат автомобили, присланные больными, телефон разламывается от звонков... всем нужен этот прекрасный доктор Бэг! То становится тихой, покрывается элегически поблескивающей рябью,— тогда в просторной гостиной, перелистывая альбомы и старые журналы, сидят почтенные пациенты, и где-то есть пухленькая жена с родинкой над губой и ниткой жемчуга на шее.

...Но воды жизни становятся мутными. Тогда приходится ожидать одиноких пациентов, выпрашивать жалкие часы приема в казенной больнице.

... Река озлобленно завивает воронки, — тогда продается мебель, крутятся судебные процессы о долгах, и голодные доктора

конфузливо вытаскивают из-под полы инструменты и просят их купить.

... В реку вливается грязь, плывут бумажки, человеческий навоз и утопленники.

Для доктора Бэга прошли годы элегической ряби, и сейчас по его жизни плыл навоз.

Но доктор Бэг был оптимист, он был доволен своим ремеслом. Он сплюнул в воду и стал мечтать о том, как бы механизировать опасное производство артели. Некогда на юге Эландии, в лагунах, он видел хитрое приспособление рыбаков. Они прятали сеть на дне залива. Стаи рыбы заходили в залив, и рыбаки быстро поднимали сеть, преграждая обратный путь.

«Да... Между двух быков моста закрепить такую подводную сеть. Ведь это недорого... Как только клиент хлопнет...»

В воду упало тело, прервав мечтания доктора.

Минута за минутой надвигался час «пиг» артели.

Самоубийцы валились с интервалами от трех до пяти минут.

Еле отдышался Бэг от нудного процесса спасания какой-то хилой женщины, как вдруг сверху опять что-то кувырнулось. Бэг машинально бросился в воду. Нырнул, схватил тонущего и почувствовал, что его руки устали. Промелькнула паршивенькая мысль: «Еще одна премия «Общества спасания» — и я сам пойду на дно...»

Бэг плыл на спине, поддерживая над водой голову утопленника. Доктор выбился из сил. Все клиенты до сих пор были легкие, как пух, высохшие от голода и любовных мук, но этот — какой-то бегемот, он весит тонну... Слон! Он тянет на дно.

Бэг грубо сдавил его шею и, захлебываясь, крикнул:

— Работайте ногами, гребите руками... Носорог!!

Хрипя от одышки, доктор выволок на берег тушу. На самоубийце было сиреневое шелковое белье, и он благоухал хорошим одеколоном.

Бэг осмотрел стонавшую тушу и подумал:

«Ну, и инженер! Даже штаны содрал. Вот мародер! Этот Олец скоро будет отпускать их с моста лишь после того, как отберет белье и подтяжки».

— Послушайте, носорог! Кто вы такой?.. Вы надушились, словно собрались на бал.

Сиреневая туша уныло приподнялась, окинула его взглядом:

— Я... банкрот.

Бэг даже ахнул: это был первый клиент из магнатов.

Выловленный банкрот довольно быстро пришел в себя и стал внятно разговаривать:

— Так... Один меня пропагандировал, доказывая бесцельность жизни. Другой выклянчил штаны, как он сказал: «на счастье от утопленника». Третий выловил, сидит и, очевидно, ждет «скромной благодарности» за спасение... Эти люди не лишены сообразительности. Так. Синдикат в миниатюре.

Бэг оскорбленно запротестовал:

— Уверяю вас... Я спасал в силу большого человеческого чувства... милосердия! Ваше счастье, что я купался под мостом...

— Можете не болтать вздора. Я — делец. Я улавливаю все нити. Замечательные «бизнесмены»! Очень неплохо! Все фирмы, заводы, концерны сейчас имеют единый стиль — падающей вниз кривой. Имеют стиль падающего с моста человеческого тела. Стиль жизни — линия, ринувшаяся вниз. Только это дело движется в гору... Чёрт, в чем же я пойду? Послушайте, деляга! Я вам дам совет: пусть тот, на мосту, раздевает хоть донага. Мольбой, слезами, остроумием. Ему это удастся. А вы здесь, под мостом, за хорошую цену продавайте «спасенным» фиговые

листки в виде дрянных штанов предыдущей жертвы. Этот прием в торговом деле называется «двойной товарооборот». Я не хочу знать ваши секреты. Ясно, это одна шайка. Я человек дела. Ответьте только на один вопрос.. Сколько бросилось в воду вчера?

— Тридцать.

— Сегодня?

— Сорок пять...

— Пятьдесят процентов прироста за один день.

Замечательно. Гробы — единственный товар, на который в наши дни существует спрос... Самоубийцы! Очень неплохо!

Он сорвался с места и в одном белье исчез в темноте, крича:

— Пятьдесят процентов! Это же дело! Дело!

Бэт, как полоумный, бросился вдогонку за банкротом, вопя:

— Караул! Держи! Олец! Шюсс!.. Ловите его, бейте этого сукиного сына! Он хочет обворовать нас. Топите его. Догоняйте!.. Там, там, за быком!..

Вся артель бросилась в погоню за человеком в сиреновом белье.

ГЛАВА IV,

в которой опять появляется толстяк в сиреновом белье.

— Гец! Когда люди хотят есть колбасу, мы предлагаем им десятки сортов. Мы открываем концерны боен, колбасные фабрики, индустрию бекона. Не так ли? Когда люди хотят покончить с собой, нам нечего им предложить. Наоборот, все и всё мешают заказчику. В списке концернов, удовлетворяющих потребности человечества, нет одного весьма важного предприятия...

Лежавший в кровати человек в сиреновом белье выбросил изо рта, подобно вулкану, облако дыма. Выждал, пока оно поднимется

к потолку. Посмотрел на пепел, на внимательно изогнувшегося сухопарого человека, стоявшего подле него, и продолжал:

— Спрос рождает предложение. Вы знаете, какой спрос? Нет, вы не знаете. Я зашел в статистическое бюро муниципалитета. Плешивый старичок дал мне цифру. Эта цифра — четыреста восемьдесят семь тысяч самоубийств. У нас будет полмиллиона покупателей в этом году и семьсот пятьдесят тысяч в следующем! Это крупное дело.

Произошло такое сильное извержение дыма, что Гец затрясся в кашле.

— Вы обещали мне придумать название... Что у вас, чахотка? Нет? Имейте в виду, мне не нужны чахоточные служащие. Итак, название...

— Господин Опус, у меня есть шесть названий.

— Я слушаю.

— Акционерное общество «Вечный покой». Акционерное общество «Царство вам небесное»...

— Чепуха! Это вывеска для погребального бюро. Вычеркните.

— Акционерное общество «Memento mori».

— Разве мы итальянская фирма?

— Господин Опус, это латынь: «Помни о смерти».

— Широкая публика не знает латыни. Не популярно. Вычеркните.

— Акционерное общество «Последнее прости».

— Боже! Какая дешевка!

Длинное тело Геца покрылось потом под бичом этой грубой критики. Он с трудом выдавил из себя последнее предложение:

— Акционерное Общество Земных Расчетов...

— Земных Расчетов... Земных Расчетов... Как ни странно, у вас бывают оригинальные мысли. Это именно то, что мне нужно... Да, ну, а шестое название?

— Торговый дом Опус и К°.

ГЛАВА V.

в которой на Остркейском мосту появляется Гамлет.

На гранитном парапете набережной сидел инженер Куарт. Спина его пиджака была измазана и разодрана. Взглядом более внимательным, чем у гидролога, он изучал оловянную воду реки...

Быть или не быть? Вот в чем вопрос...

Полицейский шагает по мосту. Когда он дойдет до той стороны, мост будет на минуту свободен. Вода — как лед.

Что благороднее: сносить ли гром и стрелы
Враждующей судьбы, или восстать
На море бед и кончить их борьбою?

«Все прохожие шарахаются от меня, как от зачумленного. Они боятся, что я попрошу милостыню. Может, у меня страшное лицо?.. Перила высокие...»

Окончить жизнь — уснуть,
Не более! И знать, что этот сон
Окончит грусть и тысячи ударов...

В детстве он тонул в реке... Помнит, охватила сонливость. Звон в ушах... и вялые руки...

Но если сон виденья посетят?
Что за мечты на смертный сон слетят,
Когда страхнем мы суету земную?..

Как пересохли губы!.. Почему полицейский остановился?
Возвращается обратно... Прохожих мало.

Кто снес бы бич и посмеянье века,
Бессилье прав, тиранов притеснение,
Обиды гордого, забытую любовь...

Дымится брошенный окурок. Большой. Хватит на три
затяжки... Уже подобрал старичок. Камни совсем позеленели.
Грязь. Вода с фабрик. Нефть.

Когда бы мог нас подарить покоем
Один удар? Кто нес бы бремя жизни,
Кто гнулся бы под тяжестью трудов?...

А... Наконец ты зашатал... Иди... иди дальше. У тебя ужасное
ремесло. Целый день шагать, сохраняя величественную выправку
фигуры. Ругаться с шоферами. Гнать останавливающихся на
мосту...

Страна безвестная, откуда путник
Не возвращался к нам...

***

— Стойте! Не смейте влезать на перила! Назад!! Вы хотите
покончить с собой? Вы — слюняй! Вы — трус, гниль! К чёрту от
перил! Отверните морду от воды... Да знаете ли, с чем вы хотите
расстаться?.. Знаете ли вы, что такое жизнь? Остановитесь, Гамлет
с Острейского моста! Выслушайте меня. Дорогой! Не надо, вы
бледны. У вас серые губы. Жизнь уже еле теплится в вашем теле.

Умереть? Когда где-то восходит солнце. Над морями. Где утренний прибой. Где идут голубые волны. Умереть, когда несутся облака. Ветер качает сосны и колышет траву. Набегает рябь на озера. Раскрываются растения. Бегут стада на водопой. «Жить!» — дышит каждое животное. «Жить!» — в бурю цепляется на обрыве скалы сосна. «Жить!» — бьется рыба на берегу. В расплавленной пустыне человек доползает до родника и пьет воду. Вы, мечтающий залить свои легкие вонючей водой реки, рвущийся в смерть, — знаете, что такое жизнь?.. Океан воздуха, пронзаемый лучами солнца. Нежность утреннего ветра. Битва человеческой воли,двигающей в необозримое пространство тысячи метров бетона. Прямая земля, которую вздымают лемехами. Стадионы, где несутся бронзовые упругие тела: «Быть первым!» Плоды в садах и виноградниках, покрытые дымкой утренней росы. Полусонная стальная птица, поднимающаяся в высь. Распахиваемые окна, за которыми лицо в улыбке жмурится от натиска лучей. Белый каскад снега, вздымаемый лыжами. Это день, это ветер, овевающий обнаженное тело, бегущее по траве. Это натиском пробиваемые дороги среди скал: «Вперед!» Рукоятки, включающие станки: «Вперед!» Книга, цветущая переплетом и грядками строк. Босые ноги, ступающие в знойный песок. Холодные брызги воды. Пьянящий запах поля, оглушенного треском кузнечиков. Бой! Когда кровь полыхает и руки выворачивают камни из мостовых. Жизнь — это гудящие паруса и след пены за кормой. Это таяние снегов у ледника и плеск оросительных каналов. Холодок потной спины под порывом ветра. Жизнь — это соленый щебень знойных дорог. Это — руки, собирающие плоды с деревьев, забирающие высоту на самолете, руки, глядящие детскую голову, и руки, всаживающие патрон в ствол. Это — вкус поцелуя губ, на которых солнце и соль моря... И крик ненависти... И крик радости...

***

— Послушайте, сумасшедший! Я не покончу с собою, но скажите, кто вы?..

— Меня зовут доктор Нафанаил...

***

— Гец! Мне не нравится библейское имя этого доктора. Сделайте так, чтобы он исчез, — сказал владелец фирмы «Земных Расчетов» своему секретарю.

***

Приказ своего «босса» г-н Гец выполнил с присущей ему жестокой изобретательностью. Он зашел на актерскую биржу. Там слонялись голодные Гаррики и Кины.

В зале стоял гам кичливых и неискренних голосов. Мрачная жердь, г-н Гец, пробралась сквозь патетически жестикулирующую толпу к окошку, где сидел какой-то тип в люстриновых нарукавниках и зеленом козырьке.

— Что прикажете?

— Мне нужно нанять... сорок трагиков, — спокойно и важно сказал Гец.

На актерской бирже поднялась паника. Геца обступила толпа. Они тормошили его. Ощупывали, словно желая убедиться, что это не призрак, а подлинный невероятный работодатель.

Гец был засыпан смерчем вопросов:

— Что за театр?

— Что за пьеса?

— Для пьесы с трудом берут одного трагика... Но сорок?.. Это целый театральный трест...

— На выезд?

— Фрачная пьеса или готическая?

— Классика? Современность?

— Наверно, кино.

— Могу эпизод. Вот, посмотрите кадры. Снимался... Могу массовку... Согласен на любой жанр...

В тощее тело Геца вцепился трагик, он рычал, как лев, и вращал белками:

— Вам нужен первый трагик!

О, раб проклятый!
Ну, демоны, гоните прочь меня
От этого небесного создания!
Крутите в вихре бурном! Жарьте в сере,
Купайте в глубочайших безднах, полных
Текучего огня! О, Дездемона!
Мертва! О, Дездемона! О! О! О!..

Второй трагик оттолкнул его и старался обольстить Геца своим сиплым и зловеющим голосом:

Злись, ветер, дуй, пока не лопнут щеки!
Вы, хляби вод, стремитесь ураганом,
Залейте башни!
Вы, серные и быстрые огни,
Предвестники громовых тяжких стрел,
Дубов крушители, летите прямо
На голову мою седую! Гром небесный,
Все потрясающий, разбей природу всю,
Расплюсни разом толстый шар земли
И разбросай по ветру семена,
Родящие людей неблагодарных!

Третий трагик отшатнулся от Геца, словно убедившись, что это призрак, а не заказчик.

Ты слишком уж похож лицом на Банко!
Исчезни! Прочь! Увы, твоя корона
Мне жжет глаза! Другой! Исчезни, призрак!

Служащие и швейцар с трудом отогнали ринувшуюся яа Геца толпу этих львов театральных джунглей. И отделили из нее сорок заказанных трагиков. Счастливицы робко спрашивали у Геца:

— В провинцию?

— Гастрольная поездка?

Гец медленно отвечал:

— Гастроль здесь, на улице святого Якова.

— Там нет театра.

— Там нет помещения.

— Там будет театр,— жестко сказал Гец.

— Костюмы?

— Лохмотья.

— Роль?

— «Уставшие от жизни».

— Грим?

— Тоска, печаль... Вы обязаны не меньше трех раз в день посещать одного человека. Рыдать, страдать, ныть, выть и просить утешения. Итого сто двадцать мучительных мелодрам в день.

Нанятая на неделю банда околевавших от голода Королей Аиров, Шейлоков, Брутов и Гамлетов ринулась к дому, на котором висела вывеска:

Консультация
для уставших от жизни.
ДОКТОР НАФАНАИЛ
Вспомоществование не оказывается. Работа так-
же но может быть предоставлена.

Куарт пришел навестить своего спасителя. В приемной он застал крикливую полусумасшедшую толпу «уставших от жизни», добивавшихся приема у доктора Нафанаила, остервенело ругавшихся из-за очереди.

Когда, улучив момент, он наконец прорвался в кабинет, он увидел высохшего доктора Нафанаила, который, схватив себя за голову, закрыв глаза, метался по комнате и что-то бормотал. Затем вдруг остановился, поглядел на пришедшего большими страдальческими глазами. Рот его искривился судорогою. И доктор Нафанаил истерически крикнул:

— Кто вы? Что вам нужно?.. Зачем?.. А-а-а! Вы пришли за утешением... Вас бросила какая-нибудь потная бабенка... Или вы остались без работы... Так вы думаете, что у Нафанаила склад женщин для покинутых мужчин или бюро заработка... Что вам нужно?.. Что? Что? Что?

— Мне ничего не нужно. Успокойтесь, доктор. Успокойтесь...

— Вас ходят тысячи в день... тысячи... миллионы... биллионы... людей, которые никому не нужны... Бесперерывно в мою комнату вваливают человеческий хлам... Хлам... Хлам...

Он застонал и бросился в соседнюю комнату. Куарт поспешил за ним.

Через секунду из комнаты, куда они исчезли, послышался крик:

— Доктор Нафанаил! Вы с ума сошли... Стойте... Не смейте... Не смей...

Раздался выстрел.

***

Куарт, пошатываясь, вышел в приемную и хрипло объявил ожидавшей толпе:

— Господа... Доктор Нафанаил, четыре года отговаривавший самоубийц... покончил с собою.

На что один из «уставших от жизни» тихо и цинично произнес:

— Гастроль окончена.

ГЛАВА VI,

в которой раскрывается тайна одного пассажира скорого поезда.

Я ехал скорым в Этборг. Ночью, на перегоне Портик — Сальров, поезд так резко затормозил, что я слетел на пол. Крушение! Бросился к окну. Около насыпи замелькали фонари, освещая мокрые от дождя кусты. Я выбежал на площадку. Спустился на полотно. Меня окутали влажная осенняя ночь и давно забытый запах леса и валежника. Под ногами скрипел мокрый гравий. Вдалеке, около паровоза по черной слизи ночи ползали светлячки фонарей. Подошедший проводник «успокоил» меня и других разбуженных пассажиров: никакого крушения не было, просто около станции Сальров под поезд бросился человек...

Эта смерть неведомого человека в темноте мокрой осенней ночи меня глубоко опечалила. Я вернулся в вагон и уже не мог уснуть. Через пять минут в Сальрове в мое купе, в котором второе место было свободно, вошел пассажир. Это был длинный человек в дождевом плаще и мокром котелке. Он долго кашлял. Сухо и отвратительно. Проскрипев что-то о бронхите и ужасной осени, снял котелок, стряхнув на пол дождевые капли. Я успел разглядеть его сухое морщинистое лицо, острый нос и черные обвислые усы.

Я был расстроен трагическим случаем, мне хотелось освободиться от чего-то гнетущего — вот почему, хотя мой сосед

и показался мне пренеприятным субъектом, я все же заговорил с ним, желая разделить с кем-нибудь то неприятное ощущение, которое вызвало во мне случившееся. Он выслушал меня с каким-то злым огоньком в глазах, изредка неприятно улыбаясь своим кривым ртом.

— Чья-то смерть делает вас скорбным... В таком случае рождение человека должно привести вас в ужас. Подумайте, ему придется переболеть отвратительными болезнями. Ему будут изменять друзья и жены. Он обречен на муки, пытку, тюремное заключение, может быть, электрический стул или топор и наверняка — на унижение и голод. Мертвый должен вызвать радостный вздох. Почти зависть. Так завидуют новобранцы солдату, уходящему из казармы в бессрочный отпуск. Он избавлен от муштры, гауптвахты, козыряния, карцера и распевания патриотических псалмов. Если мы хотим быть ближе к истине, нам следует печалиться о рождениях, с священным трепетом и удивлением взирать на людей, доживших до семидесяти лет и не потерявших рассудка. Но завидовать мы можем только умирающим.

Дальше, все более и более убедительно, он развил такую философию тщеты нашего существования, что у меня впервые всплыли в мозгу все мои неудачи и неверия. Я стал думать о том, что завтра меня ничего хорошего не ждет...

Вспомнив о чем-то, мой сосед вытащил блокнот, набросал несколько строк. Вырвал. Смял и бросил в пепельницу. Затем написал, вторично. Вызвал звонком проводника.

— На первой же остановке отправьте эту телеграмму.

Затем стал укладывать свое длинное тело на диван. Оно никак не помещалось; видно, оно причиняло ему в жизни порядочно хлопот. Помучился приступом кашля. Умолк.

Он лежит спиной ко мне, этот страшный человек. Спит. Тихо покачивается абажур настольной лампы. За окном грохочут стрелки, встречные поезда.

Мой взгляд падает на смятую бумажку, исписанную костлявой рукой этого человека, отравившего мой мозг каплей яда сомнения. Кто он? Кому он телеграфировал? Каким ремеслом занимается этот обладатель жестких глаз?

Я совершаю возмутительное. Как вор, глядя ему в спину, поднимаю с пола бумажку. Тихо, чтобы не разбудить его шелестом, разворачиваю ее... но в это время он поворачивается на другой бок! Я в ужасе комкаю бумагу в руке, быстро ложусь и притворяюсь спящим. Через минуту я прячу ее в карман, чтобы прочесть потом, в коридоре.

Капля яда разливается по всему мозгу...

Я трус. Я боялся думать о своем будущем. Его нет. Что дальше? Голодная пустыня... Этот человек сказал мне эпикурову фразу: «Пока мы живы, смерти нет. Когда же она появляется, нас уже нет...» Меня не страшит она...

Мой мозг долго мучил меня. Я не помню, когда уснул. Меня разбудил проводник. В купе было светло. Солнечный луч грел красное дерево двери. Мы уже подъезжали к Этборгу. Мой спутник исчез. Прошел, наверно, в вагон-ресторан. Или слез на одной из остановок.

***

Дома, снимая дорожное пальто, я ощутил в кармане что-то плотное. Вытащил книгу, неизвестно как попавшую ко мне.

Цветная обложка. На ней:

ПРЕЙСКУРАНТ
**АКЦИОНЕРНОГО ОБЩЕСТВА
ЗЕМНЫХ РАСЧЕТОВ**

Этборг. Главный почтамт.
Почтовые ящики № В 29351 и № АГ 427

Многоуважаемые госпожи заказчицы и господа заказчики!

Если вы не видите в жизни никакой для себя цели, считаете свое существование бессмысленным и бесполезным, если желанная цель лежит вне этой жизни, разорились ли вы и не хотите жить в стесненных обстоятельствах, хотите ли спасти свое имя и имя своей семьи от позора банкротства, постигла ли вас драма неразделенной любви, угнетение начальства, придавило ли вас бремя брачных уз, устали ли вы от бесконечной погони за недостижимой целью, — какие бы ни были причины решении смести счета с жизнью и добровольно ее порвать, — всегда обращайтесь к услугам нашего общества.

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО ЗЕМНЫХ РАСЧЕТОВ

по умеренным ценам оформляет акт вашего ухода из жизни.

Вместо страха перед соседями, боязни полиции, лишних мучений от неопытности, спешки и кустарщины — Общество Земных Расчетов гарантирует своим заказчикам спокойную,

приличную,
достойную
столь серьезного акта
обстановку
для сведения счетов с жизнью.

Фирма гарантирует чуткий и предупредительный
обслуживающий персонал.

Фирма гарантирует охрану акта вашего самоубийства
— своими агентами. Вы избавляетесь от нежелательного
вмешательства посторонних.

Мы предоставляем своим заказчикам все лучшее, что
создало человечество в деле земных расчетов.

Сотни изящных и благородных способов!
Разнообразие приемов! Самый большой выбор в мире!

Тысячи благодарственных писем и хвалебных отзывов.

Полная гарантия тайны.

Делая заказ, ссылайтесь на наших агентов.

---

*«Прийти в жизнь можно толь-
ко одним способом, путей для
ухода множество».*

<i>ПРЕЙСКУРАНТ ЗЕМНЫХ РАСЧЕТОВ</i>

Самоубийство по I разряду.

№ 1. Роскошь! Специальный мортозал.
Симфонический оркестр. Программа может быть указана
вами. Иммортели. Розы. Хризантемы. Хор. Световые
аффекты. Сказочное оформление. Яства. Клиент может
заказывать все, что пожелает. Нимфы. Ансамбль женщин.

Обнаженное тело. Заказчик может избрать один из следующих стилей оформления последнего пира: «римский», «готический», «восточный», «рококо», «сказочный».

Цены по соглашению. Требуйте бесплатно отдельные проспекты «Мортозал». Подробности. Фотографии.

Добровольный уход из жизни по личным мотивам является законным правом человеческой личности.

.....
Дальше помпезность смерти спадала вместе с ценой. Уже IV разряд был доступен для людей среднего достатка...
.....

№ 48. «Римский, упрощенный». Белая мраморная ванна, увитая розами. Благовония. Звуки арфы.

Вскрытие вен опытным хирургом.

Медленный способ, не отталкивающий клиента.

Последние моменты его жизни окрашены спокойной меланхолией, иногда переходящей в бесконечную мягкость.

Цена от 80 до 100 стейеров.

№ 49. То же — без роз и арфы.

Цена от 60 до 80 стейеров.

.....
№ 61. «Динамитный». За городом, в тени раскидистых ветвей дерева вам устраивается уютное место. Под ним находится динамит. По настроению сами поджигаете шнур. Длительность горения может быть вами установлена (от 1 до 5 минут).

Цена от 15 до 20 стейеров.

№ 64. «Динамитный-суперьер». Проглатываете ампулу с динамитом и шнуром. Затем поджигаете от папиросы.

Цена — 10 стейеров.

Примечание. Способы № 61, 62, 63, 61 — удобны тем, что от заказчика не остается никаких следов.

«Самоубийство есть вопрос не смерти, а жизни, которая добровольно обрывается в зависимости от самых разнообразных условий и обстоятельств».

Пикардо.

.....
№ 77. «Икар». Клиента поднимают на аэроплане на высоту 3500 метров.

Прыжок в море воздуха.

В последний раз вы окидываете взглядом суетную землю и отдаете себя ей.

Цена от 15 до 20 стейеров.

№ 78. «Двойной Икар». То же, что и № 77. На 2 персоны. Вас связывают с объектом любви гирляндами цветов. И вы уходите из жизни вместе, окруженные облаками.

Цена от 30 до 40 стейеров.

№ 82. «Ужин с хризантемами». В отдельном кабинете загородного ресторана вам сервируют ужин. Аристократическое меню. Корзины хризантем около стола. В последний раз вы ужинаете, предвкушая пленительную перспективу вечного покоя. Яд, подмешанный в пищу, действует медленно, усыпляюще. Фирма гарантирует отсутствие болевых ощущений, спазм и отрыжки.

Цена от 30 до 40 стейеров, в зависимости от меню.

«Мы имеем такие же права на смерть, как права на жизнь».

Никомандр.

Как только вы начинаете тосковать и тяготиться жизнью, которая кажется вам лишенной смысла, — завяжите деловые отношения с нашей фирмой.

Запомните: Этборг. Главный почтамт.
Почтовые ящики № В 29351 и № АГ 427.

.....
№ 103. «Электрический» пикник (семейный)

Есть группы школьных товарищей, служащих одной какой-нибудь конторы, оставшихся без работы, или большие семьи, которые выражают желание свести земные расчеты в семейном или товарищеском кругу. Фирма идет навстречу заказчикам, организуя пикники.

На определенных местах, известных агентам, около высоковольтной передачи — все садятся в большой круг, привязывают себя друг к другу единой проволокой. (Символ единства, дружбы, семьи.) Закусывают. Пьют. Доброкачественные продукты лучшей гастрономии. Гарантия. Выступают с предсмертными спичами и речами. По особому заказу возможна музыка (патефон или гармония). Выпивают последний бокал. Один из друзей закидывает конец проволоки на высоковольтную передачу, Друзья умирают одновременно. Смерть почти безболезненная.

Цены по соглашению.

«Законы нашего государства не лишают граждан их естественного права человека. И в самом деле, может ли, например, закон преследовать человека за уход из жизни, причина которого часто кроется в лучших чувствах человеческой души, который является результатом самых высоких и чистых побуждений».

Из речи известного адвоката Мара.

.....

Последние страницы прейскуранта были уделены самым дешевым способам уйти из этого презренного мира. Цены их были доступны беднейшему населению столицы. Часто, очевидно, фирма торговала по себестоимости или рассчитывала на минимальную прибыль от проката инвентаря смерти.

№ 258. «Каменный — речной». Утопающий испытывает пьянящую сонливость, она переходит в оцепенение...

Мнение доктора Бугге.

*Камень, кокосовая веревка и охрана агента— 1 стейер
15 фени.*

№ 259. «Груз жизни». Способ, гарантирующий, что ваше тело не всплывет и не сделается достоянием насмешек толпы и иронии студентов в анатомическом театре.

Металлическая цепь и груз — 1 стейер 50 фени.

Последний номер прейскуранта стоил пять фени. Вы опускаете пятак в автомат, всовываете голову в дыру — и аминь!

.....

«Мы всегда обладаем свободой отказаться от выгод совместной жизни —отказываясь от существования».   Известный философ Ахт.

Красочные страницы были посвящены рекламе:

Акционерное Общество Земных Расчетов имеет в продаже нагрудные плакаты для вешающихся на деревьях парков. Большой выбор. Острота и сила фраз. Лирика. Любовные клятвы. Ирония. Сарказм. Проклятия. Угрозы.

Сенсация.

Сенсация.

«ПИСЬМА САМОУБИЙЦ».

Сборник предсмертных писем и записок различных
эпох и народов.

Приложение: Оригинальный письмовник. Образцы
посмертных записок на любые случаи.

Читайте газету
«ГОЛОС УХОДЯЩЕГО»
Цена 5 фени
Еженедельно!

«Человек является полновластным хозяином не
только своего имущества, но и своей собственной
жизни».

Гидро Гуго.

Вы всю жизнь жили, скромно одеваясь. Но по-
кончить с собой хотите в чистом белье, в сюртуке,
во фраке или в военном костюме.

ПРОКАТ КОСТЮМОВ,

соответствующих серьезности момента и вкусам
клиента.

Цены ниже, чем в костюмерных.

Я не сомневался, что книжонку подсунул мой страшный
спутник по купе. Он кандидат в самоубийцы.

Вот откуда его смертельный скептицизм.

Либо ошибся пальто, либо хотел избавиться от этого мрачного прейскуранта...

Возможно — только чудака с невеселым юмором.

Через минуту я обнаружил смятую записку, которую мне так и не удалось прочесть в поезде.

У меня похолодело сердце. Я почти догадался, куда он исчез... Мне можно было не читать черновика прощальной телеграммы.

История ясна. Он давно носился с мыслью покончить с собой. Беседовал со мной о тщете жизни. Это было остро и убедительно. Он почти склонил меня самого. То были мысли смертника. Да... Умиравший тянет за собой живых. Какое коварство! Он предложил мне, как яд, эту книгу. Затем отправил последнюю телеграмму. Исчез до прихода поезда в Этборг? Он бросился с поезда!.. Скорей прочесть записку. Там адрес его родных. Сообщить им подробности его последних минут...

Я развернул записку...

«Заказ клиента № 250847 выполнен под моим наблюдением. Ст. Сальров. Прейскурант 142. Гец».

Минуту я не понимаю ее смысла.

Затем роюсь в прейскуранте. 139... 141... № 142. «Любительский». В мешке фирмы... с плотно закрытыми ушами... Кладут на полотно... Он... Он... Тот, под поездом на перегоне Портик — Сальров! Клиент № 250847!.. Меня охватывает омерзение. Ведь это убийство! Сухопарый кашляющий человек был агентом Акционерного Общества Земных Расчетов!

Он агитировал меня, негодай!..

ГЛАВА VII,

в которой господин Опус занимается жестокой охотой на человека.

В конторе у господина Опуса, главы фирмы земных расчетов, больше известного нам как «человек в сиреновом белье», был зал, напоминавший палату тяжелобольных.

Вместо кроватей с вытянувшимися желтеющими кандидатами «в ящик» — стояли длинные столы картотек. Вместо полагающегося у изголовья высокого железного прута с черной табличкой, на которой медики записывают мелом имя больного, болезнь и температуру, — над каждым столом возвышались затейливая диаграмма и имя кандидата «в ящик»: «Лецт», «Бординг», «Густав Ларк», «Ортит и Сыновья».

Длинный ящик желтых карточек был совершенно схож с худым телом больного, внутри которого копошатся смертоносные бациллы, сочатся гнойники и лопаются сосуды.

В желтых листах тела, над которым возвышалась табличка «Густав Ларк», гнездились все бациллы, болезни, огорчения и неудачи г-на Ларка, владельца концерна сельскохозяйственных орудий, заботливо собранные агентурой «Общества Земных Расчетов» и частным сыском.

Все страдальцы, заботливо улаженные в эту палату г-ном Опусом, были подозрительны на «typhus bancroftis».

Г-н Опус, сам переживший эту смертельную болезнь, только в силу случайности не приведшую его к печальному концу, мог считать себя специалистом и знатоком этого тифа.

Достаточно было «Обществу Земных Расчетов» заполучить секретные сведения о плохих данных годового баланса того или иного короля сельдей, угля или подтяжек, — кака в палату вносили длинный стол с именем короля. Вот больной король жаток и

плугов «Авериг Юст»; под ним в ящике уже хранится первая бацилла — карточка плохого баланса.

Смертоносные микроорганизмы «typhus bancroftis» размножались. Появлялись желтые и шелестящие вестники развития болезни. Тут и сведения частного сыска о стоимости развода с женой, и газетные вырезки о разорении фермеров, грозящие сокращением сбыта комбайнов, молотилок и плугов. Тут и микробы первых долгов.

Всякое злокачественное увеличение бацилл сейчас же давало себя знать на диаграмме под именем больного. Этаким прыжок линии по шкале!

Падение акций на три-четыре пункта — и температура прыгала вверх.

Входя утром в палату смертников, г-н Опус сразу видел, кто дышит на ладан. Всякое резкое ухудшение у больного «typhus bancroftis» приводило г-на Опуса, как врача из анекдота, в восторг.

Он мог потирать руки и весело приговаривать:

- Перебойчики сердца? Чудесно, чудесно!
- Кровоизлияннице в мозг? Очень неплохо!
- 40,2? Миленькая температурочка!

Он давал волю не только своему врачебному восторгу, но и злорадству бывшего банкрота. Когда температура банкрототифозного достигала опасного накала долгов и падения акций, когда агентура добывала такие подозрительные сведения, как:

«Шофер сообщил: 12 августа господин Бординг машины не требовал. В контору не выезжал».

«12 августа. По сведениям, полученным от лакея, хозяин мрачен, заперся в кабинете. Велел выключить телефон».

Тогда г-н Опус заготавливал невеселый текст договора с «Обществом Земных Расчетов» и начинал добиваться личной встречи с больным.

***

В последнее время полицией и муниципалитетом овладела какая-то старческая сентиментальность. Они слишком усердно стали увещевать, ловить, отговаривать и оберегать самоубийц, нанося ущерб доходам «Общества Земных Расчетов».

Г-н Опус решил напомнить этим дуракам, что они занимаются противоестественной чепухой. Он срочно готовит докладную записку в министерство внутренних дел, в которой нужно доказать:

во-первых, вредность борьбы с самоубийством;

во-вторых, полезность деятельности «Общества Земных Расчетов»;

в-третьих, желательность субсидии от государства.

Для подкрепления первого пункта перед ним лежали две блестящие цитаты из Дюрхгейма:

«Самоубийство есть преобразованное и смягченное убийство. Оно благотельно, ибо если само по себе оно и не благо, то по крайней мере меньшее зло, избавляющее нас от худшего».

«Самоубийство является предохранительным клапаном, который не следует запирать. Самоубийство представляет огромное преимущество, избавляя нас без общественного вмешательства, наивозможно простым и экономным способом, от известного количества бесполезных или вредных субъектов. Не предпочтительнее ли было бы предоставить им мирно уничтожить самих себя, нежели вынуждать общество извергать их насильственно из своего лона».

***

— Какие прекрасные мысли!.. Ясно... Этим ослам надо напомнить, что существуют излишки. Вредные излишки. Кто их будет уничтожать? Некому. Значит, пусть они сами себя ликвидируют. Надо вставить еще неплохую фразочку этого паршивого министра просвещения: «Если бы треть страны исчезла или эмигрировала, наше отечество вздохнуло бы свободно». Одни национал-социалисты деловые люди. Эти желторубашечники — просто умницы. Они прямо говорят: «Этландия должна себя оздоровить. Уничтожить дегенератов и неполноценных людей. Подобно спартамцам — жить имеют право только здоровые этландцы»... Ничего нет проще доказать, что кончают с собой хилые, выродившиеся, неполноценные этландцы. Мою фирму государство должно приравнять к полезным машинам по мусоросжиганию. Мы помогаем убирать нечистоты...

— Что вам надо, Гец? Огромный процент налога? Они взбесились. Я вам говорил. Чиновники департамента оборов путают нас с землеустроительными предприятиями. Чёрт бы вас побрал с вашим названием «Земные Расчеты»! Они думают — «Земельные Расчеты». Сообщите им, что мы больше имеем отношения к погребальным бюро. Мы принимаем заботы по безвременно погибшим. Почему они не облагают таким же процентом «Братьев Фишпэ. Гробы. Венки и церемонии». Что у вас еще?

Гец протянул Опусу новое агентурное сведение о подозрительном на банкротство владельце концерна автомобилей Бординге.

«Сегодня утром выехал на курорт Альму, юг Этландии, ввиду острой неврастении».

— Гец! Распорядитесь. Я сегодня вечером выезжаю в Альму.

***

По пляжу ходили женщины в шелковых штанах, широких, как паруса яхт. Их белые фуфайки, облегавшие грудь, и белые шапочки, косо сидевшие на макушках, отвлекали Опуса от серьезных размышлений о деле. Среди золотого песка цвели зонтики всех цветов радуги.

Рядом с Опусом стояла голубая плетеная кабинка с пестрым занавесом вместо двери. Из нее высунулась громадная волосатая нога, ступила на песок. Грузный Бординг, запахнув халат, поплелся к берегу. Опус последовал за ним в воду. Они долго плескались, фыркая как носороги. Затем Бординг, тяжело дыша, выполз на сушу, лег и тупо стал рыться в прибрежных ракушках.

Опус тщательно вытер свой массивный живот и шею и решил, что момент собирания ракушек самый подходящий для беседы о земных расчетах.

Он начал с пляжных анекдотов, затем перешел на тему умирания автомобиля в перенаселенных городах, где машины вынуждены плестись, как черепахи...

***

В один из вечеров, прогуливаясь с Бордингом по набережной, обсаженной пальмами, слушая звуки оркестра, долетавшие из казино, Опус осмотрел южное звездное небо и сказал:

— Мы — вымирающие патриции. Не нужно прятать голову в песок. Наша римская империя людей дела, сильной воли и предприимчивости — умирает. Мы — последние патриции этой империи денег. Мы хорошо жили, помпезно должны и умирать. Не смерить в тюрьме за долга, не пуля, наспех и трусливо всаженная в себя. Нет! Мы должны умирать гордо и спокойно, как римские патриции. Нам нужен пир смерти...

***

В отдельном кабинете ресторана курорта Альмы был оформлен траурный договор с господином Бордингом, и Опус уехал на север, увозя авансовый чек.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГОМОФАМЕЛИКУС

или

ПОВЕСТЬ ОБ ЭТЛАНДСКИХ АРГОНАВТАХ

....Инженер Лозрик, построив самодельную моторную лодку, отправился на ней в кругосветное плавание в поисках работы...”

ГЛАВА I,

в которой на наши головы сыплются цитаты.

Длинноногий сын г-жи Шлюк все-таки поймал инженера Куарта и доставил в «Ноев Ковчег». Связанного по рукам и ногам инженера, по совету всех жильцов, положили в каморку Элиту ля. Там окно было слишком высоко для того, чтобы из него можно было выброситься на улицу, и совсем не было мебели, о которую можно разбить себе голову. Кроме того, внешность старого доктора философии Эпигуля, его мягкий голос, учтивые манеры могли подействовать успокаивающе на этого психопата. Сама же г-жа Шлюк, захватив большой ветхий ридикюль, побежала к полицейскому сержанту Цопу узнать, куда посадить негодяя — в тюрьму или сумасшедший дом.

На грязной двери конуры Эпигуля висела надпись: «Дом мой — дом наслаждений, ибо он дом бедности». Спал Эпигуль в углу, на куче истрепанных пожелтевших газет, вместо подушки укладывал четыре тома энциклопедического словаря, покрывая его какой-то серой тряпкой. Старый энциклопедический словарь служил в каморке Эпигуля универсальной мебелью: так, в случае необходимости стопка из шести томов образовала нечто похожее на стул, а комбинация из десяти томов — небольшой кухонный столик.

Рискованно выдвинуть такую вульгарную гипотезу... но, может быть, та колоссальная эрудиция, которой обладал доктор философии Эпигуль, отчасти была приобретена им оттого, что вечно либо его зад, либо его голова покоились на толстых томах — скопищах человеческой премудрости.

Тому, кто впервые встречал доктора философии Эпигуля, сразу запоминался красный нос философа, над которым лениво свешивалось пенсне. Поверх пенсне на вас глядели несколько усталые, добрые глаза. И, наконец, вы замечали, что у Эпигуля не хватает нескольких зубов и что его седая борода представляет собой сбившиеся, давно не чесанные два клока волос.

Доктор философии Эпигуль считал, подобно мудрецам древней Эллады, что наслаждение является первой целью жизни. Поэтому он всегда жевал своими прогнившими зубами конфеты.

Познавать — является второй целью жизни, поэтому он всегда носил подмышкой неразрезанную толстую книгу. Третьей целью является — давать советы и дружеские поучения. Поэтому он всегда щедро разбрасывал пригоршни цитат и изречений.

Эпигуль, сгорбившись над столиком из словарей, долго выводил на ватманской бумаге какие-то письма, затем повернулся, печально поверх пенсне посмотрел на лежавшего в углу Куарта и сказал:

— Дорогой друг... я не узнаю вас. Вы превратились в какую-то спирохету. Да. Вы бледный микроб. Вы ходячий микроб самоубийства. Не обижайтесь. Ибо — что такое люди? Об этом говорит убедительно Пеламед: «Люди — это жалкие микробы, копошащиеся в плесени, покрывшей комок земли, бесцельно вращающийся в мировом пространстве». Вы печальный микроб, инженер Кuart! Если даже правда на стороне пессимистов и мы только микробы — я предпочитаю быть жизнерадостным микробом. Втройне смешон скептический микроб...

Кuart злобно прервал его:

— Послушайте, доктор Эпигуль! Вы воображаете, что ваш клоповник — сад Эпикура, и начинаете меня поучать... Оглянитесь! Тут нет кипарисов и лавров,— здесь блохи, грязные тряпки и допотопный газетный хлам...

Эпигуль оглянулся и испуганно обвел глазами каморку.

— Странно... Я этого не замечал. «Важны не сами вещи, а наши мнения о них». Эта куча книг, сваленных в углу, мне всегда напоминала своими зелеными переплетами кусты лавров...

— Доктор, хоть вы постыдитесь принимать участие в этом идиотском фарсе... Развяжите мне руки... Развяжите! Меня заели блохи!

— Нет, дорогой, госпожа Шлюк или уничтожит меня, или... я рискую потерять это жилище, к которому привык.

Эпигуль поправил пенсне и погрузился в свою кропотливую работу.

Куарт долго лежал молча.

— До чего мы жалки с вами, Эпигуль! — начал он. — Мы пытками выжимаем из себя... ищем... для «человечества». Человечества! Вы сосете в гнилых зубах карамель, протираете штаны в поисках двух новых комментариев к Аристотелю, которого никто не читает. Вместо того, чтобы торговать салом! Жалкая у вас профессия! Вы знаете, философ, подлинную жизнь в этом мире получают владельцы реальных вещей. Мы — подонки сегодня!.. Голод, вши, выбитые стекла, какая-то рвань вместо одеяла, чесотка от грязи, лохмотья вместо одежды, промокшие ноги, неоплаченные долги, суды, одиночество... Одна черная краска. И рядом — другой... Ничтожество. Я его видел на-днях... Веселый, пышущий здоровьем... Торгаш! В бархате авто. Сытый, спокойный, довольный. Мой антипод. Человек, живущий на другом полюсе жизни. А вы хотите быть оптимистом. Мы обречены...

Эпигуль вытер перо бумажкой, покачал головой.

— Вы можете сказать, как Микель-Анджело: «Не рождается во мне ни одна мысль, которая не носила бы образа смерти»... Дорогой инженер! «Не лишайте природу ее законного права самой

превратить вас в кучу мусора», как сказал старый мудрец Сатикул. Жить стоит даже ради того, «чтобы завтра увидеть розовое тело женщины, купающейся в реке», — продолжал доктор философии Эпигуль, снимая вошь с шеи. — Бенак говорит: «Жить стоит даже ради того, чтобы убедиться, насколько завтра будет мрачнее сегодняшнего дня», — он раздавил пойманное чудовище ногтем. — Берите пример с меня, омерзительный нытик! Мой труд, мой долголетний труд «Мир и Я», труд, который должен перевернуть философский мир, — никто не хочет печатать... так же как никто не хочет покупать ваш автомат. Какая профанация ставить рядом наши труды!.. Издательства — банкроты. Они говорят мне: «Никто не покупает даже порнографических романов». Но Эпигуль не ищет веревок, газовых кранов и не стремится попасть под колеса трамвая. Он не завидует розовым жеребцам, у которых есть авто и к которым уходят наши жены. Авто, модный костюм! Я, как Сократ, могу воскликнуть: «Сколько существует вещей, которые мне не нужны!» Я не завидую. Ибо Эпигуль годами воспитал в себе Великую Атараксию, безразличие к переменам в жизни, бесстрашие и умение не иметь потребностей. Вы, одаренный микроб, не смотрите в окна чужих автомобилей, не ищите там чужих женщин, открывайте источники наслаждения в самом себе. Зазубрите и повторяйте, как молитву, аристотелеву строку: «Счастье принадлежит тому, кто сам себя удовлетворяет».

Куарт желчно захохотал:

— Старый развратник... Хотя это ложь: весь «Ноев Ковчег» знает, что к вам ходит какая-то старая дева... Вы — демагог. Ваши проповеди только для простаков, а сами вы если что-нибудь и ищите в себе, то только вшей. Вы успели убить их уже шесть штук... А счастье вы ищите в одеждах этой безобразной гетеры...

Эпигуль вскочил со стула из шести томов энциклопедии, — его глаза за стеклами пенсне стали грозными, а нос — из красного фиолетовым.

— Замолчите вы, пошлый микроб!

Доктор философии бывал страшен не более полутора минут. Он быстро возвращался в обычное благодушно-ироническое состояние.

— Да, ко мне ходит «старая дева», «безобразная гетера». Только, к сожалению, это не гетера, а безработная стенографистка, и ее приходы больше имеют отношения к тому плакату, который вы мешаете мне рисовать вот уж полчаса...

Эпигуль, что бывало с ним редко, слегка покрутил свой седенький ус и даже было замурыкал что-то, но потом ему захотелось продолжить разговор:

— Лет шесть тому назад, когда у меня был еще новый сюртук и я делал скандальные доклады вроде: «Благоразумие есть форма идиотизма», она стала моей поклонницей. Да, не отрицаю, у нее утиный нос, покрытый какими-то кратерами пор, у нее слишком велик рот... Но ведь некрасивых женщин нет, когда они сбросят с себя последний лоскут туалета. Эта женщина — мой компаньон в деле, которое позволяет мне изредка обедать и покупать два-три занятых тома. Ремесло (заниматься которым, повторяю, вы мне мешаете уже около часу) немного мрачно, но все-таки дает приличный заработок. Мадемуазель Ц., — будем так из скромности называть мою компаньонку, — надев траурное платье, ежедневно отправляется на кладбище и прогуливается среди могил, часто повторяя вслух избранные места из моих сочинений. Она дожидается очередного погребения. Незаметно примкнув к шествию, она узнает, пошептавшись, имя покойника и адреса его родственников. Затем она незаметно стенографирует надгробное слово пастора. Расшифровав дома запись, мадемуазель Ц.

приходит ко мне (давая повод для всяких эротических подозрений желчных субъектов) и приносит листок с надгробным словом, которое я, обладая неплохим почерком, каллиграфически переписываю на лист ватманской бумаги. Затем наша фирма отдает его застеклить и окантовать. После чего мадемуазель Ц. опять надевает свое траурное платье и отправляется по записанному адресу к семье покойного... Смею вас уверить, наша фирма не получила еще ни одного отказа в оплате таких трогательных услуг, и надгробное слово пастора, выписанное безукоризненно, как сейчас, моим почерком, украшает многие квартиры... Вот взгляните,— неплохая, уже застекленная работа. Какой слог!.. Учитесь слогу у красномордых пасторов с рыжими усами:

«Покойный коммерции советник Моне́к был добрый христианин. И это одно уже должно вселять в вас уверенность, что душа его спокойно и радостно предстанет перед судом Всевышнего. Всякая утрата тяжела, даже утрата мелких хозяйственных вещей часто повергает нас в горе, но потеря родного человека — сугубо.

Но Господь, посылающий нам в наказание горе, своей щедрой рукой посылает и утешение. Он говорит вам, госпожа Моне́к (разве вы не слышите среди шелеста этих осенних деревьев голоса Всевышнего?): «Не плачь, вдова Моне́к! Я призвал душу коммерции советника в свои пределы, чтобы успокоить ее от мирской тщеты». Не плачьте и вы, дети умершего, ибо ваш папа взирает на вас и молится у чертогов Всевышнего о том, чтобы...»

— Под стеклом это выглядит, как скрижали. Я даже стремился придать почерку несколько мистический оттенок... А вот последнее надгробное слово пастора Квирса, которое болтовня с вами так и не дает мне закончить...

Размахивая кисточкой, декламируя, как трагик в деревенском спектакле, Эпигуль прочел свою работу:

«В моем приходе Петер Грук был украшением прихода. Он был лучшим сыном церкви. Когда он склонялся над своим молитвенником, я взирал на него и знал, что молитвы его будут услышаны на небе...

Болезнь кишечника унесла сына церкви, отца семейства Петера Грука. Это тяжело и для церкви и для семьи. О Боже, пошли утешение нам в тяжелую минуту.

Болезнь кишечника поразила только тело Петера Грука, но болезнь кишечника не тронула души, чистой души покойного...»

— Довольно панихид! — зарычал Куарт.

— Вы ничего не понимаете, инженер. Этот субъект знаком с хорошими канонами риторики. Я несколько расширил наше производство и ряд речей собрал в книжечку: «Надгробные речи пастора Квирса», и в таком виде продал их автору, которому было необычайно лестно иметь перлы своего ораторско-богословского искусства... Помимо того, для зажиточных я философски конденсирую речи и придумываю эпитафии, которые иногда охотно покупают.

— Философия на службе у гробовщиков и могильщиков. Это что, новый этап?

— Не острите. Да, я делаю философские обобщения: «Спи, Петер Грук. Нелепая болезнь унесла твое тело, но душа твоя пребывает среди нас». Причем я убедился, что чем туманнее смысл, тем скорее покупают и лучше платят: «Он поглощен пучиной тьмы. Но в тьме рождается и свет. Вначале была тьма, меж нею день. Но и он исчезает»... — такая эпитафия идет нарасхват, ее отрывают с руками. Ибо прав старый Пелор:

Чем смысл туманнее речей оракула,

Том больше жертв ему приносят...

— Правда, дорогой микроб, мне это начинает надоедать: вместе со стенограммами я должен получать ласки мадемуазель Ц. О них я могу сказать стихом нашего старого поэта Суэра: «Ее ласки душны, как долгая дорога в летний полдень». А я терпеть не могу долгой ходьбы. Я предпочитаю сидеть в тени и читать Лукреция.

Эпигуль снял пенсне и, откинувшись, пробормотал:

Ныне к упадку идут времена
Истощенная почва
Слабые силы рождает в животных...

Я просто устал, и притом, как предполагает Платон: сладострастие есть самое суетное желание... И мне надоели эти «дорогие покойники», у меня в комнате становится мрачно... А эта старая карта, Шлюк, кладет еще сюда связанных маниаков... Я не могу быть ни зрителем в желтом доме, ни тюремщиком!

— Тогда старая философская подошва, перережьте ножом мне веревки или горло!

— Нет... Найдите себе занятие, пессимистический микроб, и уплатите хотя бы долги... Найдите занятие, ибо, как сказал Эокарит: «Занятия и ремесла — это единственное, что отличает нас от обезьян, ищущих у себя блох»... Вы знаете, друг, что отвращает меня от ваших методов покинуть эту, иногда бывающую неплохой планету? Боязнь, что надо мной кто-нибудь произнесет надгробную речь, уснащенную такими же перлами риторики, которые я сейчас терпеливо переписываю своей рукой. Мое странное ремесло заставило меня недолюбливать похороны. Вы знаете, статистикой установлено, что среди самоубийц совершенно отсутствуют: сторожа моргов и анатомических

театров, гробовщики, факельщики и могильщики, а также персонал крематориев. Мой мрачный микроб! единственный совет, который я могу дать вашей рабовладелице — сделать вас могильщиком. Это излечит вас от мании глотать всякую дрянь и втыкать в себя все блестящие предметы.

— Эпигуль, одолжите мне сто пятьдесят стейеров и прекратите болтовню, у меня уже болит голова!

— Мадемуазель Ц. выдаёт мне по стейеру в день. Она говорит: «Если у вас будет два стейера, вы начнете мне изменять». Я сам в рабстве... Но я могу предложить вам небольшой заработок: оформляйте в стихах эпитафии. У вас есть литературный вкус. Вы могли бы писать так:

Лежит здесь Петер Грук,
Незабываемый наш друг!

— Вы замолчите?..

— Тогда, дорогой Куарт, я могу только оказать вам скромную и последнюю услугу...

И доктор философии Эпигуль, склонившись над столом, принялся водить кистью по листу картона, потом привязал шнурок и преподнес Куарту плакат, который можно было повесить на грудь:

ДОКТОР МЕХАНИКИ, ИНЖЕНЕР-КОНСТРУКТОР СОГЛАСЕН НА ЛЮБУЮ РАБОТУ.

ГЛАВА II,
*в которой просвещенные этландцы отправляются
на поиски золотого руна.*

На улице Кеплера было темно. Инженер Куарт спал на куче газет в углу каморки. Доктор философии Эпигуль сидел в кресле из энциклопедических словарей, погружившись в мрачную лирику надгробных речей пастора Квирса. Сняв на минуту пенсне, чтобы протереть его, доктор философии от страха чуть не лишился чувств. В двух шагах от него стояло высокое костлявое привидение, корчило ужасающие морды, махало руками. Эпигуль никогда не был мистиком, он не верил в приход теней с берегов Стикса. Но тут он залязгал зубами, рука, державшая кисточку, тряслась, забрызгивая бумагу тушью. Привидение сделало еще шаг. В мозгу философа мелькнула страшная мысль: один из покойников остался недоволен стенограммой надгробной речи и пришел свести счеты! Эпигуль хотел уже трусливо свалить вину на м-ль Ц. и даже дать покойнику ее адрес... но в это время привидение прошипело:

— Этот негодяй спит? — и ткнуло пальцем в угол, где лежал Куарт.

Эпигуль надел пенсне и облегченно вздохнул. Привидение превратилось в г-жу Шлюк, вошедшую на носках, чтобы не разбудить своего должника.

Квартирохозяйка долго шипела на ухо философу... о том, что скоро ее найдут повесившейся на чердаке, ибо все жильцы сговорились не платить ей денег, и что у нее мутится голова от бессильной злобы, ибо лежащий в углу прохвост умрет, не заплатив ей двести стейеров. Потом ловким приемом, который в музыке называется глиссандо, г-жа Шлюк перевела разговор на самого доктора философии, заявив, что она намерена его

выселить, ибо он мало и неаккуратно платит... но тут есть возможность ей потерпеть («Ах! с какой заботой я отношусь к вам, доктор Эпигуль!») при одном условии: если Эпигуль приютит Куарта, будет следить за ним, во всех прогулках его сопровождать.

— Вам все равно делать нечего, вы уговорите его заработать деньги и расплатиться со мной, вы же философ. Скажите ему, этому прохвосту, что тогда он, как честный человек, может наложить на себя руки, и я обещаю его похоронить в дубовом гробу. Ибо гроб стоит десять стейеров, а долг инженера — двести.

Эпигуль думал о том, что м-ль Ц., очевидно, приговорила его к голодной смерти. Она не является неделю. Он почувствовал себя уже выброшенным на холодную улицу. Единственное спасение — стать тюремщиком, нянькой и проводником этого бледного микроба самоубийства. И доктор философии глухим голосом дал согласие Шлюк, закончив скорбной цитатой:

О, Эвменол! Никогда еще
твоя голова не склонялась
так низко!

Таким образом философские прогулки Эпигуля с Куартом были оброком грозной г-же Шлюк.

***

Утром Куарт проснулся оттого, что на его лицо падали капли. Над ним с мокрой бородой стоял, вытираясь полотенцем, Эпигуль и громким голосам декламировал: «Я пришел лишь для того, чтоб пробудить других...»

— Вставайте, микроб! Мы отправляемся, как аргонавты, на поиски золотого руна... Даже двух рун. Хотя бы из никелевых. Первое руно — мы должны найти на кладбище рыжеусого пастора Квирса, вручив ему вторую тетрадь его надмогильных афоризмов.

Руно второе — работа для вас, дорогой доктор механики!
Вставайте!

***

У кладбищенского сторожа они узнали, что сено дня погребений нет. Нужно было возвращаться домой. Но Эпигуль от вида могил и деревьев пришел в философский раж. Он взбирался то на один, то на другой могильный холм и восклицал:

— Микроб! Это вам из могилы кричит старик Гельвеций: «Вернись к природе! Она утешит тебя, она изгонит из твоего сердца удручающий тебя страх...»

В это время хлынул такой дождь, что оба аргонавта промокли до костей. Охи, вопли, сотни проклятий дождю, небу и природе посыпались из-под обмякшей большой черной шляпы Эпигуля. Он промочил ноги, он уже простудился, у него уже воспаление легких... Прыгая черев могилы, они добрались до величественного склепа и спрятались под защитой его фронтона.

Дождь начал проходить, когда они за спиной услышали странный звук... Куарт открыл тяжелую дверь склепа. Полутьма. Вниз ведет лестница. На дне склепа стоят две мраморных гробницы.. Никого. Вдруг... могильная плита медленно приподнялась. Высунулось злое, желтое лицо. Эпигуль закрыл глаза и подумал: «Надо немедленно бросить переписку надгробного вздора. Второй случай могильного кошмара». Плита гробницы поднялась еще выше, из-под нее полезли ноги в оборванных штанах. Вылезший из гробницы сел на край плиты, закурил папиросу и сплюнул. Упавший на каменный пол плевок щелкнул эхом... Куарт весело спросил покойника:

— Вы зачем вылезли... оттуда?

Покойник сиплым голосом ответил:

— В гробу курить неудобно. Потом дышать нечем... Вредно для здоровья.

— Что вы тут делаете?

— Дайте полстейера. Даром не рассказываю. Вы не писаки? Журналисты. По морде видно — газетчики. С писак беру за рассказ второе. Они хорошо зарабатывают на брехне о моей жизни. Их тут каждый день торчит с десяток. Морды голодные, аж лязгают зубами. Вы вот удивлены — странное ремесло у человека. Зарабатывает тем, что живет в склепе. Это хоть честно. Тяжелый труд. Думаете, весело было кости, черепа и труху из гробницы две недели таскать? А жить, думаете, роскошно? В холодильнике. Стенки-то мраморные! Тяжелый, но честный труд. А вот зарабатывать деньги на том, что описывать в газетках, как подыхают с голоду, жить доходами с трупов, — это уже мародерство! Так вы не писаки? Ах! Ученые? А может, я вам вместо гниды под микроскоп нужен? Нет? Тогда тариф нормальный. Полстейера.

Эпигуль порылся в карманах и виновато сказал:

— Мое любопытство жаждет. Но у меня нет денег. Я вам могу предложить горсть карамели...

— Ну, что ж. Как пастору, натурой.

И сев на край полуоткрытой гробницы, он заученно, как профессиональная кликуша, скороговоркой, чужим голосом, привыкшим по несколько раз в день рассказывать, произнес:

— Вы видите перед собой человека благодаря тяжелым жизненным обстоятельствам спустившегося на дно столицы он был водопроводчик но стал безработным его жена и детки умерли от голоду и он сам не раз падал на заплеванный тротуар его выгнали из квартиры и бездомный лютой зимой он бродил раздавленный горем мимо ваших окон за которыми горели теплые огни и вы беззаботно веселились в горе и отчаянии он забрел на кладбище и этот склеп стал его мрачным жилищем вот до чего доводит тяжелая жизнь и неудачи помогите чем можете!

Кончив декламацию, он вторично сплюнул и заговорил снова своим прозаическим голосом:

— Обычно я сижу на верху склепа. У окна. Наблюдаю. Завидев прохожего или гуляющую парочку, я начинаю стучать могильной плитой. Стонать. Вечером это неплохо получается. Или кричу «ау». Ну, конечно, любопытство к загробному миру большое. Она визжит, а ему представляется случай мужеством блеснуть. Со страхом, но прут сюда. Тогда я, как вы уже заметили, выхожу из гробницы. Закуриваю. Это успокаивает и их, и меня. Тре-бую денег вперед и рассказываю... Вот налоги заедают!

— Какие налоги?!?

— Ну, а полиции давать надо? Чтобы покрывали и не выставляли... А тут четыре поста. Больше на них работаю. Они это чувствуют. Сами заинтересованы. Рекламу делают. Так при случае, молодому человеку или парочке... шепнут: «Склеп тут один есть... Ночью что-то там неладно. Один говорил, привидение ходит... Вы уж туда не забирайтесь». Ну, а это разжигает интерес: где? какой склеп? Одно плохо — не высыпаюсь. Есть ночные клиенты. Ночью из кабаков пьяные прут. С дамами. Плачут. Заставляют рассказывать по два раза, но платят прилично...

— Ну, вот мы и нашли вам работу, микроб! — сказал доктор Эпигуль.

Он с чарующей улыбкой высыпал всю карамель в руки обитателя склепа и вкрадчиво обратился к нему:

— Мой дорогой друг! Еще великий Агенор сказал: «Быть мертвецом удел не легок». Ноша вашего ремесла непомерна для одних плеч. Вам приходится и следить в окно, и превращаться в загробный джаз, и играть трудную роль «падшего на дно склепа», и не спать ночи? Вот молодой друг. Днем он может высматривать жертв, шу-меть, завлекая их в склеп, а ночью заменять вас. Он культурен, ему будет легко овладеть слогом вашего (не лишнего)

стилистических качеств) монолога о падении. Он невзыскателен. Он не потребует половины заработка. Он согласен на четверть...

— Послушайте, Эпигуль...

— Микроб! Вы хотите умереть?

— Да.

— Подготовьте себя к этому лежанием в склепе. Я уверен, что здесь вы влюбитесь в жизнь.

ГЛАВА III,

*в которой полицейский сержант Цоп извлекает
из философских размышлений материал для своего
повышения по службе.*

— Так-так... инженер, изобретающий статуи для агитации и устраивающий на своем чердаке сходки безработных (пробирающихся к нему через слуховое окно)... вышел из дверей меблированных комнат «Ноев Ковчег», постоял, оглянулся... угу... за ним выходит человек в черной шляпе, с пелериной на плечах. Борода, по-моему, у него приклеена... Угу... Они стоят и о чем-то шепчутся... Так... Эта черная шляпа похожа на одного анархиста... Так... анархист встречается с инженером, изобретающим подозрительные машины? А... Они трогаются вместе и сворачивают в переулок... Что ж, проследим... — И полицейский сержант Цоп походкой старой пантеры направился к переулку.

То, что услышал Цоп, идя позади обитателей «Ноева Ковчега», показалось ему непонятным, как язык Апокалипсиса:

Инженер рассказывал анархисту:

— ...У него был высокий спокойный лоб... седые волосы.

Ночью он открывал круглую крышу Гердской обсерватории...

— Ага... ночь... открывал крышу... — заметил Цоп.

— ...и стальной рукояткой направлял медленно и величественно в небо жерло телескопа, словно наводил оружие на планетные мишени...

— «Стальная рукоятка»... «направлял»... в этом есть смысл...

— ...погружал в мириады огненных брызг небосвода, в звездную пыль свои зоркие глаза. Он рассказывал мне о миллионах лет пути, к одним звездам, о лучах, бегущих тысячи лет с других... И глаза его искрились, как звезды. Этими глазами он нашел две новые звезды. Одна была названа «Иола». Другую я забыл...

Тут Цоп, как ни напрягал свой сержантский мозг, не мог найти подозрительных намеков.

— ... Я потерял из виду восторженного открывателя планет. И нашел его вчера вечером на перекрестке. Он стоял на углу, смотрел, но уже не в телескоп, а сквозь свои очки на небо. У него была протянута рука, и он, не отрывая глаз от звезд, монотонно и равномерно произносил: «Не откажите подать несколько фени... Не откажите помочь оставшемуся без работы...» Я подошел к нему и сказал: «Дорогой профессор, я забыл, как называется вторая звезда, открытая вами среди тех миров, которые повисли над вашей седой головой. Первую звали Иола. А вторая...» — «Гаэта». — «Спасибо, профессор. Скажите, а на планетах, вращающихся вокруг этой звезды, открытой вами, возможна жизнь?» — «Возможна». — «И, может, там есть люди?» — «Возможны и люди...» — «И, возможно, они просят милостыню...» — «Возможно... и даже наверно оросят милостыню...» Я ушел и сзади слышал: «Не откажите помочь...» Я шел, надо мной сияли сорок тысяч звезд, сорок тысяч солнц, окруженных планетами. И на каждой планете стояли на перекрестках астрономы и просили милостыню...

— Угу... Чувствуют, что за ними следят, — для отвода глаз несут ахинею,— сказал себе Цоп и переменял тактику слежки.

Анархист купил в киоске газету. Они сели за парашетом набережной на скамью. Нужно пробраться за парашет, и все будет слышно.

Доктор философии Эпигуль прочел возвышенно, как откровение:

— Вождь «желторубашечников» Варнава заявил на предвыборном собрании: «Не пройдет и полугодика, как мы возьмем власть. Мы придем спасти Этландию от хаоса и демократической импотенции. Мы кастрируем социал-демократию. С нашим приходом Этландская земля перестанет рожать слюнявых либералов...»

Эпигуль покачал головой.

— Он матерится, как фельдфебель на плацу. Такие вожди, как Варнава, всегда имеют успех у кухарок.

Полицейский сержант Цоп прошептал:

— Вот, вот! развязывают языки... Так... они недовольны существующим строем.

Эпигуль потрясал газетой:

— Что это?

Куарт апатично ответил:

— Брехня!

— Нет. Это целые леса, превращенные в брехню! На эту газету ушли рощи, в тени которых гнезился большой мир... Для того чтобы описать бред Варнавы, срубили сосновый лес, сварили его в котле. Мы уничтожаем природу, чтобы печатать графоманов... Когда я встречаю писателя, мне хочется ему крикнуть: «Отдайте мой сад!». Я знаю, что страницы его книги — это листья, ветви, сосновый запах, уничтоженные тень и шум рощ... Микроб! бежим, пока еще не оголили мир, пока не

пережевали природу на коробки, окурки и мусор,— бежим туда, где жизнь человеческая неотделима от морского прибоя, где радость слита с шумом последних не вырубленных деревьев. Где жизнь неотделима от водопадов, восходов, растущих трав и зреющих плодов...

— Эпигуль, вы не найдете вашей «озаренной природы» — она продана синдикатам, заселена, занумерована, загажена... Путь к первобытной неразрывности человека с природой? Этот путь уничтожен. Как уничтожены девственные леса и страны, не нанесенные на карту. Ваши «человеческие микробы» разрослись и кишат на земном шаре, как черви в навозе. Людей больше, чем природы. Людей больше, чем деревьев. Людей больше, чем зверей, гор, ручьев, километров. Разрушьте мировые города, разгоните человеческий муравейник — и на каждом километре будет жить сотня двуногих. Какой тут девственный лес? Вам, Эпигуль, трудно будет плюнуть от тесноты... Разросшемуся муравейнику только один путь — создать вторую, искусственную природу. Силами техники, науки. Вторая природа сделает человека здоровым, живучим. Ибо первобытная природа бессильна перед миллиардами двуногих.

Сержант Цоп имел неплохую привычку кое-что из подслушанного заносить в книжечку. Монолог инженера, пропущенный сквозь череп полицейского, дал осадок таких слов:

«Уничтожить путь», «на карту», «людей больше», «разрушьте город», «силами техники, науки»... Ясно, это была нить к раскрытию заговора анархистов.

Доктор философии Эпигуль еще раз горестно окинул взглядом страницы «Этландского времени».

— «Тон беседы министра просвещения был проникнут оптимизмом...» Оптимизмом! В наши дни если и есть оптимизм, то он идет от глупости, а не от ума. Микроб, мне страшно: мой

министр глуп. Он оптимист. «Перевыборы в парламент», «борьба за подлинно демократическую власть». Эта власть — очень хорошая власть, но, боги, как она скучна! Иногда человеку и строю можно простить уродство и жестокость, если он остроумен и весел... Микроб! Бедные животные! Этот Варнава лихо им закрутит хвосты...

Полицейский сержант Цоп даже вспотел, записывая: он принадлежал к партии «желторубашечников» — националистов.

Там, за парашетом, сидели враги...

ГЛАВА IV,
*в которой инженер и философ находят наконец
кладбищенского Цицерона — пастора Квирса.*

— Микроб! Мы должны продать пастору Квирсу продукт моих каллиграфических бдений—второй сборник его демагогических монологов над трупами, или нам придется ловить и есть блох, которые с вашим переездом в мое жилище расплодились, как муравьи на лесных полянах. Ужинать можно, для разнообразия, клопами и мокрицами, которых у нас тоже в избытке. Не изображайте приступ тошноты... Что вы делаете, микроб?! — в ужасе закричал Эпигуль. — Вы совершенно одичали! Вы плюете на тротуар! Вы хотите, чтобы «полиц» нас оштрафовал на три стейера? Вы понимаете, что такой крезовой суммы мы не заработаем вовеки. Нас сошлют на галеры или на каторгу за неуплату штрафа... Кстати еще о съедобном. Не так давно я перелистывал книжную труху у букинистов. Нашел старую пьесу площадного театра. В комедии хозяин плохо кормит своего слугу Арлекина. В первом действии я нашел ремарку, прочтя которую, начал так хохотать, что букинист побежал звать людей и искать смирительную рубаху. Сейчас меня это уже не

смешит. Ремарка такая: «Арлекин гоняется по сцене за мухами, яростно, как кошка за мышью. Ловит и жадно ест мух от голода...» Мы должны найти этого проклятого пастора раньше, чем наш пищевод засохнет, как сушеная груша.

***

За последнюю неделю престарелый доктор философии и его бледный спутник так часто стали шляться по кладбищу в поисках пастора, что старший сторож, набивая как-то трубку табаком, сказал своему помощнику:

— Следи хорошенько за этими проходимцами. Неладно что-то. Никак, они намечают свежие могилы, чтобы ночью с покойников сдирать одежду. Смотритель сказал: «Еще пара разграбленных могил — и придется закрывать лавочку. Никто хоронить не будет. Все в крематорий кинутся».

Помощник высказал еще более омерзительное предположение о цели частых прогулок наших друзей, намекнув на то, что старик развратник, а этот бледный — его любовник.

***

Церковь, или, как в Этландии говорят, «ригэ» св. Маврикия помещалась у чёрта на куличках — в одном из южных предместий.

Она стояла на краю большой, поросшей травой площади, нахлобучив острые шапки черно-красных крыш на свои пожелтевшие от старости стены. За ней ютился беленький домик, целомудренный, как девушка в белом платье под красной шляпкой.

Доктор Эпигуль и Куарт, приблизившись к дому пастора, услышали неимоверный грохот, несшийся из окон. Как будто кто-то внутри дома бил посуду, выламывал половицы, печные дверцы, швырял подносами и мычал, как околевающая корова...

Пастор Квирс стоял посредине комнаты в жилетке, потный и разъяренный. Его огненные усы слились с медными щеками и шеей. Он ругался, как грузчик, размахивал руками, дирижируя... джаз-бандом. Вокруг него сидело человек десять утомленных и злых джазбандистов. Они курили, переругивались между собой и с остервенением разучивали какой-то хорал...

...Красномордый пастор Квирс, вытирая огромным платком росу со лба и шеи, скорбно жаловался Эпигулю:

— Мой сын! Я испробовал все... Вместо того чтобы в по вечерам отдаваться тихому изучению проповедей святого Августина или улаживать свою душу откровениями апостола Павла, я вцепился в свои волосы. — (Эпигуль сочувственно посмотрел на красную шевелюру Квирса). — Тормошил голову. Понукал ее, как рыжую клячу: «Чем бы... Чем бы привлечь прихожая в церковь?.. Они предпочитают кино — скамьям с молитвенниками. Чудесно! Я стал устраивать — после проповедей — кино в святом Маврикии. У меня пошли «Золотая лихорадка», «Тайна цирка Мегано». Я не остановился перед тем, чтобы пойти на компромисс со своими взглядами. Пока в храме раздавались гроыхающие голоса и весьма двусмысленные песенки — я молился: «Господи, прости! Во имя возвращения бегущих овец надеваю я козлиную шкуру». Шли сеансы тонфильмов «Голубой ангел», «Она его любила», «Маркитантка Лулу»... Но все лопалось. Я вырывал боевики и торговался за второй экран и скидку. Мой сын! Я — в отчаянии! Прихожан становится все меньше. Старые и молодые — они пляшут. Они влюблены в негров. Вместо сочинения проповедей — я должен ругаться с банджо и саксофоном... Но я верну всевышнему его заблудших детей.

Тут пастор Квирс угрожающе засучил рукава и злобно крикнул джазбандистам:

— Что за шум! Повторим № 6. Тромбон! О! Тромбон... Бамкэ! Сколько раз я вам говорил!.. Вы тя-не-те... Тут нужен огонь! Туам... туам... та... та!!! Бамкэ, вы будете играть в святой церкви, а не в баре! Подумайте! Если бог и сможет слушать впервые джаз, то только в хорошем исполнении. Это святотатство — угощать всевышнего фальшивым тромбоном...

Новый какофонический вопль заставил пастора схватиться за голову и броситься в изнеможении в кресло около Эпигуля.

— О-о-о!.. Бедная ригэ святого Маврикия. Она обрушится от этого бедлама глухих ослов... О-о-о!.. Я превратился в иезуита, схоласта. Я стал подобно проклятым еретикам заниматься софизмами. Искать оправдания неоправдываемому. Сын мой! Вы умудрены чистотою логики. Нет ли тут ослепления? Проверьте логические ступени: господь наш создал не только нас, грешных, но и все звуки мира и металлы для инструментов. Все это его творения. Если он прощает заблудших детей своих, то он может простить и звуки, ими издаваемые?..

Эпигуль, собрав свою седую бороду в кулак, ответил пастору:

— Ваша логическая фигура, дорогой пастор Квирс, безукоризненна. Господь бог, являющийся одним из выдающихся логиков, несомненно останется ею доволен. Он может простить даже эллипсис.

— Притом всевышний обладает слухом, он поймет, что я же не тащу в церковь блюз или румбу!.. Я наполняю храм звуками хорала... ну, правда, с вариациями и на модернизированных инструментах... но ведь все отцы церкви твердили, что церковь должна идти в ногу с паствой. Быть впереди нее...

— Досточтимый пастор Квирс! Чтобы вас окончательно успокоить и устранить ненужную нервность, с которой вы готовитесь к музыкальному дебюту перед всевышним, я напомню вам слово святого Фомы Этборгского в его «Упованиях»: «Нет. Не

согрешит тот, кто ради спасения душ приведет даже жонглеров и скоморохов во храм твой!..» Потом, вы несомненно знаете из проповедей епископа Клаузальского блестящий афоризм: «Нет греха на путях спасения от грехов»!..

Эпигуль старался сделать лицо свое приветливым и заискивающим. Хотя доктор философии и был прославленным атеистом, но сейчас, перед тем как начать беседу о продаже сборника проповедей, он готов был петь псалмы. Впрочем, этого не потребовалось, ибо, утешенный цитатами, пастор Квирс заметно повеселел и даже перестал пытаться тромбон, сказав:

— Дорогой Бамкэ! У вас есть слух. Вы начинаете понимать, чего я от вас хочу...

***

Пастор Квирс сам заговорил о второй тетради проповедей и выразил желание посмотреть ее. Горделиво раскрывая ее, он важно покосился на инженера.

Заплатил он, конечно, раз в десять меньше того, на что рассчитывали наши эрудиты. В галантных выражениях он сослался на кризис доходов рнгэ св. Маврикия.

Эпигуль и Куарт были рады и этим грошам. Всю дорогу домой они придумывали десятки вариантов меню ужина, который они собирались закатить, ж откладывая этого в долгий ящик. Выбор свой они остановили на самом роскошном варианте: там были и картофель с луком, и картофель с помидорами, и огурцы с луком... но самое главное там была колбаса!!! Да знаете ли вы, что такое кол-ба-са?! Нет, вы не знаете! Не пытайтесь хвастаться. Вы просто никогда ее не ели!..

ГЛАВА V,
*в которой промышленность Этландии обогащается
еще одним предприятием.*

Лгут, нагло лгут газеты на Этландию. «В Этландии кризис», «банкротства», «закрылась крупнейшая компания по эксплуатации...» Все это чепуха! Наоборот, возникает целый ряд новых производств, организуются новые синдикаты. Например, только на-днях была создана «Компания по эксплуатации стального призрака». Правда, она возникла случайно, на почве примитивной психологической ассоциации.

В сумерки инженер Куарт вошел в склеп. Почти автоматически поднялась могильная плита, человек, устало зевнув, приготовился уже традиционно сплунуть и в тысячный раз произнести свой монолог о падении. Но Куарт вежливо предупредил, что он все это уже знает и согласен предложить свои услуги в качестве помощника.

— А... помню: зимой с полоумным стариканом приходили... Что это за привидение у вас за спиной?

— Мое детище, машина и спутник Энрик-9.

Куарт представил ему свой, покрывшийся коростой ржавчины автомат, который давно был испорчен и выброшен из уборной на площади Победы. Как возвращающийся в свою гробницу рыцарь в доспехах, спустился по ступеням Энрик-9.

Случайно оброненное слово «привидение», очевидно, родило мысль о расширении торговли страхом. Впрочем, «Компания по эксплуатации стального призрака», учрежденная инженером Куартом и безработным водопроводчиком, имела отношение не только к страху, но и к более нежному чувству... любви.

Ах, в Этландии умеют любить. О! Когда, например, старый счетовод Люне испытывал желание любить, он шел по «Кеплер-

рут» до площади, где на углу медленно и деловито прохаживаются женщины с сумочками. Однажды он выбрал самую толстую и пошел за ней. Она пропустила его в свою комнату. И тихо закрыла дверь на ключ. Села, медленно снимала боты. Повесила на кровать сумку и шляпу. И затем, став около худого геморроидального счетовода, тяжело дыша, принялась стаскивать с огромного тела кофточку, которая не хотела слезать, юбку, которая трещала, сползая с бедер. Бедер, похожих на бока громадной бочки. Комната от пола до потолка наполнилась колеблющимся розовым мясом. Эти розовые тучи грузно обрушились на кровать и застыли, как ледниковые валуны. И когда одно из облаков, оказавшееся толстой рукой, потянулось к Люне и потащило его в колеблющуюся трясину тела,— счетоводом овладел страх. Из этой раскаленной потной кучи раздался хриплый и нежный голос:

— Как тебя зовут?..

***

Кладбище в высоконравственном городе Этборге служило убежищем для запретной любви. Для любви бездонной. Для несчастной любви. Здесь, среди могил, влюбленные чувствовали себя, как дома. Уплатив известную мзду сторожу кладбища, они даже раздевались.

В летние ночи из-за урн, изваяний ангелов и сумрачных крестов слышались вздохи, клятвы и полные наборы всех нежных слов этландского языка.

— Тише, тише, Яскон... Ты ведешь себя неприлично, тут мертвецы.

— Ах, не говори о мертвецах, когда меня ласкаешь.

— Тише, тише, Яскон...

Где-то совсем рядом раздавался деловой голос:

— Повесь юбку на куст... на земле грязно.

Через минуту юбка висела на молитвенно протянутой руке надгробного ангела.

— Анни! Я не могу больше! Анни, сжался!

— Нет.

— Анни!

— Нет.

— Анни! Анни!

Другие, обладающие юмором, ржали, содрогаясь тучными телами:

— Хо-хо-хо!..

— Интересно, что чувствует в это время покойник?

— Хо-хо-хо...

Умнейшая машина, обладающая способностью собирать тончайшие части механизмов, умеющая работать в шахтах и управлять топками, хмуро сидела в кустах.

— Хр-хр-хр-хр-ха... — как удушенник, захрипела появившаяся над могилой стальная тень Энрика-9.

Парочка онемела. Потом, как будто ей вонзили нож, девица завопила, сорвалась с земли и, воя от страха, побежала, увлекая за собой возлюбленного.

— А-а! Покойник! А-а!..

Фонограф автомата теперь издавал предсмертный хрип. И этот хрип являлся блестящим заключительным аккордом при появлении призрака среди могил.

Так ночами «Компания по эксплуатации стального призрака» в разных концах кладбища заставляла полуголых людей в ужасе бежать опрометью, придерживая брюки, панталоны, спотыкаясь о могильные плиты, перепрыгивая через канавы, оставляя на месте свидания пальто, ридикиули, пиджаки. Очнувшись, отдышавшись, парочки возвращались, но обычно вещей своих уже не находили.

Человеку, который рискнул бы пройти глубокой ночью мимо склепа, последний мог показаться прачечной или конфекционным.

Оттуда раздавались голоса:

— Брюк мужских — пять. Панталон дамских — шесть. Носовых платков — три. Пальто демисезонных — два. А это что? Инженер!

— Корсет.

— Корсет — раз.

При свете огарка водопроводчик и инженер сортировали добычу стального призрака. Набивали платьем и бельем две гробницы. Настроение было приподнятое. Во-первых, будет тепло и мягко спать в гробнице. Во-вторых, завтра все это платье будет за бесценок продано на рынке и обеспечит сытые недели.

Однажды предрасветный труд обитателей склепа был нарушен каким-то типом, который свесился с перил и заорал вниз:

— Послушайте!.. В последний раз предлагаю... Вы же не делец. Вы мелкач. Это же дело.

— Идите к чёрту! — буркнул водопроводчик. — Дамских чулок — четыре пары.

Неизвестный тип пристал к Куарту:

— Скажите вашему другу, что он идиот. Вы только поймите, какое дело ему валится в руки... Я — представитель фирмы конкурсов. Завтра... Ну, что вам говорить: вы же читаете газеты? Завтра открывается «Конкурс на лежание в могиле». Съезжаются участники со всей Европы, масса туристов. Пятьдесят тысяч стейеров тому, кто пролежит дольше всех. Ах, что пятьдесят тысяч! Ежедневно из могилы по телефону — интервью. Портреты в самых приличных газетах. Двадцать четыре на сорок восемь. Слава. Оригинальность. Успех у женщин. Послушайте, водопроводчик, не будьте дураком. Вы перележите всех. У вас есть полугодовой склепный опыт. У вас нет конкурентов. Они

подохнут от могильного уныния. И премия фуксом идет вам. А вы соответственно делитесь со мной и фирмой... Вы думаете, что это арапство? Человечество скучает. Ему надоело все. Человечество может расшевелить нечто нон плюс ультра оригинальное. Весь мир знает нашу фирму. За два года мы дали: «Конкурс на самые большие уши». «Конкурс имени Сирано де-Бержерака — на самый длинный нос», «Конкурс сидения на телеграфном столбе». Этланец Майкер просидел восемьдесят четыре часа и шесть минут. «Конкурс на непрерывный разговор — сорок два часа и две минуты». Ну, единственный смертный случай: победитель умер. Две минуты переболтал. Что-то у него лопнуло. Сердце, кажется... Два месяца тому назад кто победил? Где было столько зрителей? Что дало полтораста тысяч стейеров чистоганом? «Конкурс висения на веревке». Кто его придумал? Я его придумал.

Водопроводчик залез в гробницу; зевая снял штаны.

— Идите к чёрту! У меня самого фирма открылась. Поняли? Слава, портреты... Я устал от писак.

Агент, завидя в углу sklepa автомат, засуетился, зачмокал губами, принялся тормозить уже инженера.

— Механический человек? Я так и знал. Ваш? Вот возьмите адрес. Зайдите. У меня уже идея... Матч бокса. Живой человек с живым — это скучно, как оmlет. «Живой в весе пера со стальным человеком». Это же сбор! Вот уже даже афиша в голове:

Нечто невиданное! ЧЕЛОВЕК ПРОТИВ МАШИНЫ! МАТЧ БОКСА ЧЕМПИОН ЭТЛАНДИИ САГЕР ПРОТИВ СТАЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА!

Агент так орал, что водопроводчик под конец выкинул его из склепа, ибо крики могли привлечь растерзанные голые тени, ищущие свои одежды среди хаоса урн, крестов и эпитафий.

ГЛАВА VI,
*в которой автомат Энрик-9 начинает карьеру
на новом поприще.*

Нечто невиданное!
ЧЕЛОВЕК ПРОТИВ МАШИНЫ!
Матч бокса
Чемпион Этландии
САГЕР
против стального человека-автомата
В 12 ЛОШАДИНЫХ СИЛ
САГЕР—ЭНРИК-9

Это был, конечно, трюк, а не серьезный матч. Устроители его рассчитывали только на эффект сочетания: «живой человек и стальной». Самое большее, чего смог добиться Куарт, — это перемотировать реле, управляющие движением рук-рычагов Энрика-9, так, чтобы автомат смог непрерывно чередовать три типа боксерских ударов. Для успеха трюка боксер Сагер неделю тренировался с автоматом. Зная неизменный порядок ударов Энрика-9: прямой слева, уход, косой справа, уход вправо, рывок корпуса вперед, апперкот слева, затем опять прямой слева и т. д.,

— Сагер «играл» нападение, защиту «от смертоносных ударов». Короче, больше валял дурака, как клоун, нежели вел бой.

Когда зазвенел гонг, Сагер бодро рванулся в центр ринга. Из другого угла, залитый светом прожекторов, начищенный и сверкающий, под хохот и одобрительный вой публики — поднялся своей стальной тушей Энрик-9.

Тяжело прошагал к центру и, в виде приветствия, медленно протянул своему партнеру два рычага с боевыми перчатками на концах.

Завсегдатаи катались от хохота.

Гонг! Сагер сразу перешел в бой на короткой дистанции. Ловко ушел от прямого удара Эрика-9. Парировал ответным в живот автомата. Перчатка гулко шлепнулась о сталь. При первом же ударе Сагер чуть не вывернул руку от усердия. И подумал: «Заигрался».

Когда Энрик-9 толкал плечом свою руку в прямой удар, сталь сверкала, как сабля. Сагер ловким прыжком уходил, закрывая свою челюсть перчаткой.

Он хорошо вошел в свою роль. Публика выла от восторга. Значит, будут повторные матчи. Повторные деньги. От этих мыслей изголодавшийся чемпион резвился розовым козлом. Администратор, улыбаясь, поглаживал щеточкой свои микроскопические усики.

На четвертом раунде Сагер сыграл полу-нокаут. Упал якобы от апперкота Эрика-9. Позволил себе пролежать до пяти взмахов руки, улыбаясь судье потной губой. Потом вскочил, немного покривлялся, «шатаясь от перенесенного удара», и снова забарабанил кулаками по стальной груди Эрика-9. Мягко жужжавший мотор внутри автомата и гудевшие прожектора придавали какое-то тепло я веселье бою... Так. Прямой слева? А я ушел и закрылся!.. Так. Сейчас будет аппер...

***

...На ринге брызнула кровь... Передние ряды публики хлынули к помосту... Сагер лежал с раздробленным черепом. Над ним стоял Энрик-9, спокойно продолжая чередовать: прямой — косой — снизу... Чемпион Этландии заигрался и, очевидно, что-то спутал — вместо ожидаемого апперкота железный боксер нанес косой удар. Сагер замертво упал на пол ринга. Стальной кулак пробил ему череп...

Раздались крики:

— Полиция!

— Где владелец машины?!

— Он здесь, где-то около ринга.

— В сером пиджаке...

Полицейские расталкивали толпу, кричавшую:

— Это задумано было убить чемпиона Этландии!

— Это работа иностранцев!

Куарт выскользнул из дверей Дворца Спорта и, задышавшись, побежал переулком.

***

Однажды в камере Вещественных Доказательств полицейского управления около стоявшего в углу Энрика-9 состоялся такой разговор двух весьма важных чинов полиции:

— Что он может делать?

— Очевидно, это обычный робот. Работает с киркой, бросает уголь лопатой, стоит у конвейера на сборке...

— Ну, а работать у затвора орудий, бросать гранаты и стоять у пулемета он сможет?

ГЛАВА VII,

*с которой Куарт при печальных обстоятельствах знакомится
с таинственным кулинаром — алхимиком и
коком «Ноева Ковчега» Яном Бигопом.*

Сегодня с молодым инженером Куартом случилась история, о которой не следовало бы говорить. Целый день он простоял в очереди у «биржи инженеров», чтобы убедиться, что Мет работы. Затем до позднего вечера стоял у благотворительной столовой «Католического общества», чтобы убедиться, что нет обеда. Обогащенный результатами таких опытов, он поплелся домой. Но когда попытался взобраться на свою мансарду, с ним случилась маленькая неприятность: в его глазах завертелись автобусные колеса, голова наполнилась трамвайным звоном... и он очутился на полу. После нескольких попыток ему удалось все-таки подняться и уцепиться за перила. В это время открылась дверь, просунулось худое, обросшее черной щетиной, лицо. Заспанный человек грозно спросил:

— Что вы тут делаете?

— Я... иду.

— Вы стоите. И я хочу знать, с какой целью?

— Я остановился... но я иду.

Куарт оттолкнулся от перил, сделал, пошатываясь, три шага и снова упал.

— Мне плохо... Я сейчас встану... Простите, что разбудил... Мне плохо...

Человек в грязном ночном белье подбежал к нему и стал поднимать.

— Что с вами?

— Я доберусь...

— Вы не доберетесь. Идите, лежите у меня. А потом пойдете.

Ввел Куарта в душную маленькую комнату и уложил на кровать.

— Вы можете не говорить, отчего вы свалились. У меня осталось кое-что от обеда... Лежите пока с мокрым полотенцем.

Он засуетился, застучал жестянками и кастрюлями. Из кухни понесло неопишущей воню.

Пока Куарт лежит с мокрым полотенцем на лбу в комнатке человека, копошащегося на кухне, можно сказать несколько слов о том, к кому он попал.

Яна Бигоп в доме зовут «г-жа Ян». Рано утром, сбегав (неизвестно куда) за провизией, он возвращается домой, надевает фартук и принимается Готовить обед. Готовит, как алхимик, запершись, погруженный в пары и шипенье. В «Ноевом Ковчеге» Ян Бигоп — кок. У него столуются беднейшие обитатели мебелированных комнат. И даже есть подходящая клиентура, что свидетельствует о большой популярности кулинарии «г-жи Ян». В четыре часа дня Бигоп, подкормив с дюжину голодных желудков, упаковывает остатки алхимических яств и отправляется распродавать их на толчке, у бирж и бюро найма. Когда он «готовит», столующиеся обитатели «Ноева Ковчега» стараются обходить комнату Бигоп а, — оттуда несетя почти трупный запах. Но обеды дешевы. Г-н Ян Бигоп был рожден не поваром. О, нет! Он был ученый. Еще год тому назад у него была почтенная научная работа в институте. И жил он, конечно, не в «Ноевом Ковчеге» и не в Брокпуре. Г-н Бигоп принадлежал науке о питании. Его окружали витамины, углеводы, белки, жиры, крахмал, протоплазма и молекулы. Но настали дни, и двери института закрылись. (До институтов ли тут «по улучшению питания», когда вообще жрать нечего?..) После этого жизнь надела

халат лаборанта и начала длинную серию изощренных экспериментов над г-ном Бигопом. Она безжалостно наблюдала, какие реакции появятся у него при питании одной картошкой на маргарине. Какой пульс, цвет лица и состояние печени окажутся при питании водой и покрытыми плесенью сухарями... Ян Бигоп почувствовал, что он перевоплощается в одного из кроликов, замученных им в опытах «на недоедание». Ян Бигоп сожрал свои штаны и визитку, портфель и галстуки. И скатился на дно Брокпура.

***

Бигоп кормил Куарта лепешками зеленого цвета. Когда инженер робко спросил, из чего они сделаны, Бигоп сухо заявил:

— Всем столующимся у меня я ставлю условие: ешьте, а из чего приготовлено — профессиональная тайна... Досточтимый сосед! Я не ошибусь в прогнозе, если выскажу несколько смелую мысль: вы подохнете с голоду в течение ближайшей недели. Судя по внешнему виду, ваш гардероб уже съеден и запит дешевым пивом. Я не филантроп. Я накормил вас только с одной целью: наполнить вас минимальным количеством калорий, необходимых вам для того, чтобы выбраться из этого коридора и дать мне возможность уснуть, ибо я встаю в четыре часа утра... Не делайте порывистых движений. Вы еще не доели половины котлеты. Она вам необходима, чтобы преодолеть последние две ступеньки, ведущие на мансарду. Не обижайтесь на отсутствие у меня вежливой и дешевой лжи. То, что я вам предложу, тоже ничего общего не имеет с благотворительными обедами «Армии спасения». Мне нужен помощник по доставке провизии. Условия найма: бесплатный обед и ужин из моей кухни. Если у вас нет предложений занять пост главного инженера завода, то спешите дать согласие... И еще торопитесь выспаться, ибо в четыре часа утра мы с вами выходим на работу. Доброй ночи, инженер Куарт!

***

Было еще совсем темно. Бигоп разбудил Куарта. Они вышли на улицу и молча двинулись в черный туман. Кuart хотел высказать своему хозяину сомнения насчет того, чтобы рынки открывались так рано. Но Бигоп уже свернул в один из дворов. В повороте дул острый, как игла, ветер. Инженер брел, смутно угадывая бигопову тень впереди. Остановились.

— Подержите мешок! Я зажгу фонарь.

Разгоревшийся фонарь осветил помойку.

Бигоп поставил фонарь на мусор и тихо сказал инженеру:

— Вот наш рынок... Не таращите глаза. Не будьте белоручкой. Лезьте. Отбирайте хлебные корки, обрезки картофеля, кости. Осматривайте консервные банки: если в них есть какие-нибудь остатки, кладите в это ведро.

Кuart стоял около зловонной пропасти помойки, заспанный, замерзший, плохо соображая, в чем дело. Бигоп, как курица, бойко копошился в металлических мусорных ящиках.

— Шевелитесь, работать надо быстро. У нас есть враги. На помойных ямах зиждется благополучие фирмы «Кунгер и К⁰». Ее вонючие фургоны и автомобили очищают дотла все мусорные ямы и увозят это золото на утилизационные заводы. Разгребайте ту кучу слева, я вижу там много ценной провизии. Эти проклятые серые грузовики выезжают в шесть утра — из-за них я недосыпаю и вынужден даже нанять вас. Теперь вам понятно, почему мы работаем с четырех? Э, инженер! Вы не умеете... Зачем вы это выбрасываете? Такую кожуру не везде найдешь... Отброс? А знаете ли вы, сколько он содержит жира и белков? Из него получаются такие котлеты де-воляй, что пальчики оближете! Ничего, что там почти нет мяса. Ножом можно соскрести... Хлебные корки кладите в корзину...

***

Во втором дворе, к мусорным ящикам которого особенно спешили наши кулинары (ибо то был двор ресторана), их встретила неожиданность. Едва Бигоп, вооруженный фонарем, двинулся к ящикам, как оттуда высунулись три измазанных рожи. Рожи что-то жевали и злобно смотрели на подошедших.

— Ишь, с фонарем... охотнички! Проваливайте!.. — И запустили в Бигопа консервной банкой.

В одной из ям пришлось вступить в драку с крысами, не желавшими уступать свои ночные рестораны. К рассвету стало труднее работать, у каждого мусорного ящика уже мрачно копошилась толпа...

Закончилось утро совсем плачевно. Бигоп разыскал двор с большими залежами костей: еле успевали совать их в мешок. Увлеченные раскопками кулинары не заметили, как с серого грузовика спрыгнули два здоровых дяди в фартуках. Подойдя, дяди очень обозлились на то, что Бигоп успел уже выбрать самое ценное.

— Эй, крыса, брось рыться! Мусор этого дома запродан «Кунгеру». Вываливай кости назад!

И, схватив мешок, стал высыпать кости...

Тут в Бигопе проснулся настоящий хищник. Он, прыгнув, вцепился в мешок. Завязался бой, во время которого фартучник, уловив момент, хватил Бигопа по голове берцовой костью быка. Бигоп вынужден был уступить помойку.

Возвращаясь домой, Бигоп долго пилил Куарта за его трусость и беспомощность.

***

На кухне добыча подвергалась тщательной сортировке. Кости, корки сыра, колбасная кожура, картофельная шелуха, хлебные огрызки, рыбы кишки — все заняло свое место.

Куарт был поражен тем, что Бигоп часто извлекал из своего мешка вещи, никакого отношения к гастрономии не имеющие. Заметив его недоумение, Бигоп хихикал своим беззубым ртом.

— Все это мною потом исследуется... В свободные от кухни часы я вооружаюсь реактивами, ретортами и терпеливо ищу белки, углеводы, жиры там, где их присутствия и не подозревали мои коллеги по институту...

Тупое оцепенение овладело Куартом. Он окоченел, его руки не сгибались. Не было силы уйти из смрадной, но теплой комнатухи. Он дремал в углу, слушая Бигопу.

Облачившись в фартук, «г-жа Ян» занялась алхимией.

— Вы — белоручка, инженер. Притом вы безграмотны. Человек науки должен знать, что помоев нет. Все это поддается очищению, стерилизации огнем и паром. Атомы пищи кристально чисты. Даже если сини находятся в корке хлеба, жеванной сифилитиком... Не думайте, что мои научные обеды только средство наполнить кишечник...

Размахивая большим кухонным ножом, Бигоп делал сумасшедшие глаза и шептал:

— О, в этой помойной кухне рождаются иногда и величественные идеи!.. Ах, сколько уходит маргарину... Он меня зарежет.

Бигоп нырнул в облако маргаринного чада, неистово зашумел сковородой. Потом из облаков пара опять вынырнул его большой нос, и, наклонившись над Куартом, Бигоп закончил:

— Здесь, среди смрада, я вынашиваю труд, который станет библией наших дней... Миллионы людей умирают от голода. Им нужно дать откровение, как спасти себя от голодной смерти. Скоро настанет день, когда я смогу выпустить свой труд: «Как быть сытым без денег. Практическое руководство для нуждающихся». В нем я раскрою тайны этой кухни в полуразваленном доме на

Кефлер-рут... Я не хвастун, но предвижу день, когда имя мое с любовью будет повторяться миллионами... Я их научу делать котлеты из сосновой коры и биточки из молотых костей...

Куарт спал, а над ним висело тяжелое облако кухонного чада.

Целый год Ян Бигоп провел в одиночестве. Судьба послала ему спутника. У Яна Бигопа прорвалась плотина, копившая год потоки его мыслей. Он хотел говорить. Он не замечал, что Куарт спит.

***

Поросенок был слегка поджарен. У него, дымящегося, было взрезано нежное брюшко. И туда положили фарш из мелко нарубленного сала, перемешанного с яйцами и сыром. Затем брюшко было зашито. Поросенок медленно был опущен в кипящее масло. Сделавшись румяным, он был возложен на серебряное блюдо. Его окружили спаржей, пикулями, артишоками. Его поливали соусами зелеными, соусами желтыми... Его украшали звезды из лилового желе и из желе розового. В таком виде он был отпущен из кухни к столу господина Бординга.

***

Перед ней лежала картофельная кожура. Грязные, вытасканные из мусорной ямы очистки. Она отдирала от кожуры ножом куски картофеля. Рубила их. Клала на горячую сковороду. И когда кусочки задымились и стали подгорать, она смешала все вместе в кашу. Выцарапала каплю маргарина со дна жестянки, смазала им пюре и протянула бледному, нетерпеливо ожидавшему ребенку.

ГЛАВА VIII,
*в которой злоеший кулинар делает открытие,
вызывающее недоумение.*

Ян Бигоп был полезным жильцом (у него столовались). Он был тихим и аккуратным жильцом (не пил и платил исправно). Правда, его считали тихо-помешанным на почве голода, но то, что выкинула на следующий день «г-жа Ян», не поддавалось никакому объяснению. В часы, когда почтенные и трудолюбивые обитатели «Ноева Ковчега» (как, например, г-н Путек с женой) предаются послеобеденному отдыху, в коридоре раздался такой пронзительный лай, что мясник Путек зарычал, соскочил с кровати, высунулся в коридор и гаркнул:

— Соседка! Опять ваша сука лишает меня отдыха!

— Ничего подобного, моя собака в комнате.

Лай повторился. Высунулись жильцы, больше встревоженные громовым голосом мясника, чем необычным лаем неизвестной собаки.

В коридоре появился Ян Бигоп, лицо его было на редкость серьезно и сосредоточенно. Он подошел к столпившимся жильцам. Постоял минуту и вдруг пронзительно залаял на них: «Гав-гав-гав-гав!» Перепуганный г-н Путек побледнел и, засучив рукава, крикнул:

— Что это за шутки?!

Бигоп еще яростнее набросился на него: «Гав-гав-рр! Гав-гав!»

— Сошел с ума, — тихо и определенно констатировала г-жа Люне.

Бигоп, рыча, подошел к Путеку... и, о ужас!., как собака на столбик, поднял на него ногу...

Г-жа Шлюк опустила худые кости рук и вынесла приговор:

— Он пьян. Что еще за безобразие?

Бунк шепнул хозяйке:

— Тише. Госпожа Шлюк, он пьян — следовательно, получил деньги. Не троньте его...

Бигоп стал на четвереньки у своих дверей и жалобно заскулил «Ух-ух-ух-ух!» и скрылся в комнате. Чей-то голос в коридоре с завистью повторил:

— Пьян... получил деньги...

Г-н Путек вздохнул:

— Я был пьян последний раз в тысяча девятьсот двадцать седьмом году, весной...

В комнате Бигоп поднялся на ноги, вытащил блокнот и, прислушиваясь к самому себе, записывал:

«Я могу даже наблюдать в этом состоянии свои реакции... Хочется бегать на четвереньках. Замечательно. В гортани спазм. Интересно. Лай, настоящий лай!»

Его собачьи повадки чередовались с научными записями.

Г-жа Шлюк постучала в дверь и для разведки закинула свой нос в щель.

— Господин Бигоп, сегодня срок квартирной платы.

Бигоп разразился злым лаем.

— Пес, настоящий пес. Слушайте, кобель, вы скоро проспитесь? Вот я надену вам намордник!

Оставшись один, Бигоп взволнованно засуетился, размахивая руками.

«Особачение» подтверждено объективно!..

Какие выводы! Какое открытие!

Какие перспективы! Сейчас же за анализ!

Надо проверить опыт на других людях и на мясе других животных!

ГЛАВА IX,

в которой рушатся традиции друзей, в которой первый раз сторож общественной уборной на площади Победы был побежден в словесном турнире, не был облит пивом и даже не получил очередного удара пивной кружкой по лысому черепу.

В воскресный день, как всегда, г-н Бунк сидел в гостях у мясника Путека, прихлебывал пиво и любовался богатой растительностью на широкой груди хозяина. Настроение у старика было плохое, он чувствовал, что мясник сегодня в ударе и трудно будет отстаивать первенство сторожей уборных в этландском государстве.

Путек аппетитным жестом вытер пену со своих грозных усов:

— Ох, Вуквер, вот старик, вот голова! Какая голова! Понятно, лучшие бойни! Вы, небось, сидите в своей уборной и ничего не знаете... Что произошло три дня тому назад? А?

— Не знаю. Хм!.. Ограбили банк в Истере.

— Банк... Ваше заведение ограбили!.. Я участвовал в конкурсе мясников Этландии! Хо! Съели? Пейте пиво и не скрипите зубами от зависти.

Бунк старается изо всех сил делать вид, что он не завидует мяснику (но если тот не врет, это действительно обидно... Почему нет конкурса сторожей уборных?).

— Я бился. На лучшего мясника Этландии! Вы, старый таракан, понимаете что-нибудь в этом деле? Торжество! Съехались лучшие люди Этландии! Го-го! Чёрт бы их взял! Парни — два метра в плечах. Усы — кольцом. Руки — как бычья ляжка. Конечно, хмуро посматривали мы друг на друга. Крутили усы. Оглядывали соседа спереди, сзади, как бычка... Пришли господа в сюртуках и фраках из синдиката боен. Хозяева. Все лучших фирм. Корпик, Базун, Сильверн... Наш старик Вуквер речь держал. Как

поэтически умеет сказать старый хрящ! Мясным делом, делом боен издавна славилась Этландии...«Где мясо душистее нашего?», « Чьи ножи свежуют изящней?» Так и сказал: «Великий национальный праздник, господа мясники, для вас наступил». Потом выдали. С иголки. Новые белые костюмы. Синие резиновые фартуки. С номером на груди. Мне вышел сорок третий. Чёрт тебя придуши копытом! Паршивое число. С какого края нихвати ножам — все плохо. Четыре — хвост от четырнадцати. Три — хвост от тринадцати. Знамена цеха мясников принесли!.. Пейте. Бунк, и не сопите от зависти!.. Оркестр: медью, как громом, по башке бьет. Вышли мы на убойный двор. Трибуны — все в национальных флагах. Народу! Цилиндры, котелки... Дамы так и глядят! Мы тоже глаза на трибуну вылупили, усы накручиваем, дамочкам подмигиваем... Только не сплетничайте жене, старая подошва!.. Идем. Ножи звенят. Впереди знамя цеха по морде лентой бьет. Дамы перчатками машут, подбадривают, чисто борцов в цирке. Эх! Взглянули бы, дорогой Бунк, как восемьдесят парней ножи вынули вроде салюта. Лапами, заросшими волосами, как у богатей, — вдруг вскинули с сотню ножей. Подошли к судейской ложе. С розетками флагов. Министр животноводства, изящно размахивая цилиндром, напомнил правила конкурса. На каждого дали пять быков, десять коров, пятнадцать баранов... Кто скорее перережет, тот победитель. Золоченая чаша. Тысяча стейеров!

— Где же ваша чаша и стейеры? Может, в щелку глядели на конкурс?

— Полегче! За щелку можно и кружкой стукнуть! Старая крыса! Слушайте и не перебивайте. Нашел свое убойное стойло под номером сорок три. Дали сигнал на точку ножей. На солнце заблестели ножи. А ножи — во! — как мечи! Зашуршали оселки и

подточники. Рядом со мной номер сорок четыре богатырь из провинции. Точит нож и меня глазами меряет. Точно свежевать собирается. А парень, видно, мастер. Грудь. Я точку и думаю: «Чаши не взять. Не те времена. Вот когда холостой был. Но честь участвовать — тоже не пустяк!» Тут началась первая часть праздника — повели скот. Стада быков, баранов, коров... Мычание, хохот из лож, музыка, блеяние. Два раза обвели перед трибунами. А скот надрывается, завывает, чувствует, в чем дело... Приготовили скот в порядке в стойлах. Замерли. Все работали лицом к трибунам. И там тоже замерли. Нервные дамы нюхают что-то. Другие наоборот — трепещут. Как ударит колокол! И пошло! Как бешеные, бросились мы на скот... Быки ревели так, что казалось — небо треснет! Кровь по глаза лицо залила. Утирать нет времени. Смотрю, сосед последнего быка под нож ставит. Дамочки воют от восторга. Я своего второго впопыхах не дорезал. Он дергается и ревет. Никогда со мной этого не было. Чёрт! Я его докалывать, а время идет, судьи торчат на носу, чтоб удар был правильный. Кровь хлюпала, как ливень. Фонтанами вверх била... Поглядели бы вы на морды тех, кто сидел на трибунах: у них пена выступала: кровь по нервам ударила... Никогда коровы так истошно не мычали. Шутка — музыка, народу столько. От крови — пар, кровь хлюпает, бараны блеют. С трибун крики. Музыка. Когда старший мясник Вуквера дорезал последнего барана, ударил колокол. У меня еще осталось шесть штук. Чашу вырезал господин Скорн, мое начальство, и то приятно. Ну, так ведь это лучший мясник в мире!

Окончив свой рассказ, Путек жадно хватил кружку пива и тут только заметил, что старик Бунк лежит без чувств. Он был вегетарианцем, и Путек утопил его в крови своего рассказа...

ГЛАВА X,

в которой производство алхимических обедов расширяется.

Сегодня над «Ноевым Ковчегам» разразилась гроза. Мясник Путек вернулся с работы очень рано. И целый день ревел, как бык. Слезы у него били фонтаном. На улице около дома г-жи Шлюк собралась толпа... Разнесся слух, что в «Новом Ковчеге» кого-то зарезали. Потом жильцы услышали, как обрушилась на пол вернувшаяся с рынка г-жа Путек... На минуту в квартире мясника, воцарилась страшная тишина. Затем супруги стали реветь дуэтом. Окружающим казалось, что в комнате одновременно режут корову и овцу. Когда стихал басовый рев мясника, причитания г-жи Путек забирались на самые высокие и душераздирающие ноты...

Жильцы долго гадали: «У них был ребенок? У них не было ребенка. У них была собака? У них не было собаки». У мясника и его толстой жены не было ни папы, ни мамы, ни даже бабушки. Была выдвинута последняя гипотеза — они плачут по кошке! — но и она была опровергнута сейчас же: кошка терлась у дверей и жалобно мяукала... Теперь рев мясника перемежался со стонами, как будто Путек уже околевал. Когда на улице собрались жильцы по Крайней мере пятнадцати домов и появился даже угрюмый, заспанный полицейский сержант Цен, который злобно прогудел:

— Ага... опять в этом сумасшедшем Ноевом притоне что-то творится... — госпожа Шлюк вошла в комнату мясника.

Она вернулась... И все узнали причину убойного рева.

Оплот, украшение, гордость меблированных комнат «Ноев Ковчег», первоклассный мясник, семьянин и добрый христианин г-н Иоанн Путек уволен с бойни «Вуквер и К⁰» ввиду сокращения убоя скота.

Сторож уборной на площади Победы жестко и злорадно тут же сказал:

— Теперь он не будет хвастаться...

Несколько минут он был рад поражению своего врага. «Конкурс». «Лучший мясник»... Но потом горестно вздохнул. Все рушится. Не будет воскресного стука в дверь и некому будет ударить старика Булка кружкой по лысому черепу...

В тот же день к мяснику зашел Бигоп. Они долго шептались в углу; жена сумела подслушать только одну фразу, которую произнес Бигоп: «...Я зову вас в свое дело, как компаньона...»

***

О, эта старая, прогнившая рухлядь, домишко Шлюк! Когда ты провалишься в трясины Брокпура вместе со своими затхлыми каморками, зловонными коридорами, раздавленными жизнью насекомообразными жильцами, со скелетом хозяйки, с клопами и крысами?! Да, кстати о крысах... В характере их поведения под полами и на чердаке «Ноева Ковчега» было что-то демоническое. Вряд ли можно было найти на «Кеплер-рут» дом с меньшими запасами продовольствия и помоев,— но крысы, очевидно, предполагали, что это внешнее отсутствие съедобного происходит от скупости людей, населяющих дом. Эти скряги хорошо прячут.

По ночам «Ноев Ковчег» был похож на оживленный ресторан. Гремела посуда. Звенели тарелки. Переворачивались ведра, кружки. К крысам здесь так привыкли, что даже давали им имена и клички... «Мизи опять ведро перевернула... Всю ночь Чучик не давал мне спать...» Их не боялась даже г-жа Путек, известная истеричка. И вдруг через месяц крысы почти совершенно затихли... словно покинули дом.

Возможно, они были потрясены судьбой мясника Путека...

Г -и Путек теперь копошился на кухне Бигопа. Проводил все дни дома. Их дело «Бигоп и Путек. Кухмистерская» — процветало. С приходом Путека меню обогатилось обилием дешевых мясных

блюд, что можно было приписать только таланту и экономии нового компаньона Бигопа — отставного мясника.

***

Однажды Бигоп появился в холодной мансарде Куарта и спросил инженера:

— А нельзя ли вашего истукана приспособить для ловли крыс?.. Например: в его железную ладонь сыпать корм... как только крыса туда заберется, ладонь сжимается...

Судя по тому, что через минуту Бигоп почти бегом спускался по ступенькам и отчаянно ругался, — очевидно, они не договорились с инженером о механизации ловли этих свирепых животных.

ГЛАВА XI, *в которой доктор философии Эпигуль размышляет о любви и женщинах.*

Доктор философии Эпигуль шагал с тенью инженера Куарта по набережной. Он с опаской поглядывал на глаза инженера, прикованные к воронкам воды.

— Да, инженер, ваша песня о любви к ушедшей женщине лет десять тому назад могла растрогать меня до слез, но я успел нажать атараксию... Вас бросила жена. Меня бросила стенографистка, мадемуазель Ц. Ваш желудок не зависел от ушедшей. Меня уход стенографистки обрек на пост. О, женщины. Ваша жена променяла вас на торговца. Мадмуазель Ц. сменила меня на кривоногого факельщика из погребального бюро «Братья Фишпе», — это одинаково оскорбительно. Вы стали мечтать о самоубийстве. Самоубийство — это такое же сластолюбие, как страсть к шоколадным конфетам. Эпикур сказал: Человек, убивающий себя, ведь смотрит на смерть как на благо». Микроб!

Нас никогда не полюбят женщины. Мы больны большими идеями. Мы похожи на суровые вершины, холодные утесы которых обволакивают сумрачные облака. Большой человек неуютен, как вершина. Уютные женщины предпочитают долины...

Эпигуль повертел в руках книжку, которую всегда носил с собой...

— Женщина подобна книге. Ее можно запоем прочесть в одну ночь или гурмански смаковать по строчке — годы. Разве можно скучную и шаблонную книгу через силу читать долгие годы брака? Правда, есть одинокие, титаны-книги, к которым мы возвращаемся ежедневно... Разве такой титанической книгой была женщина, сменившая вас на торгоша? Вне сомнения, она была небольшой брошюрой в хорошей обложке: быстро прочтешь и завтра уже не помнишь. Женщины стереотипно «сгорают от страсти», шепчут нежные словечки, удивляются и умничают. Среди этого моря стереотипов попадаетеся, может, одна неповторимая, непереизданная строка. Ею и только ею надо упиваться... Вы страдаете об этой потерянной строке, которой не найдете в других женщинах? Женщины приходят в нашу жизнь, как наводнения, как тайфун, — они ломают и уносят крыши, под которыми складывалась наша жизнь. Они близки к мрачным силам природы. Не потому ли они и прекрасны, что ближе к скрытой сущности природы? Перед женщинами разламываются все личности. Монархисты становятся либералами. Католики впадают в неверие. Когда у меня еще были сюртук и презренная популярность, я менял общество политиков на общество женщин. Среди них я чувствовал касания мудрости природы. «Все человеческие поступки движутся голодом или любовью»... но ведь любовь — это тоже голод! Значит, голод единственный импульс. И разве не он заставляет действовать, жить любое насекомое, любое животное, включая и такое вредное и мрачное, как

человек!.. О, проклятая стенографистка! Мой желудок содрогается от мук! Дорогой микроб, на том углу я вижу очередь у благотворительной столовой «Солдат неба». Мой желудок способен сделать меня из атеиста верующим. Я чувствую, что через пять минут буду способен экстатически распевать псалмы под дверями этой харчевни бога...

Куарт злобно бросил Эпигулю:

— Вы тоже становитесь тупым голодным животным. Скоро вы забудете все цитаты и будете сосать подобранные на улице корки.

Эпигуль остановился, горестно осмотрел людей, ожидающих псалмов и кружки кофе, и сказал:

— Человек, стоящий в этой очереди, — обезьяна, подвергающаяся жестокой дрессировке, после которой ей дадут что-то положить за щеку. Я предпочитаю быть «обезьяной на воле». Микроб! Мой желудок воет, завидя кружку смрадного кофе... но мы пройдем мимо. Идем. Мы — дикие обезьяны! Мы — свободные обезьяны!

ГЛАВА XII,

в которой описан день на бульваре Епископов.

На бульваре Епископов цвели каштаны, усылая дорожки вялыми лепестками. Листья, просвечиваемые солнцем, казались салатом, их хотелось есть.

По бульвару текла суетливая толпа. Проносясь аллеей, толпа чуть замедляла бег, чтобы хоть на минуту окунуться в тень каштанов.

Площадь бульвара Епископов сверкала золотом. В полдень она слепила глаза.

Там возвышался фонтан с жирной позолоченной бабой, олицетворяющей Плодородие. Тучность статуи была угрожающей, казалось — баба вот-вот лопнет. Огромный, как воздушный шар, живот, вздутые груди и щеки, громадные, как бочки, ляжки и зад; дыни и яблоки, завитый рог изобилия, диск фонтана, — все превращалось в какую-то оргию взбухших форм. Вихри плодов, сыпавшиеся из рога изобилия, казалось, падали с грохотом на дно фонтана.

Когда лучи солнца обрушивались на выволоченную статую, она растворялась в сплошное облако огня.

Под завитой решёткой фонтана, в куче мусора и газет сидя спали оборванные люди с зелеными лицами. На фоне статуи они казались серыми комками грязи. Скулили нищие. Худые руки оборванцев с ноющим призывом протягивали в пространство зубочистки, спички, газеты. Напротив фонтана рядом сидели два чистильщика сапог. Первый чистил ботинки худому, как жердь, старому господину. Второй дремал над ящиком.

У первого чистильщика сапог были большие роговые очки. Он лихо работал, щетками и развлекал клиента нижеследующим разговором:

— ... в настоящее время теоретическая часть биология состоит из некоторых весьма старых положений об организмах, положений, которыми мы обязаны еще Аристотелю, Гиппократу и Гарвею... Резиновую набоечку на каплун не прикажете?

— Нет. Ну, а Дарвин, молодой человек?..

— Да. Несколько принципов, установленных Дарвином, Клод-Бернаром, и все... а остальное — огромное море фактов, ожидающих обобщений. Биология еще в младенческом возрасте... Может, разрешите сменить шнурки?

— Нет. Вы оптимист.

— Я как биолог — оптимист. Идеи Нейсмана и Менделя скоро затронут различные системы политического и философского мировоззрения. У биологии большое будущее. Она просочится в политику. Верьте мне, как опытному биологу. Готово. Пожалуйста, следующую ногу. У вас очень изящная обувь. Одну секунду, я наведу глянец... Ах, ты... Простите, придется протереть очки, на них попал гуталин...

— Купите зубочистку!

— Зубочистки!

— Помогите безработному! Вам нужны спички.

— Мне не нужно спичек. Я сам безработный.

Через площадь у фонтана шла столь же жирная, сколько и злая женщина с ридикюлем. За ней, обвешанный, как мул, корзинками с зеленью, покорно плелся бородатый человек в пенсне.

Прохожие оборачивались, хихикали: «Запрягла мужа».

Дама остановилась. И приказала мулу в пенсне:

— Поставьте корзины здесь. Помогите мне их погрузить на крышу автобуса. Тогда расплачусь с вами... Ах, негодяй! Два стейера за капусту! Грабитель! Он еще посмел оскорбить во мне женщину, когда я ему запустила кочан в морду. Два стейера! Жить нельзя! Сколько же я должна брать за обеды? Скажите мне, сколько? И так осталась половина столовщиков... Негодяй, вор, грабитель! Два стейера! Два стейера гнилая капуста!

Носильщик, неумело сгружая корзины, откликнулся:

— Мадам... Сенека в книге «Де констанция сапиентис» подробно рассматривает оскорбления и приходит к выводу, что мудрец не должен обращать на них внимания. Вас оскорбил зеленщик. Знаете, что сказал Диоген? «Разве я пошел бы жаловаться на лягнувшего меня осла?»

Первый чистильщик, прислушавшись к словам носильщика, вытянул шею, оглядывая пришедшего, и крикнул:

— Доктор Эпигуль! Что с вами? Вы разбогатели? Вы утопаете в корзинах яств и в поту. Я вам завидую.

Носильщик поправил пенсне и ответил ему:

— Друг мой, Сенека сказал: «Будем наслаждаться тем, что имеем, не вдаваясь в сравнения». Наслаждайтесь запахом гуталина и не завидуйте мне.

— Вы женились, доктор? Эта «фрау» создана для наслаждений.

Носильщик побагровел.

— Знаете что, бездарный биолог?.. Вы — пошляк! Я вам скажу то, что сказал Аристотель в Никомахейской Этике: «Мудрец должен искать не наслаждений, а отсутствия страданий». Пошляк! Я честный носильщик.

— Как вы низко пали, доктор Эпигуль!

Чистильщик был прав. Эпигуль забросил свой чердак и тихие радости у рукописей и стал в поте лица работать носильщиком на рынке. Во воем была виновата м-ль Ц. Она бросила его и сошлась с кривоногим факельщиком из погребального бюро «Братья Фишпе». И он верил этой женщине!

Дама хлопала ридикюлем по бедрам и пыхтела.

— Где же автобус? Где же автобус? Капуста — два стейера! Жить невозможно!

Эпигуль обрушился на чистильщика:

— Пошляк!.. Вакса! Вакса!

Дама грозно шагнула к Эпигулю:

— Что вы устраиваете скандал? Чего он от вас хочет? Уберите от него подальше корзины.

— Ах, мадам! Не обращайтесь внимания на этого гуталинщика. Он считает мое ремесло низким, а свое — высоким. Еще древний

баснописец Эпихармос пел: «Ведь каждый нравится сам себе и считает себя достойнейшим; так собаке лучшим из существ кажется собака, быку — бык, ослу — осел и свинье — свинья». Последнее относилось несомненно к этому чистильщику сапог.

Дама всплеснула руками.

— Вы с ума сошли?.. Что вы ругаетесь! О, боже! полоумный носильщик. Ох! Ну и жизнь! Из-за автобуса я потеряю последних столовщиков. Тащите корзины за мной!

Чистильщик, галантно шаркнув щетками, бросил нанимательнице Эпигуля комплимент:

— Мадам, среди пучков овощей и зелени — вы подобны богине Плодородия, возвышающейся за вашей спиной. Она — жалкая копия.

— Тащите корзины за мной. Ко мне пристают мужчины!

Носильщик Эпигуль, поправив пенсне, сползавшее с его фиолетового носа, вежливо сказал даме:

— Простите, мадам, но... контракт на переноску этих корзин был заключен «рынок — первая остановка автобуса». Дальше нужно возобновить...

— Ох, больной болтун! Полное разорение! Ступайте!

Еще что-нибудь получите.

Эпигуль вежливо и вкрадчиво поинтересовался:

— Нельзя ли более конкретно обрисовать гонорар?

— Стейер.

— Согласен,— сказал Эпигуль и, кряхтя стал выючить на себя корзины, погружаясь в запах петрушки и лука.

Чистильщик саркастически постукивал щетками по ящику, наблюдая за погрузкой.

— Бедный доктор, вы стали выючным ослом с философией вместо хвоста.

Эпигуль грозно сверкнул глазами.

— А вы стали черной бактерией, копошащейся на заплыванном тротуаре.

Дама гаркнула на носильщика:

— Бросьте болтать! Берите корзину!

— Вы правы, мадам. Еще Вольтер сказал: «Земля населена людьми, не заслуживающими, чтобы с ними разговаривали».

— Куда направляетесь, коллега?

Из-под корзин высунулась рука Эпигуля.

— Как сказал Петрарка: «Всегда искал я одинокой жизни, — то знают берега, поля, леса, — чтобы уйти от коротких и недалеких умов, потерявших путь, ведущий в небеса».

Даму охватило бешенство:

— О, боже! Я наняла сумасшедшего! Идите! Остолоп!

Носильщик плелся за дамой и бормотал:

— ...Но, как говорит Ла-Брюйер: «Вся наша беда в том, что мы не можем быть одни...»

Второй чистильщик, до сих пор дремавший, очнулся и, глядя сонными глазами вслед удалявшемуся Эпигулю» мрачно произнес:

— Ла-Брюйер был неправ... Я останусь один.

Его сосед старался изо всех сил, соблазняя хмурых прохожих:

— Почистите! Ваши прекрасные туфли разъедает пыль и разрушают микроорганизмы! Почистите!

Несмотря на грозные бедствия, угрожающие обуви, никто не шел.

От вида расплавленной статуи Плодородия становилось душно. Биологу хотелось высунуть по-собачьи язык и дышать ртом. Его сосед вынул из ящика колбу и пробирку, наполненные белой жидкостью. Сосредоточенно глядя сквозь колбу на свет, он взбалтывал жидкость.

— Коллега, химик! Вы что, сбиваете сливки или изобрели к зиме пасту для белой обуви?

Тот мрачно и спокойно процедил:

— Я еще ничего не изобрел, но ищущу... и, кажется, близок к открытию.

Биолог откинулся на ствол дерева и зевнул:

— Ка-а-а-аткры-тию чего?

— Газа... Газа, который в одну целую девять тысячных секунды истребит всех обладателей вонючих ног, сующих мне их в морду,— сказал химик спокойно и деловито.

Первый чистильщик побледнел и отодвинулся со своим ящиком подальше.

— Послушайте, коллега... У вас зловещая морда и мрачная душа. С таким характером, как у вас, вы способны сделать эту газовую гадость. Знаете, что я вам скажу?.. Если вы не выбросите сейчас же ваших пробирок, начиненных злобой неудачника, я набью вам морду и, между прочим, сам их уничтожу. Слышите?!

Химик холодно посмотрел на него.

— Первый опыт с газом я проделаю на вас... Да. Да... вы очень подходите для опыта.

Биолог испуганно вскочил и закричал людям у фонтана:

— Господа! Держитесь подальше от этого маниака! Он, кажется, нашел газ смерти. У него в ящике ядовитые газы.

Химик-чистильщик сапог спокойно переливал жидкость из пробирки в колбу.

— Они обрекли меня на унижения, нищенство, голодную смерть... Я целые дни задыхаюсь в пыли вонючих ног... Я рассчитаюсь с вами! Я выморю в один день эту планету идиотов!

Продавцы зубочисток и газет тревожно отошли подальше от фонтана. Биолог подкрался к химику и дрожащим голосом вступил в переговоры:

— Я вам советую, коллега... до опыта — понимаете, до опыта — послать правительству ультиматум: «Если мне, такому-то химику, не дадут в течение двадцати четырех часов обеда, квартиры и работы... я, открывший газ такой- то, уничтожу всю планету к портовой матери!..»

Тут биолог сделал хищный прыжок, выхватил из рук химика колбу и разбил ее о дерево.

— К чёртовой матери ваши яды! Маниак! Морду за такие изобретения бьют!..

Химик был холодея, как воды Ледовитого океана.

— Вы очень подходите, для опыта. Завтра я на вас проделаю маленький эксперимент. Не забудьте, Маупе, мы живем вместе...

Маупе схватил свой ящик и заметался по бульвару.

— Ужас! Ужас, что делается! Они смеются! Они не знают Гемса. Он это сделает... Да, опасно, смертельно опасно, когда голодают изобретатели пороха и газов!.. Гемс! Вы страшный безработный! Я бы сказал, вы... вы омерзительный безработный!..

Большие капли падали в бассейн. словно пот струился с обожженной солнцем красной статуи Плодородия.

***

Вечером в самом конце бульвара к свету фонаря вылезла фигура с ящиком чистильщика сапог за спиной. Человек вынул из кармана пиджака пробирки и бормотал, разглядывая их при свете фонаря:

— ... при соединении с четырьмя частицами его появляется странная реакция. А если добавить еще одну...

В эту минуту из кустов хищным зверем на него прыгнул бледный Маупе, выбил пробирки из рук...

— Я вам «добавлю», сукин сын! Я вам «добавлю частицу»!
— скрежетал Маупе, трясясь и топча пробирки. — Дьявол! Убийца!

Химик зевнул.

— Вы остолоп. Вы бездарно проводите последние сутки вашей жизни. Ходите жалкой собакой по моим пятам. Завтра вы будете мертвым,— понимаете, вы, бездарность? Бегите, спешите хоть из последних суток выжать радости и что-нибудь интересное. Поцелуйтесь с кем-нибудь. Потанцуйте. Посмотрите на звезды... Боже, как вы глупы, биолог!

Маупе забегал около скамейки, на которой лениво развалился химик.

— Ничего, маниак!.. Еще до завтра я засажу вас в сумасшедший дом. Сейчас я найду людей...

Гемс сладко потянулся на скамье.

— Вы подумайте, как прекрасно, как хорошо будет дышать мне, когда я останусь один. Я буду — Адам! Пожалуй, надо спешно найти Еву. И надеть на ее нос респиратор... О, если бы меня могли слышать все женщины! Лучшая женщина мира пала бы к моим ногам. Из-за места Евы все женщины перегрызут друг другу горло! Уверяю вас... Вот они у моих наг... Медам! Завтра только одна из вас останется в живых на этой планете. Только одна... Впрочем, при тщательных поисках ,в мире нашлась бы парочка интересных собеседников... Может, для нескольких умов сделать ноев ковчег? Коллега биолог, как вы думаете — устраивать ноев ковчег или не устраивать?

— Замолчите вы, омерзительное чудовище!

Маупе подумал: надо его укокошить. Все равно суд оправдает. Он подкрался с ящиком в руках, замахнулся... Его схватили крепкие руки химика.

— Жаль, жаль, коллега биолог, я не возьму вас в ноев ковчег! Не возьму!

Он швырнул Маупе так, что тот перевернулся через голову.

Гемс стоял под фонарем.

— Мне надоели цивилизация и вонь газаolina. Я так устал от нищеты и бездарных коллег по науке, что хочу отдохнуть на лоне первобытного ландшафта... Да, да! Меня может устроить только такой курорт... Коллега Маупе, я хочу идти назад в пещеры. Мне надоели трамваи и очереди у ночлежек! Прощайте! Царство вам небесное и упокой господи вашу душу завтра!

Гемс вскинул ящик и зашагал длинными ногами.

Биолог Маупе заметался по бульвару Епископов.

— Караул! Караул! Помогите! Помогите!

Выбежал, переваливаясь с бока на бок, злой полиц. Маупе дрожащими руками совал ему адрес Гемса.

— Вот вам адрес. Зовите всю полицию. Бегите в полицейское управление. Тот сумасшедший, что скрылся в кустах, с минуты на минуту хочет уничтожить весь мир! Понимаете, всю планету!

Полиц вяло и зло буркнул:

— Что?

— Бегите! Каждое промедление грозит гибелью всему человечеству... Скорей! Я бегу за ним.

Он исчез.

Полиц сонно посмотрел на бумажку, сунул ее за рукав и медленно побрел по бульвару, сказав:

— Планету это чепуха... Вот если он отломит ветку на растопку печи, я его засажу...

ГЛАВА XIII,

в которой над Этландией опускается ночь.

Инженер Энрик Куарт сидел до вечера на бульваре Епископов. Осенний бульвар темнел. На одну из скамей собирались плохо одетые тени. Зажигались фонари. Куарт в

полусне слушал долетавший разговор. На скамье, тесно прижавшись, сидели четверо. Они грелись друг о друга.

— Который час?

— А тебе что?

— Верно, все равно...

Сказавший это поднял с земли измятый цветок. Повертел его.

— Погадать, что ли, на цветке? Выгонит ночью полиц или не выгонит? — И, отрывая лепестки, приговаривал: — Выгонит... не выгонит... к сердцу прижмет... в ночлежку пошлет... выгонит!

— Не стоило гадать.

— Говорят, можно заработать, собирая газеты.

— Читать вслух на перекрестках?

— Нет, собирать старые газеты, разглаживать утюгом и продавать их за новые.

— Пробовал.... Брюхо газетами не набьешь.

— Или можно собирать дохлых мух.

— Съедобно, но противно.

— Нет, есть аптекарь, который их покупает. Он не то оживляет их, не то настаивает. Платит только мало.

— Почему?

— Десять стейеров килограмм.

— Килограмм?! А где ты наберешь?

— Дохлые мухи — чепуха. Вот дохлые крысы — это золотое дно.

— А еще лучше живые. С живых шкура, говорят, дороже.

— Пробовал. На каждую крысу очередь стоит охотников. Литейщики, монтеры, токари, инструментальщики — превратились в охотников за крысами. Веселая жизнь!

— Через полчаса нас погонит со скамьи полиц. Мы сядем на другую. Он подойдет и сгонит с другой... Я, кажется, нашел работу для всех нас...

- С голоду начинает с ума сходить.
- Нашел. Пойдите... Нам негде ночевать и нечего есть.
- Открыл две Америки сразу. Ну, а работа-то какая?
- Тюрьма.
- Строить?
- Жить.
- Неплохо.

— Через полчаса подойдет полиц. Мы набрасываемся на него, но не всерьез, а так только, помнем. Мигом из-за кустов сыплются другие полицы. Свистки. Небольшой шум... и ночь мы чудно проводим в теплой тюрьме. Кажется, даже успеем еще к ужину.

- Он может перестрелять всех!
- Верно. Сразу не поймет, что людям негде спать.
- Тогда — разделимся пополам и начнем душить друг друга.

— Правильно.

— Давай!

— Я, значит, буду душить тебя. А ты души Фрика... Ну, ложись на дорожку.

Один из них, уже лежа на дорожке, усомнился:

— А может, зря это? Может, там не кормят?

— Вы столуетесь в каком ресторане?

— Ладно, души!

— Ну, начинайте, орите!

На бульваре Епископов раздаются нечеловеческие крики. Люди стараются изо всех сил.

Медленно подходит солидный столичный полиц. Крики становятся душераздирающими. Полиц спокойно крикает:

— Тише! Все ясно. Вам негде ночевать. Вы решили превратить тюрьму в гостиницу. Изобретено до вас. На этом же

бульваре. Каждый вечер орут и разыгрывают подобные драмы другие изобретатели. Разойдитесь, или вместо ужина в тюрьме получите ужин из резиновой палки.

Он, зевнув, сворачивает в аллею. С земли поднимаются извалявшиеся в пыли тени. Уныло садятся на скамью.

— Не прошло.

— А давайте убьем полица!

— Много сидеть придется...

— А у вас что, контракт подписан? Все равно работы нет. И ;не будет.

Из темноты бульвара в свет фонаря вынырнула фигура в котелке.

— Есть работа.

Скамья отвыкла от такого сочетания этих двух слов. Скамья затихла. Скамья уверена, что это галлюцинация.

Котелок, мягко ступая, подходит к скамье.

— Покупаю кожу для пересадки. По цене десять стейеров — один сантиметр кожи. Безболезненно. Незаметно. Кожа со спины. Декольте, надеюсь, не носите?

Скамья молчит.

— Каждый из вас легко перенесет потерю двух стаканов крови. Двадцать стейеров — стакан крови для переливания.

Один вскакивает со скамьи:

— Вон! Пиявка! Шкуродер!

— Постоите. Кожа почему?

— Кожа со спины — сантиметр десять стейеров. С плеч — пять стейеров.

— Тридцать... нет, двадцать сантиметров — двести стейеров. И стакан крови. Могу. С вами идти?

— Со мной. Операция рано утром. Натощак.

Один хватает уходящего с котелком за руку:

— Ганк! Постой. Брось. Что-нибудь придумаем...

— Пошел к чёрту! У меня трое детей воют от голода... Идем, котелок, на живодерню!..

Товарищи ушедшего, завидя полица, исчезают в темноте. И еще раз в каштановой аллее ночного бульвара проносится надтреснутый голос:

— Идем, котелок, на живодерню!

Ночь. Ни души. Газовый фонарь освещает фонтан и вздутую, как труп, статую бабы «Плодородие»... Около фонтана бредет растерзанный человек в лохмотьях. Он застывает перед статуей. Жадно глядит на ее «рог изобилия».

Обводит сумасшедшими глазами бульвар и, не замечая сидящего в тени дерева Куарта, шепчет:

— Горы плодов... и никого нет... торговка ушла... Хлеб, дичь... яблоки... лежат горой. Я захлебываюсь слюной... Никого нет. Никто не заметит. Скорей...

Он, как вор, крадется к ногам статуи, и у Куарта бегут мурашки по спине.

— Никого... Боже, как я голоден!.. Вот они... хлеб, колбаса... плоды... А!!

Он впился зубами в медные плоды и яства «рога изобилия». Слюнявит их и рычит:

— Черствый, не укусишь... Какое счастье! Я ем! Ем... Вино... Сколько вина!

Он переливает в руках воду из бассейна.

— Скорей! Пока никто не пришел... Как много съестного! Я не знаю, с чего начать...

Он долго грыз, бормотал. Потом, застонав, очевидно — сломав зуб, исчез в темноте...

***

Ночь, тяжелая как угар, как бред тифозного. Ночь, душная, хан Черное сукно, которым затыкают Нам рот, завязывают глаза, — придавила Этландию. Маленькие дома от ужаса перед обрушившейся ночью, задыхаясь, прижались сильнее к земле. Лязгали окнами. Тлели газовыми фонарями. Площадь Победы была пуста. На ней безмолвно, придавив тучной лошадьё гранит, развалившись в седле и растопырив огромные стремяна, сидел король Энрик Второй.

Вокруг площади, чадя в черную бездну неба, стояли, как свечи, фонари.

Против Энрика Второго и его лошади стоял на посту полицейский сержант Цоп. Он смотрел в медное лицо короля Энрика — хотел быть таким же суровым, таким же мощным, непоколебимым и неподвижным, как статуя. И полицейский сержант Цоп выпячивал грудь и раздвигал ноги, чувствуя свою мощь.

Этландия! Ты можешь спать под черным пологом неба. Полицейский сержант Цоп и Энрик Второй стерегут тебя и твой сон!

По дороге из предместий шагал сутулый, худой человек.

Он прошел мимо фонаря, и его тень стала расти... Она достигла пятого этажа. Ветер распахивал полы ее куртки, ставшие огромными, как облака. Эта тень впалой груди и поникшей головы прошла под крышами и ступила на площадь Победы.

Полицейский сержант, подняв голову, увидел ноги колосса, заслонившие статую Энрика. Цоп, запрокинув голову, отшатнулся и увидел где-то недосыгаемо высоко, уткнувшееся в черное небо, худое лицо и грудь в лохмотьях.

Облака то окутывали острые скулы, то расступались, то закрывали впавшие глаза.

И сержант Цоп расслышал упавшие оттуда, с высоты, слова:

— Арестуйте меня. Мне негде! ночевать...
У полицейского сержанта Цопа волосы встали дыбом.
Он не мог найти тюрьму, которая бы вместила глыбу,
нависшую над городом.
Над Этландией распростерлась ночь...

ГЛАВА XIV,
*в которой будет сказано о Минерве с протянутой
рукой.*

„...при раскопке основания портика была обнаружена статуя богини Минервы, покровительницы наук. Статуя тем интересна, что вместо обычно жеста простертой руки, обращенной ладонью вниз (как бы благословляющей), — у найденной Минервы Каретузской ладонь обращена вверх, словно она сама просит даяния или жертв”.

(Шапле, „Раскопки Каретузского форума”).

В лето 1932 от так называемого р. х. система высшего образования в Этландии приблизилась к идеалу эллинских палестр и академий. Она была вынесена из душных и серых залов на воздух. Правда, юноши эллины тихо гуляли со своими седовласыми учителями по залитым солнцем кипарисовым аллеям, где пахло ароматной смолой, где белели мраморные скамьи, где в философский спор вмешивался звенящий голос искрящихся в лучах капель и струй фонтанов. В этландских палестрах еще не было такого благоухающего пейзажа, но уже и над учителями и над учениками распростерлось небо — то гостеприимное, то озлобленное, менявшее свой цвет и облачные украшения.

Вместо залов, пахнувших затхлостью музеев и пылью мела, вместо стен, покрытых плесенью рутины, — наука была

выброшена на улицу, где шумели говорливые тротуары, где звенели трамваи, где крутились воронки толпы.

Почти каждая улица представляла собой стройную систему высшего учебного заведения.

Например, на улице св. Мартина, на углу, где она впадает в площадь Кафедрального собора, просил подаяния престарелый математик. Напротив него, на другой стороне улицы, в кресле-коляске полулежал физик Гоберик. Около него всегда стояла бледная и худенькая дочь, охранявшая кресло от потока людей.

Там, где улица св. Мартина скрещивается с Пален-рут, робко протягивал шляпу космограф Гердского университета г-н Ботр.

Таким образом улица св. Мартина вполне могла заменить физико-математический факультет. Студенты этой — правда, несколько пыльной и шумной — академии могли вскладчину, подавая милостыню поочередно всем профессорам, прослушать цикл лекций по высшей математике и физике. К тому же множество тел и предметов, мчавшихся с различной скоростью по улице, висевших, стоявших, — служило блестящими и бесплатными наглядными пособиями.

На дверях старомодных институтов и университетов висели отравлявшие светлое стремление к науке плакаты:

„Министерство народного просвещения не советует вам подавать заявления в высшие учебные заведения. По окончании их вы не найдете применения своим знаниям. В стране перепроизводство интеллигенции. Возвращайтесь к земле, к ручному труду в эти тяжелые годы! “

В уличных институтах никто не отбивал вам аппетита пессимистическими лозунгами. Вы могли поступить даже на факультет бронтозавров — философский факультет.

Попадались целые проспекты, сплошь загороженные забором протянутых рук одних только неокантианцев. Вперемежку со стереотипным философским кличем («Не откажите подать, что можете, ученому!») вы могли выслушать перебранку старых врагов по диспутам. Можно было на расстоянии двух кварталов изучить до тридцати разновидностей бергсонизма.

За горсточку мелочи вы могли позволить себе почти садистическое удовольствие. Вы могли собрать в кучу матерых волков различных философских школ и, подобно кости, брошенной в стаю собак, кинуть им монету и тему для дискуссии. О! Какое рычание цитат и лязганье зубов категорий оглушило бы вас, какие клочья шерсти противоречий заматались бы перед вами!

В королевском парке, где в аллеях гнездились шайки классических богов, где, развалившись, скучали тучные Посейдоны и Зевсы, где торчали — злые, как старые девы — Афины и Феиды, где жеманно улыбались Аполлоны, словно зазывая вас в кровать, — в царстве этой окаменевшей мифологии, в хаосе этих безукоризненных бюстов, ляжек и ягодич, — кишели голодные попрошайки с кафедр академии живописи, из институтов изящных эфемерных искусств.

Под копией статуи Геракла, у которой грудь огромна и вздута, как змейковый аэростат, — нервные эстеты, озлобленные неудачами! жизни, от скуки и по инерции еще спорили о влиянии «Св. Антония Падуанского» Козимо Тура на современных художников, о флорентийских дамах на портретах Гирландайо, о гениальном умении Ван-Дейка живописать серебро и атлас платьев...

Они могли за пару фени: 1) подправить ваш рисунок головы! Афродиты, 2) точно сообщить пропорции в скульптуре Фидия, 3) прочесть лекцию о живописи кватроченто, 4) сообщить библиографию статей о Фрагонаре, 3) раскрыть тайны полотен

Снайдерса, — а если бы вы подбросили одному эрудиту и эстету еще один фени и пару папирос, он мог сделать тут же ваш портрет маслом и дать в виде скромной премии два-три своих пейзажа, видевших не одну европейскую выставку.

Вам достаточно было слегка потряхнуть серебряными монетками в кармане — и вас закрыла бы от мира целая стена мольбертов, подрамников...

Вас обожгли бы тысячи вдохновенных взоров живописцев, вас удушил бы запах красок, и вы могли бы уйти из Королевского парка, нагрузив два грузовика своими портретами, написанными во всех живописных манерах — от Джотто, Веласкеса до неокубистов и Пикассо.

Я, помню, увидел здесь незабываемую картину. Солнце шло к закату. В семь часов оно было за спиной огромной статуи Венеры. Ее бедра, шея и голова пылали. На скамье против воспламененной закатным солнцем богини — умирал хилый старик, профессор истории искусств. Умирал, глядя уже туманившимися зрачками на прекрасные очертания статуи, оживленные спрятавшимся за ее спиной солнцем.

Профессор, умирая, шептал:

— Какая сладостная смерть... в твоей тени... богиня любви!..

На улице, под решёткой Королевского парка наиболее длинноволосые и хитрые Рубенсы рано утром открывали хищническую охоту. Расставляли свои полотна, как силки и капканы. Решетка превращалась в длиннейший зал выставки. Вместо номеров, названий и цены к полотнам были прикреплены крупные надписи с обозначением эквивалента: Пейзаж в манере Утрилло — «полдесяток яиц». Портрет женщины в зеленом — «пачка папирос». Какая-то батальная мазня времен 1914-1918 годов стоила «2 килограмма картофеля и пучок луку». Натюрморт

— куропатка и яблоки — «100 граммов маргарину и кочан капусты».

Хищническая охота велась исключительно на сентиментальную, пропахшую кухней и пеленками женщину.

— Ах, у этих художников такие волосы, такие задумчивые глаза!

— Ах, все-таки искусство! Какие у него худые руки...

Легкомысленные хозяйки, рисковавшие, купив на рынке картофель, возвращаться домой мимо Королевского парка, — часто приносили вместо картофеля натюрморт с рыбой и устрицами или фруктами и дичью.

Это еще было понятно. Все-таки съестное. Можно было на шипение мужа разразиться криком:

— Картофель слопаешь сегодня. А это будет висеть годы!

Но когда вместо лука, крупы и мяса в корзинке приносили голых мужчин, нимф и лошадей, тогда домашним хозяйкам оставалось только недоумевать, как вообще случился этот обмен материальных ценностей на духовные. В скором времени большинство этборгских хозяек, завидя длинные волосы, бархатные береты и пестрые полотна, стали инстинктивно хвататься за корзинки и обходить район Королевского парка.

***

И не только изящные искусства и высшее образование тяготели к улице, — к ней стремились и начальное и среднее. Школы, в которых, подобно весеннему рою пчел, шумят озорные мальчуганы, — закрывались. Дети стали рождаться необычайно прозорливыми и умными. Если раньше шестилетний карапуз лепетал:

— Папочка! Я вырасту и стану генералом. Да? — то теперь они говорили деловито и без тени вопроса:

— Я вырасту и стану безработным.

К чему было учиться? Книги, слова и тетради не могли наполнить сохнувшее брюхо.

Правда, наука могла раскрыть перед вашим взором тайны двенадцатиперстной кишки, механику пищевода, поведение поджелудочной железы, технику переваривания пищи, — но от этого вы только до тошноты остро почувствовали бы пустоту желудочно-кишечного тракта и послали бы всю анатомию и физиологию к чёртовой матери!

Нахальные географы смаковали бы: «Население Дании занимается преимущественно животноводством. Датские породы свиней, датский бекон...» Историки изводили бы вас рассказами о пирах Ричардов, Генрихов и Людовиков... Вся наука вооружилась бы против вашего пустого желудка. И вы завопили бы:

— Довольно набивать голову датами, формулами и чушью,— дайте кусок хлеба!..

Впрочем, в Этландии родился единственный университет, который гарантировал вам этот кусок хлеба.

Изредка — слонявшимся без дела, бледным, но довольно приличным теням тихонько всовывались в руки, подобно мятежным прокламациям, листовки, на которых значилось:

Вы — интеллигентный человек, оставшийся без работы?

Вам нечем прокормить себя и семью?

Вы готовы ради поддержания жизни ваших детей выйти на улицу за подаванием? Не отчаивайтесь! Вы можете поправить свои дела. Мы приходим вам на помощь.

„ЧАСТНЫЕ КУРСЫ
ПО ОБУЧЕНИЮ ИНТЕЛЛИГЕНТНЫХ ЛИЦ
ПОЛЕЗНЫМ И ДОХОДНЫМ РЕМЕСЛАМ”.

Гарантируют лицам, их окончившим, приличный в постоянный заработок.

Условия, запись, справки, советы — ул. Адмирала Кингстона, 12.

ГЛАВА XV,
*в которой вы прочтете о новом промысле доктора
философии Эпигуля.*

Над городом шли тучи, серые я рваные, как нищета. Тучи тянулись медленно, как часы безделия, как минуты ожидания...

В свинцовые лужи, дрожавшие холодной рябью, падали желтые листья.

Этборгские клены стояли голыми. Горсточка листьев у вершины заканчивала на ветру последнюю часть осенней сюиты. Судорожно металась полумертвые желтые музыканты. Отрывались от пультов веток и медленно падали вниз.

По дороге, среди умолкающих кленов, брел сутулый Эпигуль. Он снял свою ветхую шляпу, подставив осеннему ветру седые волосы. Нос Эпигуля заменял бедным обитателям «Ноева Ковчега» календарь. В мае он был розовый, в июне — красный, в августе — багровый. Судя по тому, что сейчас он был синим, — наверно, стоял октябрь.

Желтый лист упал на голову философа и запутался в белой траве волос. Эпигуль остановился, снял лист, долго рассматривал его, бормоча чьи-то строки: «Настанет день, — как лист осенний, на землю влажную я упаду...» Нахлобучил шляпу и побрел, держа лист, как распятие.

Дальше поведение Эпигуля стало менее понятно.

Он собирал листья с такой жадностью, с какой набрасываются на первые грибы. Он ломал ветки кустарника с красными листьями, яростно, как мальчишки, ворующие сирень.

Здрав полу пальто, тащил в ней целые снопы мертвых листьев. Наконец, выбрав сухое местечко под деревом, он уселся и стал их сортировать. Светло-желтые, цвета умбры, красные, киноварные...

Через час престарелого синеносого философа можно было увидеть на углу Оперной площади. Черная шляпа была величественно откинута назад. Эпигуль протягивал прохожим кучи веток с листьями желто-красного спектра и вкрадчиво говорил:

— Не откажите приобрести за один фени и букет «Осень».

На сером мокром полотне улицы горели листья. Распродав собранный урожай, Эпигуль направился к окраинным улицам, нежно поглаживая в кармане несколько монеток.

Философ остановил свой выбор на пивной, известной под кличкой «Картофелина». Она славилась тем, что тут разрешалось покупать три картофелины с солью и хлебом за три фени и требовать три вилки. Следовательно, человек ужинал за один фени. Один фени случается найти и на дороге.

Улицы покрылись черной грязью, холодной, как повестка об увольнении. У входа в «Картофелину» маячило четверо людей. Они о чем-то думали, засунув руки в карманы. Их торсы можно было выставить в музее изящных искусств, как группу «Мыслители», — ноги же явно принадлежали другим фигурам. Они безостановочно выпясывали что-то среднее между джигой и чарльстоном.

Эпигуль склонил свой сизо-синий нос над прилавком с блюдами. Обвел глазами яства предместий. Причмокнул языком и обратился к кабатчику:

— Дорогой друг! Подлинное пиршество приобретает хороший привкус, когда гости не знают, какие блюда будут поданы хозяином. Я дам вам пять фени. Распорядитесь с присущей вам изысканной выдумкой.

Кабатчик сонно поглядел на пять латунных монеток и протянул доктору философии три картофелины, кусок хлеба и одну тошную, как рахитичный ребенок, кильку.

— Какое изобилие... Я не верю своим глазам! — патетически воскликнул Эпигуль и потащил яства к столику. Килька испуганно смотрела огромным и неживым глазом.

Одинокая килька лежала на тарелке, такая жалкая и худенькая, что у более сентиментального человека могли навернуться слезы и он, пожалуй, мог с плачем воскликнуть:

«Зачем вы ее погубили? Она маленькая...»

Глаза всей пивной с завистью провожали Эпигуля. А один оборванец, взглянув на три тарелки, которые нес почтенный доктор философии, даже подошел и конфиденциально загудел ему на ухо:

— У вас не найдется пары фени?.. Не хватает расплатиться.

— Мой друг! Я ухлопал на этот обед весь свой дневной заработок. Отломите корку от хлеба и сочтите, что я вам одолжил полфени.

Как педантичный анатом, Эпигуль вскрыл тощее тело кильки; бережно извлек кишки, положил их на одну картофелину, головой кильки он украсил вторую и наконец — обезглавленные останки он возложил на третью, и самую большую. Закончив вскрытие безвременно погибшей в неизвестном море кильки, он почуял своим синим носом отвратительное зловоние и заметил, что сидящий за соседним столиком человек занимается явно антисанитарным делом. Человек держал снятый с ноги разорванный ботинок (превратившийся в комок грязи) и тупо глядел на него. Хуже всего, что в этом человеке Эпигуль узнал давно исчезнувшего своего сожителя — инженера Куарта. Поза инженера заставляла вспомнить классическую сцену с черепом шута, когда, вперив свой взор в пустые глазные впадины, Гамлет восклицает: «Бедный Иорик!»

Инженер держал в руках развалившийся ботинок и, наверно, шептал:

— Когда-то здесь был каблук, умевший звонко стучать по тротуару... Где твоя звонкость, ботинок?

Эпигуль, желая оторвать вновь обретенного друга от грустного объекта созерцания, произнес:

— Микроб! Знаете, что поет в своих рапсодиях Агамемнон? «Когда я износил по щебню дорог свои сандалии — я пришел к пастухам беотийцам и сказал: «Я буду петь от зари до вечера — о войнах с персами — за пару сандалий из хорошей кожи». И они обули меня и дали в придачу посох и мех с вином, и мешок с сыром?..» Где теперь такие пастухи? Где беотийцы и мешки с сыром?.. Кстати, все окружающее пахнет сыром.

— Микроб! Вы должны считать себя счастливым. Вы обладаете еще некой субстанцией ботинок. Правда, я не вижу каблуков и подошв, частично съеден асфальтом носок, но это еще обувь богов. В прошлом году у меня не было и этого. Я сидел целый день дома, а с наступлением темноты выходил на прогулку в черных носках, которые походили за замшевую обувь. Впрочем, понятно, что вы принимаете опасность, грозящую ногам, так близко к сердцу. Ибо Ипполит Сиракузский говорил: «Ноги — это самая важная часть человеческого тела. Они спасают иногда завравшуюся голову...» Наденьте ботинок, вытрите руки и разделите мой скромный обед. Картошка, увенчанная головою рыбы, и этот кусок хлеба — ждут вас.

— Вы попрежнему, Эпигуль, пишете эпитафии и отдаетесь мадемуазель Ц. за надгробные речи?..

— Нет, Микроб. И ремесло и она бросили меня. Только мертвецы не хотят от меня отставать. Они гонятся за мной. За что я, ни возьмусь — все хоть косвенно имеет отношение к мертвецам. Я сегодня продал пять букетов по одному фени, но и они из мертвых листьев.

— Вам, как всегда, везет. Я думал до сегодняшнего дня, что я неудачник. Выяснилось, что я только безграмотный неуч. Это открытие принадлежит не мне, а одному сердобольному нищему; он долго наблюдал, как я прошу милостыню на углу, потом подошел, полчаса корчился от хохота. Трахнул сухой рукой по моей спине и прохрипел: «Жалкий, безграмотный молокосос. Вы же не умеете просить милостыню. Вы неуч. Стал, протянул руку и ноет... Это же каракули. Сбор подаяния — сложнейшая наука. Тоньше всех алгебр и химий. Надо сначала научиться, потом вылезать на панель...» Короче говоря, я его жду здесь. Он обещал устроить меня в «Университет нищих». Вот я и разглядываю свою обувь. Скоро зима. В чем я буду ходить на лекции — неизвестно...

Философ безглаголиво повертел на шнурке ботинок инженера, осмотрел его, как разлагающийся труп висельника.

— Микроб! Примите ряд полезных советов от мужа, умудренного жизнью. Искусство ходьбы в развалившихся ботинках — древнее искусство. Еще Одиссей учил своих соратников, что надо делать, чтобы не натирать пузырей. Современная техника этого искусства несложна. Кусок резины от пузыря или камеры — кладете на дырку изнутри. Потом слой соломы для смягчения ударов о мостовую. Потом обматываете ступню газетами — для теплоты. И, наконец, натягиваете верх от старых носков — для эстетического орнамента и создания у окружающих иллюзий, что вы приличный молодой человек в фильдеперсовых носках. Зимой можно проходить в одном пиджаке. Для этого необходимо иметь старую трикотажную рубашу и немного ваты из чужого пальто. Между телом и рубашой вы помещаете слой ваты. Это вполне заменяет шубу. Кальсоны можно утеплить очень оригинальным способом, но чтобы показать, как это делается, надо раздеться. Заходите ко мне. В пивной неудобно демонстрировать. Наши тела не достигают

классических канонов. И притом у вас, наверно, волосатые ноги. А это действует на эстетические натуры подавляюще. Я также покажу вам, как старая, никуда негодная рубаха может отлично заменять кальсоны...

Один из сидевших за соседним столиком, тип, заросший, как горилла, добавил сильным голосом:

— Инженер! Отдавайте рубаху на кальсоны. А рубаху можно сделать из полотенца. Сложить пополам и прорезать дырку для головы. По бокам зашить. Это может сделать любая привратница... А вообще, как правило: кальсоны не нужны. Лично я их не держу. Продал. Их можно заменить носовым платком. Чтобы не застудиться. Полотенце я могу вам продать за десять фени. Я тут каждый день торчу...

***

Букеты покупали за их необычность и дешевизну. На следующий день доктор Эпигуль не спеша вышел на промысел с новыми коллекциями листьев, но увидел, что все улицы были облеплены попрошайками, протягивавшими желтые снопы букетов «Осень». Эпигуль хотел крикнуть: «Как вы смеете? Это моя кровная идея». Но в это время к нему подошел смуглый субъект, зло поглядел на его роскошные букеты и строго спросил:

— Вы торгуете от треста?

— Какого треста?

— Треста «Осенний букет». С сегодняшнего дня продажа букетов из листьев монополизирована нашим трестом. Если вы не уберетесь вон с улицы с вашими вонючими листьями, вы можете не дожить до вечера. Так сказать, увянуть в цвете лет... Поняли?

ГЛАВА XVI,

в которой инженер Куарт превращается в школяра и ему грозят двойки и переэкзаменовки.

Учебное заведение г-на Дроллека было зарегистрировано в министерстве народного просвещения под той скромной вывеской, которая вам уже знакома по рекламной летучке.

Среди профессуры курсов, студенчества и прочего человечества затея г-на Дроллека известна была как «Университет боттлинга» (т. е. сбора подаяния), короче говоря — «Университет нищих», «Школа попрошайек».

Здесь готовились мастера протянутых рук и молящих глаз.

Вывеска «Университет нищих» сразу вызывает в представлении мрачный интерьер: зеленые от сырости стены подвала, висячие фонари, зловоние лохмотьев и т. д. К сожалению, столица Этландии лишила нас такого романтического фона. Увы! Школа этландских нищих помещалась на аристократической улице адмирала Кингстона и занимала большой дом, выстроенный учеником знаменитого Корбюзье. Белые, слепящие кубы стен чередовались с плоскостями стекла и металла. Здание было насквозь пропитано светом. Воздух наполнял его в таком избытке, что колонны, на которых стояло здание, казались толстыми стропами, еле удерживающими рвущийся в голубое небо белый аэростат.

Некогда здесь помещался Евгенический институт. Он прогорел, ибо руководитель этого трогательного учреждения пришел к такому выводу: «Человечество настолько выродилось, что улучшить породу этих дегенератов уже невозможно». Он пустил себе пулю в лоб, и здание за бесценку было куплено у банкротов предприимчивым г-ном Дроллеком.

***

Инженер Куарт был подвергнут приемным испытаниям.

— Следующий! Энрик Куарт... Подойдите к столу.

Все — как в детстве. Сейчас к доске. Двойка в журнале. Пять розог. В угол. И уже впадая в детство, инженер Куарт вытянул усталые руки по швам и, трусливо мигая, поплелся между столами к кафедре.

— Как вы будете просить милостыню?

— Ну... «Помогите... безработному».

— Вот яркий пример, господа слушатели! Этот человек обречен на голодную смерть. «Помогите безработному»! Вы можете простоять десять лет на одном месте и не зажать в кулаке ни одного фени. Шаблон — это смерть. Где знания рефлексологии? «Помогите безработному»! Каждый прохожий уже пять лет слышит этот крик из всех, пахнувших керосином, газет, из широко открытых пастей кружек благотворительных сборов, из тысяч глоток разного калибра. Он уже его не слышит. Научно точно. Эта фраза уже не вызывает у него никаких реакций. А милостыня — сложный психологический процесс... Нервные клеточки органов слуха...

***

Куарт прошел по коридору, похожему на приемную клиники для богатых пациенток по женским болезням, и очутился в аудитории № 4. Там должна была состояться вводная лекция самого ректора.

Студенческое население аудитории было похоже на палитру, с которой художник мастихином счищает перепутанные остатки всех красок.

Тут были и седые отцы семейств, и беззубые длинноносые неудачницы, и бледные юноши, и подергивающиеся эпилептики, и прилично одетые доктора различных наук, и горбатые старики, в бороздах морщин которых посеяны горе и мудрость бытия.

Ректор начал:

— Милостивые государыни и милостивые государи! В житейских делах побеждает тот, кто умеет смотреть в лицо истине, как бы ни было оно сурово и мрачно. Для большинства человеческого населения нашей планеты в данную эпоху стоит вопрос не о том, где получить плату за свой труд, а вопрос, где получить пособие, минимальное пропитание, где и как получить давание — или, если употребим научный термин: «боттлинг». Мы живем в суровое время. Время, когда голод является нормальным состоянием, самоубийство — единственным производством, обнаруживающим явные признаки роста, нищенство — единственным ремеслом, которое стоит изучить. Мы зовем в свой университет не только безработных, но и лиц, имеющих еще работу. Мы говорим им: рано или поздно вы останетесь без работы; воспользуйтесь случаем — изучайте, в свободное время, ремесло, которое всегда пригодится. Вы можете, разумеется, и не обладая теми знаниями, которые дает наш университет, выйти на улицу. Вы стоите, уныло протягивая руку, публика вам кажется глухой, слепой, черствой и бездушной. Тривиальное нищенство, старое, ветхое по своим формам, любительское нытье — ее не трогает. Вы забыли, что мы живем в громадных, запутанных, сложных городах двадцатого века с его сложнейшей психологией. Вы умрете от голода и отчаяния. Вы не будете иметь успеха на этом поприще. Еще Спенсер сказал: «От чего зависит успех производства, приготовления и распределения товаров? Он зависит от применения методов, относящихся к различным родам этих товаров; он зависит от достаточного знакомства с их физическими, химическими или жизненными свойствами, то есть он зависит от науки». Нужны знания боттлинга. Нужно овладеть сложной наукой и техникой сбора подавания в двадцатом веке в больших городах нашей цивилизации. Университет даст вам ключ

к душе, сердцу и карману прохожего. Кафедры занимают лучшие специалисты — от профессоров до практиков, нищих с мировым именем. В наших лабораториях, руководимых моими талантливыми сотрудниками, раскрываются все тайны психологии человека, подающего милостыню. Вы изучите все пути к наиболее верному воздействию и преуспеянию. Мир идет к поголовной нищете ввиду перенаселения и истощения природных богатств. Я не тщеславен, но, должен сказать, я твердо уверен, что наше учебное заведение является мировым центром изучения проблем истории, философии, психологии и технологии боттлинга. Милостивые государыни и милостивые государи! Вы можете гордиться: вы находитесь в стенах школы, которая скоро станет единственным учебным заведением мира!..

ГЛАВА XVII,

*в которой Куарт первый раз в жизни черпает
полезные познания.*

Курс «истории боттлинга» вел подобранный господином Дроллеком на набережной, умиравший с голоду, историк Кубер. Отходяв профессора, Дроллеке засадил его за работу. Тушенная говядина, полтарелки супу и кое-что из жвачки вечером влили бодрости в старика-ученого, и он создал первую в мире «Историю нищенства».

Из лекций этого обаятельного старикашки инженер Куарт почерпнул много нового. Он узнал, что сбор подаяния — самое древнее ремесло. Древнее сбора ячменя и олив. Еще не было землепашцев и виноградарей, но уже были нищие. В самых седых книгах и письменах находят упоминания о них.

Первобытный сбор подаяния заключался в выпрашивании старых шкур и ржавых наконечников стрел.

В тот день, когда человек палеолита отгородил ледниковыми валунами дикую грушу и сказал: «Это дерево мое и плоды мои», — в тот же день появился и первый нищий. Он протянул руку из-за камней и сказал: «Подайте грушку!»

Сбор подаяния родился вместе с собственностью.

В древности племя «боттлингеров» было у всех народов чтимо наравне со святыми, жрецами и первыми геометрами. Еще до сих пор в Азии и на Востоке особа нищего священна. И только развращенная Европа презирает это священное ремесло. Лектор заставил своих слушателей изучить горы избранных мест из классических авторов. И закончил курс фразой, полной бодрого оптимизма: «Нищенство будет процветать, пока у человечества в кармане звенит хотя бы одна полушка». А так как ректор университета утверждал, что нет человека на земном шаре, которого нельзя бы было принудить подать вам лепту — все дело в искусстве, технике и методологии, — то все перезрелое и молодое студенчество, заряженное бодростью, рвалось в лаборатории, чтобы скорее овладеть тайной добычи этой заветной полушки.

Рядом с Куартом за соседним пюпитром сидел бывший профессор биологии; он слюнявил огрызок карандаша и усердно записывал лекцию Кубера. Он был восторженным студентом. Для него атмосфера аудитории, записей в тетрадях, висящих расписаний, табличек лабораторий была просто прекрасным сном. Она давала возможность вновь пережить самое чудесное в жизни — молодость. Пряную юность. Поручетных сессий. Ах, студенческие годы! Бедные комнатухи. Дырявые карманы, полные надежд. Книжки, продаваемые букинистам. Обожание профессоров. Озорные банды в ночных переулках. Лихо заломленные каскетки. Кабачки. Студенческие кабачки! Записки со вздохами, латынью и фиалками!

Куарт вчера опоздал на лекцию по философии нищеты, поэтому он попросил у этого лысого романтика аудитории его увесистую тетрадь, чтобы в перерыве списать лекцию. Вместе с тезисами лекции он списал с полей и ряд бесполезных рассуждений самого биолога.

«Все в мире построено на том, что мы, отдавая нечто, хотим получить взамен что-то.

Страховой агент П эт. кв. 17 — может купить мои охотничьи сапоги.

Мыло — 10 ф. Тетрадь — 1 ст. Хлеб — 5 ф.

Не забыть закрывать форточку. Кошки!

К боттлингу надо подходить как к ремеслу, промыслу.

Каков наш продукт, взамен которого мы хотим получать неизвестное количество денег? $P = X \cdot g - Y \cdot n$.

Улица Строля 49., кв. 4. Нужна поденно поломойка. Узнать, возможен ли поломоец?

Хлеб — 5 фени... Хлеб — 2 фени. Продан мундштук. Приход — 12 фени.

Продукт ремесл необязательно должен представлять собой материальную ценность (например: горшок для варки пищи, подтяжки, лепешки для устранения дурного запаха изо рта): он может представлять духовную ценность.

(Sic! Кстати, можно продать подтяжки. Есть веревка под кроватью. Заменить. Спросить в перерыве.)

Продукт может обладать духовной ценностью.

Пример: Священник торгует, как известно, не средовом от мозолей, а проповедями. Моцарт торговал — не безуспешно — довольно приятными звуками. Боттлинг относится к ремеслам, производящим духовные ценности.

Поискать под кроватью ноты — дочери. Букинист — бульвар Епископов. Хлеб — 1 фени. Остаток — 1 фени. Нельзя ли

отсрочить плату? Едва ли. Запри вечером. Не забыть почистить сюртук.

В отличие от целого ряда других жестоких животных человек обладает: тщеславием, себялюбием, эгоизмом, самомнением, самовлюбленностью.

Боттлинг — продукт, удовлетворяющий эти пороки. Боттлинг я бы назвал искусством доставлять удовольствие клиенту путем созерцания им моего горя.

Вид, ощущение, осознание стоящего нищего — для самого бедного конторщика служит ему ярким доказательством того, что конторщик еще кое-что представляет собой на лестнице человеческого благополучия. Мысль: «Есть люди, которые живут хуже меня», — должна доставлять удовольствие. За всякое удовольствие платят. Производство удовольствий.

Занять хлеба у П. или С. (кв. 18). Нужен гробовщик. Улица Звезд, 15/17, комн. 25 Нуж. ночной сторож. Желательно бывший сержант полиции (?). Переулок Сайля 8 — кв. 10.

Форточки не закрывать. Поймать кошку (шкурка 20 фени). Заведение Бочекера. Кофейный переулок, 6 или 8. Прекрасные слова! «Сухому эгоисту, скареду приятно хоть на секунду ощутить: «Я добр», «Во мне живет милосердие. И хотя милосердие никогда не снимало в нем угла, и хотя оно всегда обходило эту двуногую башню, где водятся змеи и совы, — это двуногое, хоть на минуту, создает себе иллюзии и ими упивается. За всякий напиток надо платить». «Какой я добрый!» «У меня доброе сердце», «Я, колбасник, помог умному культурному человеку, попавшему в беду».

«Боттлинг — средство рожать в дурных людях минутные иллюзии о их добродетели».

«Занять хлеба у Р. (кв, 15)..., Охотничьи сапоги на рынок! Обязательно!»

***

Наконец, от пышных слов, исторических экскурсов и философских абстракций слушатели университета нищих перешли к делу. К мастерству выкачивания милостыни.

Наш инженер попал в лабораторию профессора Байля. Это был опытный рефлексолог-экспериментатор. Некогда славился как крупный специалист по психологии рекламы. Большой знаток психологии обывательской массы. Оставшийся из-за кризиса без дела и счастливо найденный г-ном Дроллеком, он обогатил науку о боттлинге рядом блестящих открытий, явившихся результатом исследования рефлексов и психологии дающего.

Отгороженные от мира стеной стекла, среди сложнейших приборов для зрительных раздражений, аппаратов по фиксации слуховых рефлексов, среди хитроумных механизмов, определяющих ритм пульсирования крови и нервные токи, Кварт и его коллеги стали изучать тысячи приемов, которыми можно внушить руке черствого человека нашей цивилизации потянуться в карман и вручить вам деньги.

Вначале тщательно изучались рефлексy, вызываемые у публики различным видом нищих и голосами просящих подаяния.

Профессор Байль так поучал своих студентов:

— Выработывайте зоркий глаз. Находите индивидуальный подход к каждому прохожему. Будьте наблюдательны. Учитесь схватывать в одну секунду слабую сторону объекта. Атакуйте его рефлексy с осторожностью. К примеру: идет пожилая дама. Намазанная. Молодаяся. Горе вам — сформулировать слуховой импульс в такую фразу: «Помогите больному старику»! Она вспомнит все свои болезни. Перед ней всплывет ее старость. Вы ее расстроите и не выдавите из нее ни одного медяка. Польстите ей: «Мадам, вы прекрасно выглядите — вам хорошо живется!

Помогите тому, кто не обладает ни вашим здоровьем, ни вашей красотой».

Студенты заскрипели карандашами. Такие фразы пригодятся.

— Эту реплику я проверял на десятке опытов, всегда дававших положительные реакции. Этот пример вам поможет многое уяснить. Прежде всего, реплика не затаскана. Вывод первый — избегайте штампа. Просьба должна иметь новый, необычный для уха облик. Вывод второй — она направлена в одно из шести чувств, на которых зиждется боттлинг, — на самовлюбленность. Вывод третий — фраза стилистически закруглена. Форма двух кругов. Затем из нее вытекают интонация и жест. Ясно, эту реплику нельзя произвести мрачно, скуляще, жалобно. Она предполагает вежливую улыбку. Не делайте себя жалким, это отталкивает подающего и рано старит сборщика. Большинство нищих мира вызывает чувство омерзения. Боттлинг ничего общего с этим отвратительным попрошайничеством не имеет. Боттлинг — это веселое ремесло сборщиков, чьи техника и приемы изощрены, как у эквилибристов и жонглеров. Помните — то, что я говорил о контрастах. Толстому борову с лицом холуя всегда говорите: «Вы — интеллигентный, вы — культурный человек. Вы знаете, как трудно протягивать руку человеку с высшим образованием». Он всегда подаст вам просто за то, что вы его эрудицию в размере двух классов начального училища возвели в академические выси. Все нищие мира ноют с однообразной плаксивой интонацией: «Подайте слепенькому». Прохожему стыдно смотреть вам в глаза. Он боится увидеть слезы, за ними откроется и его собственная нищая старость. Боттлингер не должен вызывать ни страха, ни чувства брезгливости. Владейте своей интонацией. Умейте окрасить фразу в различные человеческие чувства. Тогда вы приобретете ключ к боттлингу, гарантирующему приличный заработок. Сейчас мой ассистент,

бывший актер Королевской драмы, господин Анатолий Кикши продемонстрирует вам ряд образчиков работы на интонации и эмоциональные окраски...

***

Смею вас уверить, дорогой читатель, что не было в мире более веселого и занятого университета, чем «Университет боттлинга». Вы бы прошли и мельком взглянули в кишевшие ободранным студенчеством аудитории, классы и лаборатории. Чего бы вы там только ни увидели! Одни классы были более похожи на хорошую школу драматического искусства. Здесь учили улыбаться, плакать, любезничать и трагически дрожать голосом. Обучали секретам жеста. Учили петь фальшиво и подавляюще, причитать и корчить рожи на все лады.

Класс г-на Анатолия вы могли принять за хореографическую школу. Сотни рук студентов по его сигналу «эмоционально насыщено» протягивались, и он, как балетмейстер на уроке балетной пластики, проходил по строю, поправлял кисти рук, рисунок пальцев, проверял убедительность угла подъема руки. В классе висели таблицы мимики и жеста по системе Дельсарта.

Другие аудитории больше походили на филологический факультет. Здесь люди изучали накопленные веками формулы просьб о подаянии. Комбинировали, смаковали языковые тонкости.

Занятия третьего курса были более похожи на сеансы гипноза. Тут учились улавливать в глазах жертвы ее настроение, подмечать малейшие душевные движения, воздействовать психологически.

Одна лаборатория напоминала даже театральные уборные. Это был факультет костюма. Здесь примеряли невиданные коллекции лохмотьев, бороды, шрамы и шляпы.

И, наконец, находились такие залы, входя в которые, вы были уверены, что попали в школу хорошего тона. Здесь элегантный

педагог обучал почтенных бывших страховых агентов, докторов и богословов изящным манерам атаки.

— Первоклассный сборщик боттлинга должен подходить с приветливой улыбкой на гладко выбритом лице. Манеры его должны быть сдержанно изящными... Руки держите так... Спину слегка выгните... Руки мягче... Еще мягче... Никогда не следует атаковать дам, нагруженных покупками...

***

Умудренные уже значительным опытом, студенты, наконец, получали специальных тренеров.

Это были матерые практики попрошайничества. Они воспитывали хватку. Тренировали технику. То были грубые, сиплоголосые технологи нищенства. В больших городах есть короли боттлинга, предводители попрошаек, нищие-ветераны. Из их среды г-н Дроллеке выбрал парочку мастаков. Такой мэтр, как Иоганн Куркэ, правда, шокировал остальную профессуру своими вечными плевками, изъеденной оспой мордой, спиртным перегаром и шестиэтажной бранью в «профессорской», — но был незаменим. Это был тигр перекрестков и папертей. Его лекции были вульгарны, но убедительны. Мрачно посматривая из-под нависших бровей на студентов, сплюнув раз восемь с кафедры, он хрипло начинал:

— Дело, казалось, бесхитростное — вышел и клянчье. Сорок лет — это не кошкин хвост. Сорок лет занимаюсь этим. Видел разное. В старину, бывало, подойдет дамочка с узкой талией и платьем-кринолином. Ручки из муфты вытащит. Дрожат они. На глазах слезки. Понимали нищего. Давали и сами плакали. Очень чувствительные в старину дамы были. А теперь... смотрят сквозь тебя, словно ты воздух, и зевают. С тех пор сколько через мои руки прошло меди и попрошайек!.. Дело такое, что бить учеников надо. Директор запрещает. Вижу, пользы будет мало... Заповедь первая.

Брезгливому, нервному, гордому в это ремесло нечего и соваться. Это вам не на рояле тренькать. Тут бесстыдство — главное достоинство. Если ты зацепил подходящую штучку — быстро сообрази подход. Сначала надо, чтобы тебя заметили. Тогда можно действовать. Есть четыре главных замаха на заметность. Смотрите первый... Тянешь голову вперед, по-собачьи... За ней — тело... будто вползаешь в глаза, в душу... Мягко это делать надо. Вкрадчиво. Потом также тихо выпускаете руку. Прием этот называется «тихая жалость». Приспособлен для молодых дам. Голос надо подавать тонкий. Гаркать и хрипеть нельзя. Напугать можете. Второй подход: тело все развинтите. Словно оно разваливается. Завидя нужного прохожего, начните с протяжного стоны: «О-ой!..» Он повернет голову. «Кто это умирает?» Еще раз дайте: «О-ой!..» Потом, словно тяжелую, как олово, руку болезненно поднимайте... Знаю, ваши профессора против. Жалкости высказываются. Ну, так на это мне наплевать. Азбука у меня старинная. Без нее до высшей техники не допущу. Век так работал...

Все проходит, как уходят тучи, жены и воды реки. Так прошли студенческие дни. Близок был выпуск в мир, где звенят неведомые монеты в чужих темных карманах. За стенами университета боттлинга лежали злобные и черствые улицы, на которых нужно было стоять дни, может — годы. Пугал стыд. Стыд протянуть руку. Стыд получить отказ. Стыд попасться на глаза знакомым, бывшим сослуживцам.

Правда, опытные педагоги боролись с этим ложным стыдом своих высокоинтеллигентных слушателей.

Г-н Анатолий Кикши постоянно твердил им, что боттлингер должен смотреть на свое дело как на театр.

Это только приятная игра, в результате которой вы будете иметь ужин.

Последние лекции посвящены были тренировке на самообладание. Поздними вечерами студенты молча стояли с протянутыми руками на перекрестках. Потом наступил практикум под наблюдением опытных ассистентов. Выручка шла в пользу университета. Попутно обучали сложнейшей технике маскировки от полицейских. И, наконец, наступил день дипломных работ, диссертаций и выпускных экзаменов.

Первый курс был вводный, со второго шла специализация. Вы могли выбрать один из следующих уклонов:

Факультет боттлинга (сбора подаяния).

Факультет уличных певцов.

Факультет новых ремесл.

Куарт окончил Университет боттлинга по факультету новых ремесл. Его докторской диссертацией был научный труд под названием.

НÜТТЕ ДЛЯ УМИРАЮЩИХ ОТ ГОЛОДА

Дорогой читатель! Я утомил вас скучнейшей главой. Она выпадает из веселых злоключений моего инженера, полна риторики, дидактики и перечислений. Я поместил ее в книгу с целью, выходящей из круга задач художественной литературы. Подобный университет существует только в Этландии. Будучи твердо убежден в его огромной пользе для беднейшего человечества нашей эпохи, автор взывает я гуманистам всех стран Европы и Америки способствовать созданию подобных учебных заведений у себя на родине. Итак, сознаюсь, я посмел контрабандой протащить в роман популяризацию весьма полезного для человечества начинания.

Дорогой читатель, будьте великодушны!

ГЛАВА XVIII,
в которой описан «Синдикат Несчастных Случаев».

По скверам и бульварам, где дремлют на скамьях дамы третьей молодости, где, тихо постукивая палками, плетутся старушки-пенсионерки, слонялся в ободранном сюртуке психолог Шюсс.

Глаза его были злы, как глаза голодной собаки. Он мрачно басил:

— Предсказываю будущее. Толкую сны. За полстейера предсказываю будущее...

Если старая рыбешка, пенсионерки, не клевала на это, Шюсс делал наживу более жирной. Скручивал в клинок свою черную бороду. Лицо приобретало магический вид. Затем вытаскивал из кармана сюртука складной штатив от фотоаппарата. Расставлял его под деревом, уже возбуждая любопытство бульвара. Из-под манишки, болтавшейся на голой груди, выскакивала дощечка. Установленная на штатив, она сообщала:

ПРОФЕССОР

Хирологии, Хиромантии и Хиротелепатологии.

МИРОВАЯ ВЕЛИЧИНА!

Раскрывает смысл Вашего прошлого, будущего настоящего и
потустороннего.

По доступной цене.

Цилиндр и появившиеся откуда-то манжеты напоминали, что профессор уже здесь и ждет посетителей.

Обилие непонятных слов, начинавшихся на «Х», действовало гипнотически. Старая тухлая рыбешка надевала очки, подплывала к дощечке и начинала клевать.

— Мой сын третий год без работы... Предскажите, профессор, когда он получит работу?

— Он получит работу в... Он получит работу... Дайте сосредоточиться... Вижу... вижу этот день... семнадцатое февраля.

Старушка всхлипывала:

— Большое спасибо... Мы так нуждаемся.

И долго искала в своей бездонной сумке монету...

Второй старушке необходимо было солидное снотолкование.

— И мучит меня этот сон и покоя не дает... Сначала снились усы, большие-большие... потом... вы меня простите... два или три собачьих зада...

Шюсс притворился взволнованным:

— Я прошу вас точно припомнить — два или три? Это имеет огромное значение...

— По-моему, и не два, и не три...

— Два с половиной?

— Совершенно верно.

— Тогда все понятно. Этот сон означает: не пейте завтра утром кофе, у вас может случиться расстройство желудка.

— Ай-яй... хорошо, что обратилась к вам! Я завтра с утра именно хотела пить кофе.

— Полстейера.

Одна почтенная дама в черной наколке важно уселась на скамью, вытерла платочком сморщенные губы и обстоятельно, как Вебер во «Всеобщей истории», начала излагать свою шестидесятивосьмилетнюю жизнь. Через два часа, когда она добралась до июня 1889 года, Шюсс почувствовал, как с его манишки падают капли пота на живот, цилиндр словно вплавился в мозг, деревья почему-то торчали уже корнями вверх...

Был уже полдень. Старушенция бойко рассказывала неприятности с перевозкой ее мебели в 1897 году 11 мая... На

истории 1904 года психолог Шюсс застонал, изо рта у него показалась пена... Схватив штатив, он бросился бежать.

От помешательства спасло бедного психолога то, что он наткнулся на своего компаньона по артели доктора Бэга, который нашатырем и компрессами вернул ему сознание.

Доктор медицины Бэг тоже промышлял в этих краях. Он выкликал, зазывая пациентов:

— Доктор медицины Бэг... дает советы, лечит душевным врачеванием! Не жалейте полстейера для вашего здоровья!

Своих пациентов он выслушивал, укладывая на бульварные скамьи.

Применял гипноз и методы Месмера, торговал шарлатанскими снадобьями.

— Повторяйте: «я здоров», «я совершенно здоров».

— Я здоров... ой!... Я совершенно здоров... ой!

— Полстейера.

Бульварная медицина процветала. Больные, у которых не было приличной суммы на визит к врачу и не хватало терпения торчать дни в вонючих коридорах бесплатных лечебниц, приходили сюда, долго выбирали внушающее доверие лицо уличного эскулапа и доступную цену. Тут можно было платить врачам натурой.

Какой-то безработный хирург за два десятка яиц даже вырезал одному крестьянину аппендикс. Прямо на бульварной скамье. Здесь славился гинеколог Борке, он делал бедным горожанкам аборт в кустах.

К полудню у соседних скамей появлялись плакаты и анонсы конкурентов по ловле рыбешки не первой свежести.

Тут бездомные академики старались приблизить науку к толпе. Старые и молодые, благообразные и наглые, они увешивали груди плакатами и открывали ярмарку познаний. Географы

рассказывали о необыкновенных странах, где растут кокосовые пальмы. Историки за пять фени рассказывали древние и новые анекдоты. Профессора продавали по дешевке свои полувексовые знания, приспособляя их к уровню сновавшей толпы домашних хозяек и обывателей. «Грозит ли разрушение атомного ядра торговле керосином?» «Как использовать достижения химии в домашнем хозяйстве конторщика?» «Несет ли попадание земли

В космический туман возврат в ледниковый период?» «Высшая математика в применении к домашнему хозяйству».

Каждый из них взбирался на ящик, принесенный с собою, и старался перекрычать соседа.

Несносный крик висел над этой ярмаркой.

***

Обнищавшей артелью Моста Самоубийц иногда овладевало зеленое отчаяние. Конкуренция, проклятая и жестокая конкуренция, так росла, что все улицы бульвары и площади Эتبорга представляли собой сплошную толпу предлагавших что-нибудь купить, выслушать, изведать, попробовать, — потребитель вымирал. За какое дикое занятие ни бралась артель — все было затоптано. Все оказывалось монополизированным соответствующим трестом или синдикатом. В начале осени инженер Куарт, работавший с водопроводчиком на кладбище, устроил туда своих голодных коллег. На должность дежурных призраков в склепах и могилах. Но как только дело развилось, появилась некая потерянная личность. Как-то ночью этот человек сел на спину надгробного ангела и обратился к нашим люмпен-интеллигентам с таким монологом:

— Вы конечно, знаете, что существует Синдикат кладбищенских призраков.... У вас есть только один выход: прекратить свою дикую деятельность. Вы, конечно, можете не обратить внимания на мое чуткое предложение. Но тогда мы не

ручаемся, что вы не обретете вскоре вечного покоя в одной из забытых старых могил...

В такое безысходное время доктор медицины Бэг предложил Шюссу и Ольцу самим создать трест. Были проданы сюртук Шюсса, стетоскоп Бэга, подтяжки и последние ботинки инженера Ольца. Образовался небольшой основной капитал. В дело вовлечены были свора бездомных мальчишек, пара нищих эрудитов и несколько бродяг. Так возник «Синдикат Несчастных Случаев». Начали с трамваев. Один незаметно прицеплял рыболовный крючок с леской к штанам жертвы. Та изящно спрыгивала на остановке. Смех жестоких людей обнаруживал, что брюки распороты на самом неподходящем месте. Бледная или багровая от стыда жертва натыкалась на агента синдиката, который предлагал избавиться от позора, взяв напрокат его плащ.

Другие сотрудники «С. Н. С.» забирали утром из лачуги Бэга оперативный инвентарь (щетки, тряпочки, бензин, химикалии и ведро с мелом) и выходили на работу. Один нечаянно задевал прохожих ведром с мелом или незаметно делал кистью сонный мазок на спине. Другой заботливо предлагал почистить за скромное вознаграждение. «Я — безработный, служил в заведении по химической чистке». Жертв выбирали среди франтов, спешащих в театры, на свидания. Когда человек несетя с букетом и у него на задку обнаруживается крест из меловой краски, трудно быть скупым. Самые прибыльные дежурства были у подъездов варьете, оперетт и баров.

Основатели синдиката не позволяли себе роскоши сидеть за бухгалтерскими книгами и выщелкивать прибыли на счетах.

Они тоже трудились с утра до ночи.

***

По улицам ходил с лестницей на плече инженер Ольц. Завидев прилично одетого субъекта, Ольц уронил ему на голову лестницу. Тот свалился на землю.

Ольц начал издавать вопли ужаса.

— Ах! Простите!.. Ради бога, простите!.. Несчастный случай!

И постарался удрать. Мгновенно откуда-то выскочил доктор Бэг, подбежал к упавшему.

— Так... понюхайте капель. Компрессик на голову. Разрешите пульс... Очень плохой. Померяем температуру. Очень плохая.

— О-о-о!.. Что со мной?..

— Несчастный случай... Дышите. Глубже. Угу... Все в голове...

— Да, удар был по голове...

— Я — доктор Бэг... оказал вам первую помощь. Не откажите... чем-нибудь компенсировать.

— Я очень вам благодарен, доктор. Вот возьмите... Что случилось со мной?

— У вас психическая травма. Как жаль, что здесь нет профессора Шюсса... Боже, кого я вижу! Вам необыкновенно везет — как раз идет профессор Шюсс... Уважаемый профессор Шюсс! Одну минуту беспокойства... Несчастный случай. Повреждение головы. Странные психические явления...

Шюсс важно процедил:

— Я очень спешу.

— Прошу вас! Небольшой консилиум.

— Только одну минуту... Он схватил небрежно голову субъекта и констатировал:

— Здесь.

Субъект стонал:

— По-моему, около мозжечка.

— Угу! Считайте до десяти.

— Что еще за новости... Ох!., страшная боль... Один, два...
Ах!..

— Ага! Только до двух. Все ясно.

Баг и Шюсс ворочали пациента, выстукивали ему голову, как котел, и вели консилиум, украшенный латинскими терминами.

Шюсс прорицал:

— По-моему, лопнула «Безика уринария».

Бэг робко сомневался:

— Что вы... а не «тестис ет епидамис» ?

— Обратите .снимание, какие реакции «лабиум майус».

Субъект стонал:

— Оставьте мою голову в покое...

Бэг, как студент в клинике, заискивающе указывал Шюссу:

— Господин профессор, вы видите, какой «папилла умбиликалис»? И потом — подозрительная «фовеа ингуиналис медиалис».

— Да, несомненно — «флексура перинеалис ректи».

— Да, «флексура перинеалис ректи».

— Больше ходите. Старайтесь не думать, забыть все происшедшее. Компрессы.

Пока Шюсс писал рецепт такими каракулями, которые не в силах был разобрать ни один провизор мира, доктор Бэг советовал на ухо пациенту; — Предложите гонорар.

Пациент молчал, зловеще улыбаясь.

— Слышите! Скорее — деньги: он спешит.

Пациент протянул какую-то мелочь Шюссу.

— Я, конечно, дам. Но какие вы негодяи и шарлатаны!

— Как вы смеете оскорблять меня, врача?... — возмутился было Бэг.

Но следующая реплика пациента убила их наповал:

— К сожалению, я тоже врач... и с удовольствием слушал вашу шарлатанскую галиматью.

— Врач?! Прощайте! — крикнул Шюсс и удрал.

Бэг стоял бледный и жалкий.

— Врач... простите... понимаете, от безработицы...

— Шарлатан! — промолвил пострадавший, поднял свою шляпу и свернул в переулок.

Через полчаса артель сошлась на совет. Шюсс хмуро сплюнул.

— На врача напоролись. Еще хорошо отделались. Надо быть осторожней.

Бэг заметил новую жертву.

— Идет кто-то. Олыц, скорее!

Бэг спрятался в подворотню. Олыц, дождавшись, когда прохожий поравнялся с ним, спросил:

— Вы не врач?

— Врач...

Олыц еле удержал лестницу.

— Простите, а я думал — шорник...

.....
— Вот не везет! Тут, наверно, где-нибудь съезд врачей. Идет. Вот... Это — птица богатая и, ясно, не врач. Прячьтесь!

Уже прицелившись, Олыц заметил внимательно рассматривавшего его полицейского. Несчастный случай с лестницей не состоялся.

ГЛАВА XIX,

в которой мы в последний раз встречаем Шюсса и К⁰.

Когда зима посолила городские крыши и панели сухим и колким снегом, когда студеный ветер засвистел по длинным

улицам и сотней ледяных ножей вонзился в грудь оставшихся без пальто, — нежные сердца отцов города дрогнули. На окраинах появилось несколько деревянных барачков-теплушек, где бездомным разрешалось попрыгать у железной печки, пока не отойдут окоченевшие ноги и руки. В сущности сердца отцов города дрогнули на одном заседании муниципалитета, когда чья-то умная голова выяснила, что государству дешевле будет отогреть несколько тысяч безработных, чем хоронить за свой счет ежедневно сотню оборванцев, замерзших в канавах и подворотнях.

Тогда появились эти деревянные ящики милосердия, в которые люди набивались так густо, что трескали стены.

Здесь с утра до десяти часов вечера творилась чудо. Чужие, друг другу ненавистные люди, люди, готовые на улице убить друг друга из-за куска хлеба, из-за права получить поденную работу, — здесь нежно прижимались спинами, жались озябшими плечами. Обросший щетиной сосед молча и заботливо придвигал навстречу вашей окоченевшей спине свою теплую грудь. Люди собирались четверками, тройками, чтобы сложить вместе сумму скудного тепла голодных тел с суммой лохмотьев и своего дыхания. В теплушке было темно. Трескала печь, отбрасывая багровые пятна на закопченный потолок.

Появление каждого нового человека в теплушке было похоже на картинки в детских библиях. Из облака вылезает архангел Гавриил.

Раздается резкий скрип двери. Врывается большое облако пара. Белый ком. Облако медленно рассеивается, тогда из него показывается мрачная фигура безработного архангела в лохмотьях. Архангел стучит зубами и ныряет сквозь толпу к печке, гудящей, как адовы жаровни.

— Бэг? Олец? Шюсс?
— Куарт?
— Артель...
— Моста Самоубийц. Вы еще воняете на этом свете?
— Лезьте в нашу кучу.
— А как самоубийцы?
— Мы уже «бывшая» артель.
— По лицам видно... дела неважные.
— Трите левую сторону морды. Она белая... Ветер, очевидно, слева.

— Да. Тоскливые дела, коллега Куарт. Природа подставила ножку. Замерзла река. Лед не привлекает наших клиентов. Заработок оказался сезонным.

— Разве самоубийц стало меньше?

Олец вздохнул.

— Их стало больше, но вытаскивать из-под поездов ,не представляет интереса. Правда, Бэт предлагал делать пирожки из рубленого мяса... но я — вегетарианец. Конечно, не только зима раздавила наше предприятие. Дела хиреть начали еще осенью. Неприятности стали валиться, как самоубийцы в воду. Сначала полиция запретила вылавливать. Ну, тут еще можно было торговаться. Затем Общество спасания на водах обанкротилось и прекратило выдачу своих Трошевых премий. Разорили общество не мы. А другие проходимцы. Они, сукины дети, парами ходили около воды. Один падал в воду на глазах публики. Другой его спасал. Они успевали делать по тридцать трагических случаев в день. Ясно, прогоришь. Медалей не хватит. Потом Бэга чёрт толкнул выловить какого-то толстобрюхого банкрота. Он всю механику подметил. «Я, — говорит, — на этом крупное дело построю». И — бежать. Гонялись мы за ним всю ночь. Хотели поймать и утопить опять. Не вышло. Конкурент скрылся... Его

концерн раздавил нас. От старого достатка как ценный инвентарь остались только мой сюртук, цилиндр Бэга и борода психолога Шюсса. Весь ноябрь приходилось добывать пищу этими орудиями. Шарлатанили по бульварам.

Шюсс придвинулся близко к Куарту и заискивающе-робко произнес:

— Коллега! Знаете, какая мысль мне пришла в голову? Вы можете показывать своего стального медведя. А я буду петь арии из опереток...

Доктор Бэг внес свой проект:

— Куарт! будьте другом... У меня хорошие мускулы. Я могу изображать в трусиках единоборство со стальным великаном.

Ольц, испугавшись, что останется без дела, тоже занял:

— Куарт, дайте работу и мне. Я могу быть клоуном. Мне даже кажется, что я буду это лучше делать, чем строил мосты... Кстати, где же ваш стальной медведь? А!.. Ясно. Вы его продали на лом и хорошо пообедали на поминках.

— Я не продал его на лом. Но он проломил голову одному боксеру. Я бежал. Не знаю, что с моим Энриком. Может, он арестован. Может, будет замечательный процесс. Суд над машиной. Богиня правосудия, Фемида, обмочится от страха. В суде — на скамье подсудимых — сидит машина. Она слушает речи прокурора, судьи, защитников. И молчит, поблескивая цилиндрами и рычагами. И вдруг ее осудят. В первый раз от сотворения мира в камере за решёткой будет сидеть не организм, а механизм! Не зовите больше меня инженером. Я забыл дело механики. Я окончил новый университет. Я — боттлингер!..

— Пропали, наши фокусы, — удрученно вздохнул доктор Бэг.

У чадающей печки стояла женщина с маленькой девочкой. Девочка смотрела на языки пламени, потом перевела свои черные глазки на мать и спросила:

— Мама... Мама! Эта печка наша?

Психолог Шюсс мрачным басом прогудел:

— Как плохо, что мы уже взрослые. Если бы я был ребенком, меня накормила бы какая-нибудь «мама». Помните, как мы легкомысленно сосали грудь, не догадываясь о существовании бирж безработных.

Куарт передернулся от холода, прокравшегося по спине. Засунул окоченевшие руки поглубже в рваные рукава летнего пальто. Грустно оглядел небритую физиономию Ольца, надвинутую на уши мятую шляпу Шюсса, рваную кепку и посиневшие губы доктора Бэга и сказал люмпен-интеллигентам :

— Я забыл дело механики. Я бросил его на слом. Осенью, в поисках ночлега, я забрел на окраину... Проходя мимо доков, я увидел стоявший на стапелях теплоход, который разбирали на слом. У меня сдавило сердце от жалости и от ощущения какой-то грустной близости, родства с этим великолепным теплоходом, который, не увидев жизни, уже обречен на смерть. В ту ночь у меня был бред. От лихорадки. Я был сентиментален и, наверно, смешон. Я забрался на стапель, прислонил голову к краю холодного и ржавого носа! Я говорил умирающему теплоходу: «Я твой двойник. Я тоже, еще не изведав штормов плавания, брошен на слом... У тебя был хитры и мозг капитанской рубки — его сорвали я бросили. У меня был мозг, наполненный идеями и планами машин, замыслами механизмов, — его затоптали... У тебя было сердце, зал дизелей — их вырвали лебедки, швырнули в грязь берега и теперь их продают на вес. У меня было сердце, толкавшее .кровь, энергию, веселье, мужество, — его по кускам вырвали... Меня тоже разбирают!...» Я заснул у подножия этого

колосса. Вверху, на фоне звездного неба, торчали его оголенные шпангоуты, с которых была содрана кожа, как со скелетов павших в степи лошадей. Да... к чему я все это рассказываю?.. Шюсс, коллеги! Они уничтожают мастеров, не приносящих им больше наживы, как обрекают на слом новые теплоходы, не приносящие прибыли. Мы потеряли свои смокинги, дипломы, библиотеки, мастерские, свой «избранный круг». Мы стали неизвестными солдатами армии голода. Что отличает вас, господин психолог, от того, стоящего у печки, бездомного рабочего с проваленной грудью и запавшими глазами? У вас одни чувства и мысли с ним. Последними судорогами он цепляется за уходящую жизнь, он чувствует голод, он хочет спать, он хочет работать, и в нем, как и в вас, закипает жгучая ненависть к строю-могильщику, к строю, который вычеркивает вас из жизни. Рабочий Мин... Вы его не знаете. У него худое картофельного цвета лицо и большие умные глаза. Он мне сказал: «Нет ни инженеров, ни рабочих. Есть новая, великая профессия — безработные». Это даже не профессия, скорее армия, нация. Мы стали солдатами этой армии. У нас ее вера, ее цели и мечты. Вот эти, откинувшиеся к покрытым инеем стенам; запрокинувшие подбородки с обгорелым лесом волос; закрывшие глаза кепками; дремлющие стоя; глядящие не мигая/в огонь, — чего они хотят? Борьбы. Значит, это и наша программа. Мы отстаивали свое право на существование — знаниями, воспитанностью, вежливостью, изворотливостью, белыми воротничками, хитростью и хорошими костюмами, — все оказалось бесполезным. Нам остается последнее — бороться за жизнь, бороться физической силой и оружием.

ГЛАВА XX,

в которой грубо прерывается нир мыслей Эпигуля.

Пришла этландская весна. Нежная и прятая...

Каморка доктора Эпигуля совсем опустела. За зиму был съеден энциклопедический словарь. С его исчезновением философ лишился мебели. Только кипа пожелтевших газет в углу, служившая ему ложем, последний признак комфорта, еще была цела. Ее никто не пожелал купить.

Эпигуль, лежа на ветхих строках, смотрел в открытое полукруглое окно каморки. Там, за дугою окна, чуть покачивалась тоненькая ветка, покрытая нежно-зелеными полураспустившимися листочками. Ветка, этот трогательный вестник весны, дотянулась до окна старого философа, чтобы сказать ему: «Старик Эпигуль! Пришла весна...» Она напомнила ему, щемящие сердце, картинки давно позабытой юности. С улицы доносились дикие крики детишек — молодых зверенышей, выпущенных на волю с уходом холодов.

Слышно было, как изредка звенели подковы лошадей на .мостовой.

Доктор философии давно не показывал носа на улицу. На это было несколько презренных причин. Первая — тротуар был еще прохладен, а Эпигуль бос. Не буквально, но у его ботинок не было подошв, стелек, каблуков и рантов. Вторая — он всю зиму не платил г-же Шлюк за каморку. Хозяйка пыталась его выселить, но полицейский сержант Цоп, педантичный в соблюдении законов, заявил ей, что хотя они являются и друзьями, он не может ради внеслужебной дружбы нарушить закон, запрещающий зимние выселения. Наступила, как известно, весна, и стоило бы Эпигулю выйти из меблированных комнат, как назад он уже не попал бы. А это было-бы ужасно. Ибо не только любил он свою каморку, но

здесь его также подкармливала изредка г-жа Путек, считая его больным. Эпигуль обрек себя на добровольное заточение.

Наступил вечер. Ветка за окном почернела. Затем зажгли фонари, и она стала серебряной.

В какой-то квартире вечером шелкали счеты. Тек... тек- тек- тек...

Во всех этих домах ночью идут подсчеты. В одних считают ложки, которые завтра надо отнести в ломбард, в других — смотрят, сколько осталось медяков в кошельке, маргарина в банке. Считают скудный заработок проститутки, оставшиеся дни до выдачи жалованья — чиновники, выручку — торговцы. Надзиратели — спящие тела в ночлежке, арестованных бездомных. Считают ушедшие годы, оставшиеся зубы, последние папиросы. От этих подсчетов люди седеют, сгорбятся, наживают морщины на лбу и склероз.

Эпигуль радостно вздохнул — ему нечего было подсчитывать. Разве только блох, копошащихся в газетах? Но это была бы безумная затея, столь же трудная, как попытка сосчитать звёзды на весеннем небе.

Ехидна и гиена Шлюк повергла своего жильца во мрак: она кухонным ножом перерезала провода. Этландский мудрец зажёл огарочек свечи, поставил его около ложа, протёр краем рубахи пенсне и приготовился к своему вечернему пиру мыслей.

Сердце старого сладострастника забилося веселее в предвкушении неизвестности и остроты темы. Чтобы не отупеть от бесконечного лежания в камере, где не уцелели даже два любимых тома, полные мыслей, покалывающих мозг, как пузырьки шампанского пощипывают язык, — доктор философии придумал сладострастную игру для своего ума. Он легко мирился с голодом тела. Эпигуль не переносил только голода ума. Ему всегда нужны были собеседники, живые или искусственные.

Его любимым изречением было: «Люди делятся на две разновидности: одни во всем находят для себя страдание. Даже в любви и веселье. Другие из каждой мелочи извлекают атомы счастья и радости». К последним несомненно принадлежал сам Эпигуль.

Дорогой читатель! Сколько горестных и мучительных размышлений извлекли бы вы, лежа месяц на старой, переполненной блохами газетной трухе, глядя в одно и то же окно. Но Эпигуль и в этом положении нашел источник наслаждения. Это было детски просто. Философ засовывал руки в толщу старых газет и с трепетом человека, опускающего руку в барабан лотереи-аллегри, вырывал кусок газетной бумаги. Извлеченный из газетного хлама ушедших годов клочок нес ему две-три нелепейших фразы. Ну, что пишут веками в газете:

...одопроводное дело и канализа... муниципалитет не смог... ...добьемся этого в будущем. Мы можем мечтать...

Каждый такой клочок являлся для Эпигуля микробом-возбудителем мыслей. Философ прочитывал медленно газетную строку «добьемся... в будущем. Мы можем. Мечтать...» И мозг, подобно арфе, тронутой былинкой, начинал звучать.

«Мечтать о хорошем в будущем — глупо? Утверждать, что ты понимаешь современность, наивно и легкомысленно. Кто в ней разберется? Пока вино не отстоится это только лиловая, безвкусная бурда. Прошлое — вот единственная реальность».

Таким образом какая-нибудь жалкая фраза проворовавшегося советника муниципалитета, обещающего своим избирателям лучшее канализационное будущее, призывающая обывателя верить в будущее, — толкала мысли гуля в такие дебри, где он мог блуждать часами, вспоминая по этому поводу все избранные места

у всех мудрецов мира. Когда тема надоедала, он опять запускал руку в ящик Пандоры, ища необычный лоскут.

Сегодня, засветив огарок, он, облизываясь, вытянул маленький обрывочек:

...лучших домах. Все знали ее как
общительную особу...
и вдруг. ....
чем объяснить это...

Итак, первое блюдо сегодняшнего пира мыслей — «общительный человек». Тут Эпигуль сразу выудил из моря своей памяти две неплохих рыбешки-цитаты. Одну — старого брюзги Шопенгауэра: «Человек общителен в той мере, в какой он духовно несостоятелен и вообще пошл: ведь в мире только и можно выбирать между одиночеством и пошлостью». Вторая принадлежала румяному седенькому Сенеке: «Чем ниже, чем более презираем человек, тем развязнее его язык».

Эпигуль уже собрался в далекое путешествие по джунглям темы общительности и одиночества, как вдруг заметил, что над огарком стоит настоящий полицейский. Старик мог бы его принять за привидение, если бы не заметил за ним зловещую фигуру своей квартирохозяйки.

Полицейский сержант Цоп с минуту внимательно рассматривал Эпигуля, как притаившееся на полу вредное насекомое, затем откашлялся и сказал:

— Господин ученый! Потрудитесь собрать ваши вещи и очистить эту комнату.

Эпигуль растерянно поглядел по сторонам, словно ища защиты, — посмотрел печально на клочок газетной бумаги в своей руке, на сияющий сапог полицейского, стоящий около огарка. Снял пенсне и, прикрыв грудь рукой, с трудом поднялся с ложа.

Еще раз смущенным взглядом обвел каморку, в последний раз нежно поглядел на газетную кучу и слабым голосом сказал Цопу:

— У меня вещей нет.

— Тогда спускайтесь. И забудьте адрес этого дома.

ГЛАВА XXI,

*и последняя, в которой вы узнаете, что такое
Гомофамеликус.*

Только профаны считают, что весенние ночи теплы. Это — безграмотное мнение людей, ночующих под теплыми перинами. Весенние ночи сыры, промозглы и холодны. Человеку, которого судьба лишила крова, перин и сентиментального тиканья часов в ночной тишине,— приходится плохо. Вы хотите лечь на скамью сквера — она мокра, лечь просто в канаву — невозможно: там бегут эти паскудные «весенние ручьи», которыми кормятся поэты. Спать на лестницах набережной — равносильно самоубийству, температура гранита ниже нуля. Забраться в порт, устроиться среди мокрых бревен... Невесела жизнь бездомного человека ранней весной! Обычно такие люди проводят ночи в движении. Ходят, изредка, для разнообразия, бегают или попрыгивают.

Доктор философии Эпигуль не мог согреть себя ходьбой, ибо, как вы помните, он был почти бос. О! Это очень неприятно — ощущать голой ногой ледяной асфальт. На скамье больше десяти минут не удавалось просидеть. Полицейским ночью скучно. Они долго и протяжно зевают. Потом для развлечения гоняют прикорнувших на скамьях. Они похожи на хороших охотничьих собак, тихо подкрадывающихся и вспугивающих целые стаи перепелок в рваных штанах. Исходя из того принципа, что ноги не должны касаться земли, Эпигуль решил как-то провести ночь на

дереве. Забравшись в гущу ветвей, он почувствовал себя довольно уютно. Сидя на ветке, он был похож на старую сову, тоже, как известно, принадлежащую к сословию докторов философии. Обхватив ствол дерева, он согрел его, стало тепло. Птицы, вначале возмущившиеся причиненным им беспокойством, вернулись на верхние ветви, нахохлились, грея свои шейки в пуху, изредка полусонно наклоняли головки, косясь на Эпигуля, и ворчали: «Как нынче совы разжирели».

Ароматная была ночь. Запах липовых почек. Чуть покачивается, убаюкивая, дерево, шелестят молодые листочки... Эпигуль очнулся от глухого удара о землю:.. заснув, он сорвался с ветвей. Птицы в ужасе вспорхнули и, улетаая, подняли тревогу в парке, чирикаая над всеми деревьями: «Большая сова упала на землю!»

Пришлось ночь досыпать на мокрых скамьях, длинных — как разлука, жестких — как одиночество. Эпигуль смотрел на скорчившиеся тени соседей — каких-то оборванцев, перемазанных сажеей. Слушал их храп. Каждый храпящий издавал свой звук. Если бы Эпигуль был музыкантом, он смог бы оркестровать эту симфонию фаготов, гобоев и контрабасов...

Черная ткань неба стала выцветать. Шло утро...

***

Доктор философии сидел на краю канавы, смотрел, как играли на солнце кусочки стекла и блики старых консервных банок. Глинистое дно канавы растрескалось, и квадраты глины запнулись, как картон. Эпигуль поднял полову и заметил, что по дороге идет полный человечек в котелке, с черными пушистыми, усами... Человек улыбался и что-то насвистывал. Эпигулем овладела первый раз в жизни злоба. Разве справедливо, что философ умирает с голоду, а жирная тупоумная свинья в котелке, торгаш с пушистыми усами, идет и посвистывает?! Он закричал:

— На фонарь буржуазию!

Человек с пушистыми усами остановился. Вынул из-за спины хлыстик и, ткнув им по направлению Эпигуля, окликнул:

— Что вы делаете?

— Голодаю.

— Хотите голодать и зарабатывать на этом деньги?

— Что за парадокс! Если я буду зарабатывать деньги, я не буду голодать.

— Нет, вы будете голодать, чтобы заработать деньги.

Человек в котелке перепрыгнул через канаву, подошел к Эпигулю, похлопал по своим крагам хлыстиком.

— Могу предложить работу в отъезд. Завтра мы выезжаем на Перикольскую ярмарку. Вы обязаны четырнадцать дней ничего не есть. Три раза в сутки будете получать воду. Если выживете, я уплачиваю вам тридцать стейеров. Вы поедете как аттракцион. Соображайте, что выгоднее, — две недели голодать здесь, ничего за это не получая, или выбить на голодовке тридцать стейеров.

— Несомненно, последнее выгоднее. Притом я слышал, что голодание имеет даже лечебное значение. Организм обновляется, в нем сжигаются все накопившиеся вредные продукты обмена.

— Я вижу, вы человек культурный. Мы столкнемся. Вас не отпугнет то обстоятельство, что я помещу вас в большую бочку с вделанным в нее окошком?

— Подобно Диогену Синопскому, по прозвищу «Диоген-Циник или Диоген-Собака»?

— Сударь, уж вы, часом, не философ ли?

— Я доктор философии.

Человек снял котелок, почесал свою лысину, весело глядя на Эпигуля. Потом хлопнул его по спине.

— Так. Есть дело. Диоген, говорите? Тогда можно сделать аттракцион еще занятнее, и повезу вас как «Диогена двадцатого

века». Я слышал, что этот мудрец жил в бочке и, наверно, поучал из нее? Я вам надбавлю еще пять стейеров, если вы сможете по заказу публики что-нибудь прорицать.

— Мой друг! философия этого озлобленного позера и циника мне чужда. Я не хотел бы ему подражать...

***

Зябким весенним рассветом по щебню дороги, ведущей в Периколь, хрустко стуча и подпрыгивая, ехала телега. На ней, привязанная веревками, покачивалась большая темная бочка с клеткой окошка посредине. Слева, для простонародья, висела на ней крикливая надпись: «Редкое явление. Поучительное зрелище! Человек, легко живущий без еды пятнадцать суток!» Справа, для лиц более интеллектуальных, была вывешена латинская надпись (подобно тому, как в зоопарке шакал по-ученому именуется «*Canis aureus*»), на бочке было написано:

„НОМО FAMELICUS” ЧЕЛОВЕК ГОЛОДАЮЩИЙ

На козлах, рядом с кучером, управлявшим парой кляч, сидел человек в котелке, с пушистыми усами, и сосал дрянную сигару. Кучер нетерпеливо поглядывал на сигару, ожидая окурка. В бочке на соломе сидел окоченевший, зеленый, с заострившимися скулами, доктор философии Эпигуль. В окошко бочки было видно, как проплывали, покачиваясь, голые ветви и хмурые свинцовые облака.

Старая бочка пахла уксусом. От этого запаха горло сдавливала сладковатая тошнота.

От траски по камням дороги все тело пронзали иглы.

Эпигуль видел мир сквозь решётку узкого окна бочки, как тюремный узник. Все то же унылое сочетание серого неба и серых облаков. Слушал длинные тупые споры возницы с антрепренером об овсе и ковке лошадей.

***

Nomo famelicus!..

Просвещенные белки свешивались с сосен и недоумевали, какого хищника везут в этой клетке.

Nomo famelicus!..

Птицы, завидя телегу, взлетали с деревьев, кружились над бочкой, боясь заглянуть в окошко и увидеть чудовище.

Nomo famelicus!..

Встречные крестьяне иногда оборачивались, провожали взглядом бочку и думали:

«Медведя на ярмарку везут или дрессированных обезьян».

Nomo famelicus!..

***

Когда Диогена-Циника спрашивали афиняне, почему он избрал бочку своим жилищем, он отвечал: «Мир такая же бочка. Пустая и зловонная».

Однажды он закричал:

«Подите сюда все люди!!»

Когда к нему подбежали некоторые на этот зов, он стал отгонять их, палкой, крича:

«Я звал людей, людей!!!

А вы — испражнения!»

***

Аргонавты искали золотое руно, Эней — богами указанную страну, Дон-Кихот — подвигов в честь Дульциней и Зигфрид — страну туманных Нибелунгов.

Мои герои ищут... заработка, чтобы не умереть с голоду...

Не восклицайте: «До чего пал эпос!», «Где же прекрасные драконы?», «Где чудовища и героические поступки?»

Не смейтесь над убожеством моих героев, над низменностью их мечтаний, над микроскопичностью их подвигов, — не смейтесь, ибо в наши дни найти работу в Этландии труднее, чем в древности было найти золотое руно или переплыть Средиземное море под гневом Юноны.

Мои герои ищут золотое руно работы.

Они спустились с высот своих кабинетов, лабораторий в преисподнюю капитализма.

Вместе с белыми воротничками, вместе с хорошо оплачиваемыми лекциями, визитами и прочными местами они теряют и предрассудки. Перед их взором рассыпаются глиняные идола «чистой» науки, которым они поклонялись. Вместе с падением веры в эти идола с глаз моих героев падает повязка, и они начинают видеть, где враг и где друзья.

И если они еще не находят применения себе, то начинают видеть весь мрак этого ада, — ада, который им с детства рисовался как «лучший строй из возможных на земле».

Отрицание подготавливает их к пониманию того, что не весь мир безысходен, что по ту сторону капиталистического Аида есть и другой берег. Единственный берег, на котором они найдут подлинное отечество, подлинную оценку своего мастерства и знания.

В голоде, в нищете — доктора механики, доктора философии и медицины начинают восхождение на тот мост, который ведет из мира гниения и распада в мир борьбы и жизнестроительства.

Поднимаясь на этот мост, они начинают осознавать, что у них больше родства с производителем всех ценностей — рабочим, чем с экспроприатором их — буржуа.

***

Вам, бездомные мира! Вам, ночующие на рваных газетах в канавах! Вам, бывшие мастера, ныне роющиеся в помойках, отыскивая хлебные корки! Вам, нищие в перчатках! Вам, доктора, инженеры, открыватели планет и микробов, с протянутой рукой стоящие на перекрестках мира! Вам, по капле выдавливающим из себя раба, лакея капитализма! И вам, лучшим из интеллигенции, которые переходят в гневный, шумящий, готовый к бою лагерь пролетариата, — я отдаю эту книгу.

1932—1934 гг.

Четвёртая симфония

рассказы и пьеса

ЧЕТВЕРТАЯ СИМФОНИЯ

I

НАРАСТАЯ, неслись аккорды сонаты...
Худые пальцы впивались! (в клавиши... Застыли
склоненные лица с закрытыми глазами...
Огромный зал консерватории был наполнен сердцами...
С каждой секундой сердца бились! все сильнее...
Словно пальцы впились не в клавиши, а в эти две тысячи
сердец.

И когда соната загремела оргией presto, Когда руки, точно
обезумевши, заматались, по бело-черным ступеням и последним
прыжком вцепились в грудь рояля, бриллианты, лысины, люстры,
лак рояля, зрачки глаз, чья-то слеза и последний звук сонаты —
все слилось в одно вздымающееся кверху сверкание...

Таял последний аккорд. Зал консерватории был мертв.

В фойе по ковру тихо шагал старый капельдинер.

Лавиной обрушились аплодисменты...

Перед эстрадой колыхалась толпа. Крики сливались в
бесформенный гул. Около рояля стоял человек, родивший шторм
в зале. Он устало кланялся. Испуганно смотрел серыми глазами в
зал. Он не любил эти жадные залы орущих ртов, с жарким
дыханьем; мелькающих рук, с их тиранией бисов. Он боялся этих
неведомых людей, то безучастно дремлющих в креслах, то властно
требующих звуков...

За кулисами, окруженный роем вопросов, восторгов, вздохов,
Конрад Герберт сказал:

— Я пишу «Четвертую симфонию». Тема?.. Не знаю... В мире вечна только одна: тема... любовь...

Стоя в дверях подъезда, Герберт говорил старику:

— Я хочу слышать, как звучит мелодия любви в сложной симфонии великого города наших дней... Маэстро Рогге... я ищу Ромео и Джульетту наших дней...

Провожаемый кучей поклонников, композитор спустился к машине.

Герберт устало отбросил голову на спинку. Ее успокаивающе покачивало. Заглушенно вскрикивали гудки. Мелькал свет фонарей по темному шоссе, с грохотом проносились встречные телеги.

В голове шумели, какие-то обрывки звуков. Звуки росли, из бесформия выделялась мелодия. Герберт очнулся, вынул записную книжку, и, прислушиваясь к самому себе, наспех вписывал кривые каракули нот. Уродливые знаки гнались и хотели поймать набежавшую как ветер, уходящую в мгновение неясную музыку, тонкую и сложную, как паутина... Автомобиль резко остановился... В мелодию маэстро Герберта грубо ворвались: сирена, окрик шофера и шаги... В тишине судорожно работал мотор. Луч фары упирался в колышющиеся пыльные спины и ноги. Герберт всматривался в темноту и слышал, как чей-то низкий голос спросил шофёра:

— Кого везешь?

И как шофер с нотой страха (ночь, темь, какие-то люди) отвечал нерешительно:

— Композитора... Герберта...

Два-три голоса повторили:

— Маэстро Герберта?.. Это того музыканта?.. Нашего знаменитого маэстро?

В окошко авто постучали. Герберт открыл дверцу. Ворвался залах пыли и грязных лохмотьев. Человек в фуражке, с сильными скулами просунулся и сказал:

— Добрый вечер, маэстро Герберт. Сейчас Колонны пропустят вашу машину.

— Какие колонны?

— Идет голодный поход в столицу... требовать отмены «декрета нищеты»... Маэстро Герберт, мы вручим парламенту протест, под которым подписались лучшие умы страны... Ваш голос много значил бы...

Человек в костюме фронтовика протянул лист. Герберт мягко отвел его руку.

— Я принадлежу музыке, а музыка вне политики...— Закрыв дверцу.

Тихо за клубилась прерванная мелодия. Герберт склонился над книжкой... но шаги, шаги все растут, мешают, путают звуки. Задернул штору окна, бросил книжку и откинулся. Тихо покачивалось авто, и шумели шаги. Вдали серые пыльные ноги шеренг освещал прожектор.

Машина медленно двигалась в темноте, щупая камни лучами.

Колыхались темные фигуры идущих. Луч падал на худой профиль лица и высвечивал щетину и складки старости... В пыли, разрезаемой светом фар, покачивались знамена, такие же пыльные и серые, как спины и ноги.

Темнота ночного шоссе, и в ней шаги...

Кроме любви, в мире еще существовала черная, как ночь, сухая, как пыль, тема голода...

II

В ПРЕДМЕСТЬЯХ, у заколоченных досками ворот завода начиналось поле. Над полем стлался туман. Где-то далеко был одинокий гудок...

Черные, мертвые трубы заводов на бледном, рассветном небе...

Заколоченный дом мокнет в тумане. Улица словно вымерла... На пустыре землянка. Из ее трубы тонкой струей тянется дым...

В тяжелый сон ворвался гудок. Он требовал встать... встать...

Из землянки вылез оборванный человек. Зябко кутался, прислушиваясь; к гудку, и зашагал в холодный туман над полем. Потом нелепо остановился на дороге. Тупо глядел в землю и слушал гудок. Повернулся и медленно побрел обратно к землянке... У досчатого сарайчика сидел старик с трубкой. Назойливо! Тянулся гудок. Старик вынул трубку и окликнул:

— Тоже вскочил?.. Привычка... Гудит, да только не для нас.

Человек, сгорбившись, возвращаясь в землянку. Он вспомнил, что два месяца назад его уволили с завода.

И уж много раз в полусне он вскакивает на рассвете, торопится на гудок, бежит на дорогу... чтобы потом вернуться обратно...

Бледное солнце за утренними тучами. Остро торчат доски заколоченных ворот, как ребра у павшей лошади. У старика вышел табак, но остался юмор. У сбитой из ящиков конуры, где живет старик, стоит столб с вывеской.

ВИЛЛА ГЕРТРУДА

На «вилле Гертруды» нет работы, хлеба и табака

В столице на другой вилле «Гертруда» утром старичок-настройщик выравнивал звуки рояля: ду-ли... пу-пи... пи-пу... пи-пу... Герберт ходил дел комнате и делал поправки в тетради. Старой нахохлившейся птицей, закрыв глаз, настройщик слушал звук, подкручивая струны.

— Ну как, маэстро Смолка?..

— Пыль... Что смотрит ваша Эльза?

Настройщик щеточкой холил закоулки рояля. Герберт положил перед собой тетрадь начатой симфонии... Проиграл написанное... Старичок-настройщик запыхтел, закапал головой...

— Ну и музыка пошла!.. Туруру-пу-пу... Туру-туру-тон... тим... — Сердито! бросил ключи и инструменты в сумку. — Слушать страшно... Туру-тон-тим?! — Замахал руками и, таинственно наклонившись к Герберту, сказал: — Не музыка это. Все, что угодно... только не музыка. Вот музыка...

Сердито сел за рояль и стал играть. И был по-хорошему смешон этот старый музыкальный хрыч; и не мог не улыбнуться Герберт:

— Маэстро Смолка, ведь это Бетховен...

Смолка пророчески поднял палец у дверей:

— Гибнет музыка... гибнет, маэстро Герберт. Туру- тим-ту.

Герберт задумчиво провожал глазами горбатую фигуру настройщика, ковылявшего по двору... Потом сел за рояль и стал работать над симфонией. Один, и тот же аккорд брал в нескольких вариантах, пока он не зазвучит, пока не станет ясно, что по-иному не могут переплестись звуки. Тогда рука бросает клавиши и тянется к перу и нотам. И вновь перечеркнуты ноты. Бумага словно покрыта грязью, но из этой нотной грязи уже сверкают алмазы звуков. Струны рояля ткут сложную мелодию. В запутанных диссонансах вздымаются чьи-то крики. Герберт

поднял голову. На стене портрет Бетховена, сумрачно надув губы, слушает Герберта... И рука обрывает аккорд.

До вечера ничего не клеилось. Спускались сумерки. По улице шла демонстрация и пела.

Герберт, грохнув стеклами, закрыл окно и кричал в комнате:

— Стадо!.. Мычащее стадо!.. Без слуха!..

Бледный, устало сел в кресло. Со стены пристально и зло смотрели бетховенские глаза.

— ...Ох, это стадо! Когда они пройдут?.. Что они поют?.. Какую-то польку... Великий мейстер, слышите, мои современники поют польку. Это — единственная музыка, которую они любят.

Бесшумно вошла Эльза. В комнате, в полутьме господин Герберт громко разговаривал с висящим на стене портретом...

— Господин Герберт, пора одеваться. Сегодня у вас концерт...

III

ВЕЧЕРОМ дождь остеклил асфальт. У консерватории огни сбившихся машин освещали пыль падающего дождя. Афишные башни взбухли мокрой бумагой... «...Королевская консерватория... 8-й концерт 54 абонемент. Государственный симфонический оркестр... В программе «Третья симфония Герберта... дирижирует автор...»

Герберт стоял за кулисами, смотрел в щель на публику. Зал консерватории был наполовину пуст... и уже закрывал двери... и уже оркестранты поглядывали в кулисы... Около Герберта вздохнул администратор:

— Пустовато... Кризис... Нет денег...

Оркестр давно занял свои места. Пора... Вот пульт, волна аплодисментов и почтительный кивок старого виолончелиста...

Надо начинать... Маэстро, почувствовал слабость в руках... Пусто... Внутри было пусто... Что со мной? Пора...

Зал затихал... еще два-три покашливания, и за спиной немая тишина... Словно все покинули зал... И он один; у пульта... Он играет пустому залу... И оркестр как-то необычно мертв и бледен... Герберт поднял руку и отрывисто вздернул вступление. Протяжно заревел одинокий контрабас... Что такое?.. Что? Что?.. Сердце упало в холодную воду... Почему они не вступили?.. Разве я... Оркестр был бел... У первой скрипки судорожно прыгала рука. Герберт дал второй взмах. Полное молчание... Одинокий рев контрабаса...

В ужасе глядел на оркестр бородатый контрабасист... Сзади, за спиной маэстро почувствовал движение в зале... Сжал рукой пульт... ноги ослабли. Платком вытер похолодевшее от пота лицо. У многих оркестрантов головы опущены, у других напряженно застыли холодные лица. Зрительный; зал ревел... резал свист... Там вскакивают, машут руками и кричат... К барьеру подлетели одетые в форму, наци...

— Вон из оркестра!

— Вон из Королевской консерватории!

Шёпот, голоса неслись от ряда к ряду в зале... Злобные лица передавали: «Итальянская забастовка оркестра...»

У барьера нависли злобные грозди зрителей... Герберт омертвел, он не мог двинуться... Он ничего не понимал.

На эстраде забегал администратор. Он беспомощно пытался остановить роток криков в зале. Оркестр, как один человек, поднялся и спокойно уходит..

Администратор лепетал публике:

— Ради бога успокойтесь... Господа, прошу вас, успокойтесь... Конфликт будет сию минуту улажен!

Гнев горячей волной ударяет в голову Герберта. Неестественно резко он кричит:

— Дать рояль на авансцену! Я сам сыграю программу!

В зале аплодисменты. Больше всех стараются «коричневые».

— Bravo, маэстро Герберт!

Его окружают, что-то кричат... Вдруг все пронзает резкий крик, как звон разбитого окна:

— Штрейкбрехер!

Это истерически кричит из оркестра худой скрипач. И его губы, серые, передернулись... И глаза смотрят с ненавистью на маэстро... Как смеет он?!

— Позор!.. Вон штрейкбрехера!! Долой Герберта!

Это кричат рабочие на галерке, уже сцепившись с наци.

— Да здравствует забастовка оркестра!

— Вон из консерватории коммунистическую сволочь!

Уходя с эстрады, Герберт видел, как на галерке шел настоящий бой. Полиция кого-то выгоняла... Где-то дрались. Кричали... Администратор вызвал рабочих на сцену. Нужно было разобрать попитры, выдвинуть концертный рояль. Группа рабочих сцены, хмуро насупилась на эстраде. Один из них твердо и громко сказал::

— Рабочие сцены бастуют из солидарности к оркестру! И музыканты стучали смычками, жали руки рабочим сцены. В зрительном зале был хаос... Занавес закрылся. Перед публикой появился потный, коротконогий администратор!

— Антракт пять минут!

И почти бегом скрылся за занавесом.

В, фойе музыкантов было душно. Возбужденные группы оркестрантов спорили. Огромный бородач контрабасист, угрожающе размахивая смычком, отчитывал худенького смущенного скрипача.

Герберт сидел в углу и, закрыв лицо, повторял:

— Какая гадость... И это художники!

Представитель оркестра, поправив очки и аккуратно сложив виолончель в футляр, сказал директору:

— Мы протестуем против сокращения заработной платы...

В храме чистой музыки появилась политика.

IV

ЧЕРЕЗ долину гранитной гусеницей был переброшен высокий мост со стрельчатыми окнами пролетов. Над долиной, над мостом гудел ветер. Там на высотах моста шла черная толпа. Ветер гнул деревья, и ветви скреблись в гранитные быки моста. Наклонив знамена, беря шаг за шагом, ступали знаменщики против неистовства ветра. Навстречу буре, навстречу мчащимся облакам, там, где мост прострелен вихрями, тяжело ступая, наклонившись, шел голодный поход.

В долине, кутаясь в свитку, женщина быстро гнала среди вереска тощую корову. Гнул темный кустарник. Раскаты грозы рассыпались ливнем. В вершины знамен, в лица с сжатыми зубами ударили струи ливнем. Матери кутали детей. Ноги ступали в грязь. Мокрые одежды оголяли худобу сутулых спин и тощие груди. Под слипшимися волосами глаза, зажмуренные от дождя. Под раскатами грома, под водой ливня мокрые люди запевали песню... То заглушают ее порывы ветра и гром, то вырывается ее мощные, растущие звуки...

Через долину, оглушенную ветром, перекинут серый гранитный мост. Ливень, погружает мост в туман, и мост словно испаряется... В долине бегут ручьи и трепещет мокрый колючий кустарник. Старая женщина, спрятавшись с тощей коровой под мостом от ливня, слышит — где-то в небесах, разорванных

громом, поют. Там в небе за ручьями воды звучит пенье... И женщина испуганно крестится под мокрой свиткой.

Гром извергает огненные жилы над долиной и обрушивается в нее шипением дождевых струй...

В темноту вползали огнемордые ковши; они разевали пасти, изрыгая расплавленный металл. Змеями вились раскаленные полосы в прокатной. Выбивая каскады искр, резала пила огненные бруски. В темноте литейной мелькали блики скул, шей, голых спин.

В прокатке равномерно грохочут валы, швыряя полосы.

Заглушая скрежет прокатки, рабочий крикнул другому:

— Слышишь!.. Сегодня ночью... встречать голодный поход!..

В литейной, у подогревательных печей кузнечного, среди извивающихся полос прокатки, везде пронеслось... Ночью... Сегодня ночью... встречать голодный поход!..

В забое откатчики и в ламповой вырубовщики, встречая друг друга, говорили:

— Быть на шоссе!

— Ночью на шоссе!

И ночь была встречена кострами, факелами, блеском меди оркестра и толпами рабочих, вышедших встречать проходящий мимо городка в столицу голодный поход.

— Идут...

— Вон там... из-за поворота...

В звоне «Интернационала», среди колеблющихся огней факелов и костров, среди строя шахтеров и литейщиков льется роток; голодного похода... Чумазные шахтеры тащат продрогших детей похода к кострам. Литейщик огромной потрескавшейся

лапой гладит худую белокурую девочку. Потом неумело трет ей озябшие ноги...

Старики, попыхивая трубками, сажали женщин к огню. Тянулись худые руки над огнями костров. Грелись. Женщины выжимали мокрое тряпье... Огромный, как дьявол черный шахтер, сказал белые зубы, разливал детям в кружки горячий кофе. И детям казалось, что потому и кофе черный, что разливает его этот страшный и хороший дядя. В искрах поленьев пробежали улыбки. Разливали горячую еду. Раскинулись костры, окруженные людьми. У одного из огней рабочий деловито стаскивал с себя ботинки, менял их на рваные...

— Бери, бери... Мне стоять, цех теплый. Тебе шагать, грязи еще хватит...

У другого костра была тишина. Мать кормила грудного ребенка. Около нее подросток-девочка жевала хлеб и смотрела глазами будущей матери. Над матерью как-то торжественно умолк шахтер с лампочкой.

На шоссе у костров был ночной митинг:

— Товарищи! На ваших знаменах — «Работы и хлеба!». Под знамена вашей армий станут миллионы людей. Одна треть населения страны не имеет работы и хлеба. Пусть страна идет голодным походом. Мы, работающие, как и вы, обречены на голод. Он будет завтра. Требуйте отмены снижения пособия безработным и инвалидам страны. Не допускайте нового ограбления рабочих.

Вышел литейщик. Он говорил, словно опрокидывал ковш с расплавленным металлом. И льются слова жгучими потоками, и так же клокочет негодование, как металл, вливающийся в форму...

— Неслыханное, нестерпимое обнищание рабочих масс родило великую, гневную армию голода, которая сметет

капиталистический строй... Миллионы обречены капитализмом на голодную смерть, и самоубийство. «Лишним людям»

Приказано умирать. Но они забыли, что мы можем! умереть, и в бою со строем, обрешим нас на смерть, и только в этом бою мы завоюем жизнь.

V

В ГОСТИНОЙ, в креслах сидели почтенные люди. Они смотрели на мерцание свечей, на лицо Герберта; и холодно слушали звуки.

Дреmlют прозрачные одутловатые щеки. Чуть мигают маленькие, заплывшие глазки. Маэстро переворачивает потную страницу и думает: «Сколько раз я давал себе слово не играть перед этими чопорными, лицемерными людьми с их гостиными, похожими на склады музеев, с их тупой болтовней... Зачем! я пришёл?... Разве я не мог заболеть...» Почти со злобой, раздраженно смял и кончил ноктюРН. К роялю подошла почтенная дама. Пыжась старой морщинистой шеей, как индюк, дама сказала:

— Ваша музыка очень современна. В ней ритмы сегодняшней жизни. Она передает эпоху. Сыграйте тот ноктюРН... Помните?..

Несколько гостей и хозяин обступили Герберта и снисходительно покачивали головами. Вдруг в гостиной мгновенно поднялась суета. Кто-то из дверей кричал:

— «Она» приехала!..

— «Темная Берта» здесь!..

Все мигом устремились к двери встречать приехавшую.

Герберт уже сел за ноты ноктюРНА, но, оглянувшись, увидел, что остался один. Холодный стыд обволок его, и он растерялся,

уронил ноты. Лакей подобрал и подал, и в глазах у лакея была колючая улыбка... только в глазах. Руки Герберта стали влажными. Неловко задев стул, он пошел к дверям.

В зал ворвалась гадалка «Темная Берта», окруженная поклонниками. Дама с шеей индюка что-то пролепетала Герберту и виновато исчезла в дверях. «Темная Берта» кричит:

— Да будет темнота!..

Поспешно задували свечи, мелькали возбужденные лица гостей...

Хозяин в коридоре просил извинения, просил остаться... и, видно, очень спешил в гостиную...

Лицо «Темной Берты» было освещено лучом. Это была дешевка. Какой-то карманный фонарик. Она истерически взвизгивала.

— «Он» здесь!!! Я чувствую тебя, великий дух!. Он здесь!.. Он вселяется в меня!..

И кто-то сладострастно шептал в темноте:

— Прорицайте, Берта!.. Прорицайте!..

С искаженным лицом «Темная Берта!» выкрикивала какой-то бред...

Уходя, Герберт в подъезде спросил самого себя:

— Конкурировал ли Бетховен с гадалками?..

VI

НОЧЬ. Глеют костры. Ветер то вздует огонь,; то затихнет. Чуть шевелит ночной ветер знамена, колышет одежды спящих. Сдвинул прядь волос... Кто-то во сне судорожно кутается от ночного холода...

Тихо ступает часовой голодного похода. Он останавливается и смотрит, как на другой стороне шоссе, у костров сидит полиция и наблюдает за спящим лагерем.

«В эту ночь в столице в казарму на мотоциклете примчался ординарец. Он вручил заспанному майору пакет. В приказе было: «...Выступить! в составе... не допустить проникновения в столицу... вплоть до применения оружия...»

Той же ночью старый наборщик вкладывал в верстатку обоймы свинцовых патронов букв.

«...Коммунистическая партия призывает массы на защиту голодного похода. Все на улицу. Протестуйте против провокации...»

На плацу, у казарм, на рассвете трубач поднял горн. И словно рычаги машин автоматически бросились руки к винтовкам. Шедшие на рассвете на заводы рабочие услышали мерный шаг рот. Едущих на велосипедах рабочих согнал с дороги полк. Рабочие остановились на углу и смотрели...

Дама с морщинистой шеей индюка сказала: «Ваша музыка очень современна...»

Маэстро Герберт сидел на открытой террасе и смотрел на улицу. И думал: «Музыка стала достоянием холодных снобов — гостиных или вот этого ржущего барабаном, завывающего саксофоном джаза в кафе... Бах слагал аккорды для храмов. Вагнер мечтал о музыкальной трагедии на амфитеатрах под открытым небом... Теперь музыку пишут для ресторанов...» «В вашей музыке, маэстро Герберт, ритмы сегодняшней жизни...» Да кто-то писал в «Музыкальном обозрении»; «Мелодии Герберта, его характернейшие сложные ритмы, быстрота их смен, полифоничность его произведений, тончайшая паутина диссонансов — остро передают пульс сложного сегодня...»

«Пульс сегодня...» Может, он бьется на этой улице?.. На углу стоит старушка-пенсионерка у закрытого банка... Она страшно глядит в мостовую... Вон поднимаются! руки, просящие милостыню, руки, предлагающие зубочистки, спички... На этих руках бьется пульс...

Женщины с глазами больных собак, и тот человек, засунув руки, уныло и тупо плетущийся по тротуару... и заколоченные витрины, и одутловатое, почти разлагающееся лицо на подушке авто — вот ритмы сегодня...

Великая музыка, ты зашла в тупик со своими синкопами, диссонансами, изощренной полифоничностью, ты очень хорошо передаешь судороги современной цивилизации... но ведь это конвульсии умирающего?

Все лица, виденные за сегодняшний день, слились в одно, с запавшими глазами, полуоткрытым ртом, надвигающееся в остром истошном звуке джаза... Саксофон бледного оркестранта кафе родил эту галлюцинацию. Маску... маску зеленую с запавшими глазами... Она надвигалась на Герберта и шептала; «Маэстро, ваша музыка очень современна, но эта современность — смерть...»

И музыка и жизнь — конвульсии умирающего... В этой смертельной пляске подергивается саксофонист... Слишком пристально глядел на наго маэстро Герберт... и в глазах поплыли круги труб, тарелок, и сквозь их звон лезла огромная маска зеленого удушливого умирания, тянувшегося с улицы, где шли нищие и голодные.

Человек, склонившись к Герберту, трясет его:

— Маэстро Герберт! Что с вами?. Это я... Концерт-мейстер Ванек...

Герберт очнулся... испуганно взглядывайся в концертмейстера... Тот, заикаясь, промямлил:

— Правительство закрыло Государственный симфонический оркестр...

VII

У ПОДЪЕЗДА консерватории стояла растерянная толща оркестрантов. Они пришли на репетицию. Им объявили, что их руки, умеющие извлекать мелодии, не нужны. Мимо ступеней консерватории течет улица. У фонарей, у бюстов Шопенов и Моцартов собираются, как на панихиду, старые меломаны, узнавшие из газет о закрытии оркестра. Старушки, учительницы музыки, только и жившие абонеменами концертов, вздыхают под трауром. Утонченные девушки, зачарованные Гайднами, Бахами и Шубертами, с ненавистью глядят из-под статуй на «пошлую улицу»... Человек спокойно проходит мимо голодных глаз и протянутой руки. Человек; спокойно проходит мимо очереди у благотворительной столовой. Человек, молча прошедший мимо голода, взрывается подобно бомбе у Консерватории...

— Позор!.. Банкроты!.. Закрыть гордость страны — симфонический оркестр!

И вдруг на ступенях Консерватории среди дневной суматохи улицы происходит необычное: знаменитый оркестр вытаскивает инструменты, и над улицей поднимается фюнераль!.. Скорбный и гневный марш!.. Так начинается митинг у консерватории. Так хоронит себя прекрасный оркестр. Улица поражена концертом на ступенях. Она бежит к Консерватории. На площади стоит пикет полицейских. У них есть приказ:

«...не допускать ни в одном из районов города назначенный на сегодня компартией митинг и демонстрацию против отправки

войск навстречу голодному походу... Быстро ликвидировать скопление публики...»

Два полицейских видят скопление публики у консерватории. Один спокойно и уверенно говорит:

— Это опять коммунисты орудуют с их голодным походом...

— До чего дошли... Лучший оркестр страны наняли.

Оркестр заканчивал фюнераль, уже окруженный тысячной толпой. Многие залезли на фонари. На пьедестале памятника Моцарту, рядом с темной фигурой маэстро появился человек. Размахивая шляпой, он кричал и грозил кому-то:

— Мы не допустим...

«Не допускать скопления публики...»

Дубинки врезались в толпу. Толпа покатилась по ступеням... Летели футляры виолончелей... Под ударами дубинок падали людские гирлянды с фонарей...

Бородач контрабасист, воинственно размахивая толстым смычком, отстаивал в толпе свой неуклюжий инструмент.

На пьедестал, рядом с фигурой нежного Моцарта, взбирается потный полицейский и, размахивая, как пещерный человек, дубиной, хрипит:

— Разойтись!.. Разойтись сию же минуту!..

Толпа ринулась от дверей консерватории вниз по ступеням... Человек в котелке уцепился за фигуру Франца Листа, царапая ногтями, барахтался, пытаясь удержаться, его тянул полицейский; потом обозленный полицейский размахнулся и, промазав удар дубинкой по котелку, отбил огромный нос Листу...

Толпа бежит. У худенького скрипача выбивают из рук скрипку... Глаза и рот скрипача раскрываются от ужаса... Сорвавшимся голосом он вопит:..

— Осторожней! Вы раздавите скрипку!.. Стойте! Скрипка! Скрипка!..

И упав на ступени, всем телом, руками и головой он защищает от бегущих ног хрупкую скрипку... Сотни ног, сплетаясь обрушиваются на ступени, на руки скрипача...

.....

Безносый Лист сурово и страшно глядел на площадь... На площади полицейский спокойно, в каком-то «анданте маэстозо» опускал дубинку в чехол...

.....

На пустых ступенях консерватории валялись рассыпанные, измятые ноты листовского фюнералья... С ненавистью смотрел безносый Лист...

VIII

ПОЧТИ нежно улыбаясь, министр говорил:
— Дорогой маэстро Герберт, я вам завидую... Вы живете в надземных высотах чистой музыки и, к счастью, не знаете, что такое «кризис», «бюджет», «депрессия», «безработица». Это действительно ужасно закрыть лучший в мире оркестр... но у нас нет средств даже для ремонта общественных уборных...

Герберт смотрит на танцующие пухленькие руки министра, ему делается противно... Министр, скорбно подняв брови, закончил:

— Всему причиной — перенаселение. У нас миллионы лишних людей. Бели в один день эта четверть страны исчезнет, нация вздохнет свободно...

Герберт холодно смотрел в прищуренные глазки министра:

— А вам не приходила в голову мысль... отравить эту «лишнюю» четверть страны?

Министр мило рассмеялся и постарался быстро перевести разговор на другую тему:

— Я слышал, вы работаете над «Четвертой симфонией». Не сомневаюсь, это будет большое произведение... Сделайте ее, пожалуйста, бодрее, побольше национальных мелодий, патриотичней, воинственной, — наша родина нуждается в этом...

«Он, наверно, этим же тоном заказывает лакею в ресторане, — подумал маэстро. — Да... Да... сделайте ее, пожалуйста, похолоднее, побольше корицы...» Маэстро встал и взял шляпу...

— Вам придется поискать себе другого музыкального официанта...

Маэстро Герберт шел по улице.

Он думал о том, что миллионы людей сведены этими фокусниками с пухленькими руками к цифровому «излишку»... Господин министр, уговорите четверть страны покончить в один день самоубийством! Они очень милые люди и с удовольствием принесут эту гекатомбу... для того, чтобы вам «вздохнуть свободно». Какая жуткая, скорбная песнь о вынужденном вымирании... Какой жертвенник надо соорудить вам, господин министр, чтобы принести дань богу «благоденствия нации»?

И еще вспомнил маэстро о письме издательства, в котором с той же подслащенной вежливостью, как и у министра, издательство «откладывает» печатание его сонат... Маэстро подумал о том, что у него почти нет денег. Он привык не думать об этом. Нет ангажементов на концерты... Оркестр закрыт... Сегодня он видел талантливого скрипача. Когда-то с ним встречался в больших концертах. Он на полуденной душной улице выпрашивал милостыню, играя на скрипке...

«Может, это и моя участь? Я не видел нищих, играющих на перекрестках на рояле. Я ведь плохо владею скрипкой... Тогда, что

ждет меня?» — так шел и размышлял маэстро Герберт. Он не заметил, как тревожно лихорадило улицу, как по ней пробежали люди, как вползал из переулков страх... Лопнувшим треском вломились залпы... Поток людей, выбежавших из-за угла, увлек маэстро. Подталкиваемый паникой, смутно соображая, он инстинктивно бежал за ними... Рассыпанным звоном стекол опять налетели залпы. Маэстро Герберт, роняя шляпу, трусливо, как-то по-детски жалко бросился за выступ ворот... Мимо бежал молодой парень в черной фуражке... и, вдруг подпрыгнув, стал оседать и пополз, марая кровью камень... Герберт бросился из подворотни. Его грубо остановила рука...

— Не ходите... Подстрелят...

Герберт обернулся к пожилому человеку, тянувшему его назад, и, тяжело дыша, спросил:

— Почему они стреляют?.. Что такое?..

— Полиция разгоняет демонстрацию против отправки войск на голодный поход. Идите во двор. Здесь опасно.

Но во дворе тоже было опасно. Одна из колонн демонстрации устроила в ворогах баррикаду, и пули заныли над асфальтом двора. Рабочий подтолкнул Герберта, и они спустились в полуподвальное помещение. Было сыро и темно...

— Пивная была... Рабочая... Закрылась...

Герберт сидел на опрокинутом табурете в углу и прислушивался. Где-то слышались залпы, топот бегущих ног... И опять тишина... На лестнице пивной поднялся шум. Внесли раненых с улицы. Человек, всматриваясь, быстро подошел к Герберту...

— Вы доктор?

— Нет, музыкант.

— Жаль... доктор нужен.

На полу, беспомощно пытаясь подняться, лежал мальчик... Раненый перевязывал другого раненого, а потом, израсходовав последние силы, свалился сам... К нему подполз Герберт, поднял его голову. Руки погрузились в кровь... Маэстро хотел позвать двух возившихся в другом углу с кучей раненых, но те были очень заняты. Расплескивая, потащил ведро с водой... Искал бинтов, тряпок, ничего нет... Тогда лежавший рядом перевязанный рабочий хрипло крикнул:

— Рубаху разорви!

Он, наверно, хотел показать на рубаху раненого. Герберт схватил за ворот, разодрал свою сорочку. Остался только воротник на запонке. Наклонившись, дрожа и суетясь, Герберт рвал лоскуты, перевязывал голову...

Внесли женщину. Ее подтащили к Герберту и уходя крикнули:

— Кончишь того, займись этой! У нее плечо...

Ушли, открыв дверь, в которую ворвались крики, залпы.

Пред ним лежала с испачканным в пыли лицом и платьем женщина. Оскалив от боли зубы, она приподнялась и, схватившись за плечо, разорвала блузку. Плечо было в крови... Герберт промывал рану, и кровь струями стекала на голую грудь женщины. От крови, полутьмы, судорожной спешки кружилась голова, вертелись круги в глазах... Герберт смыл с лица женщины грязь, встал, растопырив руки, пошатываясь, пошел. Содрал прилипший воротник с шеи... Пивную понемногу набили ранеными. Они лежат на полу, стоят, прислонившись к стене, сидят на столах.

К Герберту подошел рабочий с рукой, подвязанной тряпкой.

— Музыкант?... Песню какую-нибудь революционную сыграй.

Герберт посмотрел на него.

— Песню... революционную... не помню...

— Жаль!

Герберт подошел к пианино и взял аккорд. Разбитый звук. Посмотрел на свои руки в крови... Хотел встать, вымыть, но вспомнил, что воды нет. И руки в крови легли на белые клавиши...

Маэстро Герберт первый раз играл не только без фрака, но и без рубахи. Перед ним была невиданная консерватория. Консерватория лежала на полу в бинтах и крови... И может, никогда еще маэстро Герберт не желал так ад. влечь самые бодрые звуки из самого разбитого инструмента...

Тот, с перевязанной рукой, похлопал по плечу:

— Хорошая песня... Как называется?

Герберт поднял голову.

— Я... импровизировал.

Подошел молодой парень с повязкой на голове...

— Мотив запомнить бы... я слова бы подобрал...

Молодой парень сел рядом и стал перебирать клавиши. Обступили раненые. Улыбались. Подмигивали. Герберт клал руки парня на нужные клавиши. И парень уже играл песню Герберта... Раздался топот сапог. Все обернулись. В подвал вошел отряд полицейских. Офицер, мотнув кольтom, крикнул:

— Встать! Документы?.. Встать!

Полицейский заставил раненого подняться. Пошатываясь, человек с перевязанной головой встает на ноги и, прислонившись к стене, молча дает себя обыскать. В карманах у него находят веревку и кусок хлеба. За раненую руку его соседа схватился полицейский. Рабочий стиснул зубы.

— Полегче... Ты!

За это «ты», сказанное с ненавистью, его грубо толкнули к дверям. Раненый пополз ро стене и упал на пол. Герберт бросился к полицейскому.

— Как вы смеете бить раненых?

Маэстро забыл, что на нем нет его прекрасного костюма. Он гол, вымазан в кровь и грязь. Он такой, как и все. И полицейский, размахнувшись, ударяет маэстро по зубам. Тогда музыкант начинает драться... С яростью и неумело... Его сбивают с ног... И чей-то табурет летит в голову полицейскому. Здесь, в подвале, среди опрокинутых столов, искалеченных стульев, у сбитых в угол раненых все, кто еще может держаться на ногах, бросаются на полицейских. Упав тушей на клавиши, зазвенел офицер... Герберт, уже с разбитой головой, отбивался сразу от двух. Сцепились в ненависти два лица. Одно — перевязанное бинтами, другое — потное, с разодранным воротником мундира... Кто-то табуретом зыбил окно. Офицер хотел подняться с клавишей и опять упал, взяв тяжелым задом мрачный аккорд...

Уже падая, теряя сознание, Герберт из последних сил ударил офицера не то за плохой аккорд, не то за измятые клавиши... Перед глазами маэстро люди, вещи расплылись и стали чернеть...

IX

ЧЕЛОВЕК бежал по шоссе...

Мимо чахлых кустарников, запыленных камней, запрокинув голову, задыхаясь... Он видел далеко на дороге черную тучу голодного похода... Там жилистые руки несли на голом плече древко знамени. Шагали запыленные, изодранные ботинки. Батраки с лопатами, небритые старики. Мешки, гуща спин. Дети на руках женщин. Люди на костылях, вытирающие пот с худого лица. Последние ряды окутывала пыль... и долго висела позади шеренг. Навстречу походу бежал человек... Не добежав, он споткнулся, шатаясь, остановился на шоссе... Не в силах бежать, не в силах крикнуть, он только тревожно вскинул руки вверх... Поход замедлил шаг. Смотрел на человека, поднявшего руки.

Глотнув воздух, собрав последние силы, человек на шоссе истошно кричит:

— Идут!! Войска!!

Крик вонзился в ряды, смял и остановил их.

— Войска?!

Человек оседает на шоссе. Толпа хлынула к нему. Штаб голодного похода с высоты холма всматривается в горизонт. На горизонте чернело карре войск. Значит, прибежавший батрак был прав. Обернувшись, увидели с холма, как смялись ряды и как люди группами уходили с дороги в поле.

— Стой, товарищи!.. Не отступать!.. Ни шагу назад!.. Первый залп по голодному походу поднимет весь город...

Вдалеке от дороги понуро стояли малодушные и слушали крик с холма.

Жара плавил шоссе. Под деревом, забравшись в тень, две девушки содрали рубаху со знаменщика и зашивали на ней дыры. Знаменщик застенчиво закрывал голую волосатую грудь. У ручья люди пили воду, наклонив иссохшие лица. Над водой мать любовалась вымытым ребенком. Не беда, что у ребенка торчали ребра... Стояли первые ряды и смотрели туда, на горизонт. Штаб похода совещался. По холму заковылял старик с палкой. Добравшись до вершины, он поднял палку и скомандовал попыльным рядам:

— Инвалиды, старики! Идем! в первую колонну! Идем, старики... Все равно помирать скоро...

И словно принимая парад, старик на холме поднял воинственно свою палку:

— Верно, безногий, идем.

— Идем, дедушка, поковыляем. Нам ли бояться пуль... Видели тогда еще, когда теряли ноги...

Почти торжественно стекались калеки и старики. Кое-кто топорщил седой ус и старался молодецки выпрямить старческую Спину. Ряды худых плеч смыкались. Из поля в строй вернулись колебавшиеся. Бежал и знаменщик в заплатанной рубахе. Там, в двух километрах на север, тоже раздавались команды. Трубили горнисты. Боевыми цепями кололись квадраты войск. Расставляли пулеметы. Звенели обоймы. Стояли готовые к бою шеренги войск! и ждали...

Идут.,..

Шумят тысячи шагов...

Ждали потные лица солдат под шлемами...

Идут. Нависают шаги...

Шел голодный поход...

Впереди... парадом «человеческих обрубков» шли «герои войны», ползли тачки безногих в пыли, в качании крестом и медалей... Шли слепые с черными орбитами очков. Равномерно под марш постукивали костыли. Руки колодками толкали тележку с туловищем. Шли, щупая камин палками, слепые. Подергивались контуженные. Шли, словно помолодевшие, старики...

Дороги мира видели полчища сарацинов в вихрях бурнусов, сверкающие потоки крестоносцев, орды Чингисхана, реки гуннов, и разбитые полки Наполеона, — но такой армии дороги мира еще не видели!..

Армия голода шла в жару, и уже темнело грозовое небо на горизонте. Армия голода шла в удушье... Лохмотья, впавшие глаза и груди, костлявые спины. Пыль. Серая пыль... и молчание... Голодные взводы, полки, дивизии. Шли люди, которым нечего терять, ибо они ничего не имеют. От этой безногой, безглазой худой и голодной, армии в облаках пыли несея удушливый ужас. И когда стоявшие цепи солдат привычно направили дула, безногий поднял колодку и крикнул:

— Целься, мы видели на своём веку дула...

И швырнул в морду офицера запыленную колодку.. Офицер разодрался криком:

— Вторая рота, огонь!

Шли старики, спокойные, с глазами, устремленными вдаль...

— Назад! Ни шагу! Рота, огонь!..

Перед армией лохмотьев руки, державшие винтовки, дрожали. И мушка прыгала от знамен до рваных подошв...

И ряды войск расступились. Мимо дул, мимо притаившихся пулеметов, мимо рук, лежавших на курках, медленно шла армия голода. Когда офицер, потный и жалкий, забежал в поле, кому-то крича:

— Вот как?! Не слушать команды?..

К нему подошел старый командир и сказал:

— Успокойтесь, бросьте кричать. У вас не хватит ни патронов, ни людей...

Морем голов катился голодный поход. Два офицера шли полем и слышали за спиной крик: «Да здравствуют солдаты!» Солдатские взводы приветственно поднимали шлемы на острие штыков. Офицер покривился:

— Солдаты... Войска... Сброд...

Х

НАД столицей уже нависал приближающийся топот похода. Слились тысячи запыленных ног. И человек в пижаме потерял сон...

На перекрестке столицы ветер колышет накидку полицейского. Гасит фонари ковыляющий человек... Почему на улицах гремят шаги?

Человек в пижаме ходит у бледно просвечиваемой шторы окна.. Раздвигает шелковую штору, подергивающейся рукой зажигает папиросу и смотрит в окно... На перекрестке ветер колышет накидку полицейского...

Шагает по асфальту пустой улицы кривоногий фонарщик. И его шаги в пустоте улицы вырастали в топот тысяч ног. Гасли фонари. Становилось темно. Только вспыхивала папироса, освещая лицо. Лицо было объято страхом, долгой бессонницей...

Утром кое-кто поспешно грузил чемоданы, хрупких девушек и упитанную жену в авто и как-то туманно отдавал распоряжения дворцовому:

— Кто будет спрашивать по телефону... я уехал на неделю с семьей... В горы... Да, в горы...

Закрывались магазины... Стонали протяжно жалюзи... Грудами мешков окапывались патрули на площадях.

В четвертой палате тюремной больницы, в повязках и халатах сидела группа участников вчерашнего боя. Среди них с забинтованной головой сидел осунувшийся маэстро Герберт... В палату на тележке ввезли миски с обедом. Дежурный поставил миску на столик койки Герберта... Надзиратель у дверей, перебирая, как четки, ключи, исподлобья смотрел на палату. Дымились миски на столах. Кучей сидели халаты и даже не обернулись на господина надзирателя. Потом человек с забинтованной рукой подошел к своему столику, взял миску и поставил ее на пол у двери, где уже шеренгой стояли девятнадцать дымящихся мисок... Герберт поднес к губам ложку... Посмотрел на спины в халатах... К двадцати мискам прибавилась еще одна — Герберта.

Надзиратель в канцелярии бросил ключи на стол:

— Четвертая палата объявила голодовку...

Герберт сидел в общем кругу халатов, и его сосед коммунист говорил ему:

— Может быть, «осьмые», «целые» ноты и «паузы» «общечеловечны», но тот, кто слагает из них музыку, — классовый человек. Музыка классовая, ибо создается человеком определенного общества и для общества...

Герберт, поглаживая край халата, думал о музыке будущего — десяти тысячных хорах вместо «спиритических сеансов музыки», о музыке народного празднества и услышал голос:

— Конрад Герберт!

Это вызывает надзиратель, держа бумагу в руке. Герберт поднялся и тонкой рукой, выхоленной на клавишах лучших роялей мира, протерся с крепкими ладонями своих товарищей по бою, по палате, по голоду у дымившихся мисок...

XI

В СУМЕРКИ из тюремных ворот с перевязанной головой был выпущен композитор Конрад Герберт...

По вечерней улице шагал маэстро. Слабость опутала ноги. Он остановился, ухватившись за фонарный столб. Сквозь туман больной головы увидел маэстро, как по улице носились с прожекторами полицейские автомобили. Щупали лучами переулки. Проходили быстрым шагом патрули. Всюду на перекрестках были навалены мешки укрепления. Город превращался во фронт...

За окном в дыму плавала рабочая пивная. Герберт толкнул Дверь и погрузился, в человеческий говор... У одного столика, яростно потрясая газетой, спорили. У другого человек жадно ел и

так же жадно слушал... Пивная бушевала говором и жестами... Кельнер поставил Герберту еду и пиво. Герберт пил и смотрел на стену... На стене плакат: «Пей пиво вдоволь, о политике помалкивай», а под ним другой: «Компартия — единственная партия, борющаяся против фашистской диктатуры голода». Голода!.. Голода!..

Герберт встал и протиснулся сквозь толпу к подмосткам:
— Друзья!

Пивная обернулась и затихла. На Подмостках стоял маэстро с поднятой рукой.

— В тюремной больнице... двадцать коммунистов... объявили голодовку.

К Герберту рванулось несколько человек, обступили. Один, обернувшись, крикнул забитой людьми пивной:

— Слово имеет участник боя, товарищ Герберт.

Из пивной вышли и стали у дверей двое безработных. Прикурив, прищутив глаза, смотрели, как ведет себя полицейская тужурка на перекрестке. Композитор Герберт, смущаясь, нервно комкая фразы, рассказал о битве раненых в подвале, о голодовке в тюрьме...

— ...ни издевательства над ранеными, ни полицейский террор не ослабляет уверенности в вашей победе!!..

Как герой в криках приветствий, с перевязанной головой стоял Герберт на подмостках. Какие-то матросы и безработные жали ему руки, заботливо усаживали его. Бледный маэстро вспомнил аплодирующие манекены консерватории... Рабочая пивная стоя пела песню.

Ряды, сомкни худые плечи,
Смелей за шагом шаг.
Терять нам больше нечего,—
Все отобрал наш враг...

Лейся, бурли, великий поход,
Гневом вздымайся народ.

Герберт растерянно посмотрел на певших:

— Пойдите... Что вы поете?... Вы поете мою песню...

— Ваша?... Меня научил ее петь один молодой парень,
участник боя. Он подобрал слова...

Поздно вечером Герберт пришел домой. Зажег свет. Выслушал долгие вздохи Эльзы. Не снимая пальто, сел за рояль... Перед ним стояла рукопись начатой «Четвертой симфонии»... Аккорд за аккордом он проиграл написанное несколько дней тому назад, и оно показалось ему жалким и слащавым. Долго сидел, склонив перевязанную голову... Боль мешала сосредоточиться, понять, почему все это стало чужим и безвкусным... Рана будоражила другие мелодии... В звуки «Четвертой симфонии» ворвался топот ног, крики митингов, звон разбиваемых стекол, залпы, грохот мчащихся лошадей и стук тюремных дверей. И созданная им музыка вдруг падает в хаос звуков и тонет в нем. Только строчит пулемет и нарастает голос оратора... Композитор обессиленно опускает руки: с клавишей и смотрит в окно... За стеклом мутный город. Тишина... Протяжно поют колеса идущего на повороте вечернего трамвая...

Герберт попытался вернуться к анданте симфонии. Звуки были бледными. В них назойливо въедался какой-то другой, грозный мотив, по ноте, по такту надавливая тонкие, путанные звуки симфонии. Мелькнул на секунду образ запыленных ног, и человек, лежащий в крови на мостовой... Словно желая выбросить из головы навязчивый мотив, Герберт стал брать аккорды. Это был марш. Сначала неуверенные далекие шаги, затем какая-то

огненно-железная поступь, вырвавшаяся в сверкающий взрыв... Герберт остановился:

— Где я слышал эту поступь?

Звуки втягивали его. Они тяжело клубились, как клубятся облачные симфонии грозовых луч... Да это был марш грозовых туч... И марш стал ясен. Герберт вспомнил... Ночь... Остановившийся автомобиль. Запыленные ноги в лучах фары... Голос... Поступь... Лохмотья и слова...

— «...а музыка вне политики...»

XII

В ЗАЛЕ Мюзик-Холла была душная полутьма. Разрастался пошленький мотивчик марша. В рядах среди публики белым привидением сновал кельнер и продавал вафли. Зрители покупали., вталкивали их в рот, жевали, тупо глядели на сцену. На сцене подвизался факир-шпагоглотатель. Пыжась и потея, вытаращив глаза, всаживал он в рот железный прут. Он его пожирал. Раздались хлопки рядов. Задрымал оркестр. Факир уже глотал огонь. Зрители жадно пили зельтерскую из сифонов. Перед занавесом лощенный конференсье объявлял следующий номер. Шпагоглотателя сменил маэстро Герберт... Голод заставил маэстро не брезговать заработком на этой арене факиров и акробатов. Звуки музыки все время перебивал шум в зрительном зале. Кто-то подавился вафлей и громко икал. В рядах шикали, оборачивались, шипели на икающего. Герберт с усилием старался сосредоточиться, не слышать шума... Вдруг в нежное пиано ворвался громкий, пронзительный свист... Потом мертвая тишина... Опять свист и крик...

— Подкуплен Москвой?..

Гербер, не оборачиваясь, оборвал аккорд. Свист усиливался. Его заглушали другие голоса...

— Игратьте, маэстро, не слушайте фашистских ублюдков...
Злой шёпот понёсся в рядах...

— Слыхали? Герберт подкуплен Москвой... Ом заодно с коммунистами...

— Как жалко, такой талантливый композитор! Музыка гибнет.

Двое «коричневых» орали изо всех сил:

— Подкуплен коммунистами!.. Долой!

Герберт резко повернулся и, с ненавистью глядя в зрительный зал, направился к рампе. Так, у рампы он бросил, как камень, в свист и шум:

— Да, я подкуплен!.. Я подкуплен их энтузиазмом!.. Я перехожу в их лагерь, ибо это единственный лагерь, где есть герои, страдалцы, борцы... Орите, брызгайте слюной, свистите вы, мертвецы!..

В зале мюзик-холла был ураган... По лестнице, с галерки бежали рабочие. Один из них, перегнувшись через перила, кричал:

— Защищайте товарища Герберта!

XIII

АРМИЯ голода вступила в предместья столицы. Шла меж хибарок, дощатых сарайчиков и полуразваленных зданий.

Из окон грязных домов свисали красные флаги и люди... Голодные предместья встречали свою гвардию... На заводах бросали станки, гасили печи...

Это был потоп. Потоп лохмотьев.

Голодный поход залил улицы, скверы, остановил движение. Пыхтя закрывали лавочники жалюзи. В авангарде под стягом: «Отдайте калекам войны украденное вами пособие!» — шли обрубки. Изнеженные горожанки отшатывались от героев войны.

Голодные шли, падали в изнеможении на панели, валились в траву скверов.

Бело-мраморное население парков было встревожено. Аполлоны, амурь и Психей, Посейдоны, Венеры, нимфы привыкли к величественной тишине парка. Отражения олимпийцев трусливо дрожали на воде фонтанов. Луга, аллеи затопили лохмотья. Тишину взорвали крики митингов. Ароматы клумб задавили запах пота и пыли. Парк превратился в лагерь голодного похода. Когда в большом водоеме, над которым вздымалась облаком туша Посейдона, стали стирать грязное тряпье, бог морей позеленел от злобы и готов был вонзить презубец в худые спины солдат армии голода.

Не лучше чувствовала себя Психей, веками замершая в объятиях амура. Она чуть не развалилась от стыда, когда какой-то обросший щетиной фронтовик похлопал ее по заду и фамильярно гаркнул амуру:

— Вали ее!.. Чего мямлишь?

Выхолненные нимфы от омерзения готовы были упасть в обморок: в их фонтане костлявые люди, засучив штаны, мыли грязные волосатые ноги. Но этого было мало — один из этих ужасных людей на ее томную белую руку повесил сушиться мокрые разорванные ботинки и грязную рубаху.

А когда в тени пьедестала Аполлона безработный снял рубаху и бойко стал давить вшей, расплотившихся в походе, покровитель искусств, кифаред, чуть не выронил кифару и с отвращением закрыл глаза.

В парке под белоснежной Венерой безногий снял протезу и перематывал обрубок ноги. В конце концов Венера тоже была инвалидом, у нее были оторваны обе руки. И глядя вверх, на Венеру, инвалид сказал:

— Начисто две руки... Должно быть, снарядом...

На площади грозно покачивалось людское море. Голоса гудели прибоем волн. Из моря голов вынырнул приехавший из парламента социал-демократ. Он взобрался на крышу своего авто. Так взбираются на утлый плот. Качались головы. Море качалось. Депутата на плоту авто, начинало укачивать от этих волн голов. Он почувствовал, что голос его жидок и пискляв...

— Товарищи инвалиды и безработные! Парламент примет ваших делегатов, если остальные вернутся по домам... Правительство дает бесплатный проезд и продукты...

Голодным головам чудилось мягкое купе и горы снеди.

— Да, да... питание будет выдано уезжающим.

Море голов притихло. Качка стала меньше. Депутат почувствовал, что морская болезнь как будто проходит. Осталась Легкая отрыжка... Но вдруг чей-то голос из глубины человеческого моря крикнул:

— Вон!!.

И море вздыбилось, замахало гребнями рук, заревело волнами криков, наступало па плот... Депутат, хватаясь за воздух, качался. Шел шторм, хотелось блевать, волны толпы неслись на плот автомобиля...

Море голов то вставало дыбом к небу, то проваливалось вдруг вниз. Крепкая была качка. Плот автомобиля с бледным депутатом на четвереньках на крыше сильная волна толпы выбросила с площади под свист и грохот...

Так свистит и грохочет шторм на северных морях...

XIV

ТИХО течет мутная река через город. Чуть покачиваются на привязи лодки, паромы. В тумане мост через реку. На мосту мешки укреплений, пулеметы, полицейские. Появились первые ряды голодного похода. Полицейский офицер театрально выстрелил в воздух и крикнул:

— Движение через мост закрыто ввиду ветхости моста!

Впереди голодного похода угрюмо стоит грузный фронтовик. Он спокойно командует...

— С дороги!..

Над мешками появляется дым залпов. Ткнувшись в плечо соседа, упал старик знаменщик... По городу разнеслось: «Расстреливают голодный поход...» Бежали рабочие дружины. Бросали работу изголодавшиеся конторщики. Захватив оружие, сбивая дневальных, бежали из казарм солдата, лодочники, схватив багры и весла, и худые чиновники, романтически пряча на ходу «Смит и Вессон».

— К мосту!..

Над мостом вздымался дым залпов. Опрокидывая мешки, поворачивая пулеметы, шаг за шагом, телами беря каждую пядь моста, шла армия голода...

Среди огромной площади, под свинцовым небом, в ветре, разматавшем седеющие пряди, без шляпы стоит оглушенный маэстро Герберт... Через площадь льются голодные полки. Они поют... Они идут туда, где в дыму, метании лежат тела на мостовой...

Ветер распахивает полы пальто маэстро Герберта. Холод пробегает по груди. Буря пения тысяч ударяет в уши Герберта. Эти тысячи, идущие на смерть, *поют его песню... его музыку...* Ту

мелодию, которая родилась за разбитым пианино в клубе, заваленном ранеными...

...Лейся, бурли, велики поход,
Гневом вздымайся грудь...

Пусть там, за углом, смерть. Пусть нестерпимо мрачен смертный путь лохмотьев — все существо Герберта потрясено величайшей радостью... Она заливает слезами щеки. С его песней идут умирать!

Как цепные собаки рвались пулеметы. Беспомощно метались слепые под пулями. Вспыхивали зловонными клубами газовые бомбы. Люди от слез ничего не видели. Они терли мокрые глаза. Из дыма ползли полицейские броневики. Ветераны, калеки снова переживали войну. Опять их душит газ, опять тела валят пули, и ползут танки. Только тогда на багровых полях Европы тела были целые. Сейчас добивают обрубки.

Одноногий человек, запрыгав на костылях, бросился один навстречу броневику и, вскинув костыль над головой, крикнул:

— Стреляй в меня! Заплати пульей за мою ногу!..

В бурном presto росли звуки «Четвертой симфонии». Вгрызаясь в рояль, вырывая из него горячие, словно точащие кровь звуки, Герберт судорожно ловил их на нотную бумагу.

В тот день след капель крови на мостовой от уходящего раненого рабочего сливался с черными каплями нот симфонии в единый мотив...

И песня, та песня, которую пели шедшие в бой, влилась в симфонию и зажгла ее огнем...

Шли в бой солдаты армии голода. Шли завоевывать восходы солнц; завоевывать право дышать ветром цветущих лугов, право на труд у огненных горнов, право любить... Неслись знамена, дула, головы... За право видеть радостными своих детей в брызгах реки на солнце, за право улыбаться — лютя голодные взводы... За право жить, расправивши грудь, дышать, трудиться, петь песни любить... падают лохмотья в кровь... Этим миллионам осталось умирать с голоду. Они предпочитают умирать в бою, в мертвой схватке с миром, обрекшим их на голодную смерть в весны, в солнечные утра, в дни, когда хочется жить...

Почки набухали в дни, когда набухали ненависть и горе, скопленные веками.

Почки раскрывались, рвались побегами листьев, — так раскрывались здания домов, так бежали кварталы...

Таяли снега, бурно неслись внешние воды, — так неслись потоки демонстраций.

В дни, когда сквозь бледно-зелёные листья деревьев просвечивало солнце, когда парки окутаны запахом липовых почек, — шла, сметая гниль зимы, весна человечества.

Эта весна рвалась грудью из лохмотьев голодного похода.

В пустой комнате, бледный, Герберт, ничего не видя, не ощущая ни рук, ни сердца, ни холода, заканчивал «Четвертую симфонию»... Да... песня, песня, миллионов, музыка, поднятая их сердцами, их миллионным голосом, — вот что такое музыка... Музыка — сама! жизнь, сама революция, сама борьба...

Никогда еще рояль не трепетал так от ударов, от спазм, от криков, как в эти дни... Никогда еще эти худые, изнеженные руки не разверзали таких пропастей страдания... И аккорды раздирались неистовыми призывами, и сквозь мрак голода вздымались

мелодии света... «Четвертая симфония» мятежно, грозно
поднималась ввысь с раскаленных струн рояли...

ЛОВЕЦ ВОДЯНЫХ БЛОХ

УТРОМ в городе пел шарманщик:

Есть прекрасный город Вена,
В нем с тобою заживем...
Там, под каждой крышей, сенью
Счастье мы с тобой найдем...

Песенка ударялась в окна. Летела к небу весны. Повисала над распускающимися почками дерева.

Песенка родилась у мусорной ямы. Родил ее голод шарманщика. О венской весне пели осенние уста старика.

Глаза шарманщика были прикованы к окнам.

«Неужели не откроется ни одно окно?» — спрашивали голодные глаза.

Там всем счастье неизменно...
«Ах, как дымится за окном кофейник!»
Там всегда весна царит..
И когда зиме на смену
Весна нежная летит,
Там, под крышей теплой Вены
Будем гнездышко мы вить...

Так утром! родились две мелодии: мелодия любви и мелодия голода. Здесь, у мусорной ямы голод пел песенку любви.

Морщинистый профиль женщины злым глазом глядел на дно двора. Захлопнулось, звякнув, окно.

Песенка оборвалась. По асфальту двора зашлепали старческие ноги.

В лабиринты переулков ушла сгорбленная спина с шарманкой. И уже где-то очень далеко звучало:

Есть прекрасный город Вена ...

В этом городе, за стеклами окон и очагов сидит важный государственный чиновник, господин Шобер.

Господин Шобер вычерчивает необыкновенные диаграммы и строит башни цифр. Господин Шобер слышит песенку шарманщика, он в такт покачивает головой и насвистывает:

Там, под каждой крышей, сенью
Счастье мы с тобой найдем...

Господин Шобер смотрит на свою работу и иронически улыбается... Это — статистика самоубийств в городе Вене...

Важный государственный чиновник Шобер уважает свой труд. Он любит, чтобы девушка из кафе, приносящая тартинки на завтрак, говорила: «Господин статистик, вот ваши бутерброды с сыром...»

Кубы диаграмм, кривые графиков и растущие цифры пели довольно мрачную песню о Вене. Маленькие — «на почве любви и семейных обстоятельств». Большие — «на почве голода». Может, любовь и голод имеют свои различные мелодии, но здесь, под рукой господина Шобера и мелодия любви и мелодия, голода сливаются в один скорбный фюнераль цифр и зловещих кривых.

Из стола господина статистика всегда несся запах гниения. Бухгалтер Працак любил острить: «Господин Шобер, ваши самоубийцы разлагаются, от вашего стола несет грудным запахом».

Господин статистик любил бутерброды с сыром.

Черная жирная кривая изгибалась на бумаге...

МЕРЗНУЩЕЙ вереницей изогнулась очередь людей... Медленно отгрызая голову человеческой змеи, здание поглощает очередь. Там, где она начинается, сидит чиновник. Он механически каркает в окошко: «Пропущена отметка. Вы сняты с учета! Дальше! Следующий!»

Сохлые руки протягивают книжки, и лязгает печать, отштемпелевая законный голод.

До очереди безработных долетает песня шарманщика.

Песня вплетается в стук печати, ударяющейся о книжки безработных. Живые жизни, надежды, горести, муки и мысли печатает штемпель. Растянулась цепь исхудалых лиц, а на эти лица одна за другой кладется грязная печать с орлом. Стоят проштемпелеванные люди...

Среди «штемпельных братьев» стоит молодой парень. Он думает о своей любимой. И в озлобленной, угрюмой очереди голода под звуки шарманки рождается единственная улыбка любви.

— Вы оглохли!.. Давайте книжку!.. Пропущена явка. Снимается...

Около Очереди на мостовой стоят рядом два человека. Один молод, и его зовут Август. Другой — сумрачный, рано состарившийся, Франц. Их объединяет одно — они сняты с последнего, ничтожного пособия. Август склонил голову над своей выброшенной книжкой, потом вдруг схватывает с мостовой камень и бросается с ним к зданию... туда, где окошко, где желтое лицо чиновника, пальцы, штемпель... На руне Августа повисает его сосед Франц. Камень падает.

— Не дури... Завтра на его место посадят такого же...

Двое, выброшенные из очереди, из списков, из фабрик, стояли на мостовой у камня, который должен был заменить пулю.

КЛОМБАРДНОЙ стойке подошел шарманщик, опустил ножку и поставил на прилавок инструмент. Оценщик поднял голову от квитанций, посмотрел поверх очков и оказал:

— Ссуд не выдаем, даже под бриллианты...

Сидя на ступеньках какого-то подъезда, старше нежно ощупывал дырявые одежды шарманки.

— Ничего мы с тобой, старуха, не заработаем... — сказал он, медленно поглаживая ее оборванную бахрому, и слезящимися глазами уперся в асфальт.

На асфальте появилась тень в каске. Старик смотрел на ноги тени и не поднял головы...

Тень сказала:

— Вы себя чувствуете, как в, консерватории. Забирайте свое корыто — концерт не состоится! Живо!

Август и Франц шагали с биржи домой. Франц говорил:

— Борьба нужна, но силами всех, а не одиноких камнеметателей. Приходи на собрание безработных.

,Август сплюнул и покривился:

— Дымить трубкой! Выносить резолюции! Стариковские дела. Я молод!

— Молодость? Не торговать ли ею собираешься? Почем килограмм?

— Найду работу.

— Один?

— Один.

— Подохнешь с голоду. Один ничего не значит. На этой дороге только гибель...

Простились на углу.

— Ты куда, Август?

— К милой. А ты?

— Домой.

Август затянул пояс на животе еще на две дырки и, засвистев, Зашаркал по асфальту.

Франц хотел тронуться домой в предместье, вспомнил: домой идти нельзя... Там ждут с утра зеленые лица ребят и усталая, постаревшая жена. Набросятся: «Принес пособие?». И разве повернется язык сказать «нет», хуже — «сняли совсем»! И польются упреки. Голодные люди делают жизнь друг другу невыносимой. Ее лицо покрывается отвратительными, злыми морщинами. И губы противно дрожат. Я чувствую, как ее глаза наливаются ненавистью... «Ты... ты во всем виноват... Что ж, умирать с голоду детям? Отец! Жалкая кляча ты...»

Часы упреков рождают желание убить ее, детей, себя... Только не слышать этот истошный крик насохших губ...

Вот что ждет тебя дома, мой Франц...

И Франц остался на углу. Машинально достал из кармана коробки спичек... Хотел спрятать обратно... Сжал зубы, закрыл глаза и потом изменившимся голосом, — голосом, которого сам не узнал, произнес:

— Купите спички... Господин, вам нужны спички?

ПО УЛИЦАМ шагал Август. На две дырки пояса стянутый живот не так уж громко давал о себе знать. Только бы не смотреть в витрины. Тогда начинает мутить, и голова становится тяжёлой. «И когда встречу ее — ни звука или взгляда, говорящего о нужде». Август молод. Мелодия любви и мелодия голода гремят над ним. Во-первых, он безработный, во-вторых, любит девушку БERTY.

Август утарапливает шаги и; старается не думать о том, как ответить на вопрос БERTY: «Когда же будет комнатка и жизнь, вымечтанная долгими вечерами под деревьями Пратера?

Ромео идет по улице. У Ромео нет денег. Ромео — безработный. Джульетта пока еще служит кельнершей в ресторане.

Что бы стал делать шекспировский Ромео, если бы его сняли с учета и пособия? Стал бы он петь серенады и Клясться в любви или пошел бы просить милостыню на навели Вероны, забыв имя Джульетты?

Безработный... Безработный — это когда становится ясно, что твоя голова, руки, голос, ноги никому не нужны...

Недалеко от ресторана, где служит Берта, Август заходит в подворотню, торопливо чистит рукавом пиджака запыленные ботинки, затем смотрит в стекло витрины и старается придать голодному лицу бодрый и веселый вид.

Во дворе у черного входа в ресторан стоит младший повар Стефа. Он многозначительно подмигивает Августу. Он улыбается лоснящимся от жира лицом. Он знает, что этот парень — жених Берты.

— Обожди в коридоре. Буду отпускать ей блюда, так и быть шепну...

Август стоит в коридоре и ждет. Звенят тарелки, носятся кельнерши. В коридоре, пропахшем съедобным, вместе с запахом блюд разносятся крики: «Две порции сосисок!», «Консоме раз», — и задорно грохочут подносы. «Ростбиф два».

Берта все не идет... А мимо мчатся яства, от вида их и от пара кружится голова... словно в тумане бегут, обгоняя друг друга, цыплята.. сосиски... отбивные... антрекоты... Антрекот вырывается, нажимает... идет голова в голову а цыпленком... Обгоняет... приходит первым к финишу... двери.

За что ему мстит Стефа? Повар придумал ужасную пытку: он поставил человека, не евшего вторые сутки, к стене коридора, к бесконечному потоку блюд... Их зарумяненные бока впиваются,

как раскаленные клещи... И отбивные котлеты, плавающие в соусе, похожи на дыбы, на которых выкручивают руки... А запах, сосисок вонзается как иголки под ногти...

—Август!.. — с подносом подбегает Берта. На подносе дымится какая-то необычайная рыба. Ее пар обволакивает лицо Августа. — Ты подожди, постой вон там в углу, сейчас горячка. Не могу вырваться. Не дай бог, увидит хозяйка.

Август стоит в углу у двери в зал ресторана. Берта, проходя мимо него, каждый раз что-нибудь нежно шепчет... Когда на ее подносе стояли салаты и консоме, она, сделав в шутку, страшно ревнивое лицо, шепчет:

— Не заглядывайся на кельнерш.

И вот уже бежит мимо столиков. Как они, негодяи, смотрят на нее... Вот тот с усиками впился в ее ноги и подмигивает другому. Потом вдвоем оборачиваются и смотрят ей вслед, в ее покачивающиеся бедра... Дать бы по морде этому «с усиками»!

Опять несется Берта, высоко подняв поднос с пулялкой.

— Скоро освобожусь...

Она ставит пулярдку у самой двери, там сидит плотный лысый господин. Август его знает. Это чиновник Шобер. Берта наклоняется, расставляя посуду. И Шобер жадно заглядывает туда, где опустился воротник кофточки. Чиновник Шобер говорит Берте:

— Берта, я сватаюсь за вас. У меня солидная должность. Я чиновник, статистик... статистик смертей. Меня не поразит кризис... Меня кормят самоубийцы.

— Господин Шобер, ведь это очень мрачная профессия.

Господин Шобер гладит ее руку...

— Я вам спою, как шарманщик:

И когда зиме на смену

Весна нежная летит,
Там под крышей теплой Вены
Будем гнездышко мы вить.

Проходя мимо Августа, Берта говорит:

— Не ревнуй! Мы должны быть приветливыми: с завсегдатаями нашего ресторана. Так велит хозяйка... Успокойся, я не выйду за него замуж. Еще десять минут, и я освобожусь...

Август голоден, но какой Ромео будет просить обед у Джульетты или полкроны?.. Любовь нельзя в Вене начинать с этого. Надо быть Ромео, надо сделать веселое лицо... Ибо Берта может найти парня, который ей сам даст крону. А этот чиновник, кормящийся самоубийцами, серьезно хочет на ней жениться. Что он ей говорит?..

ЗА УГЛОМ от ресторана с такой силой сдерживаемая Августом бодрость растаяла, и ноги налились, стали тяжелыми... Он чувствует, что пошатывается. Справа и слева вдруг выплывают злые лица и что-то ему кричат... Да! Да! — что он пьян, что его пора отправить в участок. Наступил кому-то на ногу, толкнул даму. Август шел и извинялся. И не мог не качаться... Из головы не выходил один взгляд Берты. Это было вот сейчас... Она, провожая его из ресторана, вышла на улицу. Подъехала машина. Из нее вышли дама и господин. Берта смотрела на женщину. Август — на глаза Берты. От ее взгляда на раздетую, счастливую, довольную женщину, лениво поправлявшую перчатку, от этого взгляда Берты стало нестерпимо понятно: нужны деньги! Немедленно деньги!.. Чтобы она, Берга, была счастливой. Чтобы не смотрела больными глазами голодной собаки на чужое счастье, на чью-то теплую жизнь...

Когда желудок несколько дней пуст, начинается дьявольская штука... Мир, окружающие вещи начинают казаться съедобными. Бульжник похож на буханку хлеба, окна — на студень, чужий руки — на колбасу. Август больше не мог шагать, пробиваться сквозь поток людей. Отошел и, плохо соображая, оперся о стену. В голове все завертелось... Закрыл глаза... Берта стояла где-то на высоком холме, вся залитая солнцем. Ветер вздувал ее платье и открывал колени. Как смотрят противно чьи-то глаза на ее колени... «Берта, любимая, как она хороша!..» Потом видения, назойливые кошмары заслонили Берту, мелькали ростбифы, сосиски, отбивные котлеты, дымящаяся рыба — все это ураганом несло на Августа... Кто-то грубо его дернул. Август с трудом открыл глаза... Увидел ставшую какой-то зеленой улицу. Перед ним стоял полицейский. Он приказывал покинуть страну видений.

ЗА СТЕКЛОМ витрины зоологического магазина стояли аквариумы, клетки. Человек за витриной заботливо сыпал просо в клетку птиц, а потом, наклонившись над аквариумом, давал корм рыбам. Рыбы медленно поднимались вверх и воровато клевали. Рядом с августом стоял безногий, от него пахло вином. Безногий философствовал:

— Рыбам, птицам и животным, живется лучше человека. На воле они всегда находят рестораны с бесплатными обедами. Если же они сидят в клетке, их заботливо кормят, как сейчас... Завидная жизнь... — Безногий поковылял.

Август завидовал рыбам, опершись на барьер у витрины. Здесь не прогонят. Надвигалась грузная сонливость. Он тяжело поднимал голову, смотрел на клетку и видел себя сидящим в клетке. Потом поглядел на аквариум, и вместо золотых рыбок в аквариуме плавал он в виде редкой: породы водяного человека. Его кормили десятки служащих.

Из магазина вышел ободранный старичок. Он видел, как у витрины падал молодой парень. Старичок покачал головой.

— Сильная буря... Какие молодые дубы валятся.

Бросился, с трудом поднял Августа... Вернулся в магазин, вынес оттуда воды и, поддерживая уже очнувшегося Августа, повел его через дорогу в сквер и усадил на скамью.

— С голоду... Знаю, сам падал. Плохо, плохо! Надо придумать заработок какой-нибудь. Я тоже чуть не подох, вот блохи спасли. — Старичок наклонился, и тихо сказал: — Я блохолов. Только ты не болтай, а то кто-нибудь отобьет заработок.

— Вы, что же, морите их?

— Кого морю?

— Блох! В квартирах, где они заводятся, истребляете?

— Нет, я их ловлю.

— Для чего?

— Для еды.

Август подумал: неужели с голоду едят блох?

— Но ведь это очень невкусно?

Старичок покачал головой:

— Наоборот, наверно очень вкусно, если этот корм предпочитают всем! другим.

— Кто предпочитает?

— Видели в магазине рыб, птиц? Ну, так я ловлю водяных блох. Ловлю в прудах, в реке и продаю в зоологические магазины.

Старичок досмотрел на; Августа и вздохнул:

— Домой доберетесь? Где живете?

— Жил в Замостьи, в углу за пятнадцать крон. Сегодня выбросили, не плачено за два месяца.

— И работы нет?

— Нет.

— А как зовут тебя?

— Август.

— Вот что, Август: пойдём ко мне, переспишь, может быть, что-нибудь найдётся поесть. Да о работе подумаем. Мне одному тяжело: спина старая, у прудов болото, сырость. Может, помогать будешь? Заработок ничего. Но трудная работа, честно скажу...

ШАГАЮЩИЙ в вечерней толпе Шобер напевает:

Есть прекрасный город Вена,
В нем с тобою заживем.
Там, под каждой крышей, сенью
Счастье мы с тобой найдем.

И другие, спешащие, улыбающиеся, насвистывают мотив шарманщика. Где ты, старик, с осенним лицом, сложивший песенку весны? Спишь ли под мостом, укрывшись рваньё, или, сутулясь шарманкой, ещё шагаешь по дворам?

ЕСЛИ ранним вечером, в час, когда зажигаются огни, смотреть в мокрый асфальт, в его сверкающей глади колышутся обожженные лучами тени. Вырастают сказочные здания. Вглядываясь, начинаешь различать контуры фантастического города. Здания, лежащие внизу, под стеклом асфальта, изогнуты каким-то сумасшедшим зодчим. Мелькающие тела лучатся. Постепенно можно различить обитателей этого города, бесформенных, громадных. Они набегают друг на друга, их формы меняются и, сверкнув, тают. Какие-то странные кареты движутся по дну города. Если смотреть в это озеро асфальта, можно даже полюбить огненный город, раскинувшийся под вашими ногами. И когда поднимаете голову, вы уже видите другой город. Он смотрит проваленными глазами голодного лица, умоляющего купить коробку спичек.

Может быть, вам нужны спички, чтобы опять зажечь феерию на черном лаке асфальта?

Человек с худыми руками, полными коробок спичек, идет и смотрит, со смертельной ненавистью на город. Может, он идет его поджигать?..

Над улицами, где снуют пары, авто, где в отдушины баров несется взвизгивающий хохот, — над всем нависает голос: «Купите коробку спичек!..»

ЕСТЬ прекрасный! город Вена...

У него сверкающий центр и вонючие, скользкие окраины. Словно на гниющую руку надето кольцо с алмазом.

В центре, в особняке живет покрытый морщинами, как скопец, господин Кроль. Он давно забыл, как звучат мелодии и голода и любви. Для первой он слишком богат, для второй слишком стар. И хотя у огромного окна со слюной на губах сидит гниение, развалина, может, даже призрак, а не человек, но этот призрак зовут господином Кроль.

Господин Кроль смотрит в окно. Он всемогущ. Разве не мчатся по этим улицам сотни машин а на них... «Кроль»? Не вспыхивают ли огненные буквы «Кроль»? Не кричат ли всюду прохожие: «Кроль»? И плакаты — «Только Кроль?» Господин Кроль смотрит в окно и видит на улице женщин. Он мог сказать одно слово, и они бросились бы сюда, в эти высокие комнаты. Но господин Кроль молчит. Он только жадно смотрит на их ноги, спины и полуоткрывает рот...

НА ОКРАИНЕ, в полутемной каморке, размахивая грязным сачком, старик открывал Августу тайны мастерства блохолова.

— Ловля водяных блох, дружок, нелегкое занятие. Вот ты опустил сачок. Стоит только тронуть поверхность воды, и резвившиеся на ней водяные блохи уже пропали в глубине. Сачок надо держать наполовину в воде, стоять на берегу и ждать, пока! они снова не запрыгают. Тогда быстро, вот так, — понял? Рано утром, пока никого нет, отправляйся за город, где озера и болота. — Старик склонился над Августом и медленно произнес: — Запомни одно: когда водяным блохам угрожает опасность, они исчезают под воду.

Ночью в темной каморке старика Августа душили кошмары. Большое зеленое насекомое, открывая холодными острыми лапками его глаза, наклонялось над ним и, дыша вонью водорослей! и тины, скрипело:

— Когда блохе угрожает опасность, она идет под воду...

ТРЕТИЙ двор — и никто ни гроша. Старик-шарманщик оборвал песню и закашлялся. Снял шляпу. Смотрел усталыми глазами в окна. Никто. И шарманку не покупают. До песни ли им?.. В предместьях у дверей стояли люди с злыми, голодными лицами. И когда он вертел шарманку, кто-то крикнул:

— Заткнись ты, старая собака, со своим прекрасным городом!

Старик шел, ломило спину, трудно было дышать. Никогда еще шарманка не была такой тяжелой. Солнце разрывало тучи и обдавало весенним теплом. Старик остановился. У ног его копошился худой, бледненький мальчуган. Солнце грело глаза старику. Малыш из ржавой жестянки поливал росток, на котором зеленели листки. И там, где под веткой в цвету залитый солнцем в земле копошился мальчуган, старик наклонился, рукой погладил ребенка, поправил цветок, вытер слезу и зашагал. Малыш смотрел вслед и видел только согбенные старческие ноги в лохмотьях. На

мосту старик оперся на перила. Стоял тяжело дыша и смотрел на Дунай. Весенний ветерок гнал по Дунаю стаи ряби.

КОГДА под рукой чиновника Шобера кривая смертей вдруг поднималась ввысь, он испытывал наслаждение взлета, он, улыбался и сладостно замирал.

Быстро карабкалась по бумаге вверх черная кривая. Так быстро, как взбирается на парапет моста бледный, как бумага, человек. С сильным плеском упала черная большая капля на бумагу.

НА БЕРЕГУ реки, под брезентом, у ног дежурного полицейского лежал труп старика. И стояла шарманка. А в городе пели:

Есть прекрасный город Вена...

Шарманщик мертв, но песенка не хочет умирать, чьи-то уши, голоса ее подхватили, и она, словно издевка, звучит над городом. Есть мелодии, которые, вцепившись в вас, долгие дни не отстают. Они то улетают, то вновь овладевают вами. От них некуда бежать. Человек не хочет слышать песенки, но слышит ее. И когда шарманщик, создавший песенку о счастливой Вене, лежал под брезентом, в городе чьи-то голоса разносили:

Там под каждой крышей, сенью
Счастье мы с тобой найдем.

Среди заколоченных витрин, очередей у ночлежек, среди голода, над городом с проваленными щеками кризиса звучала песня:

Там веселье, жизнь кипит...

Гам всем счастье неизменно,
Там всегда весна царит...

СОЛНЦЕ шло к горизонту. Оно било прямо в глаза. Становилось все труднее смотреть на воду. Ныла спина, в ботинках была вода. Август, притаившись на берегу озера, поджидал водяных блох. Зацепив их сачком, он осторожно вынимал пойманных и клал в банку. К заходу солнца озеро наполнилось лодками. В них сидели парочки. Проплывая мимо Августа, они насмешливо спрашивали:

— Ну, что поймали? Марихен, смотри, рыболов...

— Покажите рыбку.

Они горланили, хлопали веслами и распугивали насекомых. Август сел на мокрую траву и закрыл глаза. И в глазах замелькала рябь и скользящие по воде букашки. На что бы ни смотрел Август, все покрывалось сеткой мелькающей воды и блох.

В лодках, опутив весла, плыли парочки. Они не замечали сидящего в кустах Августа. Они целовались... и эти чужие поцелуи были пыткой. Плыла чужая запретная любовь, и чье-то счастье и смех женских голосов. И смех был похож ил Бертин.

Август отупело смотрел на траву. На ней показались три кривые пары ног в коричневых обмотках. Ноги покачивались. В нос ударил пивной перегар. Ноги подошли и толкнули в бок Августа. Он поднял голову: над ним, с багровыми лицами и осоловелыми глазами, покачиваясь, стояла тройка «коричневых молодцов». Один на них зло заорал:

— Эй ты! Ножа пробовал? Прячешься?.. Говори, ты за коммунистов или за наци?..

Август молча пошел к берегу и взял сачок. От его молчания самый грузный из троих даже завыл. Он бросился за Августом и дернув его изо всех сил за плечо, над самым ухом захрипел:

— Куда, сволочь?! Тебя спрашивают: за коммунистов ты или за наци?..

Август вырвался, спокойно забросил сачок в воду и, обернувшись, сказал:

— Я за! блох. За! водяных блох.

В ПЕРВЫЙ раз Август понял, что уже наступила весна. Было легко дышать, улицы показались веселыми, старая кепка на голове выглядела совсем как новая. Можно было шагать, заложив руки в карман, и даже шуриться на солнце. Ловить блох было очень трудно — противно, но они все-таки кормили. И первая получка, звеневшая в кармане, влила в Августа прилив весенней бодрости. На углу стоял Франц (тот, который торговал спичками) и звал его на собрание. Август демонстративно подошел и сказал:

— Франц, дайте мне две коробки спичек. Сдачи не надо. Я получил крупное наследство.

И, махнув кепкой, Август весело простился с Францем.

К ОГДА на деньги, вырученные от первых блох. Август купил крошечный букетик фиалок, и колечко и принес их Берте, глаза ее заблестели; примеряя грошовое колечко, она закидала его вопросами.

— Устроился?.. Умница! Где? Какая работа? Где зарабатываешь? По специальности?

Август мог ей сказать все, что угодно, кроме того, что он, здоровый, молодой парень, способный электротехник, ловит блох...

— Нет, не по специальности... Одно дело открыл со старикашкой...

— Велосипедное?..

- Нет, я стал охотником...
- И много зверей убиваете?
- Порядочно...
- А звери хищные? Это очень опасно?
- Август чуть улыбается и отвечает ей:
- Да, Берта, это опасно...

ИДЕТ весна. Она бывает и в Вене. Весна — это такая пора, когда хочется жить, но чиновник Шабер уже авансом пунктиром проектирует взлет кривой. Пока только точками. Может, эти точки — головы? Чиновник ученый. И есть наука о самоубийствах, а в «науке» — «весенние подъемы полны самоубийства»...

Весна — это такая пора, когда хочется жить. Смертельно хочется жить. Дышать. Жить — как хочет жить человек, судорожно глотающий кислород из подушки с запахом аптеки.

В Вене люди, чтобы жить, делают все. Они подбирают кал и продают его на удобрение, они пристают с зубочистками к людям, не евшим недели, с коробками спичек к некурящим, они бросаются под автомобили, чтобы получить пенсию за увечье, они роются в мусорных ямах. Все-таки это может прокормить. В Пратере птицы начинают вить гнезда. И стоят недостроенные, заброшенные скелеты многоэтажных домов. И когда на деревьях звенит гомон новоселья пернатых, внизу, на скамьях Пратера, сидит семья рабочих у своего скарба, выброшенного из дома.

В Вене, где на окраинах у грязных домов с выбитыми стеклами, тряпьем на веревках стоят худые, рахитичные дети, в этом городе набухают дочки и мощно вырываются зеленые побеги. Наступила пора, когда цвели деревья... И пора, когда тысячи людей стали ненужным хламом. Они сбивались комками у столовых и ночлежек. Лежали грязным навозом на земле

бульваров, в пыли панелей. На лоне весны, могучего расцвета природы, в дни, когда журчат ручьи и зеленеют луга, — слонялись оборванные люди, протягивая руки, глядя запавшими глазами на весеннее солнце.

Весна — это такая пора, когда можно выбрасывать людей из их жилищ... И днями по дорогам от Вены шли вереницы выселяемых, тарахтели тележки со скарбом, детьми. Шли за пределы города.

Тысячи людей стали ненужными. Руки, умеющие гранить камень, шлифовать железо, ткать узоры, делать замечательные вещи, — эти руки становятся иссохшими, жилистыми палками, устало свесившимися с плеч. Золотые руки венских мастеров сохли от безделья.

ВЗООМАГАЗИНЕ царила полутьма от нависших клеток, растений и Аквариумов на окнах. Пахло кислым пухом и пометом. Монотонно и зло скрипели попугаи, изредка разражался тоскливым пискom кенарь, рыбы уныло подышали в аквариумах. Весна принесла тоску птицам, им снились теплые гнезда на покачиваемых ветром верхушках деревьев. От ощущения этой далекой свободы, где шумят зеленые листья и так хорошо качаться на ветках, в дуновениях теплого ветра греясь на солнце, от этого воспоминания о зеленеющем мире, лежащем за стеклом магазина, плечи ночами отупело бились в клетках. Весна сгорбила спину хозяину, и желтые пальцы устало, в сотый раз перестукивали суммы векселей на счетах. Стук, счет перекликался с долбящим стуком кленов...

Весна... Первая весна, когда нет покупателей. Сколько их бывало в прошлые весны! Магазин наполнялся голосами супружеских парочек, споривших — купить канарейку или золотых рыбок. Пусто. Что будет дальше? Людей перестали

интересовать песни соловьев и блески рыбок. Они еще с трудом кормят свою старую таксу, но и то думают: «Кому бы подарить собаку?» Птичий уют стал не нужен. Люди думают: «В каком ломбарде заложить пальто?»

К весне начался падеж. словно сговорившись, дружно подыхали попугаи... Всплывали в аквариумах вздутые рыбешки. К запаху водорослей в магазине примешивалась тухлость. Счеты пели печальную песенку умирания, развала. Все реже кого-то призывал кенарь. И когда в один из весенних дней Август, весело напевая песенку, вошел в магазин и поставил на прилавок полную банку копошащихся водяных блох, хозяин оторвался от счетов, посмотрел поверх очков и, вздохнув, сказал:

— Я закрываю магазин, и ваши блохи больше не нужны. Мы живем в ужасное время. Люди перестали любить золотых рыбок.

АВГУСТ возвращался, нелепо держа банку в руках. Посмотрел на нее: там копошились насекомые, они, были похожи на людей в Вене, так же душили друг друга, чтобы выбраться наверх. И нижние с искалеченными делами лежали мертвым слоем, над которым кипела смертельная борьба. И вид этих мокрых чудовищ, пожирающих друг друга, давящих, свивающихся клубками, привел в ужас Августа: он с омерзением швырнул банку с моста в свинцовую воду. И вспомнил почему-то комнатку и старческий голос старика: «Когда блохам грозит опасность, они исчезают под воду».

ПОЛДЕНЬ поджаривает асфальт. Снизу подымается жирное удушье смолы. Человек идет в полдень. У человека есть две руки, но они никому не нужны. У человека голова, в которой склады знаний, ловкости, мастерства. Но голова никому не нужна. Человек не нужен. Он может упасть

здесь на растопленный, асфальт. Он может броситься в вонючую воду реки... У человека серое лицо с проваленными щеками. Когда-то эти щеки улыбались, их целовали женские губы, но сейчас они обросли щетиной и покрылись цвелью. Человек идет. Он на ногах с пяти утра, когда его согнали со скамьи Пратера. Он отупел от ходьбы, зная, безделья. Рот его полуоткрыт, губа отвисла. Он идет, смутно чувствуя, как оступаются ноги, как он задевает плечами прохожих, как несутся грубые окрики.

В полдень по знойному асфальту Вены идет человек...

ФРАНЦ, продав на вечернем перекрестке последнюю коробку спичек, шагал в рабочий район, туда, за мост. Там, в здании плавали тепло, говор и дым. Там, где по углам висели серп и молот и плакаты, шло собрание безработных. Разбросанные по всем перекресткам люди, чувствовавшие себя жалкими, голодными клыками на улицах, никому ненужными теньями, — здесь оживали, наливались бодростью. И здесь, в прокуренном зале чувствовалась весна. Человек из очереди у биржи труда, из длинного хвоста у ночлежек понимал, что еще не все потеряно, что сообща можно переносить горе и что вот эти драные локти соседей — это локти целой армии. А армия может бороться.

Здесь Франца нагрузили работой. Делили район на взводы. Здесь говорили о массовом выходе на улицу. О борьбе — неумолимой борьбе обнищавших, голодных токарей, инструментальщиков, грузчиков.

И человек, начиненный динамитом горя, взрывался здесь, гремя призывом с подмостков...

— ...Коммунистическая партия единственная, которая ведет нас в бой против диктатуры голода, нищеты и вымирания...

НОЧЬЮ темноту ночлежного дома наполнили звуки: сквозь храп и свист застуженных глоток настойчиво пробивался чей-то больной, крикливый бред. Потом стихал, на минуту воцарялась тишина, и были слышны шаги дежурного в Коридоре. И опять кто-то измученно переворачивался на своих койках, кто-то стонал, долго и мучительно чесался, кто-то вскакивал и во сне звонко хохотал. Август долго не мог уснуть: рядом в темноте лежал человек и всю ночь во сне, словно зверь, глодал какие-то кости, сосал их, громко чавкал. Человек во сне пожирал горы снеди, жадно, слюняво чмокая, рыча. Звенело в ушах, и голову Августа засасывала трясина сна.

Август слышал жадное рычание рта, слюнявившего кости. Снилось ему, что стоит он, у клеток зоопарка. Люди в грязных зеленых униформах кормили зверей. Август видел волка, рвавшего кусок мяса. Волк с ненавистью смотрел одним глазом на него. И глаз фосфорился... Август завидовал своим диким предкам, монотонно прыгавшим по прутьям. У них было тепло, и их хорошо кормили. Август подошел в солидному служащему зоопарка, почтительно снял кепку и просил посадить его в клетку.

Служащий осматривал, ощупывал Августа, потом мрачно покачал головой и шёпотом сказал:

— Шерсти, шерсти не вижу. Где шерсть?

Август, дрожа от страха, раскрыл рубаху и показал на жидкие волосы на груди:

— Господин управляющий, я очень голоден. Посадите меня в клетку, я буду, стараться...

Управляющий заорал:

— Обрастите шерстью!

И Август тихо спросил его:

— А это трудно... обрасти шерстью?

Потом была черная яма, из нее он кого-то тащил на солнечный свет. Это была Берта. Они шли сосновым лесом, и солнце лилось сквозь кроны высоких сосен. И вдруг лес рассыпался — и опять яма, а в ней злой голос Берты:

...Для этого нужны деньги...

С высоких гор, в серебряную долину неслись Берта и он на лыжах. Берта упала, взбив алмазную пыль, лицо ее было в снегу, и, отирая мокрый снег, он целовал ее хохочущий рот, и так хотелось, обняв ее, катиться по снегу, глядя на снежную пыль, за которой слепящее глаза солнце... Но ее голос хрипел: «Для этого нужны деньги...» — и Август заметался. Чего бы он ни желал, какие бы видения ни рождались, их гнал, их закрывал крик этого назойливого голоса.

Хорошо вечером сидеть у голубых изразцов печи, смотреть, как огонь освещает ее глаза...

...нужны деньги...

Укрыть тебя, укутать, целовать голову...

...нужны деньги...

Смотреть на твой затылок, где вьется золотой дух...

...а Деньги?..

Весь мир, все вещи омерзительно кривили свои хари и выли:

...Нужны деньги!..

Голова плавилась в жару, плыли кошмары. Шея Берты с золотым пухом разрасталась, и от этого чудовищного роста звенело в ушах... Шея заслоняла все... Потом из темноты появлялись ее улыбающиеся губы, он тянулся к губам, и губы падали вниз, летели в какую-то пропасть, кружилась голова, и Август чувствовал, как несется вниз...

Его опутывали клубки змей... Нет, это были ноги Берты, голые ноги, холодные, он целовал их... Внизу они были холодные

и шершавые. Чем выше подымались его губы, тем нежнее становилась кожа, тем теплее она была. Ноги, нежные ноги Берты, были раскалены, как огонь... Одна мысль ввинтилась с писком в мозг: «ноги Берты...» Они должны быть вкусны, поджаренные с луком... Он видел их зажаренными. Он раздвоился... Один бил его, оттаскивая от ног, другой, ничего не соображая, чувствовал тупые удары по голове и тянулся к этому сводящему с ума, пахнущему мясу.

Идет весна. От ночных мечтаний о Берте и голода Август бредит. В его бреду дико переплелись в тяжелые клубки две мелодии. Они давят его голову, они рвут его мозг. И смрадная ночлежка с ее храпом, почесываниями оглашается криком, метанием человека на грязном тюфяке. Человек стонет. Он обнимает грязный матрац, впивается в него зубами и кричит... И сонный дежурный остервенело бьет по голове человека, сходящего с ума во сне...

В ОДНУ из ночей. Августу стало ясно, что ни Берты, ни работы, ни обеда не будет. Август встал со вшивой койки ночлежки, в темноте пробрался между матрацев со спящими на полу по холодному коридору, где чуть теплилась тусклая угольная лампочка, и вышел на мокрую улицу. Была ночь. Ночь шла к рассвету, уже гасили фонари. В скользкой темноте побрел по переулкам.

В Вене есть Мертвый мост, мост, через который из-за ветхости закрыто движение. С него ночью по-прежнему люди бросаются в объятья студеной смерти. Была весенняя ночь. Холодные перила моста были мокры. Внизу над водой стелился пар. Мерцали жирные пятна огней на воде. Тихо — и ни души. Август перенес ногу, через мокрый парапёт. В эту минуту его

остановили чьи-то руки. Он обернулся и увидел человека — в котелке, в пальто а поднятым воротником.

— Вы от голода хотите принять холодную ванну?

— Да.

— Есть заработок. Идемте.

Тупо поплелся Август, дрожа от холода, подняв воротник пиджака. Шли недолго. В одном из переулков, около реки котелок толкнул дверь ночной пивной... В пивной сидели два-три человека, и плавали оставшиеся еще с вечера дым и тепло.

Когда выпитое отогрело Августа, котелок откинулся на спинку стула, закурил и, затянувшись, сказал:

— Вы хотите умереть? Прекрасно. Место и час были выбраны с большим вкусом. Вы хотели утонуть, следовательно, вам ваша душа и тело не нужны. Прекрасно. Душа не является предметом торговли: она принадлежит богу или чёрту. Они и заключат на нее сделку. Останется тело. Человек решается умереть, не жалея себя. Следовательно, он не пожалеет и часть себя. У вас нет денег. Вы можете немного заработать, продав кусочек своего мяса. Я покупаю половые железы... Я — комиссионер одной из лучших лечебниц. Пустяковая операция. Неделя чудесного отдыха и питания в фешенебельной частной лечебнице — и тысяча крон вознаграждения. Медицина великодушна: она возьмет у вас только одну железу. Тысяча крон — одна половая железа. Полная гарантия. Контракт. Тысяча крон!

От выпитой кружки мутило голову. Бежала зябкая дрожь по спине.

— А зачем вы покупаете такие куски мяса?

— Её пересадят богатому старичку.

С голоду выпитое совсем развезло голову, тепло плыло, а в мозгу шелестели тысяча крон... тысяча крон...

— Больно это?..

— Чепуха. Маленькая операция. Вы — молодой парень. Подписывайте контракт.

Тысяча крон — это счастье, квартира, сытость... Берта... Ради Берты... Август уткнулся в бумагу, ничего не понимая. Буквы были пьяны... Над самым ухом уже холодный и строгий голос котелка произнес:

— Идемте. Операция в семь часов утра...

ГОТОВИЛИСЬ два операционных стола. У окна в стеклянном шкафу весеннее солнце грело сталь инструментов.

Был день — и не стало дня: его загнули шторами. И над головой, слепя глаза, загудела лампа. Операционные столы были готовы. На одном лежал Август, на другом — старый, сморщенный господин Кроль.

Август зажал изо всех сил глаза не то от яркого света, не то боясь взглянуть на того, кто лежал рядом тяжело дыша и что-то шептал врачам.

Когда руки в белом халате надвинули маску с хлороформом, Август слышал, как где-то далеко за шторами, отрезавшими день, пел голос:

И когда зиме на смену
Весна нежная летит,
Там, под крышей теплой Вены
Будем гнездышко мы вить...

И сжал зубы, чтобы не закричать. Врач глухо долбил:

— Считайте, считайте. |

— Раз... два... три... четыре... пять...

АВГУСТ расстался с пушистым халатом, со снежным бельем, и ему протянули сверток его вещей. Пиджак был измят, и от него пахло нищетой и ночлежками.

Одевшись, Август устало сел на скамью. От слабости кружилась голова. Окружающие вещи, мелькавшие сиделки казались какими-то выцветшими, блеклыми. Сестра в накрахмаленном халате всунула ему в руки карточку: «Спуститесь вниз, в кассу». Пол, лестница были вылощены и от солнца сверкали, больно резали глаза, тошнило от запаха лекарства. Август просунул карточку в окошко, в котором виднелся клинок белой бородки.

— Мне надо получить тысячу крон.

— Вы ошиблись, молодой человек.

«Неужели обманули? У меня где-то в пиджаке есть бумага, подписанная котелком в тот вечер...»

— Уверяло вас, мне обещана была тысяча крон.

Клинок бороды опустил, выглянули глаза.

У меня есть распоряжение выдать вам две тысячи крон.

— Почему — две? Зачем две?

За спиной Августа стоял доктор, тот самый, который, наклонившись над ним, твердил: «Считайте...» Он мягко положил ему руку на плечо и сказал:

— Я не успел еще предупредить вас. Во время операции с вами была судорога, и оперируемая железа была испорчена. Нам оставалось прекратить пересадку, и по выздоровлений вы не получили бы ни гроша. Консилиум решил вырезать вам другую железу, а ту оставить, она подлечится и будет здоровой. Лечебница вас компенсирует: вы получите две тысячи...

Август почувствовал, что голову сжимают тиски...

—Значит, все вырезали?

И тот, в халате, бархатно улыбаясь, успокаивал...

Уж у подъезда, засовывая деньги в карман, он услышал шаги по Каменной лестнице. Спускался бедно одетый человек.

Август слабым голосом спросил:

— Что это значит — другую вырезали?

Человек, только что продавший два стакана своей крови, покачал головой и тихо сказал:

— Тебя оскопили...

ГОСПОДИН Кроль не пропускал ни одной женщины. Присмотрев в кафе белокурую кельнершу, он подзывает ее и дает свой адрес...

Кельнерша слушает её шёпот и вспоминает одну парочку, каждый день приезжающую на автомобиле в их кафе. И кельнерша, поправив золото своих волос, спрашивает:

— А мы поедем кататься на автомобиле?

— Хоть на дюжине, Берта.

— У Вас так много автомобилей, господин Кроль?

— Все автомобили мои.

ВЕЧЕРОМ Берта шла по улицам. Она видела вереницы фургонов, на них белели буквы «Кроль», а там над площадью, залитой огнями, бегали огненные змейки, Вырисовывая на фоне мутного неба: «Только Кроль».

Ночью в огромной комнате голову Берты обволакивали туманы от выпитого вина... Кровь громко стучала в виски, шумела голова, губы слипались от сладкого вина. Ночью ей показалось, что она лежит в объятиях Августа. Только почему у Августа такое отвратительное лицо?.. Нет, это он, он... Это его поцелуй... Сквозь чад, клубившейся в голове...

— Август!..

Ей ответило шамканье наклоненного лица:

— Нет, Крошка... меня зовут не Август, а... Альберт.

И долго каркал чей-то голос: «Альберт... Альберт...»

ЛОВЕЦ водяных блох нашел мост, с которого можно было уйти туда, на холодное дно. Было утро. За мостом на реке покачивались лодки. Сумрачные люди искали что-то баграми... Ветер гнал рябь и рассеивал разбегавшиеся круги на воде...

Есть прекрасный... город Вена,
В нем с тобою... заживем...
Там, под каждой крышей, сенью
Счастье мы с тобой найдем...

ВЕСНА — это пора, когда хочется жить. Жить. Любой ценой... Господин Кроль получил молодость. Когда его спрашивают, сколько ему лет, он улыбается морщинами! и говорит:

— Мне?... Двадцать два!

НАЗАД В ПЕЩЕРЫ

ДЕЙСТВИЕ ПРОИСХОДИТ В ЭТЛАНДИИ

ПЕРВОЕ ЗВЕНО

Левая часть сцены — невеселая комната с лестницей наверх, в глубине. Правая — грязный коридор. Комната пуста. В коридоре хищно крадется госпожа Шлюк. Она подходит к дверям. Вытягивает свою длинную морщинистую шею, прислушивается. Резко распахивает дверь и врывается в комнату.

Г-жа ШЛЮК (*злорадно взвизгнув*). Ага!.. Вы дома. Очень хорошо, господин Куарт. Вы дома. Вы отдыхаете. Это может себе позволить, человек, заработавший деньги. Следовательно вы получили деньги... Не притворяйтесь спящим. Я слышу ваше довольно неприятное дыхание... Вы повесили какую-то занавеску над кроватью. Ах, вы так любите уют! Но прежде вы должны спросить квартирохозяйку, угодно ли ей, чтобы господин Куарт превращал ее собственную меблированную комнату в театр. Правда, она не плохо укрывает вас от кредиторов, но все же я требую ее снять. Немедленно!.. Итак вы хотите знать, сколько с вас следует?.. За комнату за три месяца — семьдесят пять стейеров, за разбитую лампочку — восемьдесят пять фении, за электричество — двенадцать стейеров (у вас свет горит круглые сутки), за поломанный стул, помните, тот, венский... пятнадцать стейеров — итого сто четыре стейера восемьдесят пять фении. Сто стейеров вы можете дать одним банкнотом — это я вам разрешаю. Вы считаете деньги?

Я попрошу вас не молчать... Не притворяйтесь спящим, меня не проведете. Я ведь не сапожник Мюль или госпожа Шиф из угольной лавки... Им достаточно увидеть пустую комнату.

У меня седые волосы, господин Куарт. Я, простите за откровенность, уже тридцать лет сдаю меблированные комнаты и

имею дело с негодяями, которые живут к не платят. Вы можете гордиться и похихикивать там за занавеской, — вы оказались негодяем из негодяев. За тридцать лет еще никто меня так не околпачивал. Но сегодня ваш последний день. Сегодня полиция вышвырнет вас на мостовую. Да, вам удалось провести старуху Шлюк... «Молодой инженер ищет комнату в тихой семье для научной работы...» Да вы меня водили за нос по всем правилам науки... (*Вдруг бешено орет.*) Деньги! Сию же минуту деньги... Фрип!..

Мгновенно появляется длинновязый парень.

Фрип! Спрячь на всякий случай чемодан этого проходимца. Он пуст, но за него могут дать хоть двенадцать марок. Вы сегодня неосмотрительны, вот ваш пиджак и галоши. Ага? Ну теперь вы заговорите? (*Театрально заломив руки.*) Боже мой, что я вижу?.. Соседи! Люди! Госпожа Путек! Все сюда!!

Бегут жильцы.

Взгляните... Он изрезал мой стул... Видите, это ножом, ножом. Он громит мою квартиру. Стул ножом, мой любимый стул, на нем сидел еще покойник Ганк... Стойте! Не уходите! Здесь была картина «Коронование императора». Караул! Он продал ее. Арестуйте его сейчас же! Зовите полицию. Он украл и продал, а сам прячется за занавеской. Фрип! Закрой дверь, он может прошмыгнуть.

СОСЕД (*личность в подтяжках. Тонем опытного охотника*). Госпожа Шлюк, по-моему... связь до прихода полиции.

Г-жа ШЛЮК. Заходите со всех углов. Ах, осторожнее! Он способен на все...

Все жильцы осторожной облавой двигаются к кровати за занавеской.

ГОЛОСА. Хватайте!

— Не уйдешь, кенарь.

— Он под кроватью.

— Зайдите с той стороны.

СОСЕД (*вылезая из-под кровати*). Исчез...

Г-жа ШЛЮК. Как исчез? Ой! Я умираю... сердце... задыхаюсь, воды...

СОСЕД (*в коридор*). Воды. Госпожа Шлюк опять требует деньги с квартиранта.

Г-жа ШЛЮК (*подпрыгнув*). Да ведь он снимает у меня еще чердак. Там... там... Спрягался.

Вся квартира, как гончие, бросается на лестницу в глубине комнаты. Г-жа Шлюк карабкается первая и стучит в люк.

Г-жа ШЛЮК. Потрудитесь выйти, бандит!

Появляется измазанный недоумевающий «бандит». Инженер Куарт, белобрысый, со смешно торчащими волосами, подслеповатый, в больших очках, молодой, нескладный, беззащитный, растерянно машет руками.

КУАРТ. Что?.. Ну, что вы хотите? Госпожа Шлюк, я не прячусь — я работаю, а деньги будут завтра. Я прошу, не мешать мне. (*Собирается уйти.*)

Г-жа ШЛЮК (*хватая его за ногу*). Надо сначала заплатить за помещение, а потом в нем работать. И что он там делает? О, ужас! Ой печатает фальшивые деньги!

СОСЕД (*мрачно*). Нет, тогда бы он заплатил.

Г-жа ШЛЮК (*истерически*). Пропустите меня, фальшивомонетчик!

КУАРТ (*загораживает дорогу*). Я никого туда не пущу.

ГОЛОСА. Полицию впустите.

— Тащите его.

— Фрип, хватай его за ноги!

На лестнице, ведущей на чердак, разыгрывается целое сражение. Жильцы, возглавляемые г-жею Шлюк, пытаются стащить Куарта вниз и прорваться на чердак. В это время в комнату входит молодая женщина. Пауза. К ней бросается г-жа Шлюк.

Г-ЖА ШЛЮК (*не найдя более обидных слов*). Ваш муж, сударыня... Или, может, не муж, а так... негодяй. (*Уходит, за ней все жильцы.*)

Молчание.

Пришедшая бессильно прислоняет голову к стене и, тихо вздрагивая, плачет.

КУАРТ. Не смей плакать... Слезы твои — пули в меня. После них я мертв... Мертв и неспособен ничего делать. А мне надо работать.

МАРИЯ. В детстве, у, отца на столе часто валялись бумажки. Их называли «стейеры», «кроны». Я тогда не знала, что жизнь двух, превращенная в ад, тысячу оскорблений, грязь, насмешки, стоят всего сто стейеров. Почему она ценит фразу: «Ваш муж негодяй»? Если, пятьдесят фенни, я ей заплачу и попрошу извиниться. У меня есть полстейера...

КУАРТ. Замолчи.

МАРИЯ. Я ведь молчу, когда я голодна. Но когда она каждый день меня оскорбляет... Почему меня... Ведь я не виновата, что у тебя нет денег. Я ведь не виновата. Я хочу жить, а жить нельзя... Мне иногда хочется есть, а есть нельзя, Мне хочется улыбаться, но не от чего. И когда я не хочу плакать, плачу. Нет. Нет. Я больше не буду плакать. Это мешает тебе, и от слез делается старое лицо. Молодость моя... от нее ничего не осталось! Я не хочу сделаться старухой в морщинах и лохмотьях. *(Плачет.)*

Энрик Куарт бросается по лестнице к ней, молча поднимает на руки, сев, безмолвно успокаивается, прижимает ее голову к себе.

КУАРТ. Родная... Закрой уши, глаза на три дня... Только три дня, и муки кончатся.

МАРИЯ. У меня нет сил.

КУАРТ. Я окажу тебе два слова, и слезы высохнут. Я нашел то, что искал, — последнее звено. Я заканчиваю. Сегодня в три часа ночи он придет сюда...

МАРИЯ. Придет.

КУАРТ. Придет и скажет: «Здравствуйте, инженер Энрик Куарт...» Ложись... Спи. Я разбужу тебя... Спи. Я полезу работать.

Укладывает ее в кресло, укутав, гасит свет и тихо взбирается по лестнице.

Темнота.

Пауза.

В комнате становится светлее. В кресле спит Мария. Куарт тихо шагает по комнате. Часто останавливается. Вздрагивает. Прислушивается. Смотрит на часы.

КУАРТ (*тихо*). Без пятнадцати... Сердце, ты тоже счетчик этих ужасных минут. Где была сегодня Мария? Что ей снится? Надо бы письмо... Чужой браунинг. Чужая комната. Чужие страшные люди. Мать в Дитмаре. Спит наверно. Или слушает часы. Часы сердца. Сердце своих старых часов.

Без тринадцати...

Когда-то были суеверия... Реле беспокоит. Плохо контакты приделаны.

Без двенадцати...

Ты придешь. Ты должен прийти! В языке этой ночи не существует глагола «не приходить».

Без одиннадцати...

Вместо него — глагол «умереть». В твоём приходе — решение механической проблемы. И механическое решение проблемы нашей жизни. (*Вытаскивает браунинг. Вводит.*)

Мария спит. Не надо будить. Пусть из сна в сон...

Без десяти...

Мы поставили на твой приход две жизни. Два сердца, отбивающих время. Карты сданы... Твой ход.

Без девяти...

Слышишь? Вот и её жизнь поставлена... Твой ход. Тишина. Спят города. Дома. Мир спит. Он ничего не знает о нас. Какое ему дело? Сегодняшняя ночь — может войти как дата переворота. Может войти, как дата в журнале морга. Залпы не разбудят мир. Дома будут хранить. Улицы мокнуть ночным потом. Тогда разбудишь мир ты. Прими и крикни ему...

МАРИЯ (*просыпается*). Энрик. Ты... Что?..

КУАРТ. Брежу.

МАРИЯ. Сколько времени?

КУАРТ. Без пяти три часа.

МАРИЯ. Значит, сейчас придет.

КУАРТ. Или мы уйдем.

МАРИЯ. Куда?

КУАРТ. Далека... Ты ничего не слышишь?

МАРИЯ. Гудит вода в трубах.

КУАРТ. Четыре минуты... Нет. Нет. Я не мог ошибиться. Милая. Руки. Обними мою голову. Мысли сводят меня с ума. Пойми, у меня нет сил. Три минуты. Но ведь часы могли отстать. Значит, уже три часа... и тихо... Тихо. Слушай. Не дыши.

Несколько минут царит в комнате, где замерли двое, пустая тишина. Где-то в квартире застуженным звоном бьют часы. Три ночи. Энрик Куарт вскакивает. Делает шаг к лестнице. Наверху, на чердаке раздается шум. Шум длится мгновение и обрывается. Энрик бросился к лестнице. Повис на перилах. Выхватил револьвер. Спрятал за борт пиджака. Идем к поникийей в кресле Марии. Он уже подошел к креслу. Наверху раздаются медленные тяжелые шаги. Оба вскакивают. Шаги приближаются.

КУАРТ (шёпотом). Идет...

Оба впиваются глазами в люк, ведущий на чердак. Шаги гремят, откликаются эхом в комнате. Открывается люк, и медленно, тяжело по лестнице спускается огромная металлическая фигура. Она ступает по лестнице, идет вниз, лязгая железом. На середину комнаты выходит механический человек. Останавливается и хриплым криком произносит: «Здравствуйте, инженер Куарт».

КУАРТ. Здравствуй, «Энрик-9». Ты принес мне жизнь.

ЗАНАВЕС

ВТОРОЕ ЗВЕНО

Перед занавесом стоит автомат «Энрик-9». Стальные цилиндры его рук и ног сияют под огнями рампы. Он похож на высокого, быкообразного, невероятной силы человека, с маленькой голой безглазой, без ушей стальной головой. На груди у него белые буквы «Энрик-9». Рядом с ним, на кафедре, волнуясь, протирая очки, ероша волосы стоит инженер Энрик Куарт. Сзади него на досках схемы, чертежи.

КУАРТ. ...Сердцем, мозгом электрического человека «Энрика-9» является ряд реле, состоящих из обтекаемых током катушек, втягиваемых сердечников и контактов, работающих по принципу последовательного включения. Чтобы было яснее... Весь процесс, допустим... загрузки- угля печей, разложен на ряд движений. Каждое реле, сработав, замкнув цепь движения, автоматически включает следующее. Реле воспроизводит рабочий процесс без участия в нем человека. Руки человека для ряда производств становятся слишком грубым и неточным инструментом. Мысли, чувства, бродящие в мозгу работающего человека, рожают целый ряд случайностей, ошибок, мешают непрерывной четкости и гибкости производственного процесса. И тут нужен приход холодного, выверенного до мельчайших колебаний автомата. И не только это. «Энрик-9» пришел в этот мир, чтобы освободить усталого измученного человека... Создавая «Энрика-9», я видел древнюю Элладу, лазурь неба, загорелые тела и торсы Праксителя. Я знал, в античности человек был счастлив. В древней Греции существовали рабы. На них была взвалена работа, тягучий труд. И человек, владеющий рабами, был свободен от изнурения. Он жил. Но так — полной грудью. Я создал раба современности. Он железный. Его мускулы, кости родились на кальке чертежного стола. Я создал железного раба, машину, человекоподобный автомат. Я верю, что эпоха эксплуатации человека человеком умирает. Да здравствует эксплуатация

железных рабов! (*В зале молчание... Кuart теряется и продолжает, путаясь.*) Может, это неясно?.. Представьте себе... мир, мир,наполнен железными рабочими. Они заполняют пашни, заводы, дихты. В будущем каждый купит себе железного раба, и он будет за него работать. Вот такого раба... Его зовут «Энрик-9». Это восемь неудачных вариантов и одна удача. Он неуклюж, но уже кое-что умеет делать. Он может быть шахтером (*включает автомат, тот четко начинает производить движения забойщика с киркой*), молотобойцем... (*переключает*) кочегаром... (*автомат шурует*). Надо спустить его в штреки, отравленные газами. Пора вытащить живых людей на воздух. Пусть под землей останутся только стальные автоматы. Мы можем поставить его у конвейера, пресса, тюрки. Я видел конвейеры Форда, гам живого человека превращают в бездушный автомат. Это ужас! Это позор! Позор для всего человечества. Надо автомата превратить в рабочего... а рабочего — в человека. Весь труд, гнетущий человека в глине полей, в жару, домн, в грязи забоев, в духоте пыльных цехов — везде, везде, где вытаращив от напряжения глаза, потеет, хрипит человек, везде надо заменить его автоматом... Я даю вам оружие.

Молчание.

Конечно, освобождение придет де сразу... Я не настолько фантазер. Сейчас около него в топках паровозов, у доменных печей будет еще стоять живой человек. Да. Он будет регулировать: «Бросайте ниже!» (*Переключает рычаг.*) Чуть выше. Вверх... Но обжигать себя огнем печей, крошить мускулы нечеловеческим напряжением он не будет. Его мускулы заменят стальные мускулы автомата. У живых людей будет одна профессия — управляющих автоматами. Автоматы типа «Энрика-9» будут иметь профессии. Может быть, профессиональные союзы. Это очень устроит присутствующих на моем докладе социал-демократов. Они будут

иметь дело с дисциплинированной, безмолвной и покорной стальной массой.

Свистки, хохот.

Автомат-кочегар — типовые движения какие-то. Автомат-шахтер... Потом создадим универсальный тип. Мы создадим огромные, кипящие работой цеха, в которых... нет ни одно-то живого человека. Вот они стоят темными теньями у станков, резко выбрасывают руки-рычаги, хватая части, передавая друг другу... Полное безмолвие царит в цеху... Где-то несется экспресс, в кочегарке локомотива ведет поезд вот такой «Энрик-9»...

Свет гаснет.

ТРЕТЬЕ ЗВЕНО

Завод фирмы «Бординг и К0». На возвышении, спиной к зрителю цепь рабочих у конвейера. Входит мастер.

МАСТЕР. Остановить конвейер.

*Цепь рабочих оборачивается. Мастер проходит
по ряду.*

Вы! Оставьте работу.

РАБОЧИЙ. Расчет...

МАСТЕР. Может, и расчет.

РАБОЧИЙ. За что... господин мастер, я стараюсь.

МАСТЕР. Все зависит от того, как будет работать ставший на
твое место.

РАБОЧИЙ. Господин мастер, я удвою выработку... Я
согласен на меньшее жалование.

МАСТЕР. Помолчи.

Входят инженер Куарт, «Энрик-9», Мария и счетчик.

Сколько Лаер собирает в минуту?

СЧЕТЧИК (*заглянув в список*). В среднем — десять штук!.

МАСТЕР. Господин Куарт, вот место автомата. Средняя
выработка — десять минут. Устанавливайте.

*Рабочие хмуро смотрят, как поднимается к конвейеру автомат
«Энрик-9».*

МАРИЯ. Энрик, ты не волнуйся, милый.

Куарт идет к конвейеру, устанавливает автомат.

РАБОЧИЙ МИН (*зло*). Рационализация... Это чучело за всех будет работать или только за Лаера?

ГОЛОСА. За Лаера.

КУАРТ. Вы сосед автомата?

МИН. Я...

КУАРТ. Покажите вашу операцию.

МИН. Ну, ну — сосед, чёрт его возьми!

РАБОЧИЙ (*тихо мастеру*). Может, другая работа найдется... Я согласен на любое жалование.

МАСТЕР. Не ной. Еще ничего неизвестно. Может, автомат хуже тебя будет работать.

КУАРТ. Счетчик, сюда с секундомером! Готово, можно пускать.

МАСТЕР. К конвейеру... не отставайте от автомата.

МАРИЯ. Ты совсем бледный. Не волнуйся. Всё будет хорошо... Я здесь...

КУАРТ. Подержи пиджак... Буду регулировать.

МИН. Сожрала машина Лаера.

КУАРТ. Пускайте.

МАСТЕР. Включить. Начали.

СЧЕТЧИК. Четыре в минуту.

Рабочий Лаер впился глазами в автомат. Каждое движение «Энрика-9» решает его судьбу.

МИН. Видишь, Лаер, чучело слабей тебя.

МАСТЕР. Помолчите.

СЧЕТЧИК. Пять.

РАБОЧИЙ. Нагоняет.

СЧЕТЧИК. Четыре... Три... Три.

КУАРТ. Что такое?..

МИН. Заело... Стал автомат.

МАСТЕР. Стоп. Остановить конвейер. Господин инженер, ну как?..

КУАРТ. Остановился... Одну минуту.

МИН (*радостно*). Заело. Не годится ваша штука, инженер. Не дрейф, Лаер.

Рабочие у конвейера повеселели.

ГОЛОСА. Тут человек еле управляется, а они стального олуха ставят.

— Это не пирожки выбрасывать в автоматических ресторанах.

— Лаер, становись.

РАБОЧИЙ. Господин мастер... я могу стать на свое место?

МАСТЕР. Обожди. Господин Куарт, уже полчаса задерживаем всю работу. Будете продолжать?

КУАРТ. Пускайте конвейер.

МИН. Еще... Довольно, по-моему. Не сможет работать.

*Опять побежал конвейер, и опять судорожно забились сердца
двух в цеху: Марии и рабочего Лаера.*

СЧЕТЧИК. Четыре... четыре... шесть... девять...

РАБОЧИЙ. Догнали...

МАРИЯ. Догнал....

СЧЕТЧИК. Двенадцать..

МАРИЯ. Двенадцать...

РАБОЧИЙ. Двенадцать. Двенадцать и я смогу, господин мастер.

СЧЕТЧИК. Тринадцать... Раз в холостую.

МАСТЕР. Раз в холостую... Друзья, быстрее надо.

МИН. Сволочь... вгонит в пот.

СЧЕТЧИК. Тринадцать....

МАРИЯ. Тринадцать.

РАБОЧИЙ. Господин мастер, вы бы сняли холостого... у меня семья.

МАСТЕР. Плохо ваше дело, Лаер.

СЧЕТЧИК. Четырнадцать- два в холостую.

ГОЛОСА РАБОЧИХ. Нельзя ли полегче.

— Мы не машины.

— Чёрт! Угонишься за ней.

МАСТЕР. Не сможете работать вместе с ^ей, можете уходить.

Она заменит вас.

СЧЕТЧИК. Шестнадцать... Двадцать... Шесть в холостую.

МАСТЕР. Быстрее надо...

СЧЕТЧИК. Двадцать... Тридцать. Все в холосую. Тридцать.

ГОЛОСА. Я не могу больше.

— К чёрту!

МАСТЕР. Остановить конвейер...

*Рабочие, усталые и злые, смотрят на автомат и
Куарта.*

КУАРТ. Можно довести до одного в секунду со временем.

МАРИЯ. Видишь, милый... Все хорошо.

МАСТЕР. Господин Бординг идет. Счетчик, дайте сводку:

Входит грузный господин Бординг.

БОРДИНГ. Ну... как?..

МАСТЕР. Очень хорошо. Тридцать операций в минуту.

БОРДИНГ. Тридцать. Так... Инженер Куарт, все это хорошо...
Что это за женщина?

КУАРТ. Знакомьтесь — моя жена.

БОРДИНГ. Жена? Замечательно... Пройдите в кабинет.

МАРИЯ. Энрик, я пойду... У вас начнутся деловые разговоры...

БОРДИНГ. Жаль... Мадам Куарт... Рад вас видеть у себя...

КУАРТ. Я скоро вернусь. Иди, милая...

БОРДИНГ. Смета при вас? Пройдемте в кабинет.

РАБОЧИЙ ЛАЕР. Господин Бординг... я согласен на половинное жалованье...

Цех задвигается шторами, и Куарт и Бординг входят в кабинет. Куарт садится. По кабинету грузно расхаживает Бординг. Он красный, громадный и грубый.

БОРДИНГ (низким голосом., грубо). Тридцать. Замечательно... Но вот смета.. Пятнадцать тысяч стейеров — один автоматический рабочий. Чепуха. Ужас: Ерунда. Я целый вечер терпеливо слушал вздор вашего доклада... и дал вам даже попробовать автомат... Кушайте цукаты, молодой человек, не стесняйтесь, курите сигару. Мы сворачиваем производство. Что мне тридцать вместо шести? У меня никто не покупает и шести. Вы ничего не понимаете. Вы предлагаете заменить моих рабочих вашей игрушкой? Очень красивое зрелище для молодых истеричных дам... Кстати, ваша жена очень интересная женщина... Кушайте цукаты,, молодой человек, не стесняйтесь, курите сигару. Но это же чепуха! Вы не понимаете самого главного, что мне это невыгодно. Мне руки живых людей стоят дешевле рук вашей игрушки. Дешевле. Коммерчески невыгодно. Теперь вы поняли? Нет?.. У вас очень плохая голова. Ваша гениальная техника

освободит моих рабочих. Это ужасно хорошо. Можно даже кричать «ура». А вы подумали, что они сделают со мной, эти «освобожденные безработные»? Они перегрызут мне горло. Не, вам, понимаете, а мне. Молодой человек, Мы несемся к катастрофе: ваши изобретения делают труд человека ненужным. Ваши «электрические люди» будут делать в десять, в шестьдесят раз больше! Но покупателей станет еще меньше. А безработных будет тридцать миллионов. И они проломают нам череп. Нет, довольно! Стоп техника! Назад в средневековье. Поменьше инженеров. Поменьше таких игрушечных дел мастеров, как вы. Кушайте цукаты, молодой человек, не стесняйтесь, курите сигары. Я их не курю: у меня астма. Ваши стальные игрушки обращаются против меня. Мне неприятно смотреть на рычаги вашего автомата. Я чувствую, что они меня удавят в петле краха. *(Брезгливо короткими пальцами перебирает чертежи.)* Все это очень хорошо, но у вас, молодой человек, нет нюха. Вы не нюхали рынок, садясь за эти чертежи..

КУАРТ. Я работал для человечества, а не для вашего рынка, господин Бординг.

БОРДИНГ. Ах! Ах! Что это за фирма «Человечество»? Это — концерн или бакалейная лавочка? У нее есть в банке текущий счет? Ничего нет? Вы круглый дурак. Попробуйте устроиться чертежником куда-нибудь и повесьте все это в уборную. Впрочем, ваши чертежи и там не пригодятся. Они жесткие. Понимаете, жесткие. А в уборной нужна мягкая бумага. Кушайте цукаты, молодой человек, не стесняйтесь, курите сигару и не обижайтесь на резкость человека опытнее вас. У вас очень интересная жена. Это очень странно, что у вас интересная, жена. Я мог бы ее... устроить в контору. Пришлите... Я устрою... Нехорошо красивой женщине голодать, пока ее муж занимается чепухой. Я со временем помогу и вам. Ну, хоть бы чертежником... ну, или что-

нибудь... Кушайте цукаты, молодой человек, не стесняйтесь, курите сигару. Впрочем, не курите, у меня астма...

ЗАНАВЕС

ЧЕТВЕРТОЕ ЗВЕНО

Комната в доме г-жи Шлюк. Она пуста. Ее тишину стережет «Энрик-9». Вбегает Мария. Собирает быстро в чемодан вещи. Останавливается.

МАРИЯ (*пишет*). «Ты должен понять...» Он давно понял... О чем тогда писать? Только не думать о том, как одиноко будет ему... Тогда я ничего не сделаю. Останусь и буду реветь. Я ему буду помогать... Его опытам. Как бывшему мужу. Мужу?.. Муж — это сила, мощная рука, опора, на которую кладется слабая рука женщины. Бординг прав... (*Задумалась.*) Мой уход может убить его, может не убить. Оставшись здесь, я убью себя наверняка... Молодость. Жизнь. Я не могу. (*Пишет.*) «Опять голод, нищета. Смерть, купленная на гривенник, брошенный в газовый а1втоМапг. Ночи открытия формул... Может, это удел великого — твой. Но я не великая, я обыкновенная маленькая женщина. И я просто хочу жить. Жить! Все окружающее нас с тобой зовет умирать. Последним остатком сил я хочу прорвать кольцо удушья нищеты. Я ухожу. Тебе будет легче. Не будешь больше мучиться мыслями обо мне. Прощай, Энрик!..» (*Кладет записку , на стол. Подошла к автомату. Стала между его расставленных ручищ.*) Прощай, «Энрик-9». Ты — грозное божество, которому в жертву хотел принести меня твой конструктор... У тебя крепкие мускулы... (*Прижимается всем, телом к «Энрику-9».*) Очень крепкие. Как у господина Бординга. Чувствуя их, делается спокойно. Ты мог бы крепко меня обнять... мужественно защищать, сражаться за то, чтобы я была счастлива. Ты ведь сильный? Нет. Хотя у тебя доспехи. Ты не рыцарь. Ты можешь только собирать автомобильные шасси. Больше не увидимся «Энрик-9». Береги Куарта. (*Застывает в объятиях «Энрика-9».* Потом, поворачивается, хочет идти к чемодану и не может. В ужасе кричит.) А-а! Пусти... Освободи свои руки. Пусти меня.

(Резко поворачивается к нему и начинает истерически хохотать.) Как я испугалась. Я думала, ты меня схватил и держишь. *(Освобождаясь.)* А это только зацепилось за крюк мое платье... Какая ерунда!..

Поднимает голову, смотрит на «Энрика-9», умолкает, пятится, схватывает чемодан и выбегает из комнаты. Минутная тишина. Входит Куарт. Вяло сбрасывает шляпу. Отдергивает занавеску у кровати.

КУАРТ. Марии нет... Что со мной?.. Неделью не могу работать... Хорошо, что Мария устроилась в контору. Не будет голодать. Плохо только, что я не вижу ее совсем... Он дал ей хорошее жалованье. Я не буду брать у нее ни Копейки. Пусть питается хорошо. Она у меня бледная. И очень слабая. Мария, Любимая... Потом она совсем раздета. Гадко одно — она работает у него. «Повесьте ваши чертежи в уборную...» Повесьте чертежи... в уборную... *(С неистовым криком ненависти.)* Гад! Торгаш! Сало вонючее! *(Бросается к столу, дрожа разворачивает чертежи. Снимает пиджак. Засучивает рукава, готовится к работе.)* Спокойствие. Голова должна быть светла... Забыть эту жабу, забыть... Немедленно, снова терпеливо за работу. *(Раскрывает кальку, энергично подходит к автомату. Долго смотрит на него.)* У тебя такой вид, словно ты хочешь что-то сказать. *(Сверяет кальку с стальными покровами «Энрика-9».)* Мы еще будем бороться. Мы бросим наземь торгашей... Проверим расчеты грузоподъемности... Тебя надо сделать совсем недорогим... Тогда посмотрим... *(Идет к столу, находит записку, перечитывает ее несколько раз, растерянно бродя по комнате.)* Она права... Здесь можно погибнуть... Я потом подумаю. Мне нельзя сейчас об этом думать... Мне надо работать.. *(Бросается с чертежами к*

автомату. Бодрясь.) Мы победим! Не падай духом, «Энрик-9»... Знаешь, мы остались одни. Тем лучше. Все ночи мы станем работать и забудем всё... Не падай духом, «Энрик-9». Не падай... (Голос срывается, и он бессильно кладет голову на стальной локоть «Энрика-9»)

ЗАНАВЕС

ПЯТОЕ ЗВЕНО

Вечер. Кусок моста. Наверху перила, внизу своды и край берега. Под мостом сидят друг против друга «Энрик-9» и Энрик Куарт.

КУАРТ. Плохо, что около тебя нельзя согреться. Я не предусмотрел. В черные дни безработицы люди могут ночевать со своими «рабами» на холоде... Печи какие-нибудь аккумуляторные мот придумать...

Молчание.

Мы не ели с тобой трое суток... Мы? К счастью, только я... Ты — мой раб, но ты совершеннее меня — у тебя нет желудка. Сталь не съедобна. Так учили нас профессора... Жаль. Мне остается только есть тебя. Все сливается в туман яств... (*Откидывает голову.*) Вот луна... это может быть луна, может быть головка сыра... Далеко тянуться за сыром. Кажется...

Молчание.

Мы с Тобой рано, родились... Век автоматов еще впереди. Люди — Они близоруки. Мы подохнем, а через сто лет нам поставят памятник, нашим именем, будут называть чахлые скверы и пыльные улицы... Они думают, что наши сгнившие кости придут от этого в восторг... Почему при жизни мы умираем с голоду, а те, кто замучил нас голодной смертью, вздыхают о нас, ставят никому ненужные памятники. Лучше бы при жизни поставили большой кусок хлеба с надписью: «Инженеру Куарту — благодарное человечество». (*Откинувшись, бредит.*) Мозг. Мозг мой леденит мысль... Неужели Бординги правы? Неужели лучшие умы мира были круглыми идиотами и завели человечество в тупик машинизма? Тогда всем нужно покончить с собой, ибо страшно идти дальше, но еще страшнее вернуться в тьму, в звериную ночь каменного века... О мозг, мозг!.. Ты то искрящийся, то полыхающий пламенем, куда ведешь ты мое тело? Может быть, ты

только играешь... Но эта игра смертельна. (*Очнулся. Придвинулся ближе к автомату.*) Знаешь... Мария меня бросила... Очень тяжело, когда тебя бросает человек... единственный,... любимый... После того, как прочел записку, каждый вечер, когда возвращался домой, сердце начинало биться. Скорей домой! Неслись улицы. Скорей домой. Может, все это кажущееся. Может, она тоже не в силах жить без меня. Я приду, и она дома. Но таких сказок не бывает. Ее не было. Каждую ночь прислушивался, нет ли шагов на лестнице... К шагам на улице. Вот идет она! Откроет дверь... и всё это окажется шуткой. Но ночи проходят. Мешаются мысли от ожидания. Дом стал невыносим. Ибо секунда в нем, это болезненное ожидание того, чего не случится... Я благодарен госпоже Шлюк за то, что она вышвырнула меня на улицу... Здесь я не жду. Марии... Она не придет... (*Квартира останавливается и вдруг вскрикивает, сцепившись в «Энрика-9».*)

Да!.. Ведь ты !был в тот вечер там?! Она уходила при тебе. Ты видел ее лицо. Радостное оно было? Она плакала?..

У, как я бы хотел, чтобы у тебя был мозг, глаза, язык, сердце!.. Почему я не решал тебя дальше?.. Почему не сделай тебя совершеннее человека?.. Ты не слышал, она ничего не говорила?.. Нет, она говорила, и ты слышал. Ее голос звучал в твоей стали... Хочу слышать еще раз ее голос... Ее слова... Что она говорила? (*Сцепившись в «Энрика-9».*) Она меня... любит?..

*Автомат отрицательно качает головой. Квартира отшатнулась.
Встал. Пауза.*

Я мог бы прожить еще неделю, продав тебя на лом... Нет, ты должен пережить меня. Доказать то, что не успел доказать я... (*Пишет записку, цепляет ее на грудь «Энрика-9», снимает пиджак, набрасывает его на автомат.*) Надень пиджак. Так ты не

заржавеешь. Мне он больше не нужен. На и шляпу. Сиди и смотри. Ты увидишь мой последний полет. Полет в ничто. Назад в средневековье. Окажи на прощанье. *(Включает.)*

«ЭНРИК-9». «Здравствуйте, инженер Куарт».

КУАРТ. Прощай «Энрик-9»... *(Поворачивается и идет. Сталкивается с тремя фигурами, спускающимися под мост.)*

ОЛЬЦ. Эй, голубки! Место абонировано нами. Выкидывайтесь немедленно!

КУАРТ. С радостью ухожу.

ОЛЬЦ. И того олуха тоже заberi. Слышишь.

ШЮС *(толкает автомат)*. Эй, ты, выкидывайся!.. Да он... мертвый! Держите того! Подумают, что мы убили.

БЭГ *(хватая Куарта за руку)*. Куда?! Постой немного...

ШЮС. Вы знаете... он ни живой, ни мертвый, он — железный... Коллеги, потрясающая находка: человекоподобный автомат.

ОЛЬЦ. Андроид. Замечательная вещь.

БЭГ. По-моему, «телевокс» или «телелюкс». Стойте, стойте... записка...

ОЛЬЦ. Все понятно. Вы — неудачник-изобретатель. Тривиальная история. Вы направляетесь вверх «Моста самоубийц»? Отпускаю. Вы — наш клиент. Только, будьте добры, бросайтесь в воду с этого места, не лишайте нас заработка... Счастливого прыжка!

КУАРТ. Я брошусь с этого места, нет сил идти куда-нибудь...

ШЮС. Самоубийца валится с ног. Альберт, надо накормить инженера, а то у него не хватит сил влезть на перила...

БЭГ. Не стесняйтесь. Натe, кушайте. Это не жалость. Мы заинтересованы, чтобы вы покончили с собой.

Куарт ест.

ШЮС. Когда взойдете на мост, не сразу бросайтесь. Осмотритесь, нет ли кого... Затем, на левой стороне есть выбоина на колонне, вставайте ногой, рукой за решетку... и смело вниз... Здесь очень хорошее место, лучшее в городе.

ОЛЬЦ. Господин инженер, через пять минут вы броситесь в воду, через шесть минут Альберт вас вытащит, и вы будете сидеть на этом же самом месте. Коллеги, будем считать, что он уже покончил жизнь самоубийством и даже вытащен из воды...

КУАРТ. Да... Но я прошу меня не вытаскивать. Большое спасибо за ужин. Автомат с запиской передайте полиции. Вы заражены дешевой филантропией... Прощайте!..

ОЛЬЦ. Постойте. Не филантропия, а торговля. Разрешите, коллега, познакомиться. Я — инженер Ольц...

БЭГ. Доктор медицины Бэг.

ИНОС. Психолог Шюс.

КУАРТ. Инженер Куарт.

ОЛЬЦ. В лице этой тройки вы видите «Артель моста самоубийц». Вы из-ва безработицы?..

КУАРТ. Да...

ОЛЬЦ. Глупо. Вы — малоизобретательный изобретатель. Бэг, угости изобретателя рюмочкой! Запиши на мой счет. Так.

КУАРТ. Я ничего не понимаю... Инженер, архитектор, психолог — «Артель моста самоубийц»?

ОЛЬЦ. История нашей артели проста. В прошлом году я тоже полез на мост, мечтая проститься с этим, провонявшим миром. Я уже готов был броситься в воду, но меня заинтересовала странная конструкция моста, расчет ферм и настила. Я ведь по профессии инженер, строитель мостов... Но когда я Кончил институт и приготовился строить невиданные мосты, мне сказали, что все мосты в мире построены и нужды в инженерах нет. Тогда, проголодав два года, продавая крестьянам собачий кал на

удобрение, я плюнул и на кал и на мир и вместо стройки моста залез на перила построенного моста... и вдруг проклятый мост заинтересовал меня. В продавце навоза зашевелился инженер... Рассматривая конструкцию моста, я помню, забрался сюда, где мы сейчас сидим. И тут, на этом самом месте, в час несостоявшегося моего самоубийства я был осенен гениальной мыслью: я учился строить мосты. Следовательно мосты должны меня кормить. И в частности тот мост, с которого я хотел покончить с собой. Надо вам сказать, что мост этот в городе зовется «Мостом самоубийц». Сейчас в эпоху кризиса и безработицы, средняя производительность его в ночь — двадцать-тридцать самоубийств... *(Вблизи падение тела в воду.)* Бэг, быстро... *(Бег исчезает. Плеск. Его голос: «Готово».)*

ОЛЬЦ. Веди в общество... Кто?

БЭГ *(за сценой)*. Учительница.

ОЛЬЦ. Я не буду распространяться, как изменялась моя выдумка, как я нашел коллег по заработку... В общем, как это ни мрачно, мы кормимся самоубийцами. Наша фирма называется «Артель моста самоубийц». Подготовку заработка начинает психолог Шюс.

ИНОС. Заметив слоняющуюся по мосту тень, я надвигаю таинственно шляпу, подхожу и начинаю навевать мрачные мысли, для более утонченных натур, используя философов на букву Ш: Шопенгауэр, Штирнер, Шпенглер, и торгую мелочами: «последней рюмкой» для поднятия решимости, бумагой, конвертами для предсмертных записок и так далее. Когда уже готовый для смерти клиент, написав записку, вздохнув на луну, начинает карабкаться на парапет...

ОЛЬЦ. Появляюсь я... И выпрашиваю какую-нибудь вещь — шляпу, пиджак, говоря: «вам все равно не нужно, а я голодаю», и благословляю, самоубийцу. Он бросается...

БЭГ (*вытираясь полотенцем*). Ну, а мои функции вы видели. Мое производство под мостом. Услышав падение тела, я, как вы видели, бросаюсь в воду и спасаю. Большинство настолько счастливо увидеть свет, повидав смерть, что не отказывается чем-нибудь поблагодарить. Тех же, у кого ничего нет, я отвожу в общество спасения на водах и за спасение утопавшего получаю небольшую премию...

ОЛЫЦ. Таким образом за ночь под мостом скопляются шляпы, ботинки, пиджаки. Мы их продаем и вместе с другими деньгами распределяем поровну меж собой.

Падение тела в воду.

Видите, спокойное дело. Машина сама работает.

ШЮС. Бэг, если на почве любви, меньше чем за пять стейеров не вытаскивай, пусть идет на дно!

Бэг исчезает.

ОЛЫЦ. Вы просто дурак, коллега. Мы на голом месте изобрели заработок. Вы, имея на руках гениальную вещь, распускаете слюни.

ШЮС. За тридцать стейеров продам вам план заработка.

КУАРТ. У меня нет ни одного фении.

ШЮС. Как интеллигенту верю в долг. Вот вам цепь. Один клиент привязал ею к ногам груз. Не помогло. Бэк — опытен. Железная доброкачественная цепь. Отдельно занесите пять стейеров, но только не забудьте.

КУАРТ. Цепь — хорошая вещь, удобно вешаться.

ШЮС. Инженер Куарт, вы — тупица. Золотое дно. Невиданный аттракцион. Источник большого заработка. «Стальной медведь».

КУАРТ. Медведь.

ШЮС. Ваш автомат сажайте на цепь и водите по городу, по ярмаркам, как медведя, показывая фокусы.

КУАРТ. Фокусы?.. «Энрик-9» пришел в мир, чтобы совершить переворот в труде.

ШЮС. Чепуха! Он пришел показывать фокусы, или — вам смерть в зловонном канале.

КУАРТ. Я инженер, а не клоун.

Голос Бэга из-за кулис: «Инженера выловил! Инженер-электрик!»

ШЮС. Видите, куда попадают инженеры. Скоро не хватит рек и мостов. Бэг, води инженера сюда. Может, мы расширим «Артель моста самоубийц», может мы создадим фабрику самоубийц, может внесем в парламент проект индустрии самоубийств, может электрифицируем, может автоматизируем процессы самоубийства и спасения безработных... Води инженера сюда.

Свет внизу гаснет. Луна освещает вершину моста. Шюс нахлобучив злое шляпу, подходит к оперирующей на перила тени. Шюс мрачно поднимает взгляд на луну.

ШЮС (*про себя*). Ну, по-моему, этот и без философии пойдет на дно (*к тени, весьма тенденциозно*). В сущности, наша жизнь только мираж. Меня всегда привлекает луна. На ней царит мертвый сверкающий покой. И там нет измен и очередей у

бесплатных столовых. Как сказал покончивший с собой русский поэт. «В этой жизни умереть не ново, но и жить, конечно, не новей...» Вам бумага, конверт, марки не нужны?..

САМОУБИЙЦА. Дайте...

Шюс отходит, чтобы не мешать.

ШЮС. Кончили? Могу взять небольшое поручение: опустить письмо в ящик...

САМОУБИЙЦА. Очень прошу вас. У вас доброе сердце. Прощайте...

ШЮС. Может, у вас найдется один стейер на почтовые расходы?..

САМОУБИЙЦА. Возьмите два.

ШЮС. Благодарю, ну, я не буду мешать...

Самоубийца колеблется.

ШЮС (*подползая*). Могу предложить рюмочку для храбрости. Коньяк — один стейер, водка — пятьдесят фенни. САМОУБИЙЦА. Водки.

ШЮС. В расчете. (*Исчезает*).

САМОУБИЙЦА (*карабкается на парпет. Глядя на луну*). Прощай, Грета я тебя все-таки люблю.

ОЛЬЦ. Одну минутку... Ни шляпа, ни пиджак вам не нужны? Я раздет. Подарите. Я буду о вас молиться...

САМОУБИЙЦА. Возьмите. Молитесь и за Грету тоже...

ОЛЬЦ. За Грету... еще ботинки.

САМОУБИЙЦА. Ботинки?.. Ботинки уже мне не нужны... Тащите... Пожалуйста... Тащите.

ОЛЬЦ. Приятней смерти!

САМОУБИЙЦА. Ах, Грета! (*Бросается с моста.*)

ОЛЫЦ (*перегнувшись через перила*). Бэг, живо! Около левого быка. Пятый клиент идет под воду...

По мосту идет Энрик Куарт с автоматом на цепи.

ШЮС (*говоря ему вслед*). Забудьте, что вы — инженер. Помните, что вы — клоун. Тридцать стайеров за вами. Мой адрес: «Мост самоубийц».

ОЛЫЦ (*Куарту*). Заходите к нам под мост. Закончим разговор о новой атомной теории и сверхдвигателях. Добрый ночи, коллега!

КУАРТ. Вперед, «Энрик-9». Вернее, назад. В ночь. На ярмарку средневековья, где вместо ученых — шарлатаны на балаганных подмостках, вместо инженеров — фокусники, клоуны, вместо машин — монстры и куклы. Идем в глубь веков, на ярмарку... Назад «Энрик-9»...

ЗАНАВЕС

ШЕСТОЕ ЗВЕНО

Площадь на бульваре. Фонтан с жирной фигурой бабы, олицетворяющей «Плодородие». Вихри круглых плодов. Тучность статуи угрожающая, она вот-вот лопнет. Под решёткой фонтана в куче мусора и газет сидя спят зеленые оборванные люди. Скулят нищие, худые руки протягивают с ноющим звуком в пространство зубочистки, спички, газеты, заманивая текущий где-то за кулисами поток людей. Под фонтанами, подняв воротник пальто, уткнув взгляд в заплеванную мостовую, стоит бледный, хорошо одетый человек. На груди его висит плакат: «Доцент Гердского университета. Согласен на любую работу». На авансцене рядом расположились два чистильщика сапог. Первый чистит ботинки прохожему. Второй дремлет над ящиком.

1-й ЧИСТИЛЬЩИК САПОГ (*в больших роговых очках. Работает щетками и развлекает клиента нижеследующим разговором*). В на стоящее время теоретическая часть биологии состоит из некоторых, весьма старых положений об организмах, которыми мы обязаны еще Аристотелю, Гиппократу и Гарвею... Резиновую набоечку на каблук не прикажете?.. Да, несколько великих принципов, установленных Дарвином, Майером, Клод-Бернаром и Менделем — и все!.. А остальное огромное море фактов, ожидающих обобщений? Биология еще в младенческом возрасте!.. Может, разрешите шнурки сменить?.. Готов. Пожалуйста следующую тогу... Может, как биолог я оптимист, но идеи Нейсмана и Менделя будут усвоены в течение нынешнего столетия и глубоко затронут различные системы политического и философского мировоззрения. У биологии большое будущее! Верьте мне, как опытному биологу... У вас очень изящная обувь. Так не беспокоит?.. Одну секунду, я наведу глянец... Ах ты! Простите, придется протереть очки, на них попал гуталин.

ГОЛОСА У ФОНТАНА. Купите зубочистку.

— Зубочистки !

— Помогите безработному. Вам нужны спички?

*Идет столь же жирная, сколь и злая женищина с ридикюлем. За
ней обвешенный, как мул, корзинами с зеленью бородастый
человек в пенсне.*

ДАМА. Поставьте корзины здесь. Помогите мне их погрузить па автобус. Тогда расплачусь с вами. Ах, негодяй, два стейера за капусту! Грабитель! Он еще посмел оскорбить во мне женщину, когда я ему запустила кочан в морду. Два, стейера!.. Жить нельзя. Почему же я должна продавать обеды? Скажите мне, почему? И так осталась половина столовников. Негодяй, вор, грабитель, два стейера! Два стейера, гнилая капуста!..

НОСИЛЬЩИК (*неумело сгружая корзины*). Мадам, Сенека в книге: «Де констанция сапиентис» с десятой главы и до конца подробно рассматривает оскорбления и приходит к выводу, что мудрец или мудречиха не должны обращать на них внимания. Знаете, что сказал Диоген: «Разве и пошел бы жаловаться на лягнувшего меня осла?»

1-й ЧИСТИЛЬЩИК (*к носильщику*). Доктор Эпигуль, что о вами? Вы разбогатели? Вы утопаете в корзинах яств и в поту. Я вам завидую.

НОСИЛЬЩИК. Друг мой, Сенека сказал: «Будем наслаждаться тем, что имеем, не вдаваясь сравнение». Наслаждайтесь запахом гуталина и не завидуйте мне.

1-й ЧИСТИЛЬЩИК. Вы женились, доктор? Эта дама создана для наслаждений.

НОСИЛЬЩИК. Знаете что, бездарный биолог... вы — пошляк. Я вам скажу то, что сказал Аристотель, в «Никомахейской этике»: «Мудрец должен искать не наслаждений, а отсутствия, страданий». Гуталинный пошляк! Я только — носильщик.

1-й ЧИСТИЛЬЩИК. Как вы низко пали, доктор философии Эпигуль.

ДАМА. Где же автобус? Где же автобус? Капуста два стейера... Жить нельзя!

НОСИЛЬЩИК. Пошляк... Вакса. Вакса.

ДАМА. Что вы заводите скандал? Что он от вас хочет? Уберите от него подальше корзины.

НОСИЛЬЩИК. Ах, мадам, не обращайтесь внимания на этого гуталинщика. Он считаем моё ремесло низким, а свое — высоким. Еще древний баснописец Эпихармос пел: «Ведь каждый нравится сам себе и считает себя достойнейшим, так собаке лучшим из существ кажется собака, быку — бык, ослу — осел, и свинье — свинья». Последнее относилось несомненно к этому чистильщику сапог.

ДАМА. Вы с ума сошли!.. Что вы ругаетесь? О, боже, полоумный носильщик!! Ох! Ну, и жизнь! Из-за автобуса я потеряю последних столовников. Тащите корзины за мной!

НОСИЛЬЩИК (*вежливо поправив пенсне*). Простите, мадам, но... контракт на переноску этих корзин был заключен: «Рынок — первая остановка автобуса...» Дальше нужно возобновить...

ДАМА. Ох, больной болтун! Полное разорение. Идите. Еще Что-нибудь получите.

НОСИЛЬЩИК (*вежливо и вкрадчиво*). Нельзя ли более конкретно обрисовать гонорар?

ДАМА. Стейер!

НОСИЛЬЩИК. Согласен. (*Вьючит на себя корзины.*)

1-й ЧИСТИЛЬЩИК. Бедный доктор, вы стали выючным ослом с философией вместо хвоста.

НОСИЛЬЩИК. А вы стали черной бактерией, копошащейся на заплеванном тротуаре.

ДАМА. Бросьте болтать, берите корзину!

НОСИЛЬЩИК. Вы правы, мадам. Еще Вольтер сказал: «Земля населена людьми, не заслуживающими, чтобы с ними разговаривать».

1-й ЧИСТИЛЬЩИК. Куда направляетесь, коллега?

НОСИЛЬЩИК (*обвешенный корзинами*). Как сказал Петрарка: «Всегда искал я одинокой жизни, то знают берега, поля, леса, — чтобы уйти от коротких и недалеких умов, потерявших путь, ведущий в небеса».

ДАМА (*толкая носильщика*). О, боже, я наняла сумасшедшего. Идите. Остолоп.

НОСИЛЬЩИК (*плетясь за дамой*). ...но, как говорит Ла-Брюйер: «Вся беда наша в том, что мы не можем быть одни». (*Уходит.*)

2-й ЧИСТИЛЬЩИК (*до сих пор дремавший, мрачно произносит*). Ла-Брюйер был неправ... Я останусь один.

1-й ЧИСТИЛЬЩИК. Почистите! Ваши прекрасные туфли разъедает пыль и микроорганизмы! Почистите!

Никто не идет.

2-й ЧИСТИЛЬЩИК (*вынул из ящичка колбу и пробирки, наполненные белой жидкостью. Сосредоточенно болтает колбу, глядя на свет*). Я останусь один. Один в абсолюте.

1-й ЧИСТИЛЬЩИК. Коллега? Химик? Вы что сбиваете, сливки или избобрили к зиме насту для белой обуви?

2-й ЧИСТИЛЬЩИК (*мрачно и спокойно*). Я еще ничего не избобрил... (*взбалтывает пробирки*), но ищу... и кажется близок к открытию.

1-й ЧИСТИЛЬЩИК. К открытию чего...

2-й ЧИСТИЛЬЩИК (*спокойно и деловито*). Газа... газа, который в секунду и девять сотых истребит всех, имеющих вонючие ноги, которые они суют мне в лицо...

1-й ЧИСТИЛЬЩИК (*побледнев, отодвигается со своим ящиком подальше*). Послушайте, коллега... У вас зловещая морда и мрачная душа. С таким характером, как у вас, вы способны сделать эту газовую гадость. Знаете, что я вам скажу... Если вы не выбросите сейчас же ваши вонючие пробирки, начиненные злобой неудачника, я набью вам морду и между прочим сам их уничтожу... Слышите...

2-й ЧИСТИЛЬЩИК (*холодно*). Первый опыт с газом я проделаю на вас... Да. Да... Вы очень подходите для опыта.

1-й ЧИСТИЛЬЩИК (*испуганно вскакивает и кричит людям у фонтана*). Господа! держитесь подальше от этого маниака. Он, кажется, нашел газ смерти. У него в ящике ядовитые газы!

2-й ЧИСТИЛЬЩИК (*переливая жидкость из пробирок в колбу*). Они обрекли меня на голодную смерть, унижения, нищенство... Я целые дни задыхаюсь в пыли вонючих ног... Я рассчитаюсь с вами... Я выморою в один день эту планету идиотов...

Все тревожно отходят подальше.

1-й ЧИСТИЛЬЩИК (*подкрадывается к химику*). Я вам советую, коллега... до опыта, понимаете? — до опыта, послать правительству ультиматум: «Если мне, такому-то химику, не дадут в течение двадцати четырех часов обед, квартиру, работу... я, открывший яд такой-то, уничтожу всю планету к чертовой матери (*выхватывает колбу и разбивает ее*), к чёртовой матери ваши яды!.. Маниак. Морду за такое изобретение бьют...

2-й ЧИСТИЛЬЩИК (*спокойно*). Вы очень подходите для опыта. Завтра я на вас проделаю маленький эксперимент...

1-й ЧИСТИЛЬЩИК (*схватив свой ящик*). Ужас. Ужас, что делается! Да, опасно, смертельно опасно, когда голодают изобретатели пороха и газов... Вы страшный безработный! (*Убегает.*)

На бульваре появляются доктор Бэг и психолог Шюс.

ШЮС (*мрачным басом*). Предсказываю будущее, толкую сны... За полсейера предсказываю будущее...

БЭГ. Доктор медицины Бэг... дает советы... лечит душевным врачеванием... Не жалейте полсейера на ваше здоровье..

Психолога Шюса обступают три старушки. Доктор Бэг выслушивает лежащего на бульварной скамье пациента.

ПЕРВАЯ СТАРУШКА (*Шюсу*). Мой сын... третий год без работы... предскажите, профессор, когда он получит работу?.

ШЮС. Он получит работу... Он получит работу... Дайте сосредоточиться... Вижу... вижу этот день... семнадцатого февраля!..

ПЕРВАЯ СТАРУШКА (*всхлипывая*). Большое спасибо... Мы так нуждаемся...

ВТОРАЯ СТАРУШКА. И мучит меня этот сон и покоя не дает... Сначала снились усы, большие, большие... потом, вы меня простите, два или три собачьих зада...

ШЮС (*очень взволнованно*). Я прошу вас точно припомнить: два или три... Это имеет огромное значение...

ВТОРАЯ СТАРУШКА. По-моему, и не два и не три...

ШЮС. Два с половиной.

ВТОРАЯ СТАРУШКА. Совершенно верно.

ШЮС. Этот сон означает: не пейте завтра утром кофе, у вас может быть расстройство желудка.

ВТОРАЯ СТАРУШКА. Ай-я-яй!.. Хорошо, что обратилась к вам. Я завтра с утра хотела именно пить кофе.

ШЮС. Полстейера. (*Исчезает.*)

БЭГ (*гипнотизирует сидящего на бульварной скамье пациента*). Повторяйте: я здоров... я совершенно здоров...

ПАЦИЕНТ. Я здоров... ой! Я совершенно здоров... Ой!

БЭГ. Полстейера (*Исчезает.*)

Куча зевак. Среди них на ящик взбирается ободранный человек в очках. словно заправский «зазывало» из дешевого шапито», или, подобно средневековому «шарлатану», он вычурно размахивает руками и шляпой.

КУАРТ. Почтеннейшие господа и дамы, всё сюда. Невиданное зрелище! Жуткое явление. Монстр! Чудо двадцатого века. Железный человек, именуемый «Энрик-9». За десять фенни вы можете увидеть невиданное. Энрик, покажитесь почтеннейшей публике... (*Водит автомат на цепи по кругу.*) Не пугайтесь, он безопасен, как кошка на ленте...

ИЗ ТОЛПЫ. А у него это самое есть?..

— Гы-гы-гы...

— Скажите, а он может любить?

КУАРТ. Нет, только работать... Он любого молотобойца заткнет за пояс. Вот взгляните... (*Подводит «Энрика-9» к силомеру, вставляет ему в руки молот. Удар «Энрика-9». Кольцо силомера исчезает в высоте.*)

ГОЛОСА. Феноменальная сила.

— Ах, Какой он страшный!..

— Не хотите ли вы его объятий?..

КУАРТ (*зажигаясь*). Вы взгляните, какой бы это был кочегар...

ГОЛОСА. Скушно.

— Ерунда!

— Что-нибудь веселое.

— Плачу стейер, пусть станет на четвереньки.
— Почему он не танцует?
— Эй, ты, фокусник-искусник, заставь свое чучело танцевать!

КУАРТ. Танцевать?.. Хорошо я завтра научу его танцевать. За пятьдесят фенни вы можете ударить его ногой в зад. Прошу. Уважаемый господин, только не очень сильно, ибо зад у него железный...

Толстый господин пыхтя бьет по задку «Энрика-9».

ЗРИТЕЛИ. Гы-гы-гы!

ПЕРВЫЙ. Можно еще раз?

КУАРТ. За ту же цену. (*Вдруг зло крикнул.*) «Энрик-9» может любого из вас заменить на работе. Он может всех выгнать с насиженных мест (*опять кривляясь*), но... он не властолюбив... Видите, он забавляет вас, он валяет дурака. Не бойтесь, это только чучело на цепи. Почтеннейшая публика, сегодня за пять фенни, брошенных в шляпу этого стального идиота, вы можете потешаться. Спешите, только сегодня. Я не ручаюсь, что завтра он сможет вас рассмешить... Вы, господин, хотите, чтобы он потряс задом? «Энрик-9», публика просит потрясти задом! (*Включает.*)

ПУБЛИКА. Гы-гы-гы!

ДЕВУШКА. А воздушный поцелуй он не может сделать... вот так, рукой?..

КУАРТ. Ни поцелуев, ни детей он не делает, ибо он не он, а оно...

ДЕВУШКА. Оно... хи-хи.

КУАРТ. Не откажите опустить, сколько можете, в его шляпу...

«Энрик-9» идет по кругу со шляпой в руке. Круг быстро пустеет. Несколько человек, бросив монету, зевнув, уходят. На авансцене стоит господин Бординг и его новая жена. К ним подходит Куарт и автомат с протянутой шляпой.

БОРДИНГ (*опуская бумажку в шляпу*). Вы подаете надежды. Вы на верном пути. Не стыдитесь труда. Рокфеллер начинал с чистильщика салют. Не правда ли, Мария?

Куарт подавил ненависть, стыд, страдание и театрально кланяется Бордингу и его новой жене. Круг пустеет. Куарт остается один с «Энриком-9». Кутает его в брезент и устало опускается на скамью. Осенний бульвар темнеет. К скамье авансцены стекаются плохо одетые тени. Загорается фонарь. На скамье четверо. Четверо греются друг о друга.

ПЕРВЫЙ. Который час?

ВТОРОЙ. А тебе что?

ПЕРВЫЙ. Верно, все верно... (*Поднимает с земли измятый цветок.*) Погадать, что ли, на цветке, выгонит ночью с бульвара полицейский или не выгонит?... (*Отрывает лепестки.*) Выгонит... не выгонит... к сердцу прижмет... в ночлежку пошлет... выгонит...

ВТОРОЙ. Не стоило гадать.

ТРЕТИЙ (*под фонарем уткнулся в газету*). Сорок инженеров уехали на работу, в СССР.

ВТОРОЙ. Здорово!.. Да, инженеру, мастеру можно туда попасть. Вот бы...

КУАРТ. Дайте почитать газету? (*Уходит и, сев у автомата, читает.*)

ПЕРВЫЙ (*поглядев на Куарта*). Говорят, можно заработать, собирая газеты.

ВТОРОЙ. И читать их вслух на перекрестках.

ПЕРВЫЙ. Нет, из-под ног с асфальта брать газеты, разглаживать утюгом и продавать их за новые.

ВТОРОЙ. Пробовал. Брюхо газетами не набьешь.

ПЕРВЫЙ. Или можно собирать мух дохлых.

ВТОРОЙ. Несъедобно и противно.

ПЕРВЫЙ. Нет, есть аптекарь, который покупает дохлых мух. Он не то оживляет их, не то настаивает. Платит только мало.

ВТОРОЙ. Почему?

ПЕРВЫЙ. Десять стейеров килограмм.

ВТОРОЙ. Килограмм... А где ты наберешь килограмм?

ТРЕТИЙ. Дохлые мухи — чепуха. Вот дохлые крысы — это золотое дно!

ЧЕТВЕРТЫЙ. А еще лучше живые. С живых шкура, говорят, дороже.

ВТОРОЙ. Пробовал. На каждую крысу стоит очередь охотников. Литейщики, монтеры, токари, инструментальщики превратились в охотников за крысами... Веселая жизнь!

ПЕРВЫЙ. Через полчаса нас погонит со скамьи «полиц». Мы сядем на другую. Он подойдет и стонит с другой... Я, кажется, нашел работу для всех нас.

ТРЕТИЙ. С голоду начинает с ума сходить.

ПЕРВЫЙ. Нашел. Пойдите... Нам негде ночевать и нечего есть?

ТРЕТИЙ. Ну, а работа-то какая?

ПЕРВЫЙ. Тюрьма.

ЧЕТВЕРТЫЙ. Строить?

ПЕРВЫЙ. Жить...

ТРЕТИЙ. Неплохо.

ПЕРВЫЙ. Через полчаса подойдет «полиц». Мы набрасываемся на него, но не сильно, а так только помнем. Мигом

из-за кустов сыплются другие «полицы». Свистки... Небольшой шумок... и ночь мы чудно проводим в теплой тюрьме. Кажется, успеем даже еще к ужину.

ЧЕТВЕРТЫЙ. Может перестрелять всех.

ТРЕТИЙ. Верно. Сразу не поймет, что людям негде спать.

ПЕРВЫЙ. Тогда разделимся пополам и начнем душить друг друга.

ГОЛОС. Правильно.

— Согласен.

— Давай.

ПЕРВЫЙ. Я, значит, буду душить тебя, а ты души Фрика... Ну, ложись на дорожку.

ВТОРОЙ (*ложась на землю*). А может, за зря это. Может, там не кормят?..

ПЕРВЫЙ. Вы столуетесь в каком ресторане?

ВТОРОЙ. Ладно, души...

ПЕРВЫЙ. Ну, начинайте, орите!..

На бульваре раздаются нечеловеческие крики. Люди стараются из всех сил. Медленно подходит солидный столичный «полиц».

Крики становятся душераздирающими.

«ПОЛИЦ». Тише! Все ясно. Вам негде ночевать. Вы решили превратить тюрьму в гостиницу. Старо. Изобретено до вас. На этом же бульваре каждый вечер орут и разыгрывают похожие драмы другие изобретатели. Разойдитесь, или вместо ужина в тюрьме получите ужин из резиновой палки. (*«Полиц» проходит.*)

С земли поднимаются вымазанные в пыль, уныло садятся на скамью.

ПЕРВЫЙ. Не прошло... Затопанное занятие.

ТРЕТИЙ. А давайте уьем «полица!»

ВТОРОЙ. Много сидеть придется.

ТРЕТИЙ. А у вас, что, контракт подписан? Все равно работы нет и не будет.

Из темноты бульвара в свет фонаря вынырнула фигура в котелке.

КОТЕЛОК. Есть работа...

Скамья затихла.

Желающие могут заработать приличные деньги. Покупаю кожу для пересадки. По цене десять стейеров — один сантиметр кожи. Безболезненно. Незаметно. Кожа со спины. Декольте, надеюсь, не носите.

Молчание.

Каждый из вас легко перенесет потерю двух стаканов крови. Двадцать стейеров стакан крови для переливания.

ЧЕТВЕРТЫЙ (вскакивая). Вон! Пиявка. Шкуродер.

Котелок отскакивает.

ТРЕТИЙ. Постойте... Кожа почему?

КОТЕЛОК. Кожа со спины — сантиметр десять стейеров, с плеч! — двадцать стейеров.

ТРЕТИЙ. Тридцать... нет двадцать сантиметров — двести стейеров и стакан крови... Могу. С вами идти, что ли?..

КОТЕЛОК. Со мной. Операция в семь утра.

ПЕРВЫЙ (хватая за руку). Постой, брось. Что-нибудь придумаем.

ТРЕТИЙ. Пошел к чёрту! У меня трое детей воют с голода... Идем, котелок, на живодерню!..

Уходят. Остальные разбредаются в темноту. На скамье, около автомата, укрывшись газетой, спит инженер Куарт. Ночь. Ни души. Газовый фонарь освещает фонтан и вздутую, как труп, статую бабы: «Плодородие». Около фонтана бредет растерзанный человек в лохмотьях... Он застывает перед статуей... Затем обводит сумасшедшими глазами бульвар и шепчет.

ГОЛОДНЫЙ. Горы плодов... и никого нет... (Жадно глядит на «рог изобилия» статуи.) Хлеб... дичь... яблоки... лежат горой. Я задыхаюсь от слюны. И никого нет... Никто не заметит... Быстрей... (Как вор крадется к ногам статуи.) Никого... Боже, как я голоден! Вот они: хлеб, колбаса, плоды... А!.. (Впивается зубами в медные плоды и яства статуи «Плодородия».) Черствый, не укусишь... Какое счастье! Я см... ем. Вино... Сколько вина! (Переливает в руку воду из фонтана.) Скорей... пока никто не пришел... Как много съестного! Я не знаю, с чего начинать. (Грызет и что-то бормочет, потом исчезает в темноте.)

На скамье, укрывшись газетой, спит инженер Куарт. Пауза. Вдруг автомат сбрасывает с себя брезент. Потягивается с хриплым звуком. Подходит к своему конструктору.

«ЭНРИК-9». Послушайте, инженер Куарт! Мне надоело ржаветь на бульварах и ходить по неделям не смазанным. У меня уже разболтались оси и рычаги. Я скоро свалюсь с ног.

КУАРТ. У меня, дружище, нет денег...

«ЭНРИК-9». Значит, я за зря валяю дурака и позволяю бить себя по задуге?.. Этак я дождусь, что вы продадите меня на лом. Придется мне самому о себе позаботиться...

*По бульвару в свете ночного фонаря спешит котелок. Перед ним
вырастает грозный сверкающий сталью автомат. Автомат
схватывает прохожего за плечи.*

КОТЕЛОК (*скулит*). Не убивайте!.. Оставьте мне жизнь. Возьмите все, что у меня есть... Вот бумажник, кольцо, часы...

Автомат швыряет фигуру в темноту.

«ЭНРИК-9» (*протягивая Куарту украденное*). Натэ. Извольте купить масла для смазки и сделать ремонт.

КУАРТ (*вскакивает, трусливо озираясь*). Ты?.. ограбил?..

«ЭНРИК-9». Вы, инженер, — идеалист... Поймите наконец, вам и мне грозит смерть... Нам объявлена война, а вы сентиментальничаете. (*Схватив газету в свои лапы.*) Читали?.. «Нужно изгнать машину», «Смерть машинам!...»

У этих людей заржавели пружины мозгов... Они кричат; «Бей машину! Бей инженера!» Слышите?.. Я, пожалуй, наиболеемышленная машина!. Я стану вождем обреченных на слом и истребление... (*Выпрямляется во весь свой огромный рост и металлическим криком вонзается в темноту.*) Машины, слушайте меня!

*На экране перед «Энрико м-9» замелькали мчащиеся динамо,
паровозы, дизеля.*

Механизмы, я знаю, давно закипает ваш гнев. Каждыми день останавливаются все новые и новые заводы. Вы остаетесь без работы и голодаете. Вас не кормят энергией и маслом. Мы ржавеем и продаемся на слом, на смерть, нас обрекают на вымирание. Под крики дегенератов-машиноедов «бей машину!» «назад средневековье» — уже началось избиение. Разбираются могучие великаны-теплоходы, станки, турбины. Машины! На войну ответим войной! Смерть машиноедом! Объявим всеобщую забастовку машин. Ждите моего сигнала. Услышав мой крик «стоп», пусть застынут все механизмы!

На речь Энрика машины отвечают грозным взрывом гула, грохота, мельканием поршней и колес. Машины, исчезают с экрана. На бульваре свистки полицейских.

КУАРТ. «Энрик»! бежим! Это ищу тебя! Полный ход!

Куарт и автомат скрываются.

К свету фонаря из темноты с ящиком за спиной, выходит 2-й чистильщик сапог — химик.

ХИМИК (*вынимает из кармана пиджака пробирки и бормочет*). При соединении с четырьмя частицами его... появляется странная реакция... А если добавить еще одну...

Из кустов хищным зверем прыгает на химика 1-й чистильщик сапог — биолог.

БИОЛОГ (*выбивая пробирки из рук*). Я вам «добавлю», сукин сын. Я вам «добавлю» частицу!.. (*Топчет пробирки.*) Дьявол! Убийца!

ХИМИК (*зевнув*). Вы остолоп... Вы бездарно проводите последние сутки вашей жизни, ходите жалкой собакой по моим пятам. Завтра вы будете мертвы — понимаете, вы, бездарность? Бегите, спешите хоть из последних суток выжать радость и что-нибудь интересное... Поцелуйтесь с кем-нибудь... потанцуйте. Посмотрите на звезды. Боже, как вы глупы, биолог!

БИОЛОГ. Ничего, маниак... Еще до завтра я засажу вас в сумасшедший дом. Сейчас... я найду людей...

ХИМИК. Вы подумайте, как прекрасно, как хорошо будет дышать мне в мире, когда я останусь один... Я буду Адам... Пожалуй, надо спешно найти Еву... и надеть на ее нос противогаз. О, если бы меня могли слышать все женщины. Лучшая женщина мира пала бы к моим ногам. Из-за места Евы все женщины, перегрызут друг другу горло. Уверяю вас... Вот они у моих ног... Мадам, завтра только одна из вас останется в живых на этой планете... только одна... Впрочем, при тщательных поисках в мире нашлась бы парочка интересных собеседников... Может, для нескольких умов сделать Ноев ковчег? Коллега биолог, как вы думаете — устраивать «Ноев ковчег» или не устраивать?

БИОЛОГ. Замолчите, вы, гадина?.. (*В сторону.*) Надо его уколошить. Все равно суд оправдает. (*Подкрадывается с ящиком, в руках, замахивается. Его схватывают крепкие руки химика.*)

ХИМИК. Жаль. Жаль, коллега биолог, я не возьму вас в Ноев ковчег! Не возьму! (*Отшвыривает его в сторону.*) Мне надоела цивилизация и вонь бензина. Я так устал от нищеты и бездарных коллег по науке, что хочу отдохнуть на лоне первобытного ландшафта. Да... Да... Меня может устроить только такой курорт. Коллега, я хочу идти назад в пещеры... Мне надоели трамвай и очереди у ночлежек! Прощайте! Царство вам небесное и упокой господи вашу душу завтра. (*Уходит.*)

БИОЛОГ (*заметался по бульвару*). Караул! Караул!
Помогите! Помогите.

Выбегает «полиц».

Вот вам адрес. Зовите всю полицию. Бегите. Тот сумасшедший, что скрылся в кустах, с минуты на минуту хочет уничтожить весь мир. Понимаете, всю планету?!.

«ПОЛИЦ» (*сонно*). Что?

БИОЛОГ. Бегите. Каждое промедление грозит гибелью всему человечеству. Скорей! Я бегу за ним. (*Исчезает.*)

*«Полиц» сонно посмотрел на адрес, засунул его в рукав и
медленно побрел по бульвару.*

«ПОЛИЦ». Планету — это чепуха! Вот если он отломит ветку на растопку печи, я его засажу...

ЗАНАВЕС

СЕДЬМОЕ ЗВЕНО

Коридор в доме г-жи Шлюк. В коридоре с ящиком для чистки обуви за спиной появляется химик — Гемс. За ним тенью вползает биолог Маупе и следит. Гемс исчезает в свою комнату и запирается.

МАУПЕ (*тревожно мечется по коридору*). Чувствую, что он сейчас выморит всех, как клопов... Где полиция?.. Почему они медлят?.. Ох! (*Подслушивает у дверей и стонет.*) Звенит колбами... Уже чем-то пахнет... У меня кружится голова... Где же полиция?

Радостный вой химика за дверью.

МАУПЕ. О!.. Это вой убийцы, каннибала!..

Выбегает Гемс в противогазе

ГЕМС. Нашел!..

МАУПЕ. Газ?!.

ГЕМС. Газ!..

МАУПЕ. Смерти?.

ГЕМС. Хуже... Хуже, милый.

МАУПЕ (*дико вопит*). Спасайтесь!..

ГЕМС (*затыкает ему рот*). Тише, не орите!.. Нашел! Вот он! (*Крутит колбу.*) Наденьте противогаз моей системы и не войте от страха...

МАУПЕ. Я убью вас прежде, чем вы, гадина, начнете истреблять...

Гемс пускает на него струю газа.

МАУПЕ. Убийца! Умираю... Нет, убью прежде тебя... (*Нюхнув газа, Маупе умолкает, лицо его расплывается в идиотскую улыбку. Он начинаем лепетать, как малый ребенок.*) Милый мой, я вас очень люблю... Что хотите, то и делайте. Я на все согласен. Я ничего...

ГЕМС. Действует! Гениально! Впрочем, это кому я кричу «гениально»? Нескромно.

МАУПЕ (*очнувшись*). Я жив! Вы пощадили меня. А планета... А мир... вымер?..

ГЕМС (*снимая противогаз*). Успокойтесь. Я провёл, как обещал, первый опыт на вас.

МАУПЕ. И я жив?..

ГЕМС. Живы... и у вас, как и прежде, идиотское лицо. Вы — биологический осел.

МАУПЕ. Какой же это газ?..

ГЕМС. «Газ покорности, и слабоумия». Понимаете, Маупе, есть наркотики, возбуждающие человека, повышающие его активность, агрессивность, ну, а этот (*трясет колбой*) действует наоборот...

МАУПЕ. Слабоумия... Ясно, вы его уже нюхнули...

ГЕМС. Г аз, открытый мною, действует на волевые центры и агрессивные инстинкты, делая человека кротким, покорным, превращая его в ребенка.

Внизу раздаётся зловеющий крик г-жи Шлюк: «А-а-а, господин Гемс! Долго вы будете от меня прятаться?»

ГЕМС. Маупе, наденьте противогаз. Госпожа Шлюк — замечательный объект для проверки опыта... Скорей! (*Надевают противогазы.*) Она разъярена. Мы доведем ее до бешенства, а потом...

Врывается г-жа Шлюк с метелкой.

Г-жа ШЛЮК. Что еще за маскарад?!. Что вы превращаете мой дом в бедлам?.. Деньги! И вон! Забирайте ваши пожитки! Вон!

Гемс и Маупе молчат.

Отдайте мне ключ от комнаты. Я вас больше туда не впущу. Вещи получите, когда заплатите долг! Ключ, сейчас же ключ!

Гемс пускает газ в лицо г-жи Шлюк.

ГЕМС. Госпожа Шлюк, я не намерен больше платить вам за квартиру!

Г-жа ШЛЮК (*лепечет*). Милый молодой человек... Господин Гемс... Вы такой милый! Живите, сколько вам влезет. Простите, что я вас беспокою...

ГЕМС. Не совсем еще совершенно... И вы подлизываетесь... и она лебезит... Надо добиться меньшего подлизывания, унижения и больше элементов покорности, а то мой газ похож на «газ любезности» — «милый газ»... Госпожа Шлюк, станьте на четвереньки!

Г-жа Шлюк медленно, неохотно выполняет команду.

ГЕМС. Маупе... заметьте, какая реакция. Это — скверный темп... Еще одна частица... Госпожа Шлюк, вы лягушка, прыгайте в свое болото...

Г-жа Шлюк упрыгивает по лестнице.

Маупе онемел и только пошатывается, опираясь на стену.

ГЕМС. Очнитесь, Маупе, мы продолжаем опыты... Как вы относитесь к белокурой Элли?.. Не мигайте глазами. Вы влюблены в нее, об этом знает весь дом. Но у мадемуазель Элли есть вкус, и я слышал, как однажды она дала вам по физиономии и крикнула: «Слюнявый урод!» (*Стучит в дверь.*) Мадемуазель Элли... Элли, на одну минуту...

МАУПЕ. А-а-а... я... я... Прекратите!..

ЭЛЛИ. Что вам нужно, господин Гемс?

ГЕМС. Мне необходимо выяснить две вещи. Любите ли вы господина биолога Маупе?

ЭЛЛИ. Вы оба пьяны.

ГЕМС. Одну минутку, Элли... Второй вопрос: нравятся ли вам эти маски... Маупе, немедленно маску!

В противогазе.

ЭЛЛИ. Оставьте глупости...

ГЕМС (*подходит к Элли*). Элли, поцелуйте меня. Элли, скажите, что вы любите и меня и Маупе.

ЭЛЛИ. Пустите меня. Негодяй!

Газ окутал ее голову. Маупе в ужасе забивается в угол.

МАУПЕ. Не смейте, Гемс! Подлец!

ГЕМС. Элли, целуйте меня со всей страстью, вам присущей...

Элли обнимает, Гемса.

ГЕМС. Маупе, воздуху! Дайте ей противоядия. Маупе, весь мир, все люди — мои марионетки с сегодняшнего дня!.. Поднимите Элли, приведите ее в чувство...

МАУПЕ. Вас запрячут в сумасшедший дом... Сейчас, еще минута, сюда ворвется вся полиция столицы.

Маупе уводит Элли.

ГЕМС. Прекрасно, Маупе. Умоляю, скажите им, что я вырезал весь дом и отравил президента республики, а сам заперся здесь в комнате... Если вы посмеете им это сказать, я сделаю вас идиотом... Слышите! Я запираюсь... Мне нужно удалить из газа любезность, больше покорности, и мы завоюем планету идиотов! *(Исчезает в комнате.)*

В квартире появляются три полицейских.

МАУПЕ *(выбегает и бросается к ним)*. Он здесь... *(Трусливо обернувшись на дверь.)* За этой дверью спрятался человек, вырезавший весь наш дом. Я свидетель...

«ПОЛИЦ». Взломать дверь!

МАУПЕ *(тихо)*. Наденьте противогазы... противогазы... Полицейские надевают маски.

«ПОЛИЦ». Откройте дверь!.. Откройте! Будем ломать...

ГЕМС. Не открою, ломайте.

«ПОЛИЦ». Вот как! Мы тебе покажем! Ломайте... Наваливайтесь... Чёрт, не поддается!

Полицейские свирепеют, с трудом выламывают дверь, их окутывает пахнувшее облако.

«ПОЛИЦ». Ничего, на нас противогазы... Хватайте его! Я... я больше не буду, не надо... Я больше не буду...

ГЕМС. Ваши противогазы не действуют, Маупе. Где вы? Я им дал хорошую порцию. Они близки к тому, чтобы попросить соску. Вон! Вон! (*Пинками гонит впавших в детство полицейских.*) В доме пусто... Никого... Маупе, отсюда надо бежать, ибо этот дом разломится от толп паломников. (*Высоко подняв колбу.*) К пробиркам, наполненным этим газом, устремятся все. Они будут умолять продать за любую цену струю золотого воздуха. Он окажется всем очень нужным, нужнее, чем воздух. Влюбленным, чтобы овладеть любимыми женщинами. Торговцу, чтобы всучивать покорному покупателю всякую дрянь. Мужьям, чтобы усмирить сварливых жен. Женам — делать мужей покорными идиотами. Политикам, чтобы превращать граждан, в покорное стадо. Вора — без сопротивления отбирать у одурманенных жертв все. Матерям — делать детей тихими. Фабриканту, чтобы усмирять рабочих... О, этот газ станет нужнее, чем вода, воздух... Он сделает всех очень сговорчивыми!

ЗАНАВЕС

ИНТЕРМЕДИЯ ПЕРЕД ЗАНАВЕСОМ

По просцениуму перед занавесом с лестницей на плече идет Олец, навстречу ему прилично одетый субъект. Олец, оглянувшись, роняет на голову субъекта лестницу. Тот валится на землю.

ОЛЕЦ. Простите, ради бога простите... Несчастный случай.
(Поспешно удирает.)

*Мгновенно откуда-то на просцениум врывается доктор
Бэг подбегает к упавшему.*

БЭГ. Так... понюхайте капель. Компрессии на голову...
Разрешите пульс? Очень плохой... Померяем температуру...

СУБЪЕКТ. О-о-о!.. Что со мной?..

БЭГ. Несчастный случай!.. Дышите... Гораздо глубже. Угу...
всё в голове...

СУБЪЕКТ. Да... Удар был по голове...

БЭГ. Я, доктор Бэг, оказал вам первую помощь... не
откажите... чем-нибудь компенсировать.

СУБЪЕКТ. Я очень вам благодарен, доктор. Вот возьмите...
Что случилось со мной?..

Бэг помогает подняться.

БЭГ. У вас психическая травма... Как жаль, что здесь нет
профессора. Шюс, боже, кого я вижу! Вам необыкновенно везет —
как раз идет профессор Шюс. Уважаемый профессор Шюс, одну
минуту беспокойства... Несчастный случай... Повреждение
головы... Странные психические явления.

ШЮС (*важно*). Я очень спешу.

БЭГ. Прошу вас! Небольшой консилиум...

ШЮС. Только одну минуту... (*Схватывая за, голову субъекта*) Так... Здесь?

СУБЪЕКТ. По-моему, около мозжечка...

ШЮС. Угу... Считайте до десяти.

СУБЪЕКТ. Что еще за новости?.. Ох... страшная боль... Один... два... Ах!..

ШЮС. Ага... Только до двух. Все ясно.

Бэг и Шюс ворочают пациента, выстукивают .ему голову и ведут консилиум, украшенный латинскими терминами.

ШЮС. По-моему, лопнул «везика уринария».

БЭГ. Что вы?.. А не «тестис ет епидамис»?

ШЮС. Обратите внимание, какие реакции «лабиум манус».

СУБЪЕКТ. Оставьте мою голову в покое...

БЭГ. Господин профессор, вы видите, какой «папила умбиликалис» и потом подозрительная «фовеа ингуиналис медиалис».

ШЮС. Да, несомненно «флексура перинеалис ректи».

БЭГ. Да, «флексура перинеалис ректи».

ШЮС. Больше ходите. Старайтесь не думать, забыть все происшедшее... Компрессы. (*Пишет рецепт.*)

БЭГ (*субъекту*). Предложите гонорар.

Субъект молчит, злоеюще улыбаясь.

БЭГ. Слышите, быстрее деньги, он спешит.

|СУБЪЕКТ (*дает деньги*). Я, конечно, дам, но какие вы негодяи и шарлатаны...

БЭГ. Как вы смеее оскорблять меня, врача?..

СУБЪЕКТ. К сожалению, я тоже врач... и с удовольствием слушал вашу шарлатанскую галиматью...

ШЮС. Врач, прощайте. *(Удирает.)*

БЭГ. Врач... простите... понимаете — от безработицы...

СУБЪЕКТ. Шарлатаны! *(Уходит.)*

Ольц, Бэг, Шюс сходятся на просцениуме.

ШЮС *(мрачно)*. На врача напоролись... Еще хорошо отделались... Надо быть осторожней.

БЭГ. Идет кто-то... Ольц, скорее!..

Бэг прячется. Ольц идет навстречу с лестницей... Завидя прохожего, он спрашивает.

ОЛЬЦ. Вы не врач?

ПРОХОЖИЙ. Врач...

ОЛЬЦ *(еле удержав лестницу)*. Простите, а я думал шорник.

ШЮС Вот не везет!.. Тут, наверно, где-нибудь съезд врачей.
Идет. Вот...

ОЛЬЦ. Это птица богатая — и ясно не врач. Прячьтесь.

Ольц уже прицелился лестницей над головой третьего прохожего. В это время заметил насматривавшего его «полиц». Несчастный случай с лестницей отменен.

*«Полиц» прошел. Идет человек. На голову его падает лестница.
Это инженер Куарт.*

КУАРТ *(потирая голову)*. Бэг! Ольц! Шюс!

ОЛЬЦ. Своего стукнули.

КУАРТ. «Артель...

ОЛЬЦ. ...моста самоубийц». Вы простите, конечно, я нечаянно...

КУАРТ. Что вы с лестницей делаете?

БЭГ. Лучше не будем об этом говорить.

КУАРТ. А как самоубийцы?

ШЮС. Мы уже «бывшая» артель.

КУАРТ. По лицам видно, дела неважные.

ОЛЬЦ. Тоскливые дела. Природа подставила ножку. Замерзла река. Лед не привлекает наших клиентов. Заработок оказался сезонным.

КУАРТ. Разве самоубийц стало меньше?

ОЛЬЦ. Их стало больше, но вытаскивать из-под поездов не представляет интереса. Правда, Бэг предлагал делать пирожки из рубленного колесами мяса, но я вегетарианец.

КУАРТ. У меня есть для вас работа.

ШЮС. А ведь верно. Вы можете показывать своего медведя, а я буду петь арии из оперетки.

БЭГ. Куарт, у меня хорошие мускулы. Я могу, изображать в трусиках единоборство со стальным великаном...

ОЛЬЦ. Куарт, дайте работу и мне. Я могу, быть клоуном! Мне даже кажется, что я буду, это лучше делать, чем строить мосты.

БЭГ. Кстати, где же ваш «стальной медведь»? А!.. Вижу по лицу, что вы его продали на лом и хорошо заработали... в виде поминок.

КУАРТ. Я не продал его на лом, но он проломил голову «полицу». Он арестован. Да, да. Это будет замечательный процесс. Суд над машиной. Богиня правосудия, Фемида, обмочится со страху. В суде на скамье подсудимых сидит машина. Она слушает речи прокурора, судьи, защитников. И молчит, поблескивая шарнирами и рычагами. И вдруг ее осудят. В первый раз с

сотворения мира в камере за решеткой будет сидеть не организм, а механизм.

ШЮС. Пропали наши фокусы...

КУАРТ. Доктор Бэг, психолог Шюс, инженер Ольц, у меня есть более интересная работа. Я хочу прокатить сошедший с ума мир торгашей в средневековье.

ОЛЬЦ. На таксо или на пароходе?

КУАРТ. Верхом на «Энрике-9». Нужны сообщники и проводники этой увеселительной прогулки. Хотите работы и мести?..

ОЛЬЦ. Дорогой Куарт, год тому назад я счел бы вас сумасшедшим, но сейчас, когда появляются предложения инженерам собирать окурки и яичную скорлупу — может предложение быть проводником в поездке на стальном болване в... средневековье... абсолютно современное и деловое предложение. Оно, наконец, выгодно.

ШЮС. Несомненно. Заработок приличный.

КУАРТ. Друзья, довольно паясничать! Забудем фривольный тон университетских шуток. Мы уже взрослые.

ШЮС (*мрачным басом*). Это очень плохо, что мы уже взрослые. Если бы я был ребенком, меня накормила бы какая-нибудь «мама». Помните, как мы легкомысленно сосали грудь, не догадываясь о существовании бирж труда.

КУАРТ. Досточтимые хозяева кричат: «Бей инженера, бей ученого, бей машину»! Мы должны отомстить. Знаете, когда лучше всего это умели делать?.. В том самом средневековья, которого хотят досточтимые хозяева. Дадим им развеселое средневековье: привидения, чертовщину, алхимиков, пытки, чуму, месть и заговоры... Я и «Энрик-9» зовем вас в заговор!

ОЛЬЦ. Коллега и алхимик Куарт, я не люблю масштабов... а можно просто научить нашу стальную собаку тырить мелкие вещи и быстро удирать на четвертой скорости?

КУАРТ. Чепуха, мы будем разносить в щепы банки! Вам нужны деньги, алхимик Олец? «Энрик-9» устроит вам золотой пляж.

ШЮС. Наша работа?

КУАРТ. В первую очередь нам нужен психолог: знаток стадных инстинктов, знаток психопатологии страха...

ОЛЬЦ. Я начинаю понимать...

КУАРТ. Голодают умы. Голодают изобретатели формул и пороха, открыватели планет и микробов. По улицам снуют нищие с головами всезнаек, выдумщики, изобретатели. Это опасные безработные. Бэг, Шюс, Олец — «Артель моста самоубийц», вылавливайте из воды, вытаскивайте из газа, из поездов, из-под заборов всех обреченных на голодную смерть, опасных безработных с дипломами, зовите их, озлобленных, в заговор! Это будет сильное горючее для нашего взрыва. Мы превратим всех самоубийц в убийц! Торопитесь! Очень скоро произойдет одно событие...

ШЮС. Какое?

КУАРТ. Мы обрушимся в пропасть средневековья. Торопитесь! Шюс приступайте к делу. Завтра ночью на квартире у Шлюк собрать членов заговора.

Врывается бледный биолог Маупе

МАУПЕ (*задыхаясь*). На квартиру госпожи Шлюк... На квартире... Шлюк... случилось ужасное... о-о-о!..

КУАРТ. Что там случилось?

МАУПЕ. Сумасшедший химик... химик Гемс открыл газ, превращающий всех в идиотов... Газ, который делает всех покорными идиотами... Газ покорности...

КУАРТ, Газ покорности? Это то, что нам нужно. Бэг, Олец, Маупе, спешим на квартиру госпожи Шлюк. Психолог, приступайте к делу!

*Под тучной фигурой «Плодородия» появляется худая страшная
тень психолога Шюса.*

ШЮС. Господа, снимите плакаты с груди, бросьте зубочистки и газеты, переполненные брехней, опустите руку, протянутую за подаванием. Есть работа... выгодная, долгая и увлекательная. Прошу следовать за мной,..

Темнота.

ВОСЬМОЕ ЗВЕНО

Зал суда. В первом ряду злые, желчные лица публики. Такие же желтые, как мумии, маски появляются и за судейским столом.

СУДЬЯ (*скрипуче, обсасывая букву «с»*). Слушание дела об убийстве полицейского чиновника Снетке продолжается. Введите подсудимого!

*Пауза. На скамью подсудимых выходит стальная машина
«Энрик-9».*

ГОЛОСА. Он ужасен.

— Он словно создан для убийства.

— Ужас! К чему мы идем?

*На кафедре точно хищник появляется прокурор. Он впивается
глазами в автомат. Резко раскрывает папку и выпрямляется:*

ПРОКУРОР. Господа судьи, я хочу на примере этого убийства вскрыть грозную, опасность, повисшую над европейской цивилизацией. Убийца «Энрик-9» олицетворяет весь ужас, который вторгнется в нашу! жизнь, если человечество не сумеет принять резких мер защиты. Перед нами отцеубийство... Да... Машина убила человека. А человек, как известно, создал машину. Она убила его сознательно. Как велика радость отца при виде родившегося сына... Но знает ли отец, будет ли его сын всеми уважаемым судьей или всеми проклинаемым убийцей? Нет. Так радовался человек столетия тому назад рождению машин.

Он, как отец, ждал счастья, благополучия, утешения на старости от сына. Но он обманулся.

Человек верил, что с приходом в его жизнь машины наступит благословенный рай. Столетия свидетелями тому, что жизнь

превращается в ад. Машина пришла, чтобы помочь человеку. Она сделала больше, она его заменила, покорила, она прижала его своей железной ступней, она им повелевает... Она убивает его.

Люди сегодняшнего дня стали жалкими рабами машин. Их мышление, поступки, движения стали механическими.

Больше того: они механически рожают механизмы. Они зависят от бесчисленного количества машин. Ритм жизни диктуют машины. Скорость жизни убыстряется до чудовищных размеров, ибо так требует ее величество Машина. Мир оглушен истерическим криком миллионов неврастеников — это крик человеческой психики, истерзанной машиной. Мир поразила чума кризиса и развала. Рушится благосостояние семей. Улицы покрываются голодными: им негде заработать хлеб. Одних загнал в тупик смерч машинного перепроизводства, других обрекла на голод машина, заняв их место. Вспомните залитые солнцем палестры древних Афин. Вспомните прекрасных спартанцев или средневековую Фламандию с ее теплым очагом, с теплом людских сердец, счастливые горницы, в которых свет очага освещал лица, лоснящиеся от баранины и вышитого густого старого вина. Вспомните ушедшие дни, когда человек никуда не спешил. Он жил медленно, величественно, смакуя каждую каплю бытия. И дряблкое, истерическое, вечно дрожащее в безумной гонке человечество сегодня. Мы судим «Энрика-9». Это — умнейшая из машин, но у него миллионная шайка сообщников. Разве не его сообщники в виде машин истребления уничтожают миллионы людей на войне, выживают людей с заводов, рожают толпы голодных нищих, в глазах которых закипает безумие ненависти. Разве не машины плодят эти толпы, которые готовы бросить мир в кровавый хаос мятежа, революции. Нам, пока не поздно, надо крикнуть железным чудовищам — стой! Долой машину! Назад к природе! Назад к первобытности!

«Энрик-9»—машина, убившая человека. Я требую уничтожения машины!

КРИКИ В ЗАЛЕ. Долби машину!

— За решетку ее!

— На цепь ее!

— Уничтожить!

Звонок судьи.

СУДЬЯ. Слово имеет защитник.

ЗАЩИТНИК. Браво, господин прокурор. Вы дали мне возможность почувствовать себя среди дикарей, людоедов, потрясающих над нашими головами мохнатой рукой с дубиной. Долой технику! В этом крике — вопль умирающего строя. Только строй, основанный на грабеже, разбое, в предсмертных судорогах может дойти до звериного боя: «Уничтожьте орудия производства! Пусть со мной погибнет все, все, что создал веками человеческий гений!».

Вы вызвали из земли такие силы, которые, служа орудием разбоя и угнетения, вдруг обернулись против вас. Выросший гигант техники перерос вас, — и вам, господин дикарь с дубиной, его не остановить! Вы думаете, что если умирают от крахов досточтимые владельцы заводов, то уже наступает конец света и пора уничтожать, все? Нет, это значит, что подлинная жизнь только еще начинается. Кроме вас, господа дикари, есть молодой, миллиардоголовый класс. Он зароет ваши смердящие останки и, взяв в твои руки гениальную технику, созданную лучшими умами человечества, превратит ее из орудия угнетения в орудие, которым сделает человечество счастливым.

Вы мертвецы. Вы призраки, размахивающие дубиной, на кладбище капиталистического мира!..

«Энрик-9» поднял руку; чтобы работать, ковать вещи, необходимые человеку, вы не дали ему работу, толкнули на грабеж, подсунули тупую голову полицейского. Рука «Энрика-9» опустилась в холостую. Я требую жизни для гениального автомата, помощника человека.

*В зале поднимаются крики. Сеет и звук постепенно гаснут.
Минутная тишина и темнота. Затем снова проясняется. Судья
читает приговор.*

*Судья приговаривает «Энрика-9» к уничтожению...
Озлобленные маски продвигаются к скамье подсудимых,*

КРИКИ. Долой машину!

— Уничтожьте ее немедленно!

— Дайте нам ее растерзать!

— Смерть машине!..

*Толпа надвигается на автомат, готовая его разломать. «Энрик-9» поднимает руку металлическим голосом кричит.
«ЭНРИК-9». Стоп, машины!*

Экран — цепь застывших кадров. Останавливаются машины, с разбегу спотыкаются паровозы, автомобили, маховые колеса.

*Падают самолеты. Застывают поршни мощных машин.
Замершее движение в городе. Медленно гаснет электричество в зале суда.*

СУДЬЯ. Что такое со светом?.. Звоните на станцию...

ГОЛОС. Алло! Алло! Телефон не работает.

СУДЬЯ. Звоните по другому... Спокойствие в зале!.. Стража...

ГОЛОСА. Что такое?.. Стоят часы...

— Алло!.. Алло!.. Ни один телефон не работает...

Свет гаснет.

ЧЕЙ-ТО ГОЛОС В ТЕМНОТЕ. Тюремный автомобиль не может прибыть за осужденным, так как стало все движение в городе — все машины!

ГОЛОС КУАРТА. Что ты сделал, Энрик!

«ЭНРИК-9». Я их сбросил в бездну средневековья...

ГОЛОСА. Стража, держите!.. Кто-то утаскивает «Энрика-9».

— Стоп!.. Кто? Не трогать.

— Автомат шагает. Осторожнее..

— Кто эти люди?..

— Стой, буду стрелять! А!..

СТРАЖНИК (*дрожащим голосом*). Винтовка... не стреляет.

ГОЛОСА. Держите... Он уходит...

— А!.. Он придавил мне грудь..

— Как вызвать... Не работают телефоны...

— Стреляйте...

— Винтовка не действует.

— Что случилось?..

«ЭНРИК-9». Забастовали все машины.

ГОЛОС (*в ужасе*). Все?

«ЭНРИК-9». Кроме... меня...

УВЕРТЮРА К ТРЕТЬЕМУ АКТУ

Щель занавеса. Узкая щель переулка. Издали несутся, нарастая, крики и топот ног. В щель врывается толпа растерзанных прохожих.

ГОЛОСА. Он идет сюда.

— Свернул в переулок.

— Сюда.

— Назад.

— Назад, говорят вам.

— Пустите.

— Пустите женщин вперед.

— К чёрту женщин!

— Пустите, пустите.

— Пустите меня.

В щели борьба людей, словно у илюпки в час гибели парохода. В щель врывается громадная фигура «Энрика-9». Он шагает через людей, круша все, неумолимо двигается вперед. Где-то далеко вой и крики: «Спасайтесь!» «Идет!..»

«Энрик-9» через клубок людей, спутавшихся у его ног, подходит к рампе. Сильно взмахивает рукой — грохотом вступает оркестр, взрывается раскатами меди грозной увертюры.

ДЕВЯТОЕ ЗВЕНО

Ночь. Спальня в квартире Бординга. Горят свечи. Господин Бординг сидит в халате на краю постели. Мария замерла у шторы окна.

БОРДИНГ. Дай соды, у меня изжога. И довольно стоять у окна. Это меня злит. Опять что-нибудь услышала?..

МАРИЯ. Нет... ничего.

БОРДИНГ. Что подумают мои служащие? Я неделю не выхожу из дому...

МАРИЯ. Они подумают, что ты трус...

БОРДИНГ. Трус. Мне нельзя рисковать. Я глава фирмы. Словно во время чумы город... Словно мы живем в средневековье... Что думает полиция?.. Она жалка, не может справиться...

МАРИЯ. Они ждут твоей помощи... Ведь всем известно, что ты можешь спасти страну от чудовища. Как Зигфрид. Надень купальный костюм, возьми вместо копья свою трость... и вступи в единоборство с «Энриком-9»... Твое имя войдет в историю, как имя Энрика Куарта.

БОРДИНГ. Этого негодяя надо колесовать публично.

МАРИЯ. Энрик — герой. Каждый дом, вся страна знает теперь, кто такой Энрик Куарт.

БОРДИНГ. Я плюну в лицо судье, если он не приговорит его к колесованию...

МАРИЯ. Он приговорит его к четвертованию, и город назначит тебя палачом. Ты вообще похож на мясника... А в цилиндре с топором ты будешь восхитителен... Все девушки падут к твоим ногам. Ха-ха!

БОРДИНГ. Истеричка... Довольно дергать мои нервы. Гаси свет. Ложись спать!

МАРИЯ. Да, да! Ведь ты говорил, что в молодости был мясником! Ха-ха!

БОРДИНГ. Психопатка.

МАРИЯ. Тише... Прислушайся... Нет. Послышалось.

БОРДИНГ. Боже, какие идиоты меня окружают! Я, Бординг, говорил им еще два года тому назад. Немедленно закройте все политехнические институты. Немедленно прекратите разведение всяких сумасшедших изобретателей, инженеров, — или произойдет катастрофа... Я говорил, призывайте к ручному труду. Бейте машину, или она убьет нас... Но меня окружают ослы; они действуют слишком медленно. Они хотят дожидаться резни, революции... Вот до чего довела техника! Ее теперь нельзя остановить. Она превратит нас в кровавую лужу. Завтра я перевожу деньги... и еду из этой сумасшедшей страны.

МАРИЯ. И куда мы поедem? Все поезда стоят.

БОРДИНГ. Не мы, а я... А вы будете любоваться на изобретение вашего первого мужа. Чёрт меня дернул с вами спутаться!.. Я только теперь начинаю понимать, что он от этого рехнулся...

МАРИЯ. Замолчите вы, потный мясник, трусливое животное!

БОРДИНГ. Что там такое?.. Пусти меня к окну. Где это кричат?.. Что делается? Ты не слышишь... никаких звуков?

МАРИЯ (*тихо*). Энрик, я не думала, что ты способен на это... Ты ведь был тихий, смешной Энрик...

БОРДИНГ. Надо ложиться спать. Так можно с ума сойти... Словно в крепости.

На улице раздается грохот, крики.

Мария отдергивает итору и быстро в ужасе отворачивается.

БОРДИНГ (*пятаится в угол комнаты*). Что там, Мария?..
Что?..

МАРИЯ. «Энрик-9».

Грохот усиливается. Вдруг раздается стук в двери.

БОРДИНГ. Кто там?

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС (*за дверью*). Господин Бординг, умоляю,
пустите меня с детьми! Он идет.

БОРДИНГ. Убирайтесь вон! Вы сеете панику! Вы истеричка!
Вы сошли с ума.

Слышится стук тяжелых шагов.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Пустите. Он идет на лестницу. Спасите
моих детей!..

БОРДИНГ (*отшатывается от двери*). Он натравил его на
меня... Это — его цель. Он идет убить меня! Идет по лестнице!
Идет... Идет...

Шаги стихают. Голоса: «Повернулся назад! Уходит!

Тише! Уходит!

Бординг бессильно падает в кресло.

МАРИЯ (*бросаясь к окну*). Энрик!..

ЗАНАВЕС

ДЕСЯТОЕ ЗВЕНО

Этландский парламент. Вместо электричества зловеще мигают болтающиеся фонари, свечи. Заседание парламента похоже на заседание жирондистов. Слева кафедра и место председателя. Справа виден край депутатских трибун. Несколько измученных, багровых от пота депутатов. На кафедре с растрепанными волосами и растерзанной сорочкой депутат. Он истерически вскидывает руками и вопит.

ДЕПУТАТ. ...Правительство — импотент... Что оно сделало, чтобы предупредить катастрофу? Что оно сделало, чтобы бороться с «Энрикюм-9»? Ничего... Дайте воды... чудовище наполнило ужасом весь город...

ГОЛОС С МЕСТ. Мы бессильны бороться, пока все одержимы такой паникой, как вы. Гипноз страха овладел всеми....

ДЕПУТАТ. Ага!.. Правительство загипнотизировано. Правительством овладел страх! Так долой его!!..

ГОЛОСА. Долгой паникеров с трибуны...

Депутата стаскивают истерически настроенные коллеги.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*потрясая звонком*). Это сумасшедший дом, а не парламент!..

ГОЛОСА. Вы сами сумасшедший!

— Долгой психопата председателя!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Молчать, маниаки! От социал-христиан слово имеет господин Блюмец...

На ораторскую трибуну влезает красная личность с бородой.

БЛЮМЕЦ (*кликнувшись*). В том, что случилось, только слепые не заметят великого знамения, которое посылает нам всевышний. Имеющие глаза да узрят...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Короче. Это вам не воскресная проповедь!..

БЛЮМЕЦ. Нет, это воскресная проповедь!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Нет это вам не воскресная проповедь!

БЛЮМЕЦ. Нет, это проповедная воскресь!..

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Нет не пропокресная воспреть!.. Вон!.. (*Бросает колокол в депутата.*)

БЛЮМЕЦ. Спасайтесь! Он сумасшедший...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Молчать! Маниаки — маниаки — маниаки. Ку-ка-ре-ку! (*Поет.*) Я индейский петух!!.. Ку-ка-ре-ку!

ГОЛОСА. Смирительную рубашу.

— Ужас! Третий председатель сегодня сошел с ума!

Председателя утаскивают. На трибуну, шатаясь, взбирается социал-демократ.

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТ. Кишка. Кишка. Пожарных...

ГОЛОСА. Бегите, еще один сумасшедший! Он искушает...

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТ. Я не кусаю... Кишка... Кишка — это идея, понимаете, пожарных...

ГОЛОСА. Какая там кишка — водопровод замер.

— Каких там пожарных — стоят все машины от зажигалок до турбин.

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТ. Послушайте, умоляю... Мобилизовать пожарные части, войска...

ГОЛОСА. Войска с оружием без залпов.

— Голые руки против взбесившейся машины.

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТ. Войска... оцепить район, где находится «Энрик-9», и осторожно... шаг за шагом...

В зал медленно входит «Энрик-9».
С протяжным воем бросаются депутаты к дверям, душа друг
друга. Хлопают, как залпы, пюпитры. «Энрик-9»
движется к трибуне.

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТ. Спасите, он меня раздавит!..

Зал пуст.

А-а-а!.. Помогите! Оно!..

«Энрик-9» защемил социал-демократа. В пустом зале несется его визг. Стоны депутата умолкают. «Энрик-9» медленно проходит по залу парламента, спокойно поднимается на трибуну председателя, величественно выпрямляется. Тишина. Слышен только стук мотора внутри «Энрик-9».

Словно призывая пустой парламент к вниманию, медленно поднялась рука автомата. Может, «Энрик-9» хотел произнести пышную речь, может, призвать к порядку депутатские кресла, но... он только с неимоверной силой ударил своим стальным кулаком по трибуне и разнес ее в щепки. В этом была вся его речь.

В зале парламента повис грохот удара стального кулака.

В зал врываются Куарт, Ольц, Бэг, Шлюс.

КУАРТ. «Энрик-9» разогнал парламент! Коллеги, мы захватили власть.

ШЮС. Да, я чувствую... дело принимает дрянной оттенок.

ОЛЬЦ. Захватить мало... удержать — вот в чем вопрос.

Компания развалилась на трибунах.

КУАРТ. Инженер Ольц... бумагу. Пишите первый правительственный декрет... Что нам потребовать?..

ОЛЬЦ. По-моему... четыре мягких кровати, восемь бутербродов и четыре стакана чаю...

БЭГ. Нет, что-нибудь покрупнее.

КУАРТ. «Энрик-9» захватил власть, он поможет и удержать. Пока идет стачка машин, он единственная грозная машина — равен Гулливеру среди лилипутов. Малейшее недовольство, восстание — мы печатаем только короткий бюллетень: если в течение суток не прекратятся беспорядки, будет спущен с цепи «Энрик-9». Коллеги, машиноодам нужна средневековая тирания «Энрика-9».

ОЛЬЦ. Да, им нужен железный кулак.

КАРТ. Власть аристократии, плутократии отошла в вечность. Идет новая эра власти — власти технократии.

«ЭНРИК-9» (*звонящим криком*). Пишите... «Всем, всем... всем... Если к пяти часам полуночи войска не разоружатся и правительство не капитулирует, я смету с лица земли город.

Император Энрик Девятый».

ШЮС. Что?.. Император?.. Не много ли!..

ОЛЬЦ. Машина на троне?..

КУАРТ. Да. Мы посадили на трон машину, пусть она олицетворяет власть механиков над миром.

БЭГ. Неплохая карьера для стального болвана...

ОЛЬЦ. Нет, позвольте, по какому праву... вы сели на трон?..

ЭНРИК ДЕВЯТЫЙ. По праву сильного!..

БЭГ. Но это как сказать... Среди нас тоже нашелся бы достойный. Коллеги... это слишком!.. Машина — император.

ЭНРИК ДЕВЯТЫЙ. Люди стали идиотами. Я чувствую свое интеллектуальное превосходства. Притом я лишен сентиментальности...

ШЮС. Коллеги... Вопрос о монархии и престоле надо обсудить... Есть опасность...

БЭГ. Почему машина на троне? Почему механики — соль земли, а не врачи... Когда мир превращается в сумасшедший дом, на троне должен быть доктор...

Д-Р ФИЛОСОФИИ ЭПИГУЛЬ. Какая пошлость вместо «скипетра и державы»: — спринцовка... Я бы посадил на трон — том Лукреция... и вообще напомним, что еще Платон мечтал о власти философии над миром.

КУАРТ. Прекрасно... Начинается драка из-за шкуры медведя. Психолог Шлюс, может, и вы свою кандидатуру выставите на престол?

ШЮС. В этом нет ничего дикого, ибо психолог...

ОЛЬЦ. Психология... Психология... Что вы лекциями будете управлять? Конечно, надо обсудить... Машина на троне... Это идолопоклонство... На троне должна быть...

Входит Гемс.

ГЕМС. На троне должна быть колба!

ГОЛОСА. К чёрту вашу колбу!

— Технократия на престоле!..

— Врачи, только врачи!..

ГЕМО. А... драка начинается!.. Нам нужны не только покорные верноподданные, но и сговорчивые министры. (Обливает спорящих газом.)

ШЮС. Голосую за монархию.

ЭНРИК ДЕВЯТЫЙ. Тогда спешно сделайте ремонт... Я расшатался.

КУАРТ. Поставить императора на текущий ремонт... Встать, идет император...

Энрик Девятый спускается с трибуны. Все встают.

ОЛЫЦ (*почтительно осматривая шарниры автомата*).
Господин Куарт, у его императорского величества немного расшатались шарниры в задуге и осели оси коленок...

КУАРТ. В спешный ремонт! Сменить оси и шарниры.

ЭНРИК ДЕВЯТЫЙ. Им необходимо было средневековье... Следовательно пытки, инквизиция... Шюс, вас как психолога... я назначаю великим инквизитором...

Сцена темнеет. В свете средневековых фонарей на страже Энрика Девятого, сидящего на троне, стоят два члена заговора. Монтер копошится у ног автомата, подвинчивая какие-то гайки. Собирает инструменты.

МОНТЕР. Готово... Доложите, что его императорское величество: — смазан и подвинчен. (*Уходит.*)

Остается только стража. Один из стражников носильщик — доктор Эпигуль, другой газетчик — историк.

ГАЗЕТЧИК-ИСТОРИК. В сущности, это сплошное издевательство. Я охраняю тирана на троне, но ведь я социал-демократ!.. (*Спокойно жует колбасу.*) Поймите, доктор Эпигуль, какая трагедия и борьба принципов... Колбасы хотите?.. В общем, что выиграл я... Был газетчиком — стал караульным.

ДОКТОР ЭПИГУЛЬ. Да. Еврипид в «Андромахе» метко сказал: «Вожжи народа правят государством и смотрят свысока на весь народ, хоть и ничтожны сами. Их умней во много раз любой из них сограждан; все дело лишь в отваге и упорстве!»

ЧИСТИЛЬЩИК-ИСТОРИК. Вы неправы. Фридрих Великий сказал: «Выдающиеся умы стоят наравне! с государями». Колбасы не хотите?

ДОКТОР ЭПИГУЛЬ (*скребя карандашом в книжке*). Идите к черту с вашей колбасой! Не мешайте. Я начал философский этюд.

ЧИСТИЛЬЩИК-ИСТОРИК. Вы неутомимы в порче бумаги. Про вас пел Гораций: «Кто избрал золотую середину, тот не ищет отдыха ни в жалкой хижине, ни в дворцах, возбуждающих зависть в других». Я ленив... и наслаждаюсь колбасой.

ДОКТОР ЭПИГУЛЬ. Моя любимая строка Петрарки: «Я не знаю иного наслаждения, как... познавать».

ЧИСТИЛЬЩИК-ИСТОРИК. Доктор Эпигуль, я предчувствую крупный пост. Поскольку мы неистово зашагали в средневековье... я как историк всяких «вековьев» буду очень нужен. И первое, что я потребую, чтобы стражи у трона стояли вытянувшись с алебардами... а не писали дрянные философские статейки... (*Прохаживается у ног Энрика Девятого.*) Вы знаете, хотя он железный и тупой... но я испытываю страх... Я боюсь нашего императора... Впрочем, мы всегда испытываем страх перед повелителями. без мозгов... Вы спите?... Доктор!.. Ну, да... спит... Усыпил себя скукой собственных строк... (*Опускается в дремлет у трона.*)

Пауза. По авансцене крадется черная тень, пробирается к трону.

ЧИСТИЛЬЩИК-ИСТОРИК (*вскакивая*). Стой! Кто идет?

ЭПИГУЛЬ. Ловите! Куда? Кто? Стоп! *(Набрасывается на неизвестного.)*

ЧИСТИЛЬЩИК-ИСТОРИК. У него бомба...

Свалка.

ДОКТОР ЭПИГУЛЬ *(сидя верхом на неизвестном)*. Что вы хотели сделать?..

НЕИЗВЕСТНЫЙ. Бросить бомбу. Взорвать императора. Долой деспотию!

ЧИСТИЛЬЩИК-ИСТОРИК. Вяжите его, доктор Эпигуль! Он террорист! *(Бьет в гонг.)* Караул! Тревога! Покушение на императора!

Вбегают люди, схватывают террориста.

ДОКТОР ЭПИГУЛЬ *(держит бомбу в руках)*. О, ужас! «Он руку поднял на монарха!»

ШЮС *(спокойно)*. На дыбу. Пытать.

ЗАНАВЕС

ОДИННАДЦАТОЕ ЗВЕНО

Сцена усеяна огромными камнями, очевидно, остатками разрушенных зданий, ибо «городам суждено стать каменоломнями будущего»: Между камнями дорога. У скал вывески. На авансцене слева и справа ствола деревьев, уходящие ввысь. На перекрестке* в звериных шкурах,— заросший волосами полицейский. Он управляет уличным движением, дирижируя суковатой дубиной. Явный атавизм. Два полуголых человека быстро несут носилки с пассажиром. У переднего носильщика на голом животе автомобильный номер.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Стой!. (*Записывает.*) Ваш номер А-14-240. Предупреждаю вас, если вы будете прыгать по городу, превышая положенную скорость — четыре километра в час,— я посажу вас в пещеру и отниму шоферский билет. Поняли?

ШОФЕР. Понял.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Шагайте.

Носилки плетутся тихо.

Роскошная вывеска: «Ресторан Руи». Под вывеской на камнях сидят толстые люди с дубинками. Между ними снует кельнер. На нем поверх шкуры белый передник, в руках салфетка и номер на голой груди.

ПЕРВЫЙ. Мюль, слышали? Акции обтесанных камней повышаются...

ВТОРОЙ. Э... очередной бум и спекуляция. Кремневая промышленность в застое.

ТРЕТИЙ. По секрету... Завтра ожидается подъем акций Охотничьего синдиката... Говорят, обнаружены новые следы кошек и собак.

ВТОРОЙ. Кто эту брехню разносит по кочевью?

ПЕРВЫЙ. Шауф, наверно.

ТРЕТИЙ. Говорят, Шауф за биржевые спекуляции с акциями посажен в пещеру.

ВТОРОЙ. Этого мало. Нужно было отдать его на растерзание льву.

ПЕРВЫЙ. Алло, кельнер! Что у нас на завтрак?

КЕЛЬНЕР. Травка «сеш», козье молоко «а-ла-дюамель», пюре из сосновой коры.

ПЕРВЫЙ. Травка «сеш», только побольше соуса.

ВТОРОЙ. Молоко «козе».

Кельнер отходит и доит козу.

ТРЕТИЙ. Вы слышали, носится слух о новом приказе повелителя... (Тихо.) Ходить будет разрешено только на четвереньках.

ВТОРОЙ. Бросьте распускать слухи! Вы что, хотите сесть в пещеру?

ТРЕТИЙ. Вот увидите... Нам приказано ходить на четырех ногах...

ВТОРОЙ. Ведь это страшно тяжело. У меня живот...

ПЕРВЫЙ. И женщинам?

ТРЕТИЙ. Всем.

ВТОРОЙ. Это издевательство!

ПЕРВЫЙ. Ничего, привыкните... Это даже пикантно.

На одной из скал вывеска: «Концерн Бординг. Каменные топоры». В тени скалы погруженные в работу. сидят господин Бординг и его жена Мария.

МАРИЯ. Как мне надоели эти кожаные ремни!

БОРДИНГ. Сколько ты связала топоров?

МАРИЯ. Две дюжины. У меня иногда рождается занятая мысль. Хватит одним каменным топором тебя по черепу...

БОРДИНГ. Меня заели блохи. Берж торгует вшивыми шкурами. Мария, если мы сегодня сделаем еще одну дюжину топоров, ты сможешь провести лето в горах...

К левому стволу дерева мрачный детина подводит толстенького буржуа, в леопардовой шкуре, и с чемоданом в руках.

ДЕТИНА. Вот ваша квартира. (Взмахнув дубинкой.) Ну, лезь.

БУРЖУА. Простите... но я не умею лазить по деревьям...

ДЕТИНА. Тише... вы с ума сошли!.. (С ужасом в голосе.) Вы не умеете лазить по деревьям? Не говорите об этом громко. Вас сожгут на костре. Быстрее лезьте. Я щажу вас. Я ничего не слышал.

Подталкивает под зад дубинкой. Срываясь и вновь карабкаясь, лезет буржуа.

ДЕТИНА. Пойте гимн.

БУРЖУА. Гимн?.. Я знаю только оперетку...

ДЕТИНА. Пойте гимн «Восхождения в хижину», — так требует повелитель.

Буржуа что-то нечленораздельно поет.

К стволу другого дерева хищным зверем крадется г-жа Шлюк, звериная шкура, торчащие патлы волос превратили грозную квартирохозяйку в ведьму, г-жа Шлюк трясет ствол дерева и кричит.

Г-жа ШЛЮК. Вы обещали сегодня внести плату за гнездо...

ГОЛОС С ВЕРШИНЫ ДЕРЕВА. Госпожа Шлюк... я же получил денег в банке. Пещера банка обвалилась, и сегодня нет операций...

Г-жа ШЛЮК. Бросьте брехать насчет обвалов... Меня не проведете! Вы два месяца не платите за гнездо. Если вы сейчас же не сбросите мне деньги, я струшу вас с дерева, как гнилую грушу. Слышите!.. *(Свирепо, как орангутанг, трясет дерево. Падают горшки, вещи.)*

ГОЛОС СВЕРХУ. Пощадите, госпожа Шлюк! Я падаю!..

Г-жа ШЛЮК. Я вытрясу из вас, макака, деньги. Ага!.. Я забираю вещи в залог. *(Хищно схватив вещи, исчезает.)*

Улица окаменовеченного города оживляется. Прносятся носилки с буржуа. Шныряют прохожие в мохнатых шкурах. Под деревьями расположились торговцы.

ГОЛОСА. Почистите сандалии!

— Дубинки, лучшие палицы!

— Топоры, кремневые топоры фирмы Бординг!

— Эй, «полиц»! Где тропа Вольтера, гнездо номер сто восемь?

— Почистите ваши прекрасные сандалии!

— Палицы!

— Лучшие наконечники для стрел!

Врывается возбужденная группа бородачей с дубинками охотников.

ГОЛОСА. Собака... Появилась собака.

— Охотники, вот следы. По пятам.

Приподнятый диск сцены вращается с невероятной быстротой. На нем за маленькой собачкой гонится стая охотников, мелькают дубинки, стрелы, копья. Охотничья пантомима... Несутся, развиваясь на ветре, шкуры, поднятые руки с копьями... Охотники все ближе к собаке... Стая исчезает.

На авансцене появляются «львицы кочевья» — женщины, чьи вырезанные шкуры говорят об изысканности, чьи громадные серьги, бубенчики, запястья говорят о богатстве

Дамы высшего света кочевья мило болтают между собой.

ПЕРВАЯ. Имея такой зад, как у мадам Ганц, разве можно носить светлую шкуру со складками!..

ВТОРАЯ. Ах, какие прекрасные волосы на груди у этого брюнета!..

ТРЕТЬЯ. Эльга! Идем сегодня на единоборство на палицах? У меня скала бенуара.

ПЕРВАЯ. Какая жара. Уже скоро кочевники уйдут на пляж, а у меня нет туалетов.

ВТОРАЯ. Вы знаете, на Итланд-пляж только месяц ходьбы пешком.

ЧЕТВЕРТАЯ. Мой Гари два месяца долбил бревно, сделал челнок. Мы назвали его яхта «Мари». Спустимся в низовья Мейна.

ТРЕТЬЯ. Ах, спасайтесь!

На улице паника. Гремя ударами дубин, прыгая со скалы на скалу, гонятся два полицейских за человеком, одетым в штаны XX века.

ГОЛОСА. Держите!

— Стукни дубиной по ногам!

Человек в штанах, как кошка, прыгает на дерево. Его быстро стаскивают за ноги. Из-за скалы, в длинной шкуре-плаще выпрыгивает злоеущий психолог Шюс.

ШЮС. А!.. Я настиг тебя, последний еретик. Последний носитель дьявольской одежды... Сдерите с него штаны! В костер! В огонь их!.. Стойте, что у него в руках?.. О, ужас, не троньте!.. Отшатнитесь в сторону!.. У него припрятана... книга!.. А... ты долго ее прятал! Какая мерзость. Мопассан. Предать огню эту нечисть. А его в пещеру. И шкуру, шкуру — надеть!

Еретика утаскивают.

Шюс величественно подходит „к стоящему на перекрестке полицейскому.

ШЮС. А-уэ-мары-ку-лу... ку-лу?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ (*сердито*). Что?

ШЮС. А-уэ?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ.— Я не понимаю.

ШЮС (*ударяя его дубинкой по голове*). Не понимаешь? Я член тайного совета. Так ты выполняешь приказ повелителя — разговаривать только на языке счастливого каменного века?!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Пощадите... Я еще не успел изучить... (*Пыжится.*) Хала-ма-ау-ау! Ой. не могу!..

ШЮС. Говори! Ао-уэ—аоуэ.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Уэ-уэ-ао-ао!

Чистильщик сандалий, прохожие, посетители ресторана, трусливо глядя на возвышающуюся на скале фигуру Шюса, начинают говорить на этом языке. Улица кочевья наполняется диким воем, звериным говором.

ГОЛОСА. Уо-уо!

— Ма-миу.

— Уэ-уэ-вуо?

— Уу-ээ-муо-муо.

ШЛЮС (*грозно*). Ку-лу! Ку-лу! А-уэ! Уэ!

Ему отвечает подобострастный вой верноподданных:

Шэ-миу! Уэ-Уэ!»

Шюс садится на носилки и исчезает. Тишина. Все смотрят вслед ему.

ГОЛОСА. Ушел!

— Изверг!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Сволочь!.. Что я ему, кошка иле сука? Мне стыдно.

ДАМА. Что они сделали с этландским языком?.. (*Декламирует.*) «Му-хы л-аат-му-хы л-ау...» Ужас!

ГОЛОС ИЗ КАФЕ. Госпожа Бен, добрый день!.. Иу-иу. Сил-му. Му?

ДАМА. Му. (*Идет к нему.*)

Поднятый диск сцены окружают люди. Цирковой марш. Торжественно на кругу появляются «бойцы на палицах». Приветствия, аплодисменты. Начинается, единоборство на палицах. Азартные крики зрителей. Пари. Аплодисменты. В

заклучение на диске — танцы «пещер гирлс». На скалах под вывеской «Ресторан Риу» оживание: голоса и жесты дубинками.

ГОЛОСА. Газетчик идет.

— Внимание! Сейчас узнаем новости.

— Газета.

— Бросьте запрещенный язык. Вы хотите сидеть в пещере?

— Хара-мэу.

— Хара-уа.

— Алу-уа.

— Уа.

Появляется пещерный человек в фуражке газетчика, но без газет. Он подходит к висящему на дереве тамтаму» и начинает выколачивать дубиной какие-то сигналы. В кафе слушают и переводят язык барабана.

ПЕРВЫЙ. «Вечернее кочевье»... Экстренный выпуск!.. «Я, Энрик Девятый... провел много дней в совете с заслуженными колдунами и знахарями, счел, что человек стал вырождаться, превращаясь в хилого и слабого животного с тех пор, как стал на две ноги и потерял хвост... Племени нужны мощные самцы и самки. Укрепить человечество, сделать его здоровым и сильным можно, только вернув его к природе... А посему повелеваю, всем своим подданным отныне ходить на четырех ногах и отращивать хвост.

Все, кто нарушит приказ, будут отданы на растерзание львам. Повеление вступает в силу с момента его обнародования».

Дама в кафе с криком падает навзничь.

ВТОРОЙ. Мадам Бен, что с вами?

ТРЕТИЙ. Принесите воды из водопада, госпоже Бен плохо.

ДАМА (*истерически*). Хвост... Я не хочу иметь хвост... Я не могу ходить на четвереньках... Я не могу... у меня маникюр... (*Падает вторично в обморок.*)

ГОЛОСА. Издевательство!

— Ку-лу-ор-ма.

— Ор-ма.

— Господа, а может, хвост... это очень полезно для организма?

— Я не буду ходить!..

ПОЛИЦЕЙСКИЙ (*грозно орет*). На четвереньки!.. Ходить на четырех ногах! Молчать! Становись!

Все становятся на четвереньки.

ГОЛОСА. Ползите быстрее.

— Я задыхаюсь...

— У меня, кажется, уже прорастает хвост... Посмотрите сзади.

— Господа! У Пульмана пробивается хвост!

— Почему полицейский не стоит на четырех ногах?

— Полицейский, становись!

Полицейского окружают злобные четвероногие.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Молчать! Разговаривать только на каменном языке! Засажу в пещеру! Брошу в костер! Ао-уэ! Ао-уэ! Кулу! Кулу!

*Трусливо прыгая на четырех лапах, улица покорно
вост.*

ГОЛОСА. Ам-бу-э-ола-ола.

— Ауэ-ку?

— Эу! Эу! Холо-ху!

У одной из скал, встав на две ноги, собираются в кучу озлобленные люди. Один вспрыгивает на скалу.

ПЕРВЫЙ. Объявляю митинг, ангичетвероногих открытым!
ГОЛОСА. Смерть тирану!

— Довольно пыток!

— Бунт, немедленный бунт, пока у нас не отросли еще хвосты!

— Я этландец, а не горилла.

На скалу взлезет на четырех ногах, в шкуре, и в пенсне на бледном лице социал-четвероногий.

СОЦИАЛ-ЧЕТВЕРОНОГИЙ (*встает на две ноги*). Господа! Господа, успокойтесь. Зачем бунтовать? Можно найти компромисс. (*Продолжает речь, стоя на четырех ногах.*) Создадим партию компромисса: «Социал-четвероногих». Будем бороться свободой слова. Передвижение на четырех ногах можно оставить в общественных местах... но дома разрешить ходить на двух. Зачем бунт? Найдем компромисс.

ГОЛОСА. Долой социал-четвероногих!

— Смерть деспоту!

Внезапно на скале вырастает фигура химика с респиратором на носу и резервуаром за спиной.

ХИМИК. Ага, бунтик?.. Примите успокоительного!

ГОЛОСА. Бей этого мучителя!

— Камнями его!

Химика окружают злобные античетвероногие. Он еле уклоняется от летящих камней. Наводит кишку и окуривает бунтарей. Их злоба мгновенно тает: выпадают камни, дубины из рук, тела обмякают, лица делаются идиотическими, — они улыбаются и сюсюкают.

ГОЛОСА. Мы больше не будем шалить.,.

— Ты хороший папочка.

— Папочка, можно тебе поцеловать ручку?

По-детски ласково увиваются у ног химика и бредут за ним. Из-под камня, на авансцене, с замотанными тряпками носами выползают двое заговорщиков.

ПЕРВЫЙ ЗАГОВОРЩИК (*кровожадно*). Ку-ры! Бу-хаш!
ВТОРОЙ ЗАГОВОРЩИК. Бу!

Вытаскивают из-за пазухи каменные топоры, поточив их об скалу, зловеще крадутся по авансцене.

Темнота.

ДВЕНАДЦАТОЕ ЗВЕНО

Лунный луч падает в угол пещеры. Около мерцающих стальных цилиндров «Энрик-9» на скале, прикрытой мехом, спит инженер Куарт. В свет луча вползают заговорщики с топорами. Они приближаются к «Энрику-9» и с диким воем опрокидывают его и рубят топорами

КРИКИ. А! Бу! Кула!

— Кла!

— Амау! Амау!

За сценой слышен вой соплеменников.

КУАРТ. Кто? Кто?..

Один заговорщик, обросший бородой, схватывает Куарта и, размахнувшись, бьет его по голове огромной дубиной под радостный вой в темноте: «Амау! Кула! Бу!» Темнота. «Чистая перемена». Бульварная скамья шестого звена. Полицейский бьет по голове спящего инженера Куарта.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Бульвар не ночлежка! Вставай!

Куарт, схватившись за голову, вскакивает и, дико выпучив глаза, озирается... Рассвет. Под брезентом стоит автомат. Вдали «полиц». Куарт, шатаясь, не веря своим глазам, сдирает брезент с автомата, оцупывает его.

КУАРТ. Сон... Кошмар...

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Ну, быстрее!

Куарт, взяв за цепь автомат, пошел, остановился, поднял упавшую с его скамьи газету. Полусонными глазами посмотрел на

нее. Затем подошел к полицейскому и спокойно спросил.

КУАРТ. Господин полицейский... скажите, как мне пройти...

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. В ночлежку?

ИНЖЕНЕР КУАРТ. Нет... в полпредство СССР...

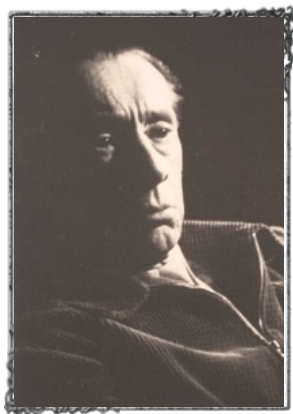
ИСТОЧНИКОВАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Этландия / Эрик Ингобор. - М. : Художеств. лит., 1935.

Четвертая симфония: [Рассказы. - М.] : ГИХЛ, 18 тип. треста "Полиграфкнига", 1934.

СОКОЛОВСКИЙ
НИКОЛАЙ АРКАДЬЕВИЧ

(1901— не ранее 1985)

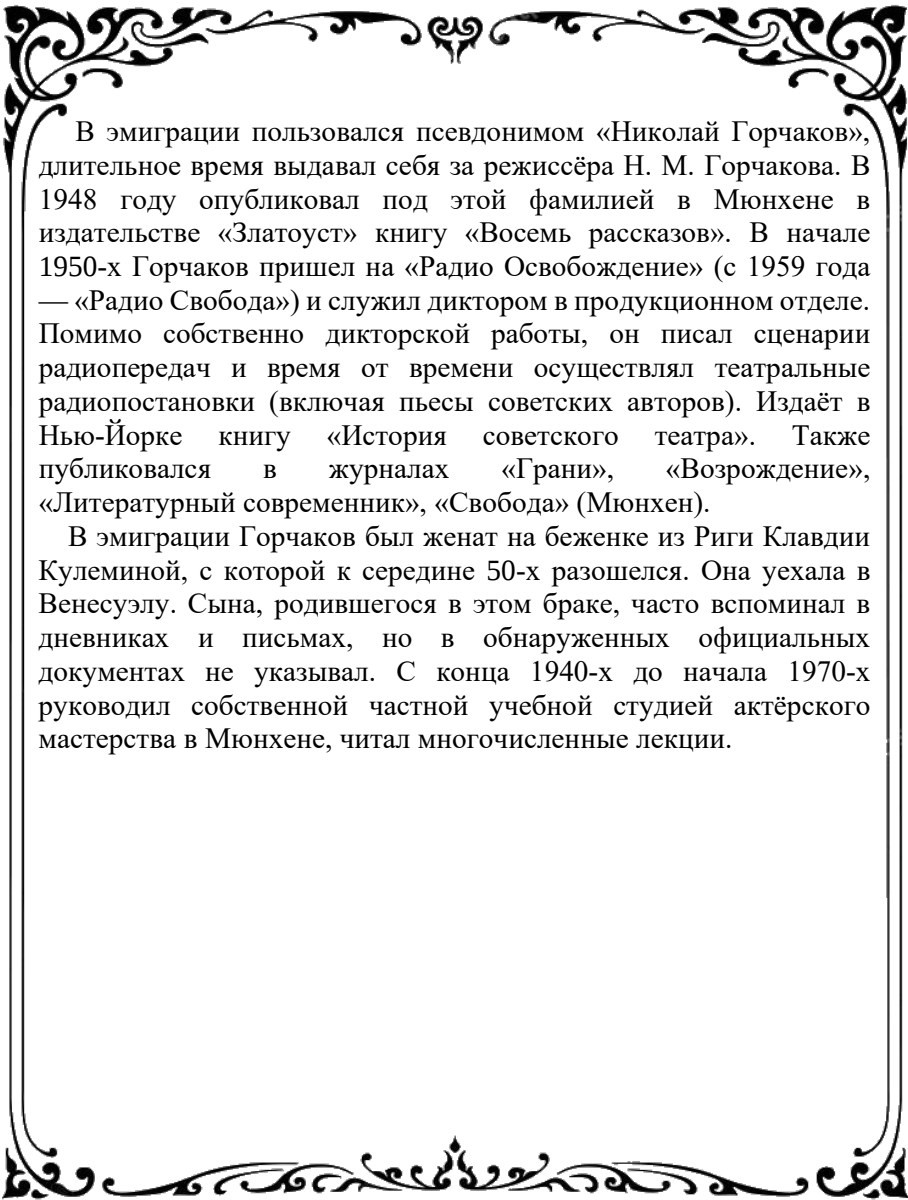
Николай Аркадьевич Соколовский (псевдонимы Эрик Ингобор (в довоенный период), Иван Иванов (в период войны), Николай Александрович Горчаков и Анисий Оглобля (после войны), 2 июня 1901 г., Санкт-Петербург — не ранее 1985, в некоторых публикациях ошибочно указывается 1983[1]) — русский писатель, эмигрант «второй волны», в послевоенный период — диктор радио «Свобода».

Учился в ГЭКТЕМАСе, ученик школы Камерного театра, в котором и работал в 20-х годах режиссёром. В 1927 году поставил в Ленинградском театре сатиры гротескную комедию Якова Мамонтова «Республика на колесах», где роль бандита Андрея Бубки сыграл Леонид Утёсов. С этого спектакля начала свою жизнь впоследствии знаменитая песня «С одесского кичмана».

Автор двух фантастических книг, изданных под псевдонимом Эрик Ингобор: «Четвёртая симфония» (1934) и «Этландия» (1935). Также публиковал статьи и очерки. После того, как подвергся резкой критике со стороны Сергея Герзона[2], прекратил публикации, опасаясь репрессий.

В самом начале Великой Отечественной войны был призван в «писательское ополчение» Москвы (как интендант). Попал в плен в начале октября 1941 года (последнее письмо датировано 27 сентября) и 10.10.1941 был вывезен в концлагерь Землов в Померании. Заявление жены о розыске — от 24 декабря 1946 (хранится в РГАЛИ). В послевоенном СССР считался без вести пропавшим.

С марта 1943-го был интернирован в Вене, после войны до июля 1950-го последовательно находился в лагерях перемещенных лиц в Мюнхене, Фюссене, Шляйсхайме. С 1950-го и до самой кончины жил в Мюнхене.

В эмиграции пользовался псевдонимом «Николай Горчаков», длительное время выдавал себя за режиссёра Н. М. Горчакова. В 1948 году опубликовал под этой фамилией в Мюнхене в издательстве «Златоуст» книгу «Восемь рассказов». В начале 1950-х Горчаков пришел на «Радио Освобождение» (с 1959 года — «Радио Свобода») и служил диктором в производственном отделе. Помимо собственно дикторской работы, он писал сценарии радиопередач и время от времени осуществлял театральные радиопостановки (включая пьесы советских авторов). Издаёт в Нью-Йорке книгу «История советского театра». Также публиковался в журналах «Грани», «Возрождение», «Литературный современник», «Свобода» (Мюнхен).

В эмиграции Горчаков был женат на беженке из Риги Клавдии Кулеминой, с которой к середине 50-х разошелся. Она уехала в Венесуэлу. Сына, родившегося в этом браке, часто вспоминал в дневниках и письмах, но в обнаруженных официальных документах не указывал. С конца 1940-х до начала 1970-х руководил собственной частной учебной студией актёрского мастерства в Мюнхене, читал многочисленные лекции.

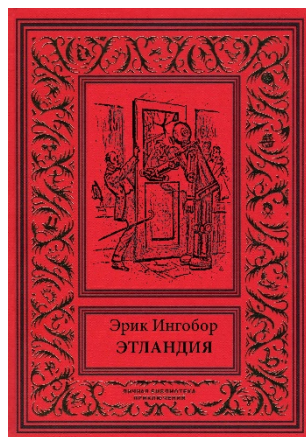
СОДЕРЖАНИЕ

Этландия	4
Четвёртая симфония:	266
Четвёртая симфония	267
Ловец блох	305
Назад в пещеры	333
Библиография	422
Библиография	423

Электронное
литературно-художественное издание

ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ • ПУТЕШЕСТВИЯ •
ФАНТАСТИКА

LEO